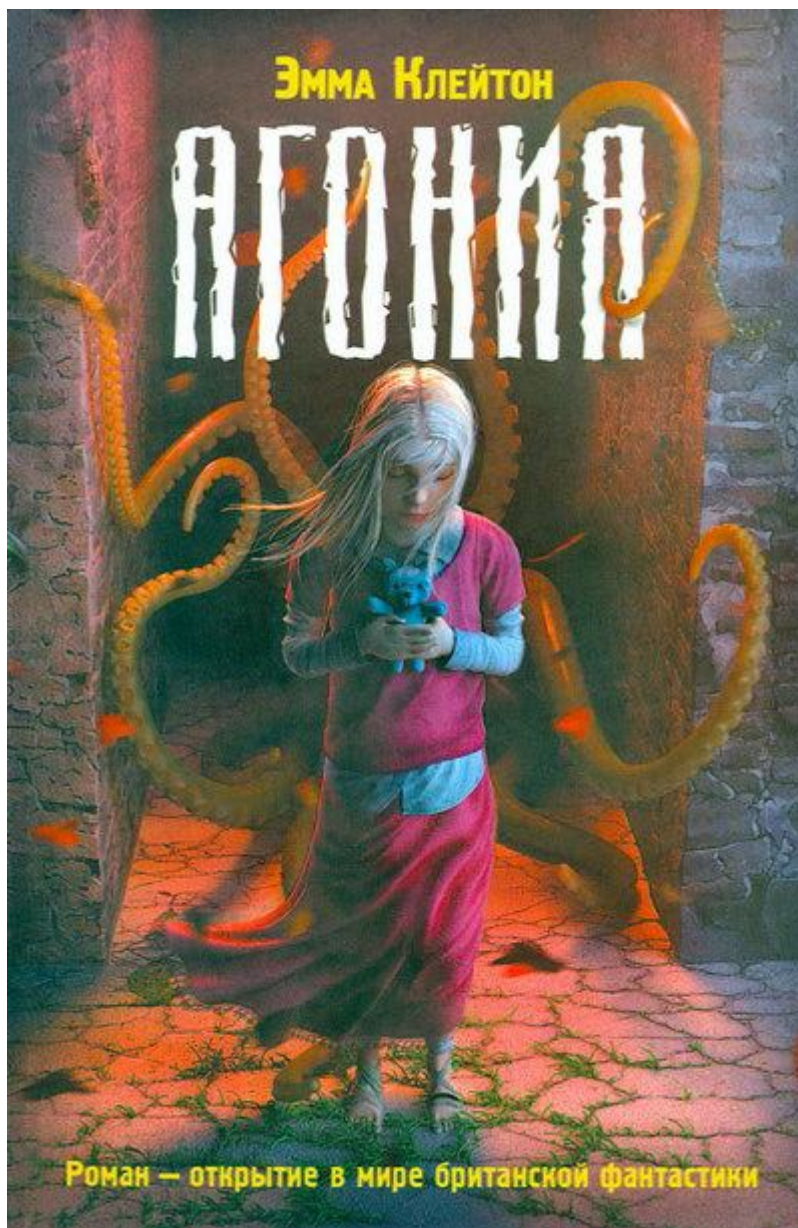

Эмма Клейтон
Агония

- niksi, OCR & ReadCheck - XtraVert <http://oldmaglib.com>
«Эмма Клейтон "Агония"»: АСТ, Астрель-СПб; Москва, СПб; 2010
ISBN 978-5-17-065109-2, 978-5-9725-1708-4

Аннотация

Эмма Клейтон — новое имя в мире современной британской фантастики!

Мрачное будущее, люди жмут в тесных, перенаселенных городах, которые со всех сторон обнесены стеной. Поверх толстой бетонной стены проложена колючая проволока, а к ней подведен ток. Стена защищает людей от животных, потому что животные переносят чуму, от которой уже вымерла половина человечества. А среди тех, кто выжил, все чаще стали рождаться дети, наделенные сверхъестественными способностями. Однажды эти дети начинают один за другим исчезать. Ходят слухи, что кто-то хочет создать из них непобедимую армию мутантов...

«В книге присутствует атмосфера тайны, затронуты важные философские вопросы

и есть концовка-приманка, намекающая на возможное продолжение». — Мара Альнерт, Публичная библиотека Лос-Анджелеса.

Эмма Клейтон «Агония»

Посвящается Джейку и Молли

ГЛАВА 1 Девочка, которая знала секрет

Солнце садилось над Атлантикой. На фоне огненного диска, который, словно кусок расплавленного золота, медленно погружался в океан, промелькнул черный силуэт истребителя. Он напоминал карандашный рисунок, сделанный рукой ребенка на картине с изображением мирного вечернего пейзажа. Солнце и море на мгновение замерли, превратившись в плоскую декорацию. Но Элли не замечала ни раскинувшегося внизу океана, ни оглушительного рева двигателей. Не отрывая взгляда от низкого горизонта, она на бешеной скорости неслась над поверхностью воды; побелевшие от напряжения пальцы крепко сжимали штурвал самолета. Позади на месте стрелка сидела маленькая обезьянка-капуцин. Обезьянку звали Пак, он смешно шевелил бровями, закидывая в рот пригоршни попкорна, и внимательно разглядывал кнопки на панели управления. Пак радовался возможности выбраться из своего привычного жилища, комнаты Элли, и посмотреть на мир, в котором так много интересных вещей. Но он не знал, что для этого им с хозяйкой пришлось совершить самый настоящий побег, и понятия не имел, насколько опасно их путешествие. Зато у Элли не было ни малейших сомнений: как только Мэлу Горману станет известно о побеге, он немедленно бросится в погоню с единственной целью — схватить и уничтожить беглецов.

— Но я не позволю ему сделать это, — прошептала Элли. — К тому же пускай сначала попробует догнать нас.

Они уходили все дальше и дальше на север, последние теплые лучи заходящего солнца постепенно сменялись холодным сумраком ночи. Интересно, думала Элли, родители все еще хранят мою одежду? Когда Мэл Горман похитил ее, он сказал родителям Элли, что их дочь умерла. С тех пор прошло больше года.

«Вряд ли, — с грустью подумала Элли. — Скорее всего, они давно избавились от моих вещей».

Элли даже не была уверена, узнают ли ее родители. Возможно, мама и папа испугаются, увидев ее на пороге. Может быть, открыв дверь, они взглянут на Элли как на незнакомку и скажут, чтобы она убиралась прочь. Мысль о том, что ее ждет в конце путешествия, заставила Элли содрогнуться; холодная волна паники, словно тошнота, подкатила к горлу. Элли невольно прибавила скорость, теперь она неслась так быстро, что не видела вокруг себя ничего, кроме разорванных полос света, отражающихся от поверхности воды. Самолет несся на бешеной скорости, оглушительный рев двигателей словно бритвой вспарывал тишину ночи. На глаза Элли навернулись слезы, она на мгновение зажмурилась. Самолет слегка накренился и коснулся краем крыла пены на вершухе волны — впечатление было такое, как будто машина ударилась о каменную скалу. В первое мгновение Элли решила, что потеряла управление: машина завалилась на левый бок, грозя уйти в штопор и на полном ходу рухнуть в океанскую бездну.

— Проклятие! — сквозь зубы процедила Элли.

Она вцепилась в штурвал, изо всех сил стараясь выровнять самолет. Еще один такой промах — и она распрощается с жизнью. Пора бы понять, что слезами делу не поможешь. Разве не выплакала Элли целое море слез с тех пор, как Мэл Горман похитил ее?! И чего она

этим добилась — абсолютно ничего. Только холодный расчет и решительные действия помогут ей вернуться домой.

Элли сбавила скорость, несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться, и бросила взгляд на панель управления проверить координаты самолета. Затем истребитель с пронзительным ревом, который заглушал грохот бушующих волн, взмыл в клубящееся облаками небо и помчался на север.

— Мы летим домой, — вслух произнесла Элли. — И никто, даже Мэл Горман, не остановит нас.

* * *

Когда Мэла Гормана разбудили, чтобы сообщить о побеге Элли, в Лондоне было три часа утра. Считалось, что Мэл находится в отпуске, за последние полтора года он впервые смог позволить себе отдых. Но вместо того, чтобы наслаждаться покоем в одном из самых дорогих отелей города, он в распахнутом халате и перепутанных шлепанцах — правый на левой ноге, левый — на правой, нервно мерил шагами свой шикарный номер люкс. На висках Мэла угрожающе пульсировали вздувшиеся жилы. Индикатор переговорного устройства, вставленного в его правое ухо, мигал белым светом всякий раз, когда Мэл раздраженным голосом обращался к одному из своих сотрудников:

— Когда это случилось?

— Мы не знаем, сэр, — раздался в наушнике робкий голос, — Похоже, никто не может точно сказать, когда именно она сбежала.

— Что значит не может? — взорвался Горман. Его глубоко посаженные водянистые серые глаза грозили выскочить из орбит. — Чем, черт возьми, вы там занимаетесь? Устроили мальчишник с песнями и плясками?

— Нет, сэр. Она просто... незаметно выскользнула из каюты и сбежала.

— Выскользнула из запертой каюты на космическом корабле?

— Да, сэр, — последовал ответ. — Мы пытались понять, как ей это удалось, но, прежде чем сбежать, девчонка вывела из строя все камеры видеонаблюдения. Кроме того, она ухитрилась заразить вирусом бортовые компьютеры всех наших истребителей, так что мы не смогли немедленно броситься за ней в погоню.

— Невероятно, — воскликнул Горман. — Да вы просто кретины, скопище безмозглых идиотов! Как, скажите на милость, двенадцатилетняя девочка могла обвести вокруг пальца несколько сотен офицеров и сбежать с военной базы, расположенной на околоземной орбите?

— Не знаю, сэр, — промямлил собеседник Гормана. — Но мы подключили к работе наших лучших программистов, они уже восстановили часть компьютеров. Примерно половина самолетов готова к вылету, так что если мы вам понадобится... Мы можем поднять большой грузовой корабль и через десять минут будем в вашем распоряжении. Что ей известно, сэр? — деловитым тоном спросил офицер.

— Все, — с тяжелым вздохом ответил Горман, — Но вряд ли это стало причиной побега. Недавно я сказал девочке, что ее родители думают, будто она умерла. Полагаю, это известие расстроило бедняжку. Обезьяну она тоже прихватила?

— Да, сэр.

— О, нет, — застонал Горман при мысли о том, что случится, если Элли доберется до дома и привезет с собой живую обезьянку-капуцина.

Он почувствовал резкую боль в груди. Горман плюхнулся на кровать и пошарил рукой по тумбочке в поисках таблетки бессмертия с оптимистичным названием «Вечная жизнь». Недавно Горману исполнилось сто восемьдесят лет, и он нуждался в лекарствах.

— Что нам делать дальше, сэр? — спросил офицер.

Мэл Горман на мгновение задумался. Он пробежал своими костлявыми пальцами по голове, покрытой редкими прядями седых грязно-серых волос; его бледная рука, обтянутая

сухой, словно старый пергамент, кожей, напоминала птичью лапу. Горман не хотел убивать Элли. В конце концов, он потратил на ее обучение целый год; к тому же двое других детей, которых Горман похитил одновременно с Элли, умерли. Но главное — Элли ему нравилась. Она была угрюмой и своенравной, но невероятно талантливой; жаль было бы убить ее теперь. Но с другой стороны, если они не смогли уследить за Элли, пока девчонка находилась на «Снежной королеве», закрытой орбитальной станции, то что же будет дальше, когда она окажется на Земле?! Элли знает Секрет, и сейчас она направлялась домой, да еще вместе с живой обезьяной на борту угнанного истребителя. Девчонка опасна, как бомба с запущенным часовым механизмом.

Горман подался вперед и ткнул пальцем в сенсорную панель, расположенную над спинкой кровати. Шелковые портьеры на окнах медленно разъехались в стороны; за огромным во всю стену окном открылся великолепный вид на Лондон, достойный шикар­ного пятизвездочного отеля. Золотые Башни, словно волшебные дворцы, сошедшие со страниц «Тысячи и одной ночи», поблескивали при свете луны, напоминая Горману о прогулке по городу, которую он собирался совершить завтра утром. Мэл Горман печально вздохнул и повернулся спиной к окну.

— По крайней мере нам точно известно, куда она направляется, — сказал он, — В тот захолустный городишко, где живет ее семья, — Барфорд-Норд. Организуйте наблюдение за южным побережьем Англии, пошлите туда наш патруль и привлечите полицию. Скажите им, что она везет с собой животное. Эти brave парни до смерти перепугаются новой Эпидемии, они сломя голову кинутся ловить девчонку и ее обезьяну. Вы должны покончить с обоими, прежде чем наша беглянка успеет добраться до дома и рассказать о своих приключениях.

— Есть, сэр.

— Я имею в виду *уничтожить*, — уточнил Горман. — Покрошить в мелкий винегрет, стереть в порошок, размазать по стенке, закатать в асфальт. Словом, они должны исчезнуть с лица земли. Вы меня хорошо поняли?

— Так точно, сэр.

— И сделайте это как можно быстрее. Я, между прочим, в отпуске и намерен хорошенько отдохнуть. Сообщите мне, как только выйдете на их след.

Горман выдернул из уха переговорник, швырнул его на кровать и разразился отчаянным воплем, призывая своего дворецкого. Явившемуся на зов Ральфу он приказал приготовить чай. Мэл Горман чувствовал, что сегодня ночью ему больше не придется спать и вряд ли удастся насладиться прогулкой по городу завтра утром.

— Глупышка Элли, — пробормотал он вполголоса. — Неужели ты всерьез надеялась, что тебе удастся улизнуть от меня?

* * *

Элли до мельчайших подробностей помнила тот день, когда Мэл Горман похитил ее, и сейчас, когда она возвращалась домой, воспоминания, словно яд, разъедали ей душу. Элли помнила ужин на кухне, и маму в голубом домашнем платье, и своего брата Мику; Элли наорала на него, за то, что Мика растрепал ей волосы. Элли тогда ужасно рассердилась и вылетела из их тесной квартир­ки, даже не попрощавшись. Лифт не работал, она промчалась вниз по лестнице, выскочила из подъезда и зашагала прочь по улице, даже не подозревая, что больше не вернется домой и не увидит ни маму, ни брата.

Темный сырой вечер как нельзя лучше подходил для похищения детей. В небе над Барфорд-Нордом плыли низкие тяжелые облака, через которые почти не проникал лунный свет. Тяжелый влажный туман, пришедший с Темзы, стелился по земле, отчего бетонные дома-башни, в которых ютились тысячи беженцев, казались выросшими из земли надгробиями, словно весь город вдруг превратился в одно гигантское кладбище, пугающее своей зловещей тишиной. На улицах, которые, словно змеи, вились у подножия башен, было пустынно. Элли бежала изо всех сил, ей хотелось как можно скорее оказаться среди своих

друзей. В глубине души Элли понимала, что что-то не так, ей все время казалось, что вокруг нее сгущаются черные тени. Но, когда люди Гормана в масках с прорезями для глаз, словно привидения, вынырнули из темноты, Элли не успела понять, что происходит на самом деле. Сильные руки крепко схватили ее за плечи, игла вонзилась в шею, дальше Элли ничего не помнила. Только что она неслась по улице, прикидывая, хватит ли у нее денег на молочный коктейль, а в следующее мгновение сознание отключилось, и Элли провалилась в темноту. Наверное, примерно так чувствует себя человек, которого настигла внезапная смерть.

Когда Элли пришла в себя, первое, что она почувствовала, — невыносимую головную боль. Голова просто раскалывалась, к горлу подступала тошнота; в течение нескольких минут Элли не могла понять, где она и что с ней происходит. Все вокруг сияло белизной, в воздухе висел какой-то странный запах, отдаленно напоминавший запах средства для чистки туалета. Недоумение Элли можно было сравнить разве что с недоумением человека, который просыпается и обнаруживает, что попал на небеса; однако при этом сам факт того, что он умер, является для него абсолютной новостью. Но Элли не чувствовала страха, лишь удивление. И только после того, как она коснулась ладонью головы и поняла, что у нее нет волос, ее охватил настоящий ужас. Ее прекрасные длинные, густые каштановые волосы исчезли. Шок и возмущение вывели Элли из ступора, она рывком села на кровати, ее темные глаза сверкали от гнева. Элли оглядела себя и поняла, что ее одежда тоже исчезла — вместо джинсов и новеньких кожаных кроссовок на ней были надеты белый комбинезон и отвратительные мокасины, похожие на гольфы с резиновыми подошвами. Элли сдернула мокасины и сердито швырнула их об стену, затем встала и нетвердой походкой подошла к окну. То, что она там увидела, стало для Элли новым шоком, ощущение было таким, словно ее окатили кипятком. Вдалеке Элли увидела Землю, планета светилась мягким голубоватым светом. Издали Земля казалась маленькой, не больше теннисного мячика. Девочка потерла кулаками глаза, но все осталось по-прежнему: в черной бездне висел крошечный земной шар. Элли провела рукой по голове, вместо густой шапки волос пальцы наткнулись на гладкую кожу. Элли в полной растерянности несколько раз обернулась вокруг своей оси, пытаясь сообразить, что же ей делать дальше. Затем Элли взорвалась — она бросилась к двери и принялась изо всех сил молотить по ней кулаком, требуя, чтобы ее немедленно выпустили, вернули одежду и отправили домой на Землю. Но ее стук и грозные вопли остались без ответа. Элли колотила в дверь до тех пор, пока у нее не заболели руки. Затем затихла, легла на кровать и, свернувшись калачиком, замерла, охваченная сомнениями и страхом.

Несколько часов спустя дверь беззвучно отворилась, и в комнату вошел высокий старик в строгом деловом костюме. Он подошел к Элли и опустился на край кровати. Старик был невероятно худым; его тонкая, похожая на пожелтевший пергамент кожа настолько плотно обтягивала череп, что сквозь нее были видны сочленения мышц на его костлявом лице и руках с узловатыми пальцами. Серые водянистые глаза старика смотрели на Элли спокойно и даже слегка улыбались, когда он рассказывал о том, какая она необыкновенная талантливая девочка, и что он выбрал ее среди тысячи других детей. Старик говорил, что Элли должна быть счастлива, потому что он взял ее к себе и сбрил ее длинные темные волосы. Однако, когда старик понял, что Элли не чувствует себя счастливой, поскольку она запустила ему в голову тарелку с едой, его ясные глаза сделались темнее ночи, и эта чернота была намного страшнее и глубже той космической тьмы, что отделяла Элли от ее дома и семьи. Когда же старик сказал, что если она не начнет вести себя прилично, то никогда не увидит родных, Элли задрожала от ужаса.

Целый год Элли вела себя прилично. Она прилежно училась и делала все, что ей велели, в надежде на то, что за примерное поведение ее отпустят домой. Сердце Элли разрывалось от тоски, она мечтала вновь почувствовать ласковые поцелуи мамы и крепкие руки отца; Элли хотелось вновь спать в своей постели в крохотной спальне, которую она делила со своим братом-близнецом Мики. Но в тот день, когда Мэл Горман открыл ей Секрет, Элли поняла, что он не собирается ее отпускать; с таким знанием ей просто не

суждено вернуться домой.

— Я ненавижу тебя, Горман, — сказала Элли. — Лучше бы ты держал на замке свой вонючий рот.

Но некоторые вещи, которым научил ее Горман, оказались очень полезны. Хотя бы для того, чтобы сбежать от него, — сделать это оказалось намного проще, чем она думала. Истребитель, в котором летела Элли, напоминал остро отточенную иглу из черного металла со стеклянным колпаком над кабиной пилота; внутри самолет был напичкан электроникой, на панели управления мерцали сотни сенсорных кнопок. Год назад Элли ни за что не смогла бы справиться с такой техникой. Год назад Элли с трудом могла отыскать среди своих вещей щетку для волос.

Наконец на севере, возле самого горизонта показалась узкая полоска света. Она быстро увеличивалась и вскоре превратилась в освещенную огнями бетонную Стену, которая поднималась прямо из моря; накатывавшие на нее морские волны оставили на бетоне неровные белые подтеки соли. Элли захлестнуло чувство радостного ожидания — там, за Стеной, находится ее дом. За высокой бетонной Стеной начиналось южное побережье Англии, где жили ее родители. Она почти дома. Но в следующую секунду восторг Элли сменился нетерпением. Чем ближе к дому, тем скорее Элли хотелось обнять дорогих ей людей.

Самолет завис в черном пространстве, внизу под ним тяжело ворочалось море. Оно, словно огромный зверь, то вздымало свою изрытую дождем спину, то вновь опускалось. Глядя на поднимающуюся из моря бетонную Стену, Элли чувствовала, как внутренности у нее в животе сворачиваются в тугий клубок, на глаза снова навернулись слезы. Стену построили во время Эпидемии задолго до рождения Элли, но она столько раз слышала рассказы о том страшном времени, что знала их так же хорошо, как сказки, которые мама читала ей перед сном. Однако эти истории были далеко не такими захватывающими, как, к примеру, «Сказки дядюшки Римуса» или «Винни-Пух». Вместо веселых дружелюбных животных, с которыми происходят всякие забавные приключения, в них участвовали обезумевшие звери, охваченные кровавой яростью и желанием убивать. Звери, которые срывали дверцы автомобилей и бросались на сидящих внутри людей. Когда Элли была маленькой, она принималась рыдать всякий раз, когда слышала о Стене. Но не потому, что боялась зверей, — девочка плакала скорее от жалости к несчастным животным.

— Ты не должна жалеть животных, — говорила ей мама. — Ты должна переживать за людей.

— Бедные мишки, и тигры, и кроты, и птички, — всхлипывала Элли. — Они все погибли! Люди поубивали их всех!

— Конечно, мы убили животных, — горячо восклицала мама. — У нас просто не было выбора, иначе они убили бы нас. Но сейчас мы живем за Стеной, и нам больше не о чем беспокоиться. А теперь пора спать, ложись в кроватку. Вот так. Спокойной ночи, дорогая.

Элли послушно ложилась в кроватку и закрывала глаза, но в душе она все равно продолжала жалеть животных.

Стена была самым крупным сооружением на плане те, когда-либо построенном людьми. Она поднималась на пятьдесят метров над уровнем моря и тянулась на многие тысячи километров, за Стеной оказались вся Северная Европа, север России и Канада. Там, где море вплотную подступало к Стене, серый бетон был покрыт налетом соли, издали напоминавшим подтаявшее мороженое; верхняя часть Стены потемнела от дождя и снега. На суше основание Стены вырастало прямо из скальной породы, так что ни одно животное не смогло бы совершить подкоп и проникнуть в мир людей. Верхний край был надежно защищен тремя рядами колючей проволоки, проволока находилась под напряжением, которого было достаточно, чтобы заживо изжарить целого носорога. Кроме того, вдоль всего сооружения были установлены сторожевые вышки с интервалом в семьдесят пять метров. На каждой вышке находился киборг-охранник, вооруженный мощной лазерной пушкой; за пару секунд он мог покрошить в мелкий винегрет целое стадо слонов. И вот Элли неслась на

своем истребителе прямо к Стене — в твердой решимости миновать это грозное укрепление, с живой обезьянкой-капуцином на борту, которая сидела позади нее в кресле стрелка и как ни в чем не бывало уплетала попкорн. Элли вглядывалась в приближающуюся серую громаду сквозь лобовое стекло кабины. Лазерная пушка на ближайшей вышке медленно поворачивалась из стороны в сторону, красная точка прицела горела в темноте, словно злобный глаз дракона. Но Элли не чувствовала страха, киборги не запрограммированы на то, чтоб сбивать самолеты, идущие из-за Стены, поскольку ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову притащить животное в мир людей. Гораздо больше Элли опасалась того, что ждет ее за Стеной. Вероятно, люди Гормана уже поджидают ее, спрятавшись на крышах отелей, которые выстроились вдоль пляжей Брайтона. Они готовы по первому же сигналу поднять в воздух свои истребители, и рядом с этими пилотами сидят не маленькие обезьянки с пакетиком попкорна на коленях, а настоящие стрелки.

Элли глубоко вздохнула.

«Ты сможешь сделать это, — уговаривала она саму себя. — У тебя все получится».

Несмотря на подстерегавшую ее опасность, у Элли был неплохой шанс улизнуть от преследователей и благополучно добраться до дома. Элли заранее рассчитала маршрут: она решила лететь через Лондон, где постройки располагались на двух уровнях, напоминая карточный домик. Элли собиралась спуститься на нижний уровень, где почти нет света, там им будет гораздо труднее сбить ее; затем — вдоль Темзы к родному Барфорд-Норду, который находился чуть южнее Оксфорда. Дома в новых городах для беженцев, расположенных в пойме Темзы, строились на высоких сваях, чтобы во время наводнений их не заливало водой. Ей нужно будет пролететь между сваями, используя здания в качестве прикрытий. Конечно, это очень опасно, но вряд ли кто-либо из пилотов Гормана отважится последовать за ней.

Элли сняла шлем и сделала несколько глотков воды из пластиковой бутылки. Затем с трудом расстегнула пряжку на ремне, который прижимал ее к креслу, перегнулась через подлокотник и взглянула назад, чтобы убедиться, что Пак тоже надежно пристегнут ремнем. Обезьянка была подарком Мэла Гормана на день рождения Элли.

«Или, скорее, взяткой, — подумала Элли, — чтобы заставить меня хорошо учиться и вести себя, как подобает послушной девочке. Сейчас мистер Горман наверняка горько сожалеет о своем опрометчивом поступке».

— Они очень удивятся, когда увидят тебя, — прошептала Элли. — И страшно перепугаются.

Элли прикусила губу, представив, как мама закричит от ужаса, когда дочь явится домой с *живой* обезьяной. Надо будет незаметно проскользнуть в квартиру и спрятать Пака прежде, чем родители увидят его. Даже картинки с изображением животных нагоняли на маму страх. После постройки Стены прошло сорок три года, но до сих пор в каждом городе на крышах самых высоких зданий были укреплены так называемые «чумные» сирены ядовито-желтого цвета. Они должны были оповестить жителей об опасности в том случае, если в город случайно проникнет животное. Появление маленькой обезьянки-капуцина будет воспринято как самый настоящий кошмар. Но Элли не могла бросить своего любимца на произвол судьбы. Нет, ни за что на свете она не оставила бы Пака на космическом корабле. Он не виноват в том, что люди на Земле боятся и ненавидят животных.

Пак крепко спал в своем кресле. Элли улыбнулась: вот уж очень страшный зверь. Пакет с лакомством выскользнул из руки Пака, попкорн рассыпался у него на коленях, на мордочке застыло мирное выражение, словно и ему снился чудесный сон о возвращении домой. Элли взяла пакет и затолкала его в щель между сиденьем и подлокотником кресла.

— Сладких снов, — прошептала Элли, радуясь, что Пак не знает о грозящей им опасности. Пальцы обезьянки слегка шевельнулись, когда Элли осторожно коснулась его руки.

Каким милым существом был ее Пак! И какой красивый. Каждый раз, когда Элли смотрела на обезьянку, ее сердце наполнялось радостью. Коричневую мордочку обрамляла

бахрома из золотистой шерсти. Руки Пака до локтя были покрыты черной шерстью, словно он нарочно обмакнул их в чернила; такая же черная шерсть покрывала ноги капуцина от ступней до коленок. Более длинная шерсть на теле отливала темным золотом, на голове же красовался длинный, похожий на гребень хохолок из черной шерсти, и эта «прическа» очень шла Паку. Имя капуцина — паками называли проказливых лесных эльфов — также соответствовало его шаловливому характеру. Честно говоря, более беспокойного питомца трудно было представить. Однако Элли никогда не сердилась на Пака за его проделки, понимая, что обезьянке, точно так же, как ей самой, не хватает общения со своими сородичами. Так что хулиганские выходки были единственным способом, которым капуцин мог выразить свой протест. Чтобы он не натворил каких-нибудь бед на космическом корабле, бедняжку Пака не выпускали за пределы комнаты Элли, где он и провел последние полгода. Элли улыбнулась и покрепче затянула ремень на животе капуцина.

— Они просто не понимали тебя, — прошептала Элли. — Зато я отлично понимаю, почему ты все время хулиганишь.

Элли приготовилась к последнему решительному броску. Повернувшись к пульту управления, она почувствовала легкое головокружение и вдруг поняла, как сильно устала за последние дни. Готовясь к побегу, Элли почти не спала и совсем ничего не ела.

«Я должна взять себя в руки и сосредоточиться, — подумала Элли, — чтобы не допустить ошибку, которая будет стоить жизни нам обоим. Нужно потерпеть еще немного, полчаса, может быть меньше, а потом мы прилетим домой, и весь этот кошмар наконец закончится».

Элли надела шлем и защелкнула пряжку на ремне. Она откинулась назад, поудобнее устроилась в кресле, обвела взглядом светящиеся индикаторы на приборной доске и запустила двигатель самолета. Машина вздрогнула и ожила. Элли почувствовала, как по телу пробежала волна возбуждения. Истребитель устремился вертикально вверх. Мощь самолета, скрытая в его железном теле, вибрацией передавалась Элли, она ощущала ее кончиками пальцев. Красный глаз лазерной пушки, расположенной на ближайшей сторожевой вышке, пронзал темноту, наблюдая за самолетом Элли. Как только она перелетела через Стену и оказалась в небе над Брайтоном, несколько истребителей, словно рой черных мух, вынырнули из-за облаков.

— О, да нас встречают! — с саркастической улыбкой пробормотала Элли. — Какой теплый прием. Очень мило с вашей стороны.

Она чувствовала, как от страха внутри все похолодело, но, сжав зубы, Элли продолжала нестись навстречу своим врагам. В последнее мгновение она заложила крутой вираж, нырнула вниз и проскользнула в узкий просвет между зданиями двух отелей, при этом крылья самолета прошли в нескольких сантиметрах от стен.

— А ну-ка, попробуй догони! — расхохоталась Элли, резко уводя самолет вверх, чтобы избежать столкновения с выросшим прямо перед ней многоэтажным жилым домом.

Элли неслась над узким переулком позади длинной цепи отелей, выстроившихся по линии побережья; вдоль тротуара стояли ржавые мусорные баки, кое-где виднелись припаркованные автомобили. В конце переулка Элли заметила два самолета — это истребители Гормана поджидали ее, а сверху доносился рокот полицейского вертолета. Элли не могла подняться вверх, но не могла и двигаться вперед. Девочке ничего не оставалось, как только заложить очередной вираж и, едва не врезавшись в балкон на пятом этаже, нырнуть в щель между двумя отелями.

Это единственный способ уйти от них, думала Элли. Ей удалось выскочить на парковку перед торговым центром и немедленно уйти в просвет между зданиями соседних магазинов, тем самым предотвратив атаку несущихся навстречу полицейских вертолетов. Элли прекрасно понимала, что, если она хотя бы на секунду задержится на открытом пространстве, ее немедленно собьют. Много раз она уже играла в эту игру во время тренировок на авиатренажере. Единственная разница заключалась в том, что, когда она носилась по виртуальным лабиринтам, у нее было три жизни.

* * *

— Она использует здания в качестве прикрытия.

— Конечно, — отрезал Мэл Горман, ослабившись в злобной ухмылке, отчего его сухие губы потрескались в уголках рта. — А вы ожидали, что она поднимется повыше, чтобы вы могли потренироваться в меткости стрельбы по одиночной мишени?! Куда она направляется?

— Она движется в сторону Лондона.

— Она намерена проскользнуть через город на нижнем уровне, — догадался Горман. — Постарайтесь загнать ее наверх, где больше света. Поднимайте в воздух все машины, которые у нас есть!

ГЛАВА 2 Золотые Башни

Элли подлетала к предместьям Лондона. Она неслась на полной скорости, думая лишь о том, как бы поскорее добраться до города и нырнуть в лабиринт бетонных конструкций, где можно укрыться от висевших у нее на хвосте истребителей. Самолет беспрекословно повиновался Элли, девочка и машина слились в единое целое, словно опытный наездник и послушная лошадь, которая отзывается на малейшее движение руки хозяина. Несмотря на усталость и волнение последних дней, Элли действовала безошибочно. Это был ее лучший полет, ни на одной из тренировок Элли не удавалось с такой виртуозной легкостью управлять машиной. Асам Гормана просто не хватало мастерства, чтобы догнать ее.

Вид Лондона внушал отвращение, издали город напоминал огромный двухъярусный торт. Нижний ярус был погружен во тьму, при взгляде на него в памяти невольно всплывали картинки средневековых замков, населенных кровавыми призраками; верхний ярус сиял миллионами огней, словно бриллиант на солнце. Элли начала снижаться, но вскоре поняла, что полицейские вертолеты плотным кольцом окружили основание «торта». Проход в нижний ярус был закрыт, так что ей не оставалось ничего другого, как подняться выше и устремиться ко второму ярусу. Верхний ярус Лондона носил красивое имя — Золотые Башни. Он состоял из высоких спиралеобразных зданий с элегантными шпилями, постройки располагались на одинаковом расстоянии друг от друга, и между ними были большие участки пустого пространства. Элли понимала, что здесь она станет отличной мишенью для своих преследователей. Но ничего не поделаешь, придется лететь через верхний ярус; похоже, эта часть путешествия будет самой опасной.

— Вы скоро увидите ее, — раздался в наушнике голос одного из пилотов. — Мы загнали ее на второй ярус, она летит прямо на ваш отель.

— Неужели! — мрачно усмехнулся Горман.

Он подошел к окну своего номера и уставился в серое небо. Было четыре часа утра, уже начинало светать, но окна в соседних башнях были темными. Многочисленные обитатели этих шикарных квартир мирно спали в своих постелях, лишь аэромобили, висевшие возле некоторых окон, издавали ленивое гудение и время от времени помаргивали красными сигнальными огнями.

— Хорошенькое дело, они загнали ее на второй ярус, — пробормотал Горман. Он понимал, какой поднимется крик, если в погоне за Элли его люди кого-нибудь случайно пристрелят.

Оконное стекло начало вибрировать. Горман тронул стекло кончиками пальцев, а мгновение спустя в небе раздался оглушительный рев. Горман вскинул голову, однако не увидел ничего, кроме нескольких длинных белых полос, которые круто уходили вверх и скрывались в облаках.

— Я слышу гул самолетов.

— Так точно, сэр. Это мы, — раздался в наушнике возбужденный голос пилота, — На подлете к Лондону она ушла в облака, но мы висим у нее на хвосте. Не беспокойтесь, мы достанем ее.

Постепенно рев истребителей стих. Горман продолжал глазеть в пустое небо, сожалея, что не может видеть погони. Наконец, он снова услышал рев двигателей — самолеты возвращались. Секунду спустя из-за облаков выскочил истребитель Элли; поблескивая черными металлическими боками, остроносый самолет, словно пуля, несясь прямо на Гормана со скоростью несколько сотен километров в час. Старик невольно отступил на шаг назад и уставился на дождевые капли, которые веером разлетелись по стеклу, когда Элли сделала крутой вираж в нескольких метрах от его носа и ушла вверх вдоль стены отеля. Преследовавшие Элли истребители не решились повторить опасный маневр. Они немного отстали и, набрав высоту, предпочли обогнуть отель с обеих сторон. Горман согнулся пополам и зажал уши руками, от оглушительного рева моторов лопались барабанные перепонки.

— Вы видите ее? — заорал он, когда шум стих.

— Да, сэр, — раздалось в наушнике, — мы гоним ее вниз.

— Отлично, постарайтесь заставить ее спуститься до уровня башен, а затем прижмите к земле.

В башнях одно за другим начали зажигаться окна: обитатели города, встревоженные необычайным шумом, распахивали занавески и вглядывались в небо, пытаясь понять, что происходит.

— Похоже, у нас появились зрители, — заметил Горман. — Постарайтесь не наделять глупостей, — предупредил он пилотов.

— Все будет в порядке. Не волнуйтесь, сэр, ей от нас не уйти.

Мгновение спустя Горман увидел, как из-за облаков вынырнула длинная вереница самолетов. Элли возглавляла процессию, вслед за ней мчалась целая эскадрилья истребителей. Затаив дыхание, Горман наблюдал за тем, как Элли мастерски вошла в штопор, проскользнула между двумя башнями и начала игру в кошки-мышки, пытаясь оторваться от своих преследователей. Горман не мог сдержать улыбки, видя, как Элли, словно проворная рыбка, раз за разом ускользает от его людей и заставляет их уноситься в другую сторону или делать крутые виражи, чтобы избежать столкновения с башнями. Истребителям не удавалось продержаться с беглянкой на одном уровне достаточно долго, чтобы прицелиться и попытаться сбить самолет. Неожиданно Элли заложила петлю вокруг одной из башен, промчавшись настолько близко к позолоченному шпилю, что робот-уборщик, который полз по крыше, сорвался и упал вниз. В следующее мгновение самолет завис в воздухе; этот маневр Элли застал преследователей врасплох, и они промчались мимо. То, что произошло дальше, заставило Гормана вскрикнуть: два истребителя, летевших вслед за Элли, столкнулись с самолетом, который двигался им навстречу; машина свалилась в штопор и рухнула на башню. Затем два других истребителя взорвались; превратившись в огромные огненные шары, они упали вслед за первым самолетом. Взрыв был такой силы, что окно, перед которым стоял Горман, разлетелось вдребезги, волна горячего воздуха отбросила его на кровать. Переговорник вывалился из уха Гормана. В шлепанцах и распахнутой пижаме Горман ползал по полу и шарил дрожащими руками по ковру, пытаясь нащупать рацию. Наконец ему удалось найти наушник, он вставил его в ухо и заорал срывающимся голосом:

— Эй, что за черт? Вы соображаете, что творите!

Ответом ему было гробовое молчание. Горман слышал безумные вопли, раздававшиеся с улицы. Он вскочил на ноги и метнулся по усыпанному осколками ковру — к тому месту, где только что было окно. Горман опустился на колени и осторожно выглянул в зияющую дыру. Посмотрев вниз, он почувствовал приступ головокружения. Истребители развалились на куски, догорающие обломки металла были раскиданы по всей улице. Все окна в соседних домах были выбиты; в проемах мелькали перепуганные лица людей. Воздух оглашали

истощные вопли полицейских сирен.

Горман попытался связаться с остальными пилотами.

— Это я, Мэл Горман! Слышите меня? Где она?

— Мы не знаем, сэр, — раздался хриплый голос.

— Она ушла на нижний ярус. Отправьте половину людей за ней. Остальные пускай летят в Барфорд-Норд и ждут ее там. Возможно, нам придется уничтожить ее семью. Поэтому действуйте незаметно, чтобы не привлекать внимания соседей.

Пользуясь всеобщей суматохой, Элли ускользнула от истребителей Гормана. Она не могла прийти в себя от шока. Ей неожиданно пришло в голову, что, возможно, она знает кое-кого из преследовавших ее летчиков; возможно, они угощали ее конфетами и теми маленькими вкусными пирожными с засахаренными фруктами, которые она так любила, или просто хвалили, когда Элли успешно выполняла летные задания. И вот теперь они вместе со своими машинами превратились в пылающие огненные шары и рухнули на дома, где мирно спали ни в чем не повинные люди.

«Но иначе они убили бы тебя, — кричал внутренний голос Элли. — Они перестали быть твоими друзьями. Либо ты их, либо они тебя. Я не хочу, чтобы мой Пак заживо сгорел в самолете, и не хочу никого убивать. Я хочу домой!»

Ударяя от своих преследователей, она забыла об осторожности, но иного выбора не было.

Элли добралась до границы первого яруса и, нырнув вниз, исчезла во мраке.

Элли было шесть лет, когда в Лондоне началось строительство Золотых Башен. Она хорошо помнила, как они с Микой сидели на ковре перед телевизором; оба были в пижамах, потому что только что вылезли из постелей. Элли уплетала свои любимые овсяные хлопья с молоком, брат жевал сэндвич с клубничным вареньем, засыпая крошками ковер и собственные колени. Это был один из тех редких моментов, когда брат и сестра не ссорились и не тузили друг друга кулаками. На экране телевизора происходило нечто фантастическое: огромные бетонные колонны вырастали буквально на глазах, превращаясь в массивные ноги каменных монстров, чьи ступни стояли прямо посреди городских парков, а головы упирались в небо. Известные политики наперебой расхваливали новый проект, называя его чудом инженерной мысли и современной архитектуры.

— Мы рассмотрели все возможные варианты, — заявил премьер-министр, — и пришли к выводу, что строительство второго яруса — это единственный способ решить стоящие перед нами проблемы. Только так мы сможем избавить жителей Лондона от последствий наводнения, а также уладить вопрос перенаселенности нашей столицы. Поскольку теперь нам приходится жить за Стеной, у нас просто не хватает места.

— Мам! Пап! Смотрите! — закричала Элли с сияющими от восторга глазами. — Они собираются построить волшебный дворец прямо над Лондоном!

Мама обернулась к телевизору и, взглянув на экран, выронила из рук сладкую булочку с джемом, которая шлепнулась на ковер.

— О, боже, — воскликнула мама, — что они делают?

— Я же сказала, — терпеливо пояснила Элли, — строят волшебный дворец!

— Ну, это не для нас, — пробормотала мама.

Забыв о булочке, она опустилась на край дивана и уставилась на компьютерную модель будущей постройки, которая вращалась вокруг своей оси, предоставляя зрителям возможность вдоволь налюбоваться этим чудом.

— Этот дворец для богатых. На втором ярусе поселятся одни богатеи, а бедные люди вроде нас останутся здесь, внизу. К тому же из-за этих башен у нас совсем не будет солнца.

Тогда Элли не поверила маме, она даже слегка рассердилась на нее: ну почему мама всегда спорит с ней?! Вот, к примеру, когда речь заходит об убитых животных, мама только машет на Элли рукой и говорит, что она ничего не понимает. Однако сейчас, когда Элли летела над улицами нижнего яруса, который жители Лондона прозвали Царством Теней, она

убедилась, насколько права была мама. Погруженные в полумрак улицы, грязные закопченные стены домов производили удручающее впечатление. Она лавировала между гигантскими бетонными сваями, на которых держались постройки второго яруса; рокот двигателя, словно грохот канонады, гулким эхом отдавался от стен и металлического потолка. Элли с ужасом думала о том, что миллионы людей живут в этом холодном подземелье, в тесных сырых домах, фундаменты которых утопают в воде. Они давно забыли, как выглядит небо и солнце, в то время как у них над головами возвышаются золотые башни волшебных дворцов, где обитают довольные жизнью богачи. Бедняки живут так, потому что уверены — другого выбора у них нет. Элли также знала: этих несчастных постоянно обманывают, и мир, в котором они живут, совсем не такой, как они привыкли думать.

— Но я расскажу им правду, — думала Элли. — И Мэл Горман еще пожалеет, что вообще родился на этот свет.

Элли нуждалась в передышке. Ей очень не хотелось задерживаться в этом кошмарном месте, но она безумно устала, и руки дрожали так, что она с трудом удерживала штурвал самолета. Элли приземлилась на крышу многоэтажки, многие окна в доме были разбиты, по стенам ползли трещины и пятна плесени. Элли заглушила мотор и, сдернув с головы шлем, откинувшись на спинку кресла. Несколько минут она сидела неподвижно, прислушиваясь к надрывному плачу ребенка в одной из квартир на верхнем этаже.

Элли обернулась, чтобы взглянуть на Пака. У обезьянки был такой вид, словно ее пропустили через стиральную машину, а затем хорошенько отжали. Она сердито скалила зубы, черный хохолок на голове стоял дыбом, в больших человеческих глазах застыл ужас.

— Извини, Пак, так уж получилось, — с сожалением произнесла Элли.

Она не пыталась погладить его, понимая, что обезьянка вряд ли захочет, чтобы к ней прикасались. Вместо этого Элли нащупала под креслом пакет с едой. Оказалось, что пакет лопнул, и попкорн, орехи, кусочки сушеных фруктов рассыпались по полу. Элли наугад сгребла в горсть лакомство, которое она прихватила специально для Пака, и ссыпала ему на колени. Она наблюдала, как Пак деловито перебирал сладкую смесь, пока не нашел грецкий орех.

— Попробуй, это очень вкусно, — подбодрила его Элли. Пак внимательно осмотрел орех своими быстрыми карими глазами, подозрительно обнюхал и положил за щеку. — Умница, — похвалила Элли. — Теперь не так страшно, правда?

Она уже собиралась откинуть колпак над кабиной пилота и выбраться наружу, чтобы немного размять ноги, когда услышала вдалеке ровный гул самолетов. Элли не ожидала, что ее обнаружат так быстро. Она словно приросла к креслу — истребители приближались. Их появление застало Элли врасплох, впервые с момента побега ее охватила паника. Девочка сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться, но слезы сами собой бежали по щекам, подбородок дрожал, пока Элли сражалась с тугой пряжкой на ремне безопасности и натягивала шлем на влажные волосы.

«Ты должна быть готова к сражению, — повторяла про себя Элли. — Или мы погибнем».

Элли завела двигатель и, сорвавшись с крыши, бросила самолет вниз, где виднелась темная полоска воды — все, что осталось от некогда широкой и полноводной Темзы. Петля между бетонными сваями, Элли уходила на запад к Барфорд-Норду.

Пробираясь через Царство Теней, Элли вскоре поняла, что ее решение лететь над нижней частью Лондона было ошибкой. Дома здесь были гораздо ниже, чем наверху, большинство зданий строились в девятнадцатом и двадцатом веках, когда проблема перенаселения еще не стояла так остро, поэтому единственным укрытием ей служили гигантские бетонные сваи. Плохое освещение было на руку Элли, и все же ей не удалось далеко уйти от своих преследователей — через пару минут на хвосте у нее висела целая эскадрилья истребителей Гормана. Они открыли ураганный огонь из лазерных пушек. Лишь чудом ей удавалось уворачиваться от смертоносных лучей; вспышки лазера то и дело вспарывали воздух вокруг самолета Элли, ослепляя ее, так что она почти не видела, куда

летит. Они гнались за Элли, словно стая взбесившихся псов, полные мрачной решимости уничтожить ее и отомстить за смерть своих товарищей. Элли слышала у себя за спиной вопли Пака. Каждый раз, когда она бросала самолет в пике или совершала очередной умопомрачительный маневр, лавируя между сваями, обезьянка разражалась душераздирающим визгом. И каждый раз перед мысленным взором Элли возникали лица ее родных — мама, папа, брат. В последние минуты она думала о них и о бедняжке Паке, но преследователей было слишком много, а сил у Элли осталось слишком мало.

— НЕТ! — срывающимся голосом закричала Элли, когда луч лазера вспорол брюхо истребителя.

Многочисленные индикаторы на панели управления дружно мигнули и погасли. Неожиданно Элли оказалась в полной темноте. Самолет нырнул носом вниз и начал падать. Он падал, словно мертвая птица, вниз — туда, где поблескивало черное холодное зеркало воды.

* * *

После исчезновения сестры Мика перебрался на ее кровать. Одну стену их крошечной детской занимала двухэтажная пластиковая кровать, вдоль противоположной стены стоял шкаф, где они хранили свои вещи и игрушки, между кроватью и шкафом оставался узкий проход. Вынужденные тесниться в этом маленьком пространстве, Элли и Мика постоянно ссорились; особенно жаркими были споры из-за того, кому спать на верхней кровати. Мика требовал уступить это место ему, чем доводил Элли до бешенства.

— Так нечестно! — вопила Элли. — Ты всегда спишь наверху.

— Я первый занял это место! — заявлял Мика, поворачиваясь спиной к сестре.

— Нет! Слезай немедленно!

— Прекрати орать, Элли! Ты что, взбесилась?

Элли впадала в ярость — ухватившись за край одеяла, она пыталась стащить его с брата. Мика, продолжая лежать лицом к стене, из всех сил цеплялся за одеяло. Перетягивание одеяла продолжалось довольно долго, ни тот, ни другой не желали уступить.

— Я ненавижу тебя! — визжала Элли.

— Неправда, — невозмутимым тоном отвечал Мика, от чего Элли злилась еще больше, — ты любишь меня!

— Ха-ха, люблю! Да тебя никто не любит, ты, мерзкий гаденыш!

— Между прочим, я старше тебя, поэтому имею полное право спать наверху.

— Всего на десять минут, ты, грязный свинтус!

Только благодаря вмешательству родителей ссора не перерастала в настоящую потасовку. Если бы не угроза навсегда лишиться мороженого или до конца жизни спать на полу, Элли и Мика ссорились бы дни напролет — просто потому, что близнецы были похожи не только внешне, но и по характеру. В жилах обоих текла смесь итальянской и индийской крови, у обоих были курчавые волосы и живые темные глаза. Вступив в подростковый возраст, они по очереди становились то упрямыми и вредными, то медлительными и ленивыми; то они целый день с надутым видом валялись в постели, то вдруг переходили от мрачной угрюмости к безудержному веселью, так что все в доме ходило ходуном. «Безумие, чистое безумие, — вздыхала их учительница миссис Фулер, — не представляю, как вы с ними справляетесь».

Исчезновение Элли настолько потрясло Мику, что даже год спустя он все еще чувствовал себя таким же одиноким и потерянным, как и в тот вечер, когда сестра не вернулась домой. Но хуже всего, с точки зрения родителей, было то, что Мика никак не желал принять тот факт, что Элли умерла. Несмотря на все уговоры родителей, Мика отказался идти на похороны, он улегся в постель Элли и пролежал там целые сутки. Мика приходил в такую ярость, когда при нем заговаривали о смерти сестры, что родители не решались даже упоминать имя Элли. Он не позволил маме выстирать постельное белье Элли,

потому что простыни хранили ее запах. Родителям казалось, что образ Элли, точно призрак, витает в воздухе, она словно встала между ними и сыном. Они чувствовали, что со смертью Элли какая-то часть Мика тоже умерла, и оплакивали обоих детей. Это было тяжелое время для всех троих, как будто солнце погасло, и весь мир превратился в одну огромную черную дыру.

Мика не верил в смерть Элли. Полиция сказала, что, скорее всего, Элли случайно оступилась и упала в разлившуюся реку. Но Мика даже представить не мог такую нелепость, Элли была не настолько глупа, чтобы «оступаться и падать». Для того чтобы «случайно свалиться в реку», ей надо было перелезть через ограждение, установленное по обеим сторонам мостков, и главное, на Элли были новые кроссовки, которые ей подарили на Рождество. Она так гордилась ими, что однажды чуть не убила Мику, когда тот случайно наступил ей на ногу. Элли ни за что не полезла бы через ограждение, скорее уж она пошла бы в обход, чтобы не наступить в лужу и не дай бог не промочить обновку.

Мика точно знал: Элли жива, но находится где-то очень далеко. Он чувствовал неразрывную связь с сестрой, эта связь, точно невидимая нить, протянулась сквозь пространство и время; иногда она натягивалась так сильно, что Мика ощущал почти физическую боль. Он злился на родителей за то, что те сдались и приняли смерть Элли. Мика не верил людям, которые пытались убедить его, что сестры больше нет, ни полиции, ни учителям — никому. Он ненавидел их всех. Мика замкнулся; уйдя в себя, он предпочитал в полном одиночестве дожидаться возвращения сестры.

В тот момент, когда Элли, удирая от преследователей, носилась в небе над Лондоном, лавируя среди Золотых Башен, Мика проснулся в холодном поту, сердце колотилось в груди как безумное. Он сел на постели и уставился в темноту широко раскрытыми глазами. Кажется, ему приснилась Элли? Но Мика никак не мог вспомнить, что именно он видел во сне.

— Элли? — прошептал Мика.

Он знал, что сестра не откликнется на его призыв, однако Мика чувствовал: рядом с ним происходит что-то странное. Он затаил дыхание и прислушался к ночным звукам. Вот за стеной скрипнула кровать — это отец ворочается во сне и бормочет что-то невнятное себе под нос. А потом Мика уловил какие-то странные шорохи, совсем не похожие на обычные звуки ночи. Мика насторожился. Да, на лестнице слышны приглушенные голоса. Люди стояли возле их квартиры. Мика не мог разобрать слов, но одно было ясно: на площадке собрались люди, очень много людей, и они стараются говорить как можно тише. Интересно, что бы это значило? Мика бесшумно соскочил с кровати. Наверное, надо разбудить родителей.

Нет, немного подумав, решил Мика, не стоит никого будить.

Он бросил взгляд на часы. Четыре утра. Что же все-таки происходит? И почему с улицы доносится гудение мотора, для машин вроде бы рановато. Мика на цыпочках подкрался к окну, осторожно отодвинул занавеску и застыл на месте. За окном на расстоянии вытянутой руки висел полицейский аэромобиль. Сидевший внутри полицейский уплетал хот-дог, капая кетчупом на свои форменные брюки. Прошло несколько секунд, прежде чем страж порядка заметил, что за окном стоит обнаженный мальчик и, вытаращив глаза, смотрит на него. В первое мгновение полицейский замер и тоже уставился на мальчика, затем на его лице появилось испуганно-виноватое выражение, аэромобиль тут же нырнул за угол дома и исчез из вида. Мика задернул штору и в панике заметался по комнате в поисках своих джинсов, сердце в груди бухало кузнечным молотом. Наконец джинсы нашлись, Мика рывком натянул их и бросился к двери. Наступив босой ногой на что-то острое, он разразился тихими проклятиями и вылетел в гостиную, где на раскладном диване спали родители. Мика принялся тормошить отца за плечо.

— Пап! Мама! Проснитесь! — жарким шепотом звал Мика. — Там происходит что-то странное!

Отец заворочался под одеялом, затем приподнялся на локте и потер кулаком глаза.

— Что? — сонным голосом пробормотал он. Вид у отца был помятый, словно он всю ночь пролежал, уткнувшись лицом в подушку.

— У нас под дверью собрались какие-то люди, — испуганно прошептал Мика. — А за окном моей комнаты полицейский ест хот-дог.

— Почему ты так решил? — спросила мама, приподнимая голову от подушки. — Мика, может быть, это снова один из твоих кошмаров?

— Нет! — сжав кулаки, воскликнул Мика. — Это не сон. Я услышал шум мотора и отдернул занавеску. А когда полицейский понял, что я его заметил, он сразу исчез, но вид у него был такой встревоженный, словно он замыслил что-то нехорошее.

Отец неохотно вылез из постели и натянул халат.

— Дэвид, посмотри, что там за окном, — сказала мама. Она сидела на диване, напряженно вытянув шею, в темноте было видно, как поблескивают белки ее глаз.

Отец тяжело вздохнул, как человек, который понимает, что понапрасну теряет время, и направился к окну. Он слегка раздвинул жалюзи и сквозь образовавшуюся щелку выглянул наружу. Несколько секунд отец молча всматривался в предрассветную мглу. Мика стоял рядом, дыхание с шумом вырывалось у него из груди, мальчик никак не понимал, почему его охватил такой страх.

— Я никого не вижу, — наконец подал голос отец. — Сам посмотри.

Он полностью поднял жалюзи, чтобы Мика убедился, что за окном никого нет. Мама тоже подошла к окну и, положив руку на плечо сына, слегка погладила его. Так они стояли втроем, глядя на пустую улицу, где не было ничего, кроме серых бетонных стен, плывущих по небу облаков и мелкого косого дождя.

— Но я же сказал вам, — не унимался Мика, — когда полицейский увидел меня, он сразу скрылся за углом дома. Посмотрите на лестнице, я слышал их голоса. — Мика стряхнул с плеча мамину руку, он чувствовал поднимающееся изнутри знакомое раздражение — родители снова не верят ему.

— Ладно, — невозмутимым голосом произнес отец. Он обменялся с мамой понимающим взглядом и, шаркая шлепанцами, направился к входной двери.

— Нет, подожди, — неожиданно воскликнул Мика. Нехорошие предчувствия сдавили сердце мальчика, он бросился вслед за отцом.

Дэвид остановился.

— Чего ты боишься? Даже если там кто-то есть, я уверен, этому найдется вполне разумное объяснение.

— Не знаю, — Мика смущенно потупился, — но мне почему-то страшно.

— Перестань, — спокойным голосом произнесла мама. — Пойдем, посмотрим, может быть, тогда ты наконец успокоишься и ляжешь спать.

Дэвид нажал кнопку на сенсорной панели, и входная дверь беззвучно отъехала в сторону, впуслав в крошечную прихожую струю холодного воздуха и тусклый желтоватый свет. Отец в недоумении пожал плечами и, переступив порог квартиры, вышел на площадку.

— Ну, убедился? Ни одной живой души.

Теперь все трое стояли на площадке, переминаясь с ноги на ногу на холодном и грязном цементном полу. Они смотрели на обшарпанные двери соседних квартир и покрытые пятнами плесени облупившиеся стены, не подозревая, что всего в нескольких метрах от них, в темном углу за шахтой лифта и этажом выше притаились люди Гормана — тридцать головорезов, готовые по первому приказу хозяина прикончить всех троих.

— Все, пошли домой, — зябко кутаясь в халат, сказала мама. — Здесь жуткий холод, а через три часа тебе вставать в школу.

Мика лежал в постели и с недовольным видом смотрел в потолок, пока Аша пыталась подоткнуть ему одеяло. Его раздражало, что мама обращается с ним как с ребенком, но еще больше Мика злился на самого себя. Каким же идиотом он выглядел, когда поднял родителей среди ночи и заставил выйти на пустую лестничную площадку!

— Ты что, ел лапшу в постели? — спросила мама, заметив на пододеяльнике жирные

пятна от соуса.

— Да, — буркнул Мика и, повернувшись лицом к стене, натянул на голову грязное одеяло.

— Мика, послушай, белье давно пора постирать.

— Нет, — решительно отрезал он.

— На нем давно не осталось запаха Элли, — усталым голосом сказала мама. — Оно пахнет твоим немытым телом и соусом от лапши.

— Нет, оно пахнет Элли. — Мика обернулся к маме и уставился на нее горящими глазами. — И я не желаю, чтобы его стирали до тех пор, пока Элли не вернется домой.

В свои сорок лет мама Мики сохранила красоту и статью молодости. От своих индийских предков она унаследовала гладкую смуглую кожу, прекрасные черные волосы и живые темные глаза, которые передала своим детям. Но сейчас, глядя в горящие болью и ненавистью глаза сына, Аша почувствовала себя беззащитным деревцом, ствол которого лижет пламя лесного пожара.

— Прекрати, — резко одернула она сына, — Элли умерла больше года назад, и, чем скорее ты примешь этот печальный факт, тем скорее ты сможешь двигаться дальше. Ты поступаешь нечестно, прежде всего, по отношению к себе, Мика, — добавила она чуть спокойнее.

— Нет, — едва слышно произнес Мика, глядя на мать полными слез глазами. — Это вы поступаете нечестно по отношению к Элли. Я чувствую, она жива.

Связь между ними была даже сильнее, чем Мика мог себе представить. Когда самолет Элли рухнул в ледяную воду Темзы, Мике показалось, что он получил сокрушительный удар в грудь. Он хотел закричать и не смог, в груди не осталось воздуха; Мика попытался сделать вдох, но воздух не шел в легкие. Он захлебнулся и буквально ослеп от ужаса, ему все же удалось перевернуться на бок. Мика хотел позвать маму, но откуда-то сверху навалилась невыносимая тяжесть, словно на грудь ему опустили огромную бетонную плиту. Он лежал, не в силах пошелохнуться, не понимая, что странный хрип, который он смутно слышал сквозь боль и страх, шел из его собственного горла. Мика падал в черную ледяную бездну.

— Мика! — срывающимся голосом закричала Аша, бросившись к сыну и схватив его за плечи, — Что?! Что случилось?!

Но Мика не мог вымолвить ни слова, лишь расширенные от ужаса темные глаза мальчика смотрели на мать, умоляя спасти его.

— Дэвид! — закричала Аша. — Мика... вызывай скорую!

ГЛАВА 3

Концы в воду

Мэл Горман спустился в Царство Теней, чтобы лично удостовериться в смерти Элли и Пака. Только после того, как он своими глазами увидит, как их тела поднимают со дна реки и укладывают в гробы, он сможет жить спокойно. Он должен быть уверен, что никто из посторонних не узнает ни о похищении ребенка, ни о том, что из-за его, Мэла Гормана, оплошности животное оказалось по эту сторону Стены. Мэл понимал, что, подарив Элли обезьяну, он совершил ошибку, но главное — он недооценил саму Элли. Конечно, Горман был уверен, что премьер-министр не решится отправить его в отставку, однако ему очень не хотелось признаваться в своих просчетах. Мэл Горман не привык ошибаться, поэтому побег Элли совершенно выбил его из колеи. Но кто же мог предположить, что у двенадцатилетней девчонки хватит ума угнать самолет и сбежать с космической станции? Элли обладала удивительными способностями и невероятной силой, и вообще, она была очень необычным ребенком. Сейчас, когда напряжение спало, Горман был рад, что его люди подбили самолет и уничтожили обезьяну, а вот девчонку жаль. Увы, ему так и не удалось понять, что в ней было такого особенного, и уже не удастся. Горман чувствовал себя как человек, который разбил редкую китайскую вазу и теперь с сожалением смотрит на валяющиеся на полу

осколки.

«Ничего, — успокаивал себя Горман, — там, откуда пришла Элли, еще много таких... Ну, если и не много, то вполне достаточно».

Рассвет в Царстве Теней ничем не отличался от заката или полночи — вечный полумрак, едва тронутый искусственным освещением: слабые электрические лампы давали бледный желтоватый свет. Лишь температура воздуха и ветер менялись в зависимости от времени года — летом здесь было жарко и влажно, как в наглухо закрытой жестяной банке, в которую налили гнилую болотную воду; а зимой повсюду гулял ледяной ветер, и температура воздуха не поднималась выше нуля. Но в любое время года стены домов были покрыты пятнами сырости и серой плесени, которая являлась причиной легочных заболеваний и большинства смертей обитателей Царства Теней.

Мэл Горман не любил спускаться на нижний ярус, особенно без четверти пять утра, да еще в первый день своего отпуска. Горман стоял на палубе полицейского катера, который медленно полз вдоль старого русла Темзы, и хмуро посматривал на выступающие из мутной речной воды облезлые стены домов. Много лет назад Темза вышла из берегов и затопила лежащие в низине участки города. Горман заметил полуразрушенное здание галереи современного искусства и дворец, в котором когда-то располагался парламент. Знаменитые часы на башне давно остановились, но это были не те достопримечательности столицы, которые он собирался посмотреть сегодня утром. Безжизненный пейзаж навевал тоску.

Снизу, из каюты, доносились соблазнительные запахи: маленький экипаж полицейского катера готовил завтрак. Однако после бессонной ночи и пережитых волнений Горман чувствовал себя слишком усталым, чтобы думать о еде. «Ладно, по крайней мере, худшее позади, — думал Горман. — Еще несколько часов, и я смогу наконец забыть о работе и вспомнить, что у меня отпуск». Он зябко поежился и поднял воротник своего длинного черного пальто, спасаясь от пронизывающего ветра. Рядом с Горманом стоял начальник речной полиции. Горману был неприятен и он сам, и работа, которой он занимался: целыми днями начальник полиции бороздил Темзу на своем катере, вылавливая из затхлой воды утопленников, а по ночам пьянствовал в дорогих ресторанах в Золотых Башнях. Его рыхлое тело было затянуто в мундир, дряблая кожа на одутловатом лице имела нездоровый сероватый оттенок, маленькие, заплывшие жиром глазки злобно смотрели на собеседника.

— Не понимаю, как вы тут работаете, — покачал головой Горман.

— А-а, со временем привыкаешь, — махнул рукой начальник полиции. При этом все его три подбородка закачались, словно стопка сырых блинов. — Да вы не волнуйтесь, нам не придется здесь долго торчать. Мы точно знаем место, где она пошла ко дну, так что быстро управимся. Мои ребята настоящие профессионалы, за сегодняшнюю ночь они вылавливают уже двадцатый труп. Большинство наших клиентов самоубийцы, — пояснил начальник полиции, — некоторые случайно падают в воду, попадают и жертвы преступлений. Но в любом случае, нам приходится выуживать всех, если оставить трупы разлагаться в воде, тут нечем будет дышать... Мм, чувствуете? — Толстяк потянул носом: — Как аппетитно пахнет жареными колбасками, кажется, завтрак готов.

— Вы доверяете своим людям? — спросил Горман.

— Да, абсолютно, — после короткой паузы сказал начальник полиции. — Они ужасно напуганы, даже тянули жребий, чтобы решить, кому заниматься этим делом. Ребята прихватили с собой специальные защитные костюмы и респираторы. Нет, я уверен, они будут молчать, да от них начнут шарахаться даже жены и дети, если выяснится, что они прикасались к ЖИВОТНОМУ.

— Отлично, — кивнул Горман. — Если ваши ребята проболтаются, у вас будут крупные, очень крупные неприятности, — с нажимом повторил он, — Вы понимаете, что я имею в виду?

— Да, сэр, — кивнул начальник полиции.

Его жирные щеки печально закачались из стороны в сторону. Он потупил глаза и принялся с задумчивым видом выковыривать грязь из-под ногтей. Он старался не смотреть

на своего спутника, в этом человеке было что-то такое, от чего начальнику полиции становилось не по себе. Разбухшие полуразложившиеся трупы, которые он каждый день выуживал со дна реки, внушали ему гораздо меньший ужас, чем Мэл Горман.

Горман тоже отвернулся и стал смотреть за борт, где на волнах покачивался мусор и гниющие пищевые отходы. Горман заметил проплывающий мимо рваный башмак, покрытый зеленой тиной, и старую куклу с вывернутыми руками, к голове куклы прилип осклизлый кусок полиэтилена.

«Фу, мерзость какая, — подумал Горман. — Сорок три года жизни за Стеной — и Земля превратилась в настоящую помойку». Спасаясь от животных, все население планеты вынуждено тесниться на одной трети земного шара, каждый свободный сантиметр занят постройками, на земле больше нет места садам и паркам — лишь набитые людьми бетонные дома-башни. Когда-то у Гормана был симпатичный коттедж в Канаде, раньше он проводил отпуск там, а не в Лондоне. Но это было очень давно, до нашествия животных, теперь же на месте его коттеджа вырос многоэтажный дом, а на том месте, где когда-то был его сад, жили сотни тысяч беженцев.

— Ага, вот они! — Голос начальника речной полиции прервал грустные размышления Гормана. Вытянув жирный палец, он указал на появившийся вдалеке темный силуэт старого здания парламента. — Мы прибыли как раз вовремя, сейчас вы своими глазами увидите, как мои парни поднимут их на поверхность. А потом вкусный горячий завтрак. Верно, мистер Горман? Хм, честно говоря, я и сейчас не отказался бы от парочки сочных колбасок.

Горман наблюдал за тем, как начальник полиции спускается по лестнице и пропихивает свое жирное тело в узкую дверь каюты, — он был похож на большую ватную подушку, которую пытаются затолкать в крысиную нору.

Горман поморщился: «Что за мерзкий тип».

Мэл Горман продрог до костей и страшно устал. Он мерил шагами палубу, проклиная Элли и мечтая лишь об одном — чтобы все это поскорее закончилось и он смог наконец вернуться в отель, в свой светлый, теплый и уютный номер.

«Хорошо еще, что родители Элли считают, что она мертва, — утешал себя Горман. — Представляю, какой бы поднялся шум, узнай они *сейчас* о том, что случилось с их дочерью».

Нашествие животных лишило Гормана симпатичного домика в Канаде, но во всем остальном он, пожалуй, только выиграл. Катастрофа, сломавшая жизни большинства людей, благоприятно повлияла на жизнь самого Гормана. Последовавшая за нашествием животных эпидемия чумы унесла жизни многих крупных чиновников и государственных деятелей, и в результате Мэл Горман получил новую фантастическую работу, огромные деньги и власть. Еще одним положительным, с точки зрения Гормана, моментом стал тридцатилетний запрет на рождение детей. Власти вынуждены были пойти на такой шаг, поскольку Земле грозило перенаселение. И Горман получил наконец возможность наслаждаться ужином в своем любимом ресторане, не видя за соседними столиками детей, которые вопят во всю глотку и размазывают по физиономии шоколадный пудинг. Он не мог себе представить, чтобы кто-нибудь в здравом уме захотел обзавестись таким неприятным существом, как ребенок. Дети. Никаких иных чувств, кроме раздражения, они вызывать не могут. Горман вспомнил, какой грубой, шумной и неуправляемой была Элли. И неблагодарной. Вообще-то, они все были такими, трое детей из бедных семей, которых он вытащил из грязных трущоб. Им следовало бы благодарить Гормана за его внимание и заботу, он дарил им подарки, учил разным полезным вещам, а вместо этого маленькие негодяи кричали, плакали и просились домой. И вот теперь все трое мертвы. Горман подумал, что в следующий раз нужно будет действовать иначе. Он не смог справиться с тремя детьми, а ведь совсем скоро ему понадобятся сотни, тысячи детей, поэтому он должен научиться контролировать их. А иначе толку не будет, особенно если дети начнут удирать от него. И особенно такие талантливые, как Элли. У Гормана имелись далеко идущие планы насчет *таких* детей, но для этого он должен знать, что на них можно положиться. Да, в будущем он не допустит подобных просчетов, а сейчас

нужно разобраться с последствиями уже совершенных ошибок.

Подходя к лодке спасателей, полицейские заглушили двигатель, и последние несколько метров катер, двигаясь по инерции, бесшумно скользил по волнам. Лодка спасателей была намного больше полицейского катера — с просторной палубой и низкими бортами, она сидела глубоко в воде. На корме лодки был укреплен подъемный кран, с помощью которого спасатели вытаскивали на поверхность свои страшные находки. Матросы с помощью двух толстых канатов пришвартовали оба судна друг к другу и перекинули на борт полицейского катера деревянный трап. Первым на трап ступил начальник полиции. Горман с интересом наблюдал за тем, как трап прогибается под его могучим телом, затем двинулся вслед за ним. Спасатели, одетые в специальные защитные комбинезоны и брезентовые перчатки, установили на палубе два гроба, побольше — для Элли и маленький — для Пака. Полицейские в черных прорезиненных плащах и фуражках с блестящими околышами столпились на корме лодки. Подъемный кран поскрипывал под тяжестью самолета, его стрела нависла над водой, и Горман сосредоточенно наблюдал за тем, как толстый металлический трос наматывается на барабан, словно леска на катушку спиннинга.

— Еще немного, и мы его вытянем, — заметил начальник полиции. Он извлек из кармана плаща жареную колбаску из соевого мяса и целиком затолкал ее себе в рот.

Из воды показались головы двух водолазов. Наблюдая за тем, как они торопливо карабкаются по железной лестнице, Горман понял: внизу что-то не так. Перевалившись через борт, водолазы, словно два тюленя, шлепнулись на палубу.

— Они все еще живы, — взволнованным голосом крикнул один из водолазов, как только ему удалось избавиться от своего шлема. — Что нам делать?

Горман и начальник полиции бросились к ограждению палубы и, перегнувшись через перила, уставились на жирную, подернутую масляной пленкой воду. Истребитель находился у самой поверхности, сверху хорошо было видно, как Элли мечется внутри кабины. Вероятно, под стеклянным колпаком образовался воздушный мешок, благодаря чему Элли и Пак до сих пор не задохнулись. Черные волосы Элли прилипли к ее мертвенно-бледному лицу, она неистово колотила кулаками по колпаку, пытаясь открыть его.

— Будь я проклят, — воскликнул начальник полиции, — да она живуча, как кошка!

— Прекратите пороть чушь! — рявкнул Горман. — Лучше позовите сюда ваших людей. Надеюсь, у них есть оружие.

Но начальник полиции, как замороженный, смотрел на поднимающийся из воды самолет. У него перехватило дыхание, когда он заметил прыгающую рядом с Элли маленькую обезьянку-капуцина. Последний раз он видел живую обезьяну в детстве. Начальник полиции смотрел на вздыбленную золотистую шерсть на загривке зверька, оскаленные острые белые зубы и крошечную черную ладонь, которой Пак упирался в лобовое стекло самолета.

— О, боже! — в ужасе пробормотал начальник полиции. — У меня нет маски и защитного костюма. Я лучше подожду на катере.

Он сделал шаг назад, потом еще и еще, постепенно отступая от края палубы, но полицейские, которые толпой повалили на борт, налетели на своего начальника и подтолкнули его обратно. Они в ужасе уставились на мелькавшую за стеклом физиономию обезьяны — до сих пор они видели такое только в ночных кошмарах.

— Чего уставились? — заорал Горман. — Убейте их! Стреляйте через лобовое стекло.

Полицейские замешкались. Пак на мгновение исчез из вида, спрятавшись за спинкой кресла, теперь снизу на них смотрела Элли, ее лицо было залито слезами. В конце концов, она была всего лишь ребенком. Им приказывали убить плачущего от страха ребенка.

* * *

Элли и Пак пробыли в воде больше часа. Толща воды давила на стеклянный колпак, стекло угрожающие потрескивало. Когда глаза Элли привыкли к темноте, она разглядела

качающиеся снаружи водоросли. Они извивались, словно щупальца гигантского осьминога, который пытается проникнуть внутрь их спасительного воздушного мешка и утащить в черную ледяную бездну. На дне реки было темно и холодно; ужас сковал Элли, заполнив каждую клеточку ее тела, и тугим кольцом сдавил грудь. Она отстегнула ремни безопасности, которые удерживали Пака в кресле, и перетащила обезьяну к себе на колени. Так они и сидели, обнявшись в немом отчаянии, дожидаясь, когда вода разрушит стеклянный колпак и хлынет в кабину. Элли слышала плеск воды в моторном отсеке, однако кабина каким-то чудом до сих пор оставалась сухой. Элли ни секунды не сомневалась, что Горман обязательно явится за ними, этот злодей не привык полагаться на случай, он захочет лично убедиться, что Элли и Пак мертвы. Значит, есть шанс, что их достанут со дна реки. Вот только Элли не знала, радоваться этому или бояться. Если Горман вовремя не отыщет самолет, они с Паком задохнутся, как только в кабине закончится кислород; если же доберется до них раньше, то пристрелит обоих. А пока Элли сидела, прижимая к себе Пака, и пыталась сообразить, как же им все-таки выбраться из этой подводной ловушки и добраться до дома. Когда лампы водолазов прорезали черную толщу воды и осветили кабину, Элли увидела ужас в глазах Пака, это придало ей сил. «Если понадобится, — решила Элли, — я разобью стекло, посажу Пака себе на спину, и мы вместе поплывем по этой холодной и грязной реке».

Водолазы обмотали самолет тросами. Элли почувствовала, как машина качнулась и медленно поползла вверх. Кровь стучала у нее в висках, еще мгновение — и они окажутся на поверхности. Но потом Элли заметила двоих мужчин, которые, перегнувшись через ограждение палубы, наблюдали за ней, и внутри у нее все оборвалось. Элли в панике заметалась по кабине и попыталась откинуть стеклянный колпак, но вовремя сообразила, что как раз этого делать и не стоит.

— Отлично, мы им сейчас устроим фейерверк, — прошептала Элли. — Иди сюда, Пак. У нас все получится, нужно просто сохранять спокойствие.

Пак обвил ее шею лапками. Элли прижала его к груди, сделала глубокий вдох и сфокусировала взгляд на лобовом стекле самолета. Вскоре на грязной поверхности стеклянного колпака появилась светящаяся белая точка. Никто из стоявших на палубе людей не понял, что произошло. Никто, кроме Мэла Гормана. Он сразу заметил, как изменилось лицо Элли, и узнал сосредоточенное выражение, появившееся в ее больших черных глазах.

— Берегись! — завопил Горман, прикрывая лицо рукавом пальто.

Но было слишком поздно. Раздался оглушительный треск. Всех, кто стоял на палубе, окатило фонтаном грязной воды: закрывавший кабину стеклянный колпак сорвало и отбросило далеко в сторону, словно внутри самолета взорвалась бомба. Несколько мгновений на палубе царила полная неразбериха. Спасатели, ослепленные хлынувшей им в лицо водой, протирали глаза, кое-кто из полицейских выронил оружие и теперь ползал под ногами у остальных, шаря руками по палубе в поисках пистолета. Когда и те и другие пришли в себя, Элли уже и след простыл. Раскуроченный самолет быстро заполнялся водой, а начальник речной полиции с воплями метался по палубе — на голове у него сидела взъерошенная обезьяна.

— Помогите, помогите! — надрывался он, — А-а-а-а, отцепите от меня это чудовище!

Толстяк отчаянно мотал головой, пытаясь стряхнуть с себя обезьяну. Полицейские, позабыв об оружии, бегали вокруг своего начальника, напоминая участников игры в третий лишний, которые мечутся вокруг одного-единственного стула. Вся эта беготня и шум еще больше пугали Пака. Неожиданно он выгнул спину и вцепился в ухо начальнику полиции, затем вскинул голову и, оскалив окровавленную пасть, издал душераздирающий вопль. Никогда в жизни полицейские не видели ничего более ужасного. Орущая обезьяна с окровавленными клыками показалась полицейским исчадием ада, они окаменели, и теперь сцена напоминала игру в замри-умри.

— Да не стойте же вы, как стадо баранов! — раздался крик Гормана. Он растерянно озирался по сторонам, не понимая, куда могла подеваться Элли, — Пристрелите эту чертову

обезьяну и найдите мне эту ПРОКЛЯТУЮ ДЕВЧОНКУ!

А Элли тем временем находилась неподалеку от них — ухватившись руками за якорную цепь, она прижималась к борту лодки. Течение в реке оказалось настолько сильным, что Элли с трудом удерживалась на месте, от холода перехватывало дыхание. Она из последних сил цеплялась за цепь, пытаясь противостоять напору воды.

«Нет, Пак не выдержит такого путешествия, — в отчаянии думала Элли. — Слишком холодно, и течение слишком быстрое, он погибнет, как только коснется воды».

Зубы отбивали барабанную дробь, коченеющие пальцы сами собой начали разжиматься, течение потащило ее прочь, но в последнее мгновение Элли все же успела перехватить руку и удержалась возле борта. Она слышала вопли начальника полиции и приказ Гормана пристрелить Пака. Желание спасти своего друга придало ей силы. Элли вскарабкалась наверх, подтянулась на руках и, перевалив через ограждение, спрыгнула на палубу. Необычный вид Элли заставил полицейских отшатнуться. В своем белом комбинезоне она напоминала ангела, который неожиданно спустился к ним на судно, но ее горящие глаза были чернее воды за бортом. Элли заправила за уши мокрые пряди волос и молча взглянула на Пака; обезьяна тут же отпустила начальника полиции и одним мощным прыжком перелетела на руки хозяйке. Пак прижался к груди Элли и уткнулся носом ей в шею.

— Убейте их, — прохрипел Горман, от ярости он почти лишился голоса. — Ну, чего устались, стреляйте!

В этот момент обессиленный начальник полиции покачнулся, сделал несколько неуверенных шагов и рухнул за борт.

— Нет! — невольно вскрикнула Элли. — Помогите же ему!

Однако никто не двинулся с места. Для них толстяк превратился в покойника, как только мохнатая обезьянья лапа прикоснулась к нему. Они молча наблюдали за тем, как черная вязкая вода поглотила начальника полиции. Затем полицейские вскинули руки с пистолетами и направили их на Элли. На этот раз у них не было ни малейших сомнений: перед ними стоял ребенок, на руках у которого сидела зараженная чумой обезьяна. Кроме того, они не могли забыть сорванный колпак самолета — не иначе девчонка обладает какой-то дьявольской силой. Однако они и предположить не могли, какие чудеса им еще предстоит увидеть. Воспоминания об этой встрече ранним сырым утром посредине черной реки, бесшумно несущей свои холодные воды, будут преследовать полицейских до конца жизни.

Как только они вскинули пистолеты, собираясь пристрелить девчонку и ее ужасную обезьяну, глаза Элли вспыхнули, словно раскаленные угли, а бледная кожа начала светиться, как будто внутри у нее зажглась яркая лампочка. Полицейские почувствовали странное жжение в кончиках пальцев и ладонях; казалось, энергия, которую излучал взгляд Элли, пронзает их насквозь, ускоряя ритм сердца и заставляя кровь быстрее нестись по жилам. Неожиданно пистолеты полицейских повели себя самым странным образом: они начали подрагивать и извиваться, как живые, словно оружие само пыталось выскочить из руки. Стоявшая перед ними девочка не произносила ни слова, она не двигалась и даже не моргала, просто с невозмутимым видом смотрела на них. Но полицейские не могли выстрелить в нее. Пистолеты отказывались целиться в Элли, хотя полицейские изо всех сил сжимали их обеими руками. И, прежде чем стражи порядка успели сообразить, что происходит, два пистолета оказались в руках у Элли, остальные полетели за борт. Потрясенные полицейские то смотрели на свои ладони, как будто впервые видели их, то переводили полный ужаса взгляд на Элли.

— Прочь с дороги, — спокойно произнесла Элли. Она сделала пару шагов вперед, постепенно продвигаясь к тому месту, где был перекинут трап, соединявший лодку спасателей и полицейский катер. — Иначе я всех вас убью.

Полицейские в страхе попятились, кое-кто даже косился за борт, прикидывая, не безопасней ли будет прыгнуть в ледяную воду, чем оставаться рядом с этим странным

ребенком.

— Всем стоять! — заорал Горман, обращаясь к полицейским. — К тебе это тоже относится, — прошипел он, оборачиваясь к Элли, — Еще шаг, и твой брат, твой отец и твоя мама умрут. Около вашей квартиры в Барфорд-Норде дежурят мои люди. Стоит мне приказать, и они расстреляют всю твою семью. И в этом будешь виновата только ты, Элли!

Элли окаменела. У нее было такое чувство, будто Горман вонзил ей нож прямо в сердце.

— Ты же понимаешь, Элли, что никогда не сможешь вернуться домой, — Горман впился в нее взглядом.

— Но я просто хотела сообщить им, что жива, — едва слышно прошептала Элли, глядя на Гормана полными слез глазами, — И все. Я не выдам ваш Секрет, обещаю.

— Нет. Я сказал нет, — холодно повторил Горман. — Ты принадлежишь *мне*, и только мне.

— Ну, пожалуйста! — взмолилась Элли. — Позвольте мне повидаться с ними. Всего несколько минут. Я так соскучилась.

— Нет.

— Почему? — Слезы потекли по щекам Элли. — Почему я не могу повидаться со своими родителями? Что вам от меня нужно?!

— Скоро узнаешь, — сказал Горман.

— Пожалуйста! — Теперь Элли плакала навзрыд. — Почему вы не хотите сказать мне? Вы похитили меня, не разрешаете видеться с семьей, но ничего не объясняете! Пожалуйста!

— Нет! — злобно рявкнул Горман. — Скажу, когда сочту нужным. Решения здесь принимаю я.

Элли отвернулась и уставилась на воду, слезы душили ее. Все пропало. Неужели она серьезно полагала, что ей удастся сбежать от Мэла Гормана! Все тело Элли обмякло, пистолеты выпали из рук и с глухим стуком упали на палубу.

— Полежай вон туда. — Горман показал на большой гроб. — И уложи Пака во второй ящик, пока я не пристрелил его. Это послужило бы тебе хорошим уроком. Ты доставила мне массу неприятностей, Элли. Ты испортила мне отпуск.

Увидев на палубе два гроба — один побольше, для нее, и второй поменьше — для Пака, Элли содрогнулась. Костлявые пальцы Гормана впились ей в плечо.

— Нет! — вскрикнула Элли, когда Горман подтолкнул ее к гробу. Для ходячего скелета он оказался на удивление сильным, — Там нечем дышать. Мы задохнемся!

Мэл Горман схватил пистолет и прострелил несколько дырок в крышке гроба.

— Пожалуйста, — усмехнулся он, — вентиляционные отверстия. Ну, полежай.

У Элли дрожали руки, когда она гладила Пака по голове и шептала ласковые слова, успокаивая обезьянку. Это было ужасно. Пак смотрел на нее снизу вверх, его ясные глаза светились безграничным доверием, и Элли чувствовала себя предательницей. Бедняжка Пак! Когда Элли уложила его в гроб и опустила крышку, Пак начал тихонько подвывать от страха. По щекам Элли бежали слезы, когда она сама забиралась в гроб, внутри у нее всколыхнулось новое незнакомое чувство. Такого гнева и такой всепожирающей ненависти Элли не испытывала ни разу в жизни; это чувство росло и ворочалось в душе, наполняя Элли жаром, а нарастающий гул в ушах напоминал отдаленный шум водопада.

Горман стоял между двумя гробами и задумчиво смотрел на лежавшую перед ним Элли. В душе у него тоже возникло новое чувство, или, по крайней мере, он давно не чувствовал ничего подобного. Горман ощущал некое подобие радости. Он снова заполучил Элли — целую и невредимую; а значит, время и деньги, которые он на нее потратил, не пропали даром. И главное, теперь Горман знал, как управлять девчонкой: стоит пригрозить, что он убьет обезьяну и уничтожит дорогих ее сердцу людей, и маленькая упрямца выполнит любой его приказ.

— Скоро все наладится, — почти ласково произнес Горман. — Через несколько недель у тебя появятся новые друзья, на «Снежной королеве» будет не так скучно.

— Вы собираетесь украсть еще сотню-другую детей? — спросила Элли, поглядывая на Гормана снизу вверх. — Неужели тех двоих, которых умерли на вашей «Снежной королеве», вам мало?

Угли ненависти, тлевшие в душе Элли, превратились в пылающее пламя, кровь в висках пульсировала все быстрее и быстрее, гул в ушах превратился в злобное рычание близкого зверя, и этот зверь выпустил когти, готовясь к прыжку.

— Сотня-другая детей меня не устроит, — серьезно сказал Горман. — Мне понадобится больше, намного больше. Когда-нибудь ты поймешь, зачем.

— Надеюсь, что нет, — горько усмехнулась Элли, — Потому что, если я *пойму* вас, это будет означать, что я стала такой же, как вы.

— Твои сверстники сами захотят прийти ко мне, — уверенно продолжил Горман, — Они будут умолять меня дать им работу.

Элли пристально смотрела на Гормана, всей душой желая ему смерти. Элли казалось, что ее полные ненависти глаза излучают два острых луча, которые пронзают Гормана насквозь. В течение нескольких секунд Горман с невозмутимым видом смотрел на Элли, он даже слегка улыбался, довольный собой. Элли не думала, что ее взгляд может причинить Горману вред, она даже не догадывалась, что способна на такое, поэтому, когда Горман болезненно вздрогнул и отпрянул назад, Элли даже в голову не пришло, что причиной этому был ее испепеляющий взгляд. Горман сдавленно охнул и широко разинул рот, по тощему телу старика пробежала судорога, словно его ударило током, затем из правой ноздри потекла тоненькая струйка крови. Громко клацнув зубами, Горман с трудом сомкнул сведенные судорогой челюсти. Взгляд черных глаз Элли, словно магнит, был прикован к голове Гормана. Теперь она и сама чувствовала это и попыталась отвести глаза, неожиданно поняв, что происходит. Горман тоже понимал это. Он ясно слышал рев зверя, проснувшегося в душе Элли, ощущал клокающую в ней ярость, которая, словно луч лазера, вспарывала его мозг. Боль была невыносимой, за всю свою долгую жизнь Мэл Горман не испытывал ничего подобного.

— Закройте крышку, — прохрипел он. Горман покачнулся, и, если бы стоявший позади полицейский не подхватил его, старик рухнул бы на палубу. — Быстрее!

Полицейские захлопнули крышку гроба.

Последнее, что видела Элли, — бледное, перекошенное от ужаса лицо Гормана. В течение последующих нескольких недель этот образ преследовал ее днем и ночью.

ГЛАВА 4

Телеголовастики

Городская больница Барфорд-Норда располагалась в сером бетонном здании с облупившимся фасадом, по которому расплзлись неровные трещины и пятна сырости, и больше напоминала тюрьму. В отличие от расположенной неподалеку частной клиники, в коридорах больницы не было ни цветов в красивых горшках, ни мягких ковров на полу, из динамиков не лилась тихая успокаивающая музыка, а посетителей не встречали улыбающиеся медсестры в белоснежных хрустящих халатах. Стоящие в приемном покое алюминиевые стулья с исцарапанными пластиковыми сиденьями были привинчены к полу. Отопления в больнице тоже не было. В углу сиротливо притулился кофейный автомат — после долгих хрипов и кашля машина выплевывала в стаканчик бурую жижу, отдаленно напоминавшую кофе. В другом углу спал какой-то пьяный мужчина, время от времени он принимался отчаянно мотать головой, бормоча сквозь сон что-то бессвязное о шашлыке и соусе.

Родители Мики молча сидели у окна, за которым занималось серое дождливое утро. Дождаясь новостей, оба зябко кутались в пальто. По щекам Аши бежали слезы, она вспоминала, как кричала на сына, это было всего за несколько минут до того, как он начал задыхаться.

Она разозлилась на Мику не столько потому, что он поднял их среди ночи; главной причиной ее раздражения было упрямство сына: мальчик упорно отказывался принять смерть сестры. А теперь он тоже может умереть, и сердитые слова матери будут последними, которые Мика слышал перед смертью. Аша чувствовала себя ужасно виноватой. Она всей душой любила своих детей, и сейчас ее сердце разрывалось от боли. Аша скорее согласилась бы умереть сама, чем жить без них.

Дэвид взял руку жены в свои ладони и крепко сжал холодные пальцы Аши. Он не привык открыто выражать свои чувства перед посторонними и не хотел, чтобы сновавшие мимо врачи и сестры видели его волнение. Со стороны Дэвид казался абсолютно спокойным, как человек, который просто сидит на остановке, дожидаясь автобуса, но внутри у него все разрывалось от горя и боли.

Ожидание длилось бесконечно долго. Наконец, через два часа после их прибытия в больницу к Дэвиду и Аше вышел доктор. Они прошли по тускло освещенному коридору и остановились перед входом в палату Мики. Доктор, маленький человек с бледным худым лицом и серьезными глазами, выглядел усталым; казалось, он торопится поскорее уйти.

— Прежде всего, я рад сообщить вам, что с вашим сыном ничего серьезного, — сказал доктор, поглядывая на свои наручные часы. — Так что можете забрать его домой.

— Как? — не веря своим ушам, воскликнула Аша. — Два часа назад он был при смерти! Он задыхался! А вы говорите — ничего серьезного. Как такое возможно?

— Странно, я ждал несколько иной реакции, — сказал доктор. — Обычно родители счастливы, когда им говорят, что с их ребенком все в порядке.

— Конечно, конечно, я счастлива, — заикаясь, пробормотала Аша. От смущения у нее на глазах навернулись слезы, — Просто я не ожидала... Он выглядел таким больным и...

— Зато сейчас он совершенно здоров, — нетерпеливо перебил ее доктор. — Когда мы его осматривали, он вдруг пришел в себя и сел на кровати. Мы спросили, знает ли он, что с ним случилось, но мальчик начал говорить что-то невразумительное о воде в моторе и попкорне. А еще он сказал, что все вокруг было черным, и он ничего не видел. Мы тщательно обследовали его, сделали необходимые анализы и с уверенностью можем сказать: зрение вашего сына в полном порядке.

— А каково *ваше* мнение, доктор? Что с ним случилось? — спросил Дэвид. — Ведь мальчик чуть не задохнулся. Должна же быть какая-то причина.

— Понятия не имею, — пожал плечами доктор. — Кто знает, что происходит в сознании подростка в предпубертатный период. У него нет проблем в школе или дома?

Аша и Дэвид испуганно переглянулись.

— Есть, — глядя в пол, сказал Дэвид. Ему не хотелось рассказывать этому усталому доктору о том, что случилось в их семье, но, видимо, придется. — Его сестра-близнец умерла год назад, но Мика не желает верить, что Элли больше нет.

— А-а, — протянул доктор, — это многое объясняет. Близнецы очень привязаны друг к другу, для них потеря брата или сестры — это как потеря части собственного «я».

— То есть вы думаете, все дело в его психическом состоянии? — спросила Аша. — Из-за этого он задыхался?

— Вполне возможно, — кивнул доктор. — Я полагаю, вам следует обратиться к психологу, вашему сыну нужна помощь. И вообще, он очень нервный мальчик.

Дэвид и Аша кивали, неохотно соглашаясь с доктором.

— И еще одна вещь, — добавил доктор, — я заметил, что у Мики имеется мутация — перепонки между пальцами ног. Однако в его медицинской карте об этом нет ни слова. Почему?

— Мы сами не сразу заметили. Мутация Элли была более явной — она родилась с перепонками на руках, поэтому девочку прооперировали вскоре после рождения, а на Мику просто не обратили внимания. А что?

— По закону ребенок-мутант должен быть зарегистрирован в специальной картотеке, — сказал доктор.

— Зачем? — удивилась Аша. — Ведь мутация никак на нем не сказывается, а если об этом станет известно в школе, его начнут дразнить.

— Не знаю, — пожал плечами доктор. — Но вы обязаны сообщить об этом властям, таков закон. Вы можете заполнить соответствующую карту в регистратуре нашей больницы, когда будете оплачивать счет.

Доктор развернулся и быстро зашагал по коридору, оставив смущенных родителей стоять у дверей палаты. Дэвид и Аша смотрели ему в спину, пытаясь переварить полученную информацию: они должны радоваться тому, что их сын пришел в себя, и обратиться к психологу, потому что «Мика очень нервный мальчик».

— Не переживай, — Дэвид обнял жену за плечи. — Через пару месяцев он будет в полном порядке. Наверное, ему действительно надо помочь, беседы с психологом, и все такое. А нам тоже нужно постараться быть с ним более терпеливыми. Возможно, ему следует заняться каким-нибудь спортом, чтобы он не валялся с утра до вечера в постели. Как думаешь?

— Не знаю, — всхлипнула Аша. — Я просто люблю его и хочу, чтобы он был счастлив.

* * *

Прошло несколько недель. Мика начал посещать психолога, и, хотя он по-прежнему был угрюмый и замкнутый, Хелен ему нравилась. Они встречались раз в неделю. Каждую среду после занятий в школе Мика отправлялся к ней домой. Хелен была старой, проходила целая вечность, прежде чем она, шаркая шлепанцами, доползала до прихожей и открывала дверь. Все это время Мике приходилось терпеливо ждать на лестнице. Наконец, после долгой возни с замками его впускали в дом, и они садились пить чай. Но тут выяснялось, что у Хелен закончился сахар либо подгорело молоко, поэтому приглашение к столу всегда сопровождалось извинениями и оправданиями. Но для Мики это было не важно. Встречи с Хелен были невероятно скучными, нечто вроде обязательного воскресного визита к бабушке, однако само пребывание в ее квартире, где было полно старых пожелтевших книг, искусственных цветов и забавных фарфоровых статуэток, доставляло Мике истинное наслаждение. Здесь он мог позволить себе расслабиться, потому что Хелен была единственным человеком, который в принципе допускал мысль, что Элли жива.

— Вы вовсе не обязаны соглашаться со мной, — говорил Мика, прихлебывая чай из большой керамической кружки. — Ваша задача — лечить мою психику, а не расшатывать ее еще больше.

— Ага, я знаю, — хихикала Хелен. — Хочешь пирожное?

— Хочу, — кивнул Мика. — Сейчас принесу, — сказал он, поднимаясь из-за стола.

— Не надо, сиди уж, обжора, я сама.

Мика смотрел, как она поднимается с дивана и, шаркая шлепанцами, бредет на кухню. За окном шумел дождь, стук капель по стеклу напоминал барабанную дробь. Единственными звуками, нарушавшими тишину комнаты, было мерное тиканье настенных часов и шумное дыхание Хелен, когда старушка медленно сгибалась в поясице, чтобы достать с нижней полки коробку с пирожными. Хелен выглядела такой же хрупкой, как ее китайские статуэтки, которыми были уставлены полки книжного шкафа, — казалось, что, если она упадет, ее худое тело рассыпется на тысячи осколков. Однако впечатление это было обманчивым. Мика знал, что за хрупкой физической оболочкой скрывается человек с железной волей и решительным характером. Внешне Хелен смахивала на ведьму, она одевалась как бездомная бродяжка и обладала хладнокровием удава: никакие самые шокирующие признания не могли смутить старушку.

— Мне снова снились кошмары, — сообщил Мика.

— Неужели? — Хелен разогнулась и, тяжело дыша, направилась обратно к дивану. — Что-нибудь интересное?

— Не очень, — улыбнулся Мики, ему нравилось ее чувство юмора.

Хелен поудобнее устроилась на диване, как человек, который собирается провести вечерок перед телевизором, и положила коробку с пирожными на стол. Пирожные были черствыми, та же самая коробка, которую Мика видел неделю назад. Скорее всего, срок годности давно истек, но он все же отважился взять одно.

— Спасибо. — Мика откусил кусочек и прожевал, стараясь не морщиться.

— Ну, так ты расскажешь о своих скучных кошмарах? — спросила Хелен.

— Ну, если хотите...

— Выкладывай, — Хелен с энтузиазмом закивала головой, — обожаю захватывающие триллеры.

Мика доел пирожное, Хелен протянула ему еще одно, но Мика осторожно положил его на скатерть рядом со своей чашкой.

— Тебе снится один и тот же кошмар или каждый раз разный? — спросила Хелен.

— Один и тот же, — сказал Мика.

— С чего он обычно начинается?

Мика вспомнил начало своего сна и внутренне содрогнулся. Сейчас он не был уверен, хочется ли ему говорить об этом с Хелен. Мику охватило знакомое чувство ужаса, который не отпускал его даже после пробуждения и черным облаком преследовал в течение всего дня.

— Ты передумал? — спросила Хелен, наблюдая за тем, как Мика катает пальцем по скатерти крошки. — Неважно, мы можем поговорить о чем-нибудь другом или сыграть партию в покер.

— Нет, я действительно хочу рассказать вам мой сон. Просто... просто это очень страшно.

— О, я заинтригована. Начинай, пожалуйста, не томи.

— Ладно. — Мика сделал глубокий вдох. — Вначале я лежу на больничной койке. Больница похожа на ту, куда меня привезли... ну, в тот раз, когда я начал задыхаться. Я открываю глаза и вижу колышущуюся зеленую занавеску, а потом понимаю, что они забрали мою одежду и надели на меня больничную распашонку — вы знаете, такая дурацкая штука с завязками на спине, которая едва прикрывает задницу.

— А, да-да, знаю. Ненавижу эти больничные рубашки, — горячо воскликнула Хелен. — Совершенно неподобающая одежда для приличного человека, но для кошмара самый подходящий наряд. Но я тебя перебила, извини. Продолжай, пожалуйста.

— Занавеска начинает шевелиться, как будто кто-то хочет откинуть ее, но не в одном месте, а по всей длине. Потом она вспучивается, и я вижу контуры лиц, как если бы люди прижимались к ней с другой стороны. Вдруг картинка меняется, как в театре, когда поднимают занавес, и я оказываюсь среди этих ужасных людей. Они толпятся вокруг моей кровати, толкают друг друга и склоняют головы то вправо, то влево, как будто хотят получше рассмотреть меня.

Хелен удовлетворенно кивнула.

— Почему ты называешь их ужасными? Что тебе в них не нравится? — спросила она.

— Их головы, — Мика запнулся, — Боюсь, это прозвучит глупо...

— А ты попробуй, — подбодрила его Хелен, — Итак...

— Вместо нормальных голов у них на плечах старые телевизоры, знаете, такие квадратные ящики со стеклянным экраном, большие и тяжелые. Они слишком тяжелые для их тонких шей.

— А, знаю, — подтвердила Хелен, — когда я была маленькой, у меня в спальне стоял такой. Изображение было ужасным.

— Бог мой, да вы действительно ужасно старая, — воскликнул Мика и тут же прикусил язык. — Ой, извините, я не хотел.

— Ничего, все в порядке, — расхохоталась Хелен. — Я действительно ужасно старая. А лица у этих людей есть?

— Есть. Они видны на экранах телевизоров. Это очень страшные лица, похожие на

скелеты, кожа сухая и желтая, плотно обтягивает скулы, и волос на голове почти нет, они похожи на мумии. Люди начинают разговаривать, они обсуждают, как им лучше приготовить меня. Одни говорят, что предпочли бы съесть меня в виде отбивной, а другие настаивают, что рубленый бифштекс будет вкуснее. А в ногах кровати стоит Главный Мясник, он ничего не говорит, просто точит нож и пристально смотрит на меня. И тут меня охватывает настоящий ужас, я пытаюсь пошевелиться и не могу. Я парализован. Вдруг комната погружается в темноту, экраны начинают светиться еще ярче, теперь я вижу только их лица. Люди перестают спорить, они молча смотрят на меня и облизывают свои морщинистые губы длинными шершавыми языками.

— Ты узнаешь кого-нибудь из них? — спросила Хелен. — Это учителя из твоей школы или, может быть, человек с ножом похож на полицейского, который сообщил вам о смерти Элли?

— Нет, — Мика поежился, — Но они очень старые, напоминают ходячих покойников.

— Твои ходячие покойники смахивают на людей, которые принимают таблетки бессмертия, — пренебрежительным тоном сказал Хелен. — Ничего глупее не придумаешь — платить сумасшедшие деньги за горсть таблеток, чтобы стать похожим на скелет и пугать окружающих своей физиономией. И все это ради лишних пяти-шести лет жизни. Взять хотя бы наш парламент, настоящая гробница. После Эпидемии все самые отвратительные люди заняли все самые высокие посты. Таблетка бессмертия — это самое вредное изобретение нашего времени. Я считаю, что люди должны достойно уходить из жизни, когда приходит их срок. Но это только между нами, я не стала бы распространяться на подобную тему с малознакомыми людьми. — Хелен многозначительным взглядом уставилась на Мiku поверх своей чашки.

— Я понял, — улыбнулся Мика.

— Что еще ты можешь рассказать о телеголовастиках? — спросила Хелен.

— Большинство из них мужчины, но я заметил парочку женщин. А в конце Главный Мясник вскидывает руку с ножом, и я вижу, как лезвие сверкает в голубоватом отблеске его лица-экрана.

— А чем все заканчивается? Они сжирают тебя в виде отбивной или рубленого бифштекса? — поинтересовалась Хелен.

— Не знаю. Я кричу и просыпаюсь. Мои вопли пугают маму.

— Еще бы, — хмыкнула Хелен.

ГЛАВА 5 Розовый яд

Жить в квартире-раскладушке было не так-то просто. Единственная зелень, которую видели обитатели этих квартир, была зеленая плесень на стенах соседних домов. После того как на Земле случилась Эпидемия и большая часть планеты стала непригодна для жизни, людям пришлось оставить насиженные места и, навсегда забыв о том, что такое солнце, лес и зеленая трава, переселиться в города вроде Барфорд-Норда, которые специально построили для беженцев. Здесь начинало казаться, что все население земного шара сгребли в одну кучу, бросили в огромный котел и тщательно перемешали, а затем разлили по бетонным коробкам. Например, соседом Мики был человек из Монголии, который большую часть жизни прожил в войлочной юрте; этажом выше жила женщина из Перу, когда-то она работала на ферме по разведению лам, теперь все они жили в квартирах-раскладушках. Существование в столь ограниченном пространстве научило людей терпению. Если ты живешь в квартире размером с носовой платок, раздражаться бессмысленно. Для того чтобы достать одну вещь, сначала надо убрать другую, а если ты делаешь это в спешке, то все пойдет наперекосяк и в результате вместо спагетти у тебя на тарелке окажется бельевая веревка. Если обитатели квартир-раскладушек хотели воспользоваться кухней, сначала им нужно было сложить диван, если же они хотели принять душ, прежде нужно было

отодвинуть в сторону обеденный стол. Когда они поворачивали кран в ванной, душ начинал шипеть и плеваться ржавой водой; когда они слишком громко чихали, от буфета отваливались ручки, а стены были настолько тонкими, что они слышали, как их соседи чиркают зажигалкой. Единственный предмет мебели, который они могли себе позволить, — это раскладной диван перед телевизором.

Но жаловаться на тяжелую жизнь было так же бессмысленно, как сердиться на тесноту квартиры, поскольку ничего изменить все равно нельзя. Никому не под силу совершить чудо и снова сделать мир прекрасным. Тропические леса, бескрайние зеленые поля, светлые березовые рощи и чистые реки навсегда исчезли с лица земли; нашествие животных и последовавшая затем эпидемия чумы загнали людей за бетонную Стену. Время шло, и постепенно они привыкали жить в этом каменном аду. Хотя были в такой жизни и положительные моменты. Например, поссорившись, люди не могли просто хлопнуть дверью и уйти (если, конечно, вы не готовы переселиться на лестничную площадку), поэтому люди старались быть более терпимыми друг к другу. Если не считать мелких ссор, семья Мики жила дружно, и так продолжалось до того дня, когда, вернувшись из школы, Мика заявил, что его хотят отравить.

Школа Мики ничем не отличалась от других школ, которые строились в городах для беженцев: серый бетонный куб поддерживали четыре стальные сваи, покрытые ржавчиной и коричневыми водорослями. Сваи казались слишком тонкими, чтобы удерживать над водой тяжеловесную конструкцию и находящихся внутри детей. Школьный двор заменяла залитая бетоном площадка с осклизлым полом, втиснутая в узкое пространство между сваями под зданием школы. В результате получалось, что над головами детей, игравших на такой площадке, нависала бетонная глыба, а внизу плескалась холодная черная вода. Тусклые лампочки освещали длинные коридоры, в которых пахло сыростью и плесенью; голые стены классов сливались с серыми бетонными полами. Здесь не было даже настоящих окон, на одной из стен висел длинный ряд фотографий, на которых были изображены красивые пейзажи, существовавшие на Земле сорок лет назад. Другая стена была увешана красочными плакатами с изображением пораженных чумой животных — налитые кровью глаза, оскаленные пузырящиеся пеной пасти внушали детям ужас. Рядом с плакатами висели две карты. Одна — с многочисленными изумрудно-зелеными островками, которыми были обозначены леса, — давала представление о том, какой Земля была до Эпидемии. На второй карте ученики могли видеть, во что она превратилась после катастрофы: серая заплатка в верхней части земного шара означала территорию, огражденную Стеной, за которой находились современные бетонные города. Остальное пространство было закрашено грязно-желтым цветом, здесь раскинулась безжизненная пустыня, покрытая толстым слоем ядовитой пыли и пепла. Кроме этих мрачных картинок, иных украшений в классах не было. Да и зачем, если в школе учились дети беженцев — они родились после Эпидемии и все равно никогда в жизни не увидят ни леса, ни травы. У них даже не было настоящих учителей, вместо живых людей с ними общались рисованные человечки, которые появлялись на мониторах, установленных на каждой парте. Классная руководительница Мики, миссис Фулер, восседала за учительским столом, однако ее единственной обязанностью было следить за дисциплиной и орать на учеников, чтобы они заткнулись и слушали своих мультяшных преподавателей.

Зимой в школе было так холодно, что детям приходилось сидеть в пальто и шапках. Миссис Фулер надевала перчатки с отрезанными пальцами, укрывала колени пледом и заматывала голову платком. Отопление было слишком дорогим удовольствием для обычной городской школы. Для того чтобы учиться в светлых и теплых классах и иметь настоящих учителей, нужно ходить в частную школу. Поэтому не трудно представить удивление Мики, когда однажды утром он вошел в класс и увидел развешанные по стенам воздушные шары и спускающиеся с потолка бумажные гирлянды. От обилия ярких красок рябило в глазах. Мика замер на пороге, в недоумении хлопая ресницами: уж не забрел ли он по ошибке в чужую школу? Но потом Мика увидел миссис Фулер. Она сидела на своем обычном месте и

занималась очень странным делом: пожилая учительница старательно надувала воздушные шарик, ее выцветший мешковатый кардиган украшали ленточки серпантина, намотанные вокруг пуговиц. Когда Мика прошел к своему месту в первом ряду и небрежно бросил на пол сумку с учебниками, выяснилось, что здесь его ждет еще один сюрприз — на парте стояла пластиковая тарелочка с пирожным. Пока Мика расстегивал промокшую куртку и усаживался за парту, он недоверчиво косился на неожиданное угощение. Остальные дети, очнувшиеся от своей обычной тоскливой полудремы, взволнованно перешептывались.

— Не трогайте пирожные! — гаркнула миссис Фулер, вешая на стену очередной шарик. — Подождите, пока соберутся все остальные.

Присмотревшись к своему пирожному, Мика обнаружил на нем выведенные голубой сахарной глазурью буквы — КОРД. Он отодвинул тарелку на край парты и прикрыл глаза, пытаясь справиться с нахлынувшим на него чувством одиночества, которое охватывало Мика всякий раз, как только он переступал порог школы. С тех пор как не стало Элли, посещение школы превратилось для него в настоящую пытку. В течение нескольких дней после ее исчезновения одноклассники были чрезвычайно внимательны к Мике. Они подходили со словами поддержки и утешения, но вскоре стало понятно: они уверены, что Элли мертва. Друзья Элли останавливались перед ее портретом в траурной рамке, который вывесили в вестибюле школы, и заливались слезами, как пятилетние дети, однако уже через две недели все успокоилось и вели себя так, словно Элли никогда не существовало на свете.

Миссис Фулер оказалась более чуткой, но ее внимание приводило Мика в смущение. Она постоянно спрашивала, как он себя чувствует и все ли у него в порядке, и печально кивала головой, словно священник на похоронах, когда Мика с каменным лицом заявлял, что у него все отлично. Вскоре он начал избегать миссис Фулер; в конце концов учительница оставила его в покое, и Мика вздохнул с облегчением.

Затем начались издевки. В классе Мики учился мальчик по имени Рубен Снайт, невероятно злобный и жестокий тип. Мучнисто-белый цвет лица Снайта наводил на мысль, что вместо крови у него в жилах течет молоко, а длинный и острый нос вызывал опасения — как бы он не проткнул им парту. Рубен пользовался уважением среди одноклассников, но лишь потому, что гораздо безопаснее было дружить с ним, нежели иметь в качестве врага. Рубен Снайт менял друзей как перчатки и вечно задира мутантов.

Когда в реке неподалеку от школы нашли тело и но лицейские объявили, что это Элли, Рубен вместо сочувствия начал издеваться над Микой. Собрав своих дружков, которые с горящими глазами ждали, какую потеху на этот раз устроит их предводитель, он начал обзывать Мика, пытаясь представить его психом из-за того, что он не верит в смерть сестры. Для них это было всего лишь развлечением, попыткой отвлечься от скучных школьных будней. Но Мике шутки Рубена причиняли нестерпимую боль, он готов был сам броситься в воду. Класс превратился для него в террариум, а одноклассники — в скопище ядовитых змей. Мика чувствовал себя несчастным и потерянным, единственным его желанием было поскорее вернуться домой и лечь в постель. Но сон тоже не приносил облегчения, его постоянно преследовали кошмары с участием телеголовастиков. Мика думал, что хуже уже быть не может, но, похоже, сегодня его кошмарам суждено было превратиться в реальность.

— Итак, все в сборе, — громовым голосом начала миссис Фулер, поднимаясь из-за стола. Ее огромный бюст выпирал из кардигана, словно вместо воздушных шариков она случайно надула саму себя. — А теперь тихо! Вы, вероятно, уже заметили, что сегодня школа приготовила для вас сюрприз. Скоро к нам в класс придет необычная гостья, она представляет КОРД — Комитет по оздоровлению и развитию детей. Вам расскажут о новом проекте под названием... э-э... где же это? — Миссис Фулер бросила взгляд на листок, который держала в руке, — Ах, да, вот... проекте под названием «Дети — наше будущее». На большой перемене каждый из вас получит по бесплатному, вы слышите, *бесплатному* сэндвичу, а еще... во время завтрака будет звучать музыка, да-да, вы услышите прекрасную музыку. Также наша гостья расскажет вам о правильном питании, о витаминах, об упражнениях и о новой интересной игре, в которую вы сможете играть после школы. По-

моему, все это очень интересно, не так ли, дети? А пока мы ждем представителя КОРДа, можете съесть свое пирожное.

Мика сидел в первом ряду, который прозвали местами для уродов. Сюда сажали отстающих учеников, злостных нарушителей дисциплины и детей-мутантов, чтобы миссис Фулер могла присматривать за ними. Соседями Мика были: Роланд, подслеповатый очкарик, который в своей повседневной речи пользовался такими словами, как «обусловленный» и «обоснованный»; Лара, девочка-мутант с длинными желтыми зубами, похожими на гигантские зерна кукурузы, и Карлос, тоже мутант, который с легкостью закидывал за ухо свой длинный нос, больше похожий на хобот слона. Мику пересадили на первый ряд из-за его плохой успеваемости. Это считалось наказанием, но он предпочитал сидеть здесь, чем на задних рядах рядом с опустевшей партой Элли. Теперь рядом с Микой сидел новенький мальчик, его семья недавно переехала в Барфорд-Норд из Лондона, где они жили в Царстве Теней. Мальчика звали Коби Ненко. Коби смахивал на большой тряпичный узел, который небрежно бросили на стул: его всклокоченные длинные черные волосы полностью закрывали лицо. Девочки боялись Коби, но Мике он нравился, парень был тихим и молчаливым. Конечно, Мика не собирался покровительствовать новичку, ему хватало собственных проблем, но упорное молчание Коби возбуждало его любопытство. Он чувствовал, что за этой непроницаемой завесой из волос скрывается человек, способный думать. И вот сегодня Коби вдруг решил поделиться своими раздумьями с соседом.

— Интересно, что им от нас нужно? — пробормотал Коби из-под своей косматой гривы.

Впервые за три недели их соседства Мика услышал голос загадочного мальчика. «Удивительно, — подумал он, — словно солнце выглянуло из-за туч».

— Да уж не иначе что-нибудь нужно, — ответил он, разглядывая свое пирожное. — Обычно они не дают нам ничего, кроме домашней работы.

— Разве ты не хочешь пирожное? — с надеждой в голосе спросила Коби сидевшая позади него девочка.

Она была такой худой, что ее руки казались не толще карандаша, а глаза на узком лице с провалившимися щеками выглядели слишком большими. Коби молча протянул ей свою тарелку. Он с жалостью наблюдал за тем, как девочка целиком затолкала в рот пирожное и проглотила, почти не жуя. Мика тоже отдал девочке свое пирожное, оно моментально исчезло с тарелки. Мика был рад, что девочка приняла его угощение, у него было такое чувство, словно он избавился от чего-то неприятного и опасного.

Неожиданно по задним рядам пронесся приглушенный шепот, дверь распахнулась, и в комнату вошла высокая стройная женщина. Уверенно цокая каблуками по каменному полу, женщина прошла по центральному проходу к столу миссис Фулер. Представительница КОРДа была одета в белое платье, перетянутое на талии узким черным ремешком, и красивые лаковые туфли; ее темные волосы были собраны в тугий пучок и аккуратно заколоты на макушке. В руках женщина держала большую клетчатую сумку, которую она водрузила на стол миссис Фулер. Со спины женщина напоминала Мэри Поппинс, но лишь до тех пор, пока не повернулась лицом к классу. Мика вздрогнул, увидев ее выпученные бесцветные глаза, похожие на шарики для пинг-понга — казалось, женщина специально вынимает их на ночь из глазниц и отмачивает в стакане с отбеливателем. Ее кожа, тонкая и желтая, словно старый пергамент, плотно обтягивала череп; потрескавшиеся сухие губы были плотно сжаты, отчего рот напоминал узкую щель. Женщина вытащила из своей сумки стопку пластиковых стаканчиков и поставила ее на стол, затем извлекла табличку и пристроила рядом со стаканчиками. Надпись на табличке гласила: «Старшая сестра КОРДа Бриони Слейтер. Проект „Дети — наше будущее“». Мика, как замороженный, смотрел на сестру Слейтер. Ему вдруг показалось, что все лампочки в классе разом погасли, и он снова погрузился в свой кошмар, где нет ни стен, ни потолка, лишь кровать и покачивающаяся занавеска, за которой открывается непроглядная черная тьма, мерцающие голубоватым светом экраны старомодных телевизоров и смотрящие на него холодные глаза людоедов. К

тому моменту, когда сестра Слейтер наконец закончила разгружать свою сумку, Мика находился на грани обморока: к ним в класс заявила женщина-телеголовастик! Ночной кошмар стал реальностью!

— Доброе утро, дети! — бодрым голосом выкрикнула женщина, и жизнерадостная улыбка смяла ее бумажное лицо. — Меня зовут Бриони Слейтер.

Ответом на ее приветствие было гробовое молчание.

Брионии Слейтер провела тощей, похожей на птичью лапу рукой по своему платью, разглаживая невидимые складки.

«Прекрати глупить, — уговаривал себя Мика. — Людей из твоих кошмаров не существует, это всего лишь сон. Она не может быть телеголовастиком. Это просто НЕВОЗМОЖНО!»

— Вы, вероятно, задаете себе вопрос, зачем я здесь, — продолжила свою речь женщина. Она взмахнула руками и улыбнулась, словно собиралась продемонстрировать какой-то потрясающий фокус. — Я представляю новую организацию, которая называется Комитет по оздоровлению и развитию детей. Наш комитет был создан для того, чтобы помочь всем вам стать **ЗДОРОВЫМИ И СИЛЬНЫМИ!**

— Ну и повезло же нам, — донесся чей-то голос из последнего ряда. Вслед за репликой по классу прокатился сдавленный смех.

Бриони Слейтер не стала реагировать на замечание невоспитанного школьника, но Мика видел, с каким презрением она окидывает своими блеклыми глазами сидящих перед ней детей.

«Мы ей не нравимся, — подумал Мика. — Она считает нас отбросами».

— Сегодня вас ждет много интересного, — новоявленная проповедница снова расплылась в жизнерадостной улыбке. — Во-первых, на большой перемене вы все получите по *бесплатному* сэндвичу!

— Бесплатная кормежка? — прошептал Коби, — Они собираются откармливать нас. Интересно, зачем?

Мика с тревогой покосился на Коби. Когда к тебе в класс заявляется телеголовастик, подобные шутки не кажутся смешными. Волна липкого страха окатила его с головы до ног.

Тем временем сестра Слейтер продолжала ворковать:

— Цель проекта «Дети — наше будущее» — сделать вас сильными и умными. Обещаю, на наших занятиях вам не придется скучать. Позже я познакомлю вас с одной очень интересной игрой! Но сначала мне хотелось бы рассказать о коктейле под названием «Бодрость».

Женщина замолкла и полезла в свою сумку. Порывшись там немного, она победоносным жестом, словно фокусник, достающий из рукава кролика, извлекла из сумки маленький бумажный пакетик. Зажав пакетик двумя пальцами, сестра вскинула руку над головой, чтобы все присутствующие могли рассмотреть пакетик с чудодейственным снадобьем.

— Это и есть наш коктейль, — пояснила она. — Каждое утро, приходя в класс, вы найдете на парте вот такой пластиковый стаканчик. — Сестра Слейтер указала на стопку стаканов, вероятно, на тот случай, если дети вдруг забыли, как выглядит пластиковый стаканчик. — В стаканчике будет налита вода, рядом с ним вы найдете пакетик с коктейлем. Вы отрываете уголок... вот так... высыпаете содержимое в воду и размешиваете вот такой пластмассовой ложечкой. Затем, как только порошок растворится, выпиваете.

— Зачем? — спросил кто то из учеников.

— Коктейль «Бодрость» — это замечательный препарат. Он разработан специально для того, чтобы обеспечить ваш растущий организм всеми необходимыми витаминами. Вы первое поколение детей, родившееся через тридцать лет после Эпидемии, сейчас вы вступаете в подростковый период. Само собой, государство заботится о вашем здоровье. Нас волнует то, как вы питаетесь, и особенно мы обеспокоены тем, что вы употребляете в пищу большое количество так называемых «искусственных» продуктов. Конечно, у них может

быть вполне натуральный вкус, но вы с таким же успехом могли бы есть это, — она показала на пластиковый стаканчик, — или вот это, — сестра указала на свои лакированные туфли. Затем она нажала кнопку на пульте дистанционного управления, и мониторы на столах учеников ожили. На них замелькали фотографии, на которых были изображены спелые сочные фрукты, овощи, пышный белый хлеб, розовые ломтики ветчины. Дети молча смотрели разворачивающееся пред ними слайд-шоу.

— Вот чем вы должны питаться, — нравоучительным тоном заметила сестра.

Класс взорвался от хохота.

— Так питаются только богатые! — выкрикнул кто-то из учеников, — Мы не можем позволить себе натуральные продукты, они слишком дороги.

— Да, я знаю, — согласилась Бриони Слейтер. — Натуральные продукты *слишком* дороги, поэтому большинство людей едят дешевые заменители. И именно поэтому вы будете пить наш коктейль. Дети не могут постоянно жевать бумагу и при этом расти здоровыми и сильными.

Мика во все глаза смотрел на представительницу КОРДа, которая рассказывала им о здоровом питании, а видел телеголоастика, который думает, сделать из него котлету или зажарить целиком. Мика точно знал, что ни за что на свете не станет пить этот проклятый коктейль.

— Извините, — подал голос Мика. Бриони Слейтер уставилась на него своими бесцветными глазами, — Вы можете сказать, что входит в состав вашего коктейля?

— Питательные вещества, — коротко бросила она.

— Какие именно?

— Особые питательные вещества, — женщина отвела взгляд. — Витамины и все такое.

«Она считает меня идиотом», — подумал Мика, чувствуя, как внутри закипает гнев.

— Я хотел бы взглянуть на полный список питательных веществ, которые входят в состав коктейля «Бодрость», — заявил Мика. — Если вы предлагаете мне пить ваш препарат, я должен знать, что именно я принимаю.

— Не уверена, что тебе это поможет. Даже если ты увидишь список, то все равно ничего не поймешь, — не глядя на Мику, отрезала сестра Слейтер. Она повернулась к столу миссис Фулер и начала деловито расставлять стаканчики.

— Почему? — не унимался Мика. — Вы считаете меня идиотом?

— Я этого не говорила, — Женщина быстро обернулась и смерила Мику ледяным взглядом, — Ты сможешь разобраться в химических формулах и латинских названиях? Так, дети, у кого-нибудь еще есть вопросы? — обратилась она к классу.

Мика насупился и замолчал, сердито наблюдая за Бриони Слейтер, которая продолжала расставлять стаканчики.

В классе воцарилась тишина, дети молча пили коктейль. Мика исподтишка наблюдал за своим соседом. После некоторого замешательства Коби взял лежавший перед ним пакетик и пластмассовую ложечку. Мика видел: Коби не хочется пить коктейль.

«Не пей, Коби, не пей», — мысленно заклинал его Мика.

Коби потребовалось время, чтобы принять решение. В конце концов, он все же надорвал пакетик и высыпал его содержимое в стаканчик с водой. Мика смотрел, как Коби медленно пьет розоватую жидкость, чувствуя, как внутри у него закипает ярость. Коби выпил коктейль. И все остальные тоже. Но как они могут? Пить какую-то непонятную розовую дрянь, не зная, что там намешано! Сумасшедшие. А что, если дело не в них; что, если это *он* свихнулся? Мика начал обдумывать такую возможность. Ведь привиделось же ему, что к ним в класс явилась женщина-телеголоастик, которую он видел в своих кошмарах. Возможно, насчет Элли он тоже ошибается. Возможно, она и вправду мертва, и все люди: родители, полицейские, врачи, одноклассники, — которые уверяют его, что Элли умерла больше года назад, правы? Противоречивые мысли и чувства, бушевавшие в душе Мики, страх, недоверие, отчаяние — все перемешалось, превратившись во взрывоопасный коктейль. Мика понимал: ему надо как можно быстрее уйти из класса, пока он не взорвался.

Мика вскочил и схватил свою куртку, висевшую на спинке стула. Коби вскинул голову и посмотрел на него снизу вверх. Мика заметил умные голубые глаза, мелькнувшие из-под завесы черных волос.

— А ты куда собрался? — резким голосом спросила его сестра Слейтер.

— Мне нужно в туалет, — пробормотал Мика, чувствуя себя полным идиотом.

Сестра взглянула на нетронутый бумажный пакетик, который Мика оставил лежать на парте.

— Сначала ты должен выпить это, — сказала она, указывая пальцем на пакетик.

Мика молча замотал головой, как загнанное в стойло животное, которое видит, что выход ему преграждает мясник с ножом, и все же продолжает сопротивляться, надеясь вырваться на свободу. Весь класс встrepенулcя, слышались сдержанные смешки. Это было невыносимо. Мике казалось, что еще мгновение — и его разорвет изнутри, кожа треснет и притаившийся под его человеческой оболочкой волосатый оборотень выскочит наружу.

— Ладно, — поджав тонкие губы, произнесла сестра Слейтер, — сейчас я позову твою учительницу. — Она быстро вышла из класса, ее длинные сухие руки неподвижно висели вдоль туловища.

— Эй, ты, психопат, — выкрикнул Рубен Снайт, — думаешь, она хочет отравить тебя?

— Заткнись, — прорычал Мика. — Не твое дело!

— Параноик, — не унимался Рубен, — тебя надо отправить в сумасшедший дом, — Кстати, как поживает Элли? Уже вернулась с каникул? — Рубен наклонился к сидящему рядом мальчику и что-то прошептал ему на ухо. Мальчишка взглянул на Мику и расхохотался.

Мика заметил на первом ряду девочку, которая накручивала свой рыжий локон на указательный палец и с улыбкой слушала разгорающуюся перепалку. «Им это кажется смешным, — подумал Мика. — Они считают меня сумасшедшим».

Пылая от гнева, Мика решительно направился к выходу. Но не успел он дойти до двери, как на пороге появилась сестра Слейтер. Она привела с собой миссис Фулер и директора школы, мистера Грея. Пути к отступлению были отрезаны.

У мистера Грея был такой вид, словно он всю жизнь питался сухой бетонной смесью и запивал ее дождевой водой — казалось, что даже воротник его рубашки, туго застегнутый под самым подбородком, был сделан из бетона. При появлении директора в классе воцарилась мертвая тишина, которую нарушало лишь тихое гудение компьютеров. Вся школа, включая миссис Фулер, боялась мистера Грея.

— Ты куда собрался? — спросил директор, вперив в Мику свои тусклые серые глаза, похожие на два округлых камушка.

Мика молчал.

— Я слышал, ты отказываешься пить коктейль.

Мика по-прежнему молчал, опасаясь, что если откроет рот, то не удержится и скажет что-нибудь такое, о чем впоследствии придется пожалеть.

— Это витаминный коктейль, Мика, — вкрадчивым голосом заворковала миссис Фулер, словно перед ней был маленький капризный ребенок. — Он полезен для твоего растущего организма. Когда ты в последний раз ел натуральное мясо? На Рождество? А сегодня у вас на завтрак будут *бесплатные* сэндвичи, а еще вам расскажут о новой интересной игре... — Миссис Фулер замолкла, нервно теребя двумя пальцами разноцветные ленточки серпантина, намотанные на пуговицы кардигана.

Как же ему вырваться отсюда? Мика был близок к панике. Прямо перед ним стоял мистер Грей, рядом с ним, преграждая путь к двери, застыла сестра Слейтер, чуть позади них переминалась с ноги на ногу миссис Фулер. Директор держал в руках раскрытую папку — личное дело Мики — и с хмурым видом читал текст на первой странице. Позади Мика слышал настороженный шорох и смешки одноклассников.

— Мика Смит, — произнес мистер Грей. Его голос, точно грохот подкатывающего к

станции поезда, заполнил класс. Директор поднял глаза и спокойно посмотрел на Мику, и мальчик почувствовал, как его холодный взгляд проникает под кожу. — Почему ты *постоянно* бунтуешь? — негромко произнес директор. — Судя по твоей характеристике, ты один из самых способных мальчиков в классе, однако твои оценки — хуже некуда, ты нарушаешь дисциплину и грубишь учительнице. Неужели ты серьезно думаешь, будто двенадцатилетний мальчик может судить о том, насколько верные решения принимают его преподаватели?

Мика уставился в пол и слабо качнул головой. Он не знал, что ответить директору. Он просто видел перед собой женщину-телеголовастика, которая пытается заставить его выпить какую-то неведомую жидкость.

— Миссис Слейтер, — рявкнул мистер Грей, — приготовьте для него коктейль!

Бриони Слейтер, цокая каблучками по каменному полу, подошла к парте Мики, где остался лежать бумажный пакетик с розовым порошком. Мика понял, что они хотят силой заставить его выпить их проклятый коктейль. Мика опустил голову и рванул к двери, надеясь проскочить мимо миссис Фулер. Ему это почти удалось, но директор оказался проворнее и в последний момент схватил Мiku за руку.

— Нет, нет, не надо! — вопил Мика, но директор цепко держал его за запястье и тащил вдоль прохода. Пальцы мистера Грея впились в кожу, так что у Мики заломило руку, — Вы не можете заставить меня выпить эту дрянь! — надрывался Мика, пытаясь вывернуться из железной хватки мистера Грея.

— Можем, — отрезал директор. — Все выпили, и ты выпьешь. Если откажешься, я оштрафую твоих родителей на сто фунтов.

Класс ахнул. Сто фунтов — это максимальный штраф, который может получить ученик. Родители Мики наверняка будут вне себя от ярости, если он явится домой с такой новостью. Сестра Слейтер сунула под нос Мике стаканчик с коктейлем. Розовая жидкость была густой и вязкой.

— Пей, — приказал мистер Грей.

Мика взял стаканчик, сердце бухало в груди. Весь класс, затаив дыхание, наблюдал за ним.

— Давай, придурок, пей, не трусь! — выкрикнул Рубен.

Мика и сам не понял, что произошло. Только что он держал стаканчик в руке, пытаясь заставить себя выпить его содержимое, а в следующее мгновение его рука непроизвольно дернулась, густая жидкость выплеснулась наружу, описала в воздухе широкую дугу и ударила мистера Грея в лицо. Класс замер. Казалось, время остановилось, как будто кто-то нажал кнопку «стоп», — стаканчик с коктейлем, рассвирепевший директор, бешено колотящееся сердце Мики, учительница, сестра Слейтер, потрясенные дети. В воздухе повисла гнетущая тишина — все, кто был в классе, молча наблюдали, как розовая жижа медленно стекает по лицу мистера Грея и ползет по воротнику его рубашки.

Затем тишину взорвал пронзительный визг.

— Ах ты маленький негодяй! — вопила сестра Слейтер, ее бесцветные глаза вылезли из орбит, — Да как ты... — Она не договорила и пулей выскочила из класса. Терпение представительницы Комитета по оздоровлению и развитию детей лопнуло, полчаса, проведенные в обществе детей, привели ее на грань безумия. Было слышно, как каблучки Бриони Слейтер мелкой дробью застучали по коридору.

Мистер Грей с невозмутимым видом достал из кармана носовой платок и промокнул им лицо. Мика чувствовал, как от страха внутренности в животе превращаются в холодный кисель. У него за спиной раздалось ехидное хихиканье Рубена.

— Эй, ты! — взревел мистер Грей, указывая пальцем на Снайта. — Встать! Тебе весело? Штраф пятьдесят фунтов. Посмотрим, как ты теперь повеселишься!

Затем он повернулся к Мике и уставился на него ледяным взглядом. Липкие розовые капли все еще висели у него на бровях и ресницах.

— Пойдем-ка со мной, — прошипел директор и, ухватив Мiku за ворот футболки,

выволок из класса.

ГЛАВА 6

Собака-сновидение и пальцы-листья

Прокричав на Мику минут пятнадцать, мистер Грей вылетел из кабинета, перед уходом приказав ему «хорошенько обдумать свое поведение». Мика остался дожидаться возвращения мистера Грея, который, как он полагал, отправился в туалет отмывать присохший к бровям и ресницам коктейль «Бодрость».

Мика никогда прежде не бывал в кабинете директора и теперь сидел возле директорского стола, с затравленным видом озираясь по сторонам. Кроме абсолютно пустого стола в комнате стояло три жестких стула с неудобными прямыми спинками и тонкими металлическими ножками. Стены были выкрашены тусклой серой краской, из окна открывался унылый вид на консервную фабрику и линию электропередач. На стене напротив стола висели мониторы, на которые передавалось изображение с камер видеонаблюдения, развешанных по всей школе: залитая бетоном площадка для игр под зданием школы, погруженные в полумрак пустые коридоры, протекающие краны и ржавые унитазы в туалетах и классы, в которых школьники, склонившись над партами, были заняты работой. Мика встал со своего места, подошел поближе к мониторам и, отыскав на одном из них свой класс, стал смотреть, чем занимаются его одноклассники. Сестра Слейтер ходила между рядами парт, раздавая детям бумажные сумки с подарками. На лице женщины-телеголовастика застыла напряженная улыбка, она холодно кивала головой в ответ на их вежливое «спасибо». Мика наблюдал, как одноклассники с горящими глазами хватают сумки, словно это рождественские подарки от самого Санта-Клауса. Они вываливали содержимое сумок на парту. Бейсболка, керамическая кружка и еще множество мелких предметов, которые Мика не мог рассмотреть. Разноцветные шарики на стенах и свисающие с потолка гирлянды дополняли картину праздника. Похоже, для одноклассников Мики сегодняшний день действительно стал праздничным. Мика вернулся на свое место, уселся на неудобный стул, положил руки на стол и, уронив на них голову, стал «обдумывать свое поведение». Он не меньше мистера Грея хотел понять причину своего взрыва. Но Мика понятия не имел, почему вдруг ни с того ни с сего плеснул в директора витаминным коктейлем. Он сидел в пустой серой комнате, чувствуя себя одиноким и несчастным.

«Я должен извиниться, — решил Мика. — Сказать, что мне ужасно жаль, и все такое. Потом вернуться в класс и впредь вести себя как нормальный человек».

Но как он сможет вести себя как «нормальный» человек, если не чувствует себя нормальным? Как заставить себя взять у телеголовастика сумку с подарками и при этом улыбаться до ушей? Беспокойство, заставившее Мику бежать из класса, только усиливалось. Пока мистер Грей орал на него, в голове у Мики звучал совсем другой голос; кто-то упорно нашептывал ему на ухо: «Они хотят отравить тебя. Все их слова — сплошная ложь. Не верь, не верь им». Голос был похож на голос... Элли? С тех пор как она исчезла, Мике часто казалось, что он слышит голос сестры. Кто-то упорно разговаривал с ним...

Мика зажмурился и, обхватив голову руками, начал раскачиваться на стуле. Из темноты выплыли лица телеголовастиков и устроили свой привычный хоровод — они, словно привидения, кружились в воздухе, перед носом Мики то и дело мелькали их остро отточенные ножи, которыми монстры собирались порубить его на мелкие кусочки и подать к столу в виде мясных канапе.

«Хелен. Мне нужно срочно поговорить с Хелен, — в отчаянии думал Мика, — Она поможет мне. После разговора с ней мне станет намного лучше».

Дверь кабинета с грохотом распахнулась. Мика вздрогнул от неожиданности и вскинул голову — на пороге появились мистер Грей и миссис Фулер. У учительницы был растерянный вид, она успела снять со своего кардигана ленточки серпантина и теперь стояла рядом с директором, смущенно переминаясь с ноги на ногу. Мика видел, что миссис Фулер

чувствует некоторую неловкость из-за того, что с ее учеником обращаются как с преступником, но в то же время он прекрасно понимал, что учительница не сделает ничего, чтобы защитить его. Мистер Грей был ее начальником, и он устанавливал порядки в школе.

Отмывшись от розовой жижи, мистер Грей вернул себе неприступно-устрашающий вид. В одной руке он сжимал папку с личным делом Мики, в другой — тяжелый металлический предмет, в котором Мика узнал ошейник: такие ошейники надевали на провинившихся детей. Последний раз Мика видел подобную штуку на шее мальчика по имени Детройт Пиппин. В возрасте семи лет Пиппин пытался поджечь школу, правда, у него ничего не вышло, поскольку бетонные стены оказались слишком сырыми; к восьми годам парень уже считался закоренелым злодеем и был отправлен в тюрьму где-то на северном побережье Ирландии.

— Твои родители скоро будут здесь, — объявил мистер Грей. Он осторожно положил ошейник на стол, чтобы грубые металлические края не поцарапали столешницу, — Мы собираемся с ними немного поболтать.

Мика издал безмолвный стон и втянул голову в плечи. Он начал понимать, что плеснуть витаминным коктейлем в лицо директору — преступление гораздо более серьезное, чем попытка поджечь школу.

— Итак, — мистер Грей деловито кашлянул, расправил плечи и раскрыл личное дело Мики, — список наказаний!

Мистер Грей перечислял назначенные Мике наказания так, словно читал список покупок:

— Исключение из школы на семь дней, — директор мельком взглянул на Мiku, чтобы проверить его реакцию. Мика упрямо смотрел прямо перед собой, не желая демонстрировать мистеру Грею свои чувства. — Электрический ошейник со специальными датчиками, чтобы ты не вздумал куда-нибудь сбежать или развлекаться в течение этих семи дней. Сортировка бусинок, десять тысяч штук, шесть цветов. И последнее, штраф сто фунтов. Полагаю, твои родители будут счастливы.

Мика перевел взгляд на ошейник и прикусил губу. Ему было плевать и на этот ошейник, и на исключение из школы, и на идиотское задание по сортировке бусинок, но штраф сто фунтов! Ведь это он провинился, это *он* заслужил наказание, а не его родители. Нет, это несправедливо.

Ошейник был сделан из двух полос металла, соединенных между собой тяжелыми петлями. Мика почувствовал, как по всему телу побежали мурашки, когда холодный металл коснулся шеи. Мистер Грей с пугающим энтузиазмом начал закручивать винты и крутил их до тех пор, пока Мика не начал задыхаться; ему казалось, что голова сейчас треснет, как спелый арбуз. Он хотел было сказать об этом мистеру Грею, но, вспомнив о судьбе Детройта Пиппина, решил промолчать.

— Мне кажется, ему трудно дышать, — робко заметила миссис Фулер. Она с тревогой наблюдала за Микой, нервно обкусывая ноготь на большом пальце.

— Неужели? — удивился мистер Грей. Нахмутив брови, он уставился на свою жертву, словно не замечая, что глаза Мики того и гляди выскочат из орбит.

— У него лицо покраснело, — добавила учительница.

Мистер Грей нехотя ослабил винты.

Металлический ошейник давил на горло и врезался в кожу. Мистер Грей объяснил, как работает ошейник: если Мика попытается выйти за порог квартиры, его немедленно ударит током.

— Один шаг — и ты получишь разряд, которого будет достаточно, чтобы ты наложил в штаны, — с ехидной улыбкой предупредил директор. Затем он обогнул стол, выдвинул один из ящиков и достал пластмассовый контейнер с разноцветными бусинками. — Это тебе, — мистер Грей швырнул контейнер на колени Мике, — чтобы не скучал.

Мика невидящим взглядом уставился на контейнер. Бусинки были такими мелкими, что ухватить их можно было только с помощью пинцета, а за неделю Мике предстояло

разобрать бусины по цветам и разложить в отдельные маленькие коробочки.

— Ты хочешь что-то сказать? — мистер Грей вскинул брови.

Мика покачал головой. Желание извиниться перед директором бесследно исчезло.

— Отлично, — кивнул мистер Грей. — Прибереги свои оправдания для родителей. У меня и так дел по горло. Увидимся через неделю, когда ты придешь в этот кабинет, чтобы извиниться и выпить свой витаминный коктейль.

Мика сжал зубы.

«Непременно, — подумал он. — Видимо, тебе понравилось принимать витаминный душ».

* * *

Директор разговаривал с родителями Мика в коридоре у дверей своего кабинета, Мика остался ждать их внутри. Он ерзал на жестком стуле, нервно грыз ногти и представлял, какие ужасные вещи рассказывает о нем мистер Грей маме и папе. Мистер Грей вернулся в кабинет чрезвычайно довольным; вошедшие вслед за ним Дэвид и Аша молчали, от возмущения они не могли произнести ни слова. Глаза Аши сверкали, Мика не решался даже взглянуть в лицо матери; отец был бледен, он сжимал кулаки с такой силой, что у него побелели костяшки пальцев. Родители развернулись и, по-прежнему не говоря ни слова, вышли из кабинета. Мика поднялся и пошел за ними. Он брел по коридору, прижимая к груди контейнер с бусинками, сердце в груди трепыхалось, словно попавшая в силки птица.

Мика плелся вслед за родителями к воротам школы. Небо затянули свинцово-серые тучи, начал накрапывать мелкий дождь, погода вполне соответствовала мрачному настроению Мики. На улице не было ни души, все взрослые обитатели города отправились на работу, дети — в школу. Ветер, свободно гулявший вдоль пустынных улиц, кидал в лицо Мики холодные капли дождя. Дэвид и Аша были одеты в форму, которую они носили на работе. Мике пришла в голову мысль, что у родителей могут быть серьезные неприятности из-за того, что им пришлось среди бела дня покинуть свои рабочие места. Мика смотрел в спины шагавших впереди родителей, понимая, что худшее еще впереди, — дома его ждет грандиозный скандал. Над улицей проходила подвесная железная дорога, Мика слышал грохот пронесившихся над головой поездов и мерное гудение аэромобилей, которыми пользовались богатые люди; городской шум дополнял тяжелый металлический лязг станков на расположенной неподалеку консервной фабрике. Эта безумная какофония звуков действовала Мике на нервы.

«Почему мы живем в таком ужасном мире? — думал Мика. — Неужели на земле не осталось ни одного красивого места, где человек мог бы отдохнуть от этого непрерывного лязга и грохота?!»

Мика оглянулся по сторонам — повсюду были лишь серые бетонные конструкции, возведенные людьми. Под настилом, по которому они двигались, плескалась холодная черная вода, в небе плыли тяжелые грозовые тучи. Даже Эпидемия стала результатом деятельности человека: дикие животные заразились от крысы, которая сбежала из одной научной лаборатории, и, тем не менее, во всех своих несчастьях люди винили животных. С началом Эпидемии те же люди уничтожили всю растительность на земле и отравили почву, чтобы заболевшим животным негде было жить и нечем питаться. Все прекрасное, что было в этом мире, погибло, умерло от руки человека. Как же могло случиться, что люди превратили свой мир в ядовитую помойку? Мика тосковал по вещам, которых никогда не видел: по шелковистой зеленой траве, которую никогда не чувствовал под ногами, по цветам, которых никогда не нюхал. Он злился, что ему приходится жить на земле, которая была уничтожена еще до его рождения. Как люди могли допустить такое? Жизнь в его мире выглядела бессмысленной тратой времени, он *сам* казался себе человеком, чье существование не имеет смысла. У Мики было такое чувство, словно он бредет по незнакомой дороге с завязанными глазами и вытянутыми вперед руками. Мика пытался решить задачку, условие которой ему

неизвестно. Да и как он, двенадцатилетний мальчик, может найти ответ, если ему даже не позволяют самостоятельно решить, хочет ли он принимать какие-то дурацкие витамины. «И все смеются надо мной, — думал Мика. — Они считают меня психом. Даже Коби — и тот выпил коктейль».

Наконец они добрались до дома, все трое молча вошли в свою тесную квартирку. Комната была погружена в полумрак, но родители не стали зажигать свет, они остановились возле дивана и оба одновременно повернулись к Мике.

— Итак? — начала Аша, ее лицо было мрачнее тучи.

— Я ничего не мог поделаться, — промямлил Мика, чувствуя, как душа уходит в пятки. Сейчас ему было даже страшнее, чем час назад в кабинете мистера Грея.

— Что значит «ничего не мог поделаться»? — холодно спросил Дэвид.

— Я не мог заставить себя выпить коктейль, — сказал Мика, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— И поэтому ты решил выплеснуть его в лицо директору, — сказала Аша, — Великолепная идея, лучше не придумаешь. А что же ты не догадался заехать ему кулаком в живот, пока он стоял напротив тебя?

— Мика, что ты делаешь? — спросил Дэвид, устало проводя рукой по своим редющим волосам, — Хочешь, чтобы мы оказались на улице? Штраф сто фунтов! Мы не можем позволить себе такие расходы. Мы еще даже не оплатили счет за твое пребывание в больнице!

— Я знаю, папа. Мне очень жаль, что так получилось, — совершенно искренне сказал Мика, — Но мистер Грей хотел силой заставить меня выпить коктейль.

— Ты что же думаешь, они хотели отравить тебя? — взорвался Дэвид, не в силах больше сдерживать накопившуюся внутри ярость. Он принялся ходить взад-вперед по комнате.

— Не знаю, — тихо произнес Мика. — Но у меня было нехорошее предчувствие.

— О, Мика! — У Аши вырвался тяжелый вздох. Она взглянула в растерянное лицо сына, чувствуя, как сердце сжимается от боли. — С чего вдруг им травить тебя? Вы первое поколение детей, рожденное после тридцатилетнего перерыва. Они хотят помочь вам вырасти здоровыми и сильными. Поэтому ученые и создали специальный витаминный коктейль. Вы же питаетесь одними консервами.

Мика видел, как его отец рухнул на диван и, откинувшись на спинку, прикрыл глаза — у него был вид усталого, сломленного жизнью человека. В какое-то мгновение Мике показалось, что Дэвид сейчас заплачет.

— А ты знаешь, из чего делают консервы? — продолжила Аша.

Мика отрицательно качнул головой.

— Из плесени! — воскликнула Аша, в ее глазах стояли слезы. — Они выращивают белые плесневые грибы на стенах консервной фабрики, затем счищают их, смешивают с пищевыми красителями и ароматизаторами, чтобы эта так называемая еда была похожа на натуральную пищу. Мы питаемся консервами, потому что у нас нет иного выбора! Ты должен быть благодарен за то, что тебе предлагают пить витаминный коктейль!

Пока Аша рассказывала о том, что такое консервы, отец Мики, казалось, пришел в себя. Он поднялся с дивана и в упор взглянул на сына.

— Ты будешь пить витаминный коктейль! — не терпящим возражений тоном заявил Дэвид, — Когда вернешься в школу, ты каждое утро будешь начинать со стакана коктейля.

— Я не хочу, — буркнул Мика.

— А я не хочу каждый день водить этот проклятый поезд! — заорал Дэвид. — Ты полагаешь, я получаю огромное удовольствие от моей работы? Каждый день я веду поезд от Оксфорда до Глазго, туда и обратно, сорок восемь раз в день. Я даже не веду поезд. Это делает за меня компьютер. А я просто сижу в кабине и пялюсь на монитор. Думаешь, это очень весело? НЕТ! Это скучно, смертельно скучно! Так что мне хочется выдрать волосы из собственной головы, волосок за волоском, и начать пересчитывать их — хоть какое-то

развлечение!

Дэвид с размаху ударил кулаком по подлокотнику дивана. Мика от неожиданности подпрыгнул, подпрыгнули и бусинки в пластиковом контейнере, который Мика, сам того не замечая, все еще прижимал к груди. Он никогда не видел отца в таком гневе.

— Взгляни на меня! — Дэвид ткнул пальцем себе в грудь, обтянутую голубой униформой с золотыми пуговицами и вышитыми золотом лычками на отворотах пиджака, — А теперь посмотри на маму! Как, думаешь, она должна себя чувствовать, каждый день напяливая на себя эту форму?

Аша была одета в костюм деревенской девушки: широкополая ковбойская шляпа с черно-белыми пятнами, имитирующими рисунок на шкуре коровы, белая блузка с перламутровыми пуговицами, плиссированная юбка и высокие сапоги со шпорами. Аша работала официанткой в ресторане в центре Оксфорда, где богатым посетителям подавали натуральную еду. Каждый день, когда Аша уходила с работы, ее тщательно обыскивали, чтобы она не дай бог не украла кусок недоеденной котлеты, оставленный на тарелке сытым богачом. Мика взглянул на мать. В течение последних семи лет он настолько привык каждый день видеть Ашу в этом наряде, что перестал обращать на него внимание, и только сейчас заметил, насколько глупо она выглядит в нелепом ковбойском костюме, который так не вязался с ее тонкими чертами лица и пышными волосами.

— Иногда нам приходится делать то, что нам НЕ нравится! — гаркнул Дэвид.

— НЕТ! — Мика с воплем выскочил из гостиной и, ворвавшись в свою комнату, бросился на постель Элли. — Я НЕ БУДУ ПИТЬ ИХ ПРОКЛЯТЫЙ КОКТЕЙЛЬ!

— Отлично, — заорал ему вслед Дэвид, — в таком случае будешь лежать в постели до тех пор, пока не образумишься!

— Ну и буду! — заливаясь слезами, крикнул Мика.

* * *

Мика до вечера провалялся в постели Элли. Он то засыпал, то просыпался и лежал, уставившись на основание верхней кровати, которое находилось в нескольких сантиметрах от его носа. Кровать была обклеена фотографиями. По большей части это были фотографии Элли: Мика наклеил их после исчезновения сестры. На них Элли улыбалась, выглядывая из-под шапки курчавых волос, или строила дурацкие рожицы. Остальные картинки с изображением животных когда-то наклеила сама Элли. Ашу картинки с животными раздражали. Она не могла понять, почему ее детям нравится смотреть на этих кровожадных монстров, из-за которых их жизнь превратилась в сплошной кошмар. Тигры в зарослях джунглей, стада зебр, пасущиеся на просторах африканской саванны, и парочка волнистых попугайчиков — птицы сидели на ветке дерева, тесно прижавшись друг к другу своими изумрудно-зелеными грудками. Мике нравились картинки, которыми Элли украсила их комнату, но сегодня он чувствовал себя настолько несчастным, что не мог смотреть на них. Мика аккуратно отклеил фотографии и спрятал под подушку. Он лежал, прислушиваясь к голосам родителей, мама и папа напряженным полусшепотом спорили о чем-то в соседней комнате.

Потом он услышал, как они раздвигают диван и укладываются спать. Мика повернулся на бок и поудобнее устроился на подушке в надежде уснуть и хотя бы на время забыть о свалившихся на него неприятностях. Однако устроиться поудобнее и уснуть, когда у тебя на шее болтается металлический ошейник, оказалось не так-то просто. Мика начал было проваливаться в сон; он словно камень, который катится вниз по обледенелому склону, падал в черную бездну. Но камень постоянно натывался на глыбы льда, подскакивал, ударялся о стволы деревьев и снова катился вниз; при каждом ударе Мика вздрагивал и просыпался. Однако постепенно его веки отяжелели, у него уже не было сил поднять их. В те короткие мгновения, когда сознание возвращалось к нему, он продолжал лежать с закрытыми глазами, заставляя свой мозг вернуться в состояние зыбкой полудремы. Мика не

знал, как долго пролежал в этом забытии, когда неожиданно почувствовал, что к его левому глазу прижалось что-то холодное и влажное. Мика с трудом разлепил веки и замер, уставившись на возникшее перед ним темное пятно.

Почти вплотную к своему лицу Мика видел странную физиономию, влажный черный нос напоминал лакричный леденец. Два темных умных глаза, не отрываясь, смотрели в глаза Мики, мягкие уши были прижаты к голове — вероятно, внезапное движение Мики напугало ночного гостя. Мика решил, что перед ним нечто вроде собаки, хотя он не был в этом уверен. Мика никогда в жизни не видел живой собаки, только на картинках и по телевизору, но это были зараженные чумой животные с безумными, налитыми кровью глазами. Эта же собака не имела ничего общего с подобными страшилищами. Большая, поджарая, она была похожа скорее на оленя, чем на собаку. Казалось, она сама боялась Мики, гораздо больше, чем он ее.

— Привет, — осторожно прошептал Мика. Он старался придать голосу дружелюбный оттенок, потому что ему совсем не хотелось, чтобы собака покусала его.

Собака отозвалась на приветствие Мики новой попыткой ткнуться ему в глаз своим влажным носом; затем, придвинувшись поближе, принялась лизать его шею проворным розовым языком. Мика слышал, как собачий хвост радостно колотит по одеялу, и чувствовал возле уха ее горячее дыхание. Поняв, что собака не собирается кусать его, Мика осмелел и, слегка надавив ей ладонью на плечо, отодвинул в сторону, чтобы лучше рассмотреть животное. Собака оказалась тяжелой и теплой. Она была необыкновенно изящной, даже элегантной: длинная крепкая шея, стройные лапы и упругий, похожий на ивовый прут хвост. Тело собаки было покрыто короткой шелковистой шерстью приятного золотисто-бежевого цвета, оттенок напоминал цвет свежей бисквитной корочки. Мика провел рукой по голове и шее собаки, поражаясь мягкости ее шерсти, никогда в жизни ему не доводилось прикасаться ни к чему более мягкому и теплomu; умные темно-коричневые глаза и черный нос резко выделялись на фоне ее светлой шерсти. Мика чувствовал, как под кожей животного перекачиваются сильные мускулы.

— Ты красавица, — сказал Мики. — Но что ты делаешь в моей спальне?

Собака уселась на пол и окинула его дружелюбным взглядом.

— Что? — спросил Мика.

Собака подняла длинную переднюю лапу и положила ее поверх одеяла, ее крепкие когти надавили на лежавшую под одеялом руку Мики. Он услышал, как в темноте что-то негромко звякнуло — присмотревшись, Мика заметил на ошейнике собаки круглый металлический медальон. Он выбрался из-под одеяла и, усевшись на край кровати, приподнял медальон двумя пальцами, пытаясь в полумраке комнаты разглядеть, что на нем написано.

— Авен, — прочел Мика. Собака насторожила уши, узнав свое имя. — Авен? Значит, тебя зовут Авен?

Авен склонила голову набок и громко задышала, вывалив из пасти розовый язык.

— Привет, Авен, приятно познакомиться, — улыбнулся Мики.

Он потрепал шелковистые уши собаки, с удивлением открывая для себя новое незнакомое ощущение, которое испытывает человек, прикасаясь к животному. Мика вздрагивал, чувствуя под своей ладонью теплое мускулистое тело, покрытое мягкой золотистой шерстью, мальчик не мог остановиться, он все гладил и гладил собаку.

«Я ей нравлюсь, — решил Мика. — И она мне тоже».

Собака лизнула его левую руку, затем еще раз и еще, это облизывание было похоже на неторопливую ласку. Мика ощутил приятное покалывание в кончиках пальцев. Чем дольше Авен облизывала его руку, тем интенсивнее становилось покалывание — до тех пор, пока у Мики не появилось странное чувство, будто из кончиков его пальцев, прямо из-под кожи пробивается наружу что-то живое. Это движение не причиняло боли, напротив, оно было приятно. Мика осторожно отнял у собаки руку, медленно поднес к глазам и увидел, что на конце каждого пальца проклюнулись маленькие зеленые ростки, но ни крови, ни боли не было, только легкое пощипывание. Из руки Мики прорастали тонкие стебельки с острыми

почками на конце, почки лопались и разворачивались в ярко-зеленые листья. Когда стебли сравнились по длине с пальцами, они перестали расти. Мика вылез из постели и направился к окну, чтобы получше рассмотреть свою руку. Он стоял, залитый лунным светом, не замечая, что с порога комнаты за ним наблюдают родители. Аша и Дэвид проснулись, услышав, как Мика разговаривает с собакой.

— Что он делает? — шепотом спросила Аша. Она испуганно вцепилась в плечо мужа, когда Мика подошел к окну и, вытянув вперед руку с растопыренными пальцами, уставился на нее.

Мика стоял перед окном в луче молочно-белого лунного света, на его шее поблескивал металлический ошейник, глаза Мики тоже сияли.

— Он спит, — шепнул Дэвид. — Ему просто что-то приснилось, но он не выглядит испуганным. Думаю, нам лучше не трогать его. Идем, через пару минут он сам уляжется.

Аша и Дэвид на цыпочках вышли из комнаты и вернулись на свой диван. Они сидели, подперев спину подушками, и тихо перешептывались в темноте.

— Хотела бы я знать, что творится у него в голове, — сказала Аша. — Может быть, тогда я смогла бы понять, что с ним происходит. Я чувствую себя виноватой, Дэвид. Нам следовало бы проявить больше терпения.

— Да, конечно, — вздохнул Дэвид.

— Мы должны были поговорить с ним и попытаться понять, почему он это сделал.

— Да, я знаю. Но этот штраф... я просто взбесился...

— Единственное, в чем я абсолютно уверена, он действительно ничего не мог поделать с собой, — продолжила Аша. — Я видела это по его глазам. Он выглядел таким несчастным и потерянным. Мика совершенно искренне верит, что Элли жива и что директор пытался отравить его. Но почему?

— Думаю, нам нужно попросить Хелен навестить его, — сказал Дэвид. — Завтра, пока мы на работе, они смогут спокойно поговорить. Посмотрим, что она скажет. Может быть, Мика объяснит ей, почему он так поступил.

— Отличная мысль, — согласилась Аша. — Как думаешь, он уже вернулся в кровать?

— Думаю, вернулся.

— Хорошо, — вздохнула Аша. — А то мне становится так жутко, когда он начинает бродить по ночам, прямо мурашки по коже.

ГЛАВА 7

Праздничный ужин и летающие носки

На борту космической станции под названием «Снежная королева» находились десятки тысяч людей, тонны военной техники и прочего оборудования. Гигантская станция вращалась вокруг Земли, и, хотя она была настолько большой, что в безоблачную погоду люди могли бы рассмотреть ее в ночном небе, для них «Снежная королева» оставалась невидимой. Ни опознавательных огней, ни светящихся иллюминаторов — ничто не выдавало присутствия в космосе этого металлического чудовища, а благодаря самой природе космоса мощные двигатели работали беззвучно.

Часы на борту станции показывали лондонское время — было далеко за полночь, однако рабочий день мистера Гормана еще не закончился. В его просторном кабинете был накрыт стол, вокруг которого толпились гости, генералы и политики самого высокого ранга, включая премьер-министра. Они собрались на банкет, чтобы отметить начало нового проекта с многообещающим названием «Дети — наше будущее», который с сегодняшнего дня развернулся на Земле. Большую часть вечера Мэл Горман выслушивал восторженные речи о том, какой он умный и талантливый, однако в настоящий момент он чувствовал себя усталым и раздраженным. Казалось, гости совершенно забыли о времени и не собираются расходиться. Горману, как хозяину вечера, не оставалось ничего иного, как терпеливо ждать и делать вид, что он счастлив видеть у себя дорогих гостей. На самом деле ему страшно не

нравились все эти люди, которые расхаживали по его кабинету и беспрерывно жевали. Горман с отвращением наблюдал за тем, как они накладывают себе на тарелки толстые ломти мяса и целые горы салатов из свежих овощей, щедро поливая их всевозможными соусами; с жадностью поглощают кремовые пирожные, заливают в себя бокал за бокалом красное вино. При этом они увлеченно рассуждают о собственной значимости и роняют на ковер крошки, а потом оставляют тарелки с объедками на письменном столе и отправляются за новой порцией угощения. Наконец, Горман решил, что на сегодня с него достаточно, и жестом подозвал к себе дворецкого.

— Ральф, скажите официантам, чтобы начинали убирать столы, — приказал он.

— Но, сэр, — возразил Ральф, — гости еще не закончили. Я как раз собирался подавать десерт.

— Вы хотите, чтобы они обожрались до смерти? — фыркнул Горман, наблюдая за министром обороны.

Тот отошел от стола, держа перед собой тарелку с возвышающейся на ней пирамидой из крошечных бутербродов-канапе. Министр обороны был одним из самых молодых членов правительства, но уже успел нарастить жирок. Если говорить точнее, министр напоминал пивную бочку: его живот настолько сильно выпирал вперед, что на нем вполне можно было разместить пару тарелок с закусками.

— Принесите кофе, — велел Горман. — Или нет, лучше воды. Может быть, тогда до них наконец дойдет, что кормежка окончена и пора расходиться. И, пожалуйста, чтобы к завтрашнему утру у меня в кабинете было чисто.

— Слушаюсь, сэр.

Наконец гости с натянутыми улыбками поблагодарили хозяина за щедрое угощение и, распрощавшись, покинули кабинет. Горман решил немного прогуляться по кораблю и зайти в грузовой отсек, где хранилось оборудование и препараты, предназначенные для его нового проекта. Грузовой отсек находился в нижней части корабля, в тускло освещенных помещениях царили тишина и порядок. Горман шагал по блестящему черному полу, его шаги гулким эхом разносились по длинному коридору. Поравнявшись со стеклянной перегородкой офиса охранников, Горман молча кивнул им головой. Охранники сидели, положив ноги на стол, и смотрели телевизор. При появлении Гормана они сняли ноги со стола, выключили телевизор и уткнулись в какие-то бумаги, старательно делая вид, что поглощены работой.

Коробки и ящики с оборудованием занимали почти весь отсек, они ровными рядами лежали на металлических стеллажах, готовые к отправке на Землю. Каждая коробка была помечена фирменным логотипом гормановского Комитета — крупные черные буквы «КОРД» красовались на всех четырех сторонах коробки. В коробках побольше лежала форменная одежда, в которую предполагалось нарядить сотрудников КОРДа, костюмы для докторов, сестер, инструкторов, охранников — проект требовал огромного количества людей, — даже санитарки и уборщицы должны были носить форму с вышитыми на кармане буквами «КОРД».

В коробках поменьше хранились пакетики, на которых было написано единственное слово «Бодрость»; в каждой коробке лежало по десять тысяч бумажных пакетиков с розовым порошком.

Горман ласково погладил одну из коробок своей костлявой, похожей на птичью лапу рукой и улыбнулся.

— Мистер Горман, — раздался у него за спиной чей-то голос.

Горман обернулся — перед ним стоял человек в форме охранника.

— Чего тебе? — раздраженно спросил он. — Нигде от вас не скроешься.

— Элли, — пробормотал охранник. — Меня прислали из лаборатории. Она такое вытворяет, вам стоит на это посмотреть.

Они быстро поднялись наверх и прошли по длинному лабиринту залитых белым светом коридоров к сверхсекретному отсеку, где находились лаборатории. Через каждые двадцать

пять метров Горман и его спутник оказывались перед запертой дверью; прежде чем дверь открывалась, электронное устройство сканировало сетчатку их глаз. Наконец они добрались до нужной комнаты, на ее двери висела табличка «Экземпляр № 3». В маленькой темной комнате находился наблюдательный пост, на одной из стен светились мониторы компьютеров. Сотрудник лаборатории в белом комбинезоне сидел у противоположной стены перед большим окном, которое выходило в соседнюю комнату, освещенную тусклым красноватым светом. Комната была пуста, за исключением привинченной прямо к стене белой пластиковой кровати. На кровати спала Элли. Она лежала на боку, спиной к наблюдавшим за нею людям; белая простыня, словно саван, окутывала тело девочки. Верхняя часть головы Элли была замотана бинтами до самого носа. Вот уже полтора месяца, прошедшие после поимки Элли и возвращения на станцию, ее глаза были закрыты повязкой в наказание за попытку побега. Однако эта причина была не единственной. Хотя Мэл Горман не желал признаваться в этом даже самому себе, он попросту боялся Элли. Все боялись ее. Теперь сотрудники Гормана хорошо знали, что с открытыми глазами Элли может представлять смертельную опасность.

— Ну и на что тут смотреть? — нетерпеливо спросил Горман. — Она спит.

— А вы посмотрите, что у нее над головой, — сказал лаборант.

Горман придвинулся поближе к окну и стал всматриваться в красноватый полумрак комнаты. Он видел, что в воздухе над головой Элли висит какой-то предмет, но, пока его глаза не привыкли к темноте, Горман не мог понять, что это такое.

— Кажется... это носок, — неуверенно произнес он.

— Верно, носок, — лаборант улыбнулся. — А вон второй, под потолком. Видите?

Горман вскинул глаза и увидел висящий под потолком белый носок, он слегка покачивался в воздухе, словно плыл по волнам.

— Она же спит, — пробормотал Горман, — Как ей это удастся?

— Ей снится сон, — сказал лаборант, указывая на один из мониторов. — Видите, как работает ее мозг.

— Интересно, — задумчиво произнес Горман. Он уставился на Элли, словно перед ним была коробка шоколадных конфет, которую ему запретили открывать. — Как бы мне хотелось доверять ей. Господи, что за девчонка, одни проблемы.

— Она обещала больше не пользоваться своим испепеляющим взглядом, — заметил лаборант. — Сказала, что в тот раз это получилось случайно, она, дескать, сама не понимала, что делает. Уверяет, что не хотела причинить вам боль.

— Я знаю, — буркнул Горман. — И вы ей верите? В таком случае идите и снимите с нее повязку. Ну как, хотите рискнуть?

Секунду лаборант в растерянности смотрел на Гормана, затем решительно замотал головой.

— Давайте попробуем припугнуть ее еще разок, — предложил Горман. — Скажите, что сначала мы прикончим обезьяну, а потом разделаемся со всей ее семьей. Мне не терпится продолжить опыты. Я хочу понять, как она это делает. Утром отправьте к ней роботоманипулятор, пускай снимет повязку. Когда убедитесь, что девчонка не собирается нападать на людей, займите ее чем-нибудь — отведите в бассейн, пускай поплавает, ей должно понравиться, и предложите ей что-нибудь почитать. Кстати, у меня в кабинете есть книга, кажется, стихи. Пошлите за ней охранника. Возможно, девчонка заинтересуется. Скажите, что, если она будет себя хорошо вести, я верну ей Пака. А если она будет плохо себя вести, я убью ее близких. И не спускайте с нее глаз, организуйте круглосуточную охрану. Все понятно?

— Да, сэр.

— Отлично. А я пошел спать.

ГЛАВА 8

Сумка с подарками

Мику разбудила яркая вспышка света, словно под его закрытыми веками взорвалась шаровая молния. В первое мгновение он испугался и беспомощно захлопал глазами, но через секунду понял, что это мерцает экран телевизора. Телевизор висел на стене напротив кровати Мики, однако сегодня голубоватый свет казался непривычно ярким, как будто ночью, пока он спал, с его глаз сняли темную повязку, которая в течение последних недель мешала ему видеть окружающий мир. Мика не знал, что в это самое время за тысячи километров от Земли его сестра Элли тоже проснулась в своей пустой комнате и обнаружила, что с ее головы сняли бинты. Для Мики же это странное просветление стало еще одной загадкой, добавившейся к другим странностям, в которых он тщетно пытался разобраться.

Из-за стены доносились обычные утренние звуки: шум воды в ванной — папа принимал душ, металлическое позвякивание пружин — это мама складывала диван в гостиной, затем мамины шлепанцы захлопали по ковру — Аша пошла на кухню готовить завтрак. Все как всегда, и все же было в сегодняшнем утре что-то необычное. Мика коснулся рукой собственной шеи, пальцы наткнулись на холодный металлический ошейник.

Нет, сегодня все не так, как всегда. Сегодня он весь день проведет дома, занимаясь сортировкой бусинок и мучаясь угрызениями совести при мысли о том, сколько неприятностей он доставил родителям.

— Доброе утро, Мика! — Мамин голос звучал ласково. Аша вошла в комнату и повесила на спинку стула выстиранную и выглаженную одежду Мики.

— Доброе утро, — пробормотал Мика, недоумевая, что же изменилось за прошедшую ночь. Вчера его родители разозлились не на шутку, и Мика полагал, что для того, чтобы успокоиться, им потребуется гораздо больше времени, чем одна ночь.

— Что ты хочешь на завтрак? — спросила мама.

— Не беспокойся, я сам что-нибудь приготовлю, — сказал Мика, опуская ноги на пол. — Вам пора на работу, а я сегодня целый день дома.

— Я позвонила Хелен, — неуверенно начала мама. — Попросила ее зайти к нам, мы подумали, что тебе, возможно, захочется поговорить с ней.

— О, да, конечно, — обрадовался Мика, — Спасибо, — добавил он чуть тише.

Мика вошел в ванную и, прикрыв за собой дверь, включил воду. На некоторое время постоял, прижавшись к тонкой стене, отделявшей ванную комнату от кухни, а затем полез под душ. Мика старался стоять ровно: стоило ему чуть нагнуться, и тяжелый ошейник сползая вперед, острыми краями больно врезалась в кожу.

Мика чувствовал себя виноватым. После того, что он натворил, ему гораздо проще было бы вынести упреки родителей, чем заботу и ласковое обращение. Мика понимал, что заслужил наказание, и все же по-прежнему не хотел пить этот ужасный розовый коктейль.

Мика включил воду на полную мощность и принялся яростно скрести тело мочалкой. Ему хотелось отмыться от всей этой грязи, стереть из памяти сами воспоминания о женщине-телеголовастике, о мистере Грее, об издевательском хохоте одноклассников, чтобы их унесло вместе с потоками мыльной воды в сливное отверстие ванны. И навсегда забыть о них. Когда Мика начал споласкивать волосы, ему показалось, что звякнул дверной звонок. Мика прислушался. Он услышал, как открылась входная дверь, в квартиру кто-то вошел.

— Мика! — Отец постучал в дверь ванной. — К тебе пришли. Поторопись, пожалуйста, а то твой приятель опоздает в школу.

Мика выключил воду. Приятель? Странно, у него не было приятелей.

Он торопливо вытерся полотенцем и, обмотав его вокруг бедер, выскочил в коридор. Мике не терпелось посмотреть, что это за «приятель» явился к нему с утра пораньше.

В прихожей стоял Коби Ненко, новичок, недавно появившийся в классе Мики. Коби был мокрый с головы до ног, как будто сам только что вылез из душа. Вода капала с его длинных волос и хлюпала в промокших сандалиях, скоро на полу возле ног Коби образовалась небольшая лужа. Он был одет в длинный черный плащ, из правого кармана

свисал клубок спутанной проволоки, похожей на слипшиеся макароны.

— Привет, — сказал Коби сквозь завесу волос.

В прихожей повисла напряженная тишина.

— Мальчики, хотите чаю? — жизнерадостным голосом спросила Аша. Она пока не поняла, нравится ли ей приятель Мики с его странной прической и торчащей из кармана проволокой, но Аша очень хотела, чтобы у Мики были друзья.

«У него красивые руки, — решила Аша, поглядывая на длинные артистичные пальцы Коби, — но очень грязные». Под ногтями Коби виднелись черные траурные полоски.

— Нет, спасибо, — вежливо ответил Коби. — Я спешу. Миссис Фулер, — начал он, оборачиваясь к Мике, — попросила меня передать тебе вот это, — Коби протянул голубой бумажный пакет со знакомыми буквами КОРД на боку, — Они вчера раздавали подарки. Это твой. Миссис Фулер сказала, что там лежат вещи, которые тебе понадобятся, в том числе пакетики с коктейлем, принимать по одному каждое утро, пока ты не ходишь в школу... извини.

— А-а, замечательно, — холодно бросил Мика, принимая пакет.

— Мика, — не выдержал Дэвид, — твой друг специально пришел к нам с утра пораньше, чтобы вручить тебе подарок, а ты даже «спасибо» не сказал. Не очень-то вежливо с твоей стороны.

— Я не хотел приносить подарок, — пробормотал Коби, косясь на Мику из-под волос. — Я знаю, тебе не нравятся их подарки.

— Ничего, все в порядке, — успокоил его Мика. — Спасибо.

— Мне пора, — сказал Коби, — а то в школу опоздаю.

Коби исчез так же внезапно, как появился, оставив после себя ощущение неловкости.

— Хм... интересный мальчик, — сказала Аша, глядя на закрывшуюся дверь. — Ты никогда не рассказывал нам о своем друге.

— Он новенький, — сказал Мика, в глубине души жалея, что вел себя с Коби не слишком дружелюбно. — Раньше его семья жила в Лондоне, в Царстве Теней. Мы с ним мало общались.

* * *

После того как родители ушли на работу, Мика уселся на полу посреди гостиной, поставив перед собой большой контейнер с разноцветными бусинками и несколько коробочек поменьше, которые предстояло заполнить бусинками одного цвета. Очевидно, тот, кто придумал это задание, позаботился о том, чтобы сделать его не просто трудным, а почти невыполнимым и попытаться довести провинившегося ученика до истерики. Бусинок было так много, и при этом они были настолько мелкими, что казалось, сколько ни сортируй их по коробочкам, в большом контейнере их не становится меньше. Сам процесс сортировки был сплошным кошмаром: гладкие, до блеска отполированные бусинки невозможно было достать пальцами, приходилось пользоваться пинцетом. Но, когда Мике все же удавалось выудить бусинку из контейнера, он слишком сильно сжимал ее лапками пинцета, и бусинка выскальзывала, так что Мика не успевал донести ее до нужной коробочки. В результате большая часть бусинок падала на ковер. Мике приходилось ползать на коленях, нащупывая в ворсе ковра крошечные блестящие шарики. Мистер Грей предупредил, что, если хотя бы одна бусинка потеряется, задание будет считаться невыполненным и Мике придется все начать сначала. Иногда он по ошибке клал бусинку не в ту коробочку, и тогда приходилось подолгу шарить пинцетом в россыпи желтых бусинок, чтобы отыскать одну красную, или выуживать одну белую бусинку из нескольких сотен зеленых. Однако, несмотря на очевидное намерение мистера Грея помучить Мику, эта нудная работа действовала на него успокаивающе. Мике нравилось мерное постукивание бусинок о пластиковое дно коробочки и доставляло удовольствие то ощущение порядка, которое возникало у него в процессе работы, когда бусинки одного цвета оказывались в соответствующей коробочке. Чтобы

достичь нужного результата, требовалась полная сосредоточенность, не позволявшая посторонним мыслям лезть в голову. Это тоже устраивало Мику, поскольку его мысли были похожи на клубок спутанной проволоки, которую сегодня утром он видел в кармане плаща Коби Ненко.

Одновременно Мика с нетерпением ожидал прихода Хелен, он то и дело поглядывал на часы. Когда же в квартире наконец раздался звонок, Мика вздрогнул и едва не перевернул большой контейнер с бусинками. Каким-то чудом ему удалось вовремя подхватить его, прежде чем бусинки успели рассыпаться по комнате и навсегда исчезнуть в ворсе ковра.

Он бросился открывать дверь. Одного взгляда на Хелен было достаточно, чтобы Мика расплылся в счастливой улыбке. Старушка была закутана в просторный зеленый дождевик, из-под него выглядывали ярко-желтые резиновые сапоги, а всю эту конструкцию венчала красная клеенчатая шляпа, надвинутая до самых бровей. Хелен смахивала на расписной турецкий шатер, в котором могло бы уместиться человек десять.

Деловито порывшись в большой плетеной сумке, Хелен извлекла из нее пачку печенья. Принимая угощение, Мика вздохнул с облегчением — пачка была запечатана, очевидно, Хелен купила ее по дороге, а не прихватила из старых домашних запасов.

— Я принесла печенье, — сообщила старушка, с трудом перетаскивая ноги через порог квартиры, — Моя мама называла их «печенье с коринкой». Ну и лифт у вас... запах, как в общественном туалете. Поставь чайник... — Хелен осеклась и уставилась на Мику: — Бог мой, что это за штуковина у тебя на шее?

— Электрический ошейник, — улыбнулся Мика. — Директор школы своими руками закручивал винты. Говорит, если я попытаюсь выйти из квартиры, получу разряд, которого будет достаточно, чтобы я наложил в штаны.

— Я тоже хотела бы своими руками закрутить винты у него на шее! — заявила Хелен, сердито сверкая глазами из-под своей клеенчатой шляпы. — Посмотрела бы я, как ему это понравится!

Не уставая проклиная мерзкую погоду, Хелен долго выпутывалась из необъятного плаща и стягивала резиновые сапоги. Мика убрал с дороги контейнеры с бусинками, чтобы Хелен могла пройти к дивану, а сам отправился на кухню ставить чайник.

— Ну, чем ты занимался все это время, пока мы тобой не виделись? — спросила Хелен, усаживаясь на диван. Она вытянула ноги в толстых шерстяных носках и подвигала большими пальцами. — Похоже, у тебя была масса дел.

— Мне кажется, я сумасшедший, — с места в карьер взял Мика и начал нервно мерить шагами тесную комнату. — Вы должны помочь мне. Все думают, что я свихнулся, даже родители. Я не знаю, что мне делать дальше.

— Во-первых, перестань мельтешить у меня перед глазами. От твоей беготни голова кружится. Садись, — Хелен похлопала рукой по дивану.

Мика неохотно опустился на край дивана, подложив под себя ладони и продолжая дергать коленями.

— К твоему сведению, — авторитетным тоном заявила Хелен, — если ты считаешь себя сумасшедшим, это верный признак того, что ты НЕ сумасшедший. Сумасшедший человек никогда не признает себя психом. Я однажды работала с мальчиком, который был уверен, что он апельсин. Как я ни старалась, мне не удалось переубедить его.

Мика попытался рассмеяться, но смех застрял у него в горле, грозя превратиться в слезы. Долго сдерживаемые эмоции захлестнули Мику.

— Но я не понимаю, что творится у меня в голове, — несчастным голосом произнес он. — Вчера к нам в класс пришла эта женщина, и я решил, что она — телеголовастик, а потом мне стало казаться, что они хотят отравить меня своим витаминным коктейлем. И в результате, видите, что получилось! Я понимал, что веду себя как настоящий псих, но ничего не мог с собой поделать. Теперь родителям придется заплатить штраф, а они даже не сердятся на меня, потому что жалеют, считая, что их сын рехнулся. В школе меня вообще обзывают параноиком! А сегодня ночью мне приснилось, что у меня из пальцев растут

листья!

— Так, давай-ка помедленнее и по порядку, — перебила его Хелен. — Завари чай и начни все сначала.

Мика поднялся с дивана, принес чай, и Хелен начала задавать вопросы. Она подробно расспрашивала его о странном празднике, устроенном в школе, о пирожных с логотипом КОРДа, о витаминном коктейле, о сестре Слейтер, о собаке, явившейся Мике во сне, и о листьях, которые выросли у него на пальцах. Постепенно все становилось на свои места. Хелен обладала поразительной способностью говорить о самых ужасных вещах так, что они начинали казаться забавными. Слушая рассказ Мики о том, как он плеснул коктейлем в лицо директору, Хелен хохотала до слез; она сгибалась пополам, задыхалась и кашляла, так что Мика даже испугался, как бы старушка не свалилась с дивана. Но затем Хелен затихла и, сделавшись серьезной, уставилась на тяжелый металлический ошейник на горле Мики.

— Что? — спросил он.

— Ш-ш, тихо, я думаю, — шикнула на него Хелен.

Мика смотрел на Хелен, ожидая, что она скажет, но вместо этого пожилая женщина тяжело вздохнула и покачала головой. Мика понял: Хелен чем-то обеспокоена.

— Вы согласны со мной, правда? — стараясь побороть смущение, спросил Мика. — Я знаю, что согласны. Это ведь гораздо серьезнее, чем мои ночные кошмары с телеголовастиками. У меня такое чувство, что меня постоянно обманывают, и не только в школе, и не только в том, что касается исчезновения Элли, — они обманывают нас везде и во всем. Я чувствую это. Мне кажется, я что-то знаю, что-то очень важное, но не могу понять, что. Как будто смотришь на кусочек головоломки... знаете, бывают такие картинки. Сначала кажется, что перед тобой просто цветные пятна, но, когда на них долго смотришь, постепенно складывается цельное изображение. Так вот я смотрю, смотрю, а картинка никак не складывается.

Хелен опустила голову и уставилась в свою чашку, ее взгляд затуманился, словно на дне чашки ей открылась далекая галактика.

— Я думаю, нам стоит заглянуть в сумку с подарками, — наконец произнесла Хелен, — Давай посмотрим, что они для вас приготовили.

— Ничего, что могло бы заинтересовать меня, — сердито буркнул Мика.

Он схватил лежавший возле дивана голубой бумажный пакет и перевернул его. На ковер высыпалось семь пакетиков с коктейлем, керамическая кружка с надписью, похожей на лозунг: «Коктейль „Бодрость“ — эликсир жизни», бейсболка, на которой красовалась не менее жизнерадостная надпись «Спортивный лагерь КОРДа — это радость и здоровье», футболка, шорты, несколько пакетиков с конфетами, воздушный шарик и компьютерный диск, название на котором гласило: «Проект „Дети — наше будущее“. Что это такое?»

— Ничего не скажешь, постарались на славу, — заметила Хелен. Она подхватила бейсболку и натянула себе на голову, — Ну как, мне идет? — Длинные седые волосы Хелен свисали из-под бейсболки, словно уши спаниеля.

— Мне больше нравится ваша красная шляпа, — усмехнулся Мика.

Он оставил Хелен разглядывать футболку и кружку, а сам, прихватив пакетик с коктейлем, отправился на кухню. Мика надорвал пакетик, высыпал порошок в раковину и уставился на него, словно надеялся, что сейчас произойдет чудо, и ему удастся отыскать ответы на все вопросы. Но чуда не произошло, как только белый порошок соприкоснулся с водой на дне раковины, он мгновенно порозовел и сделался тягучим, в нос Мике ударил резкий запах клубники. Он скривился от отвращения, быстро повернул кран и смыл липкую розовую кашу.

«Химия, и никаких чудес», — решил Мика и швырнул пустой пакетик в мусорное ведро.

— Давай посмотрим? — предложила Хелен, показывая Мике конверт с диском.

Большой плоский телевизор висел на стене напротив дивана. Мика вставил диск в узкое вертикальное отверстие справа от экрана. Экран ожил, перед Микой и Хелен возникла

картинка: дети пьют коктейль «Бодрость» из фирменных кружек КОРДа, на лицах ребят застыло выражение абсолютного блаженства — казалось, они сейчас потеряют сознание от счастья.

— О, да это круче, чем реклама зубной пасты, — заметила Хелен, глядя, как худенькая девочка с большими оттопыренными ушами поглощает витаминный коктейль. Пару секунд спустя девочка уже бежала по поросшему ромашками лугу, ветер трепал ее белокурые локоны, причем за эти несколько мгновений малышка успела подрасти как минимум сантиметров на тридцать и поправиться килограммов на пять.

— Чушь какая, — хмыкнул Мика, когда на экране появился крепкий загорелый паренек, ловко карабкающийся по крутому горному склону.

«Но вы не только станете большими и сильными, — голос за кадром гулким эхом прокатился по комнате, — наш проект также направлен на развитие ваших умственных способностей. Мы разработали новую игру под названием „Истребитель“, которая поможет вам научиться мыслить быстро и продуктивно, принимать правильные решения в любой самой непростой ситуации. Играйте с нами — это весело, летайте с нами — это круто. Мы поможет вам! Ваши фантазии станут реальностью!»

— Большое спасибо, некоторые наши фантазии *уже* стали реальностью, — пробормотала Хелен, имея в виду сестру Слейтер — чудовище из кошмаров Мики, которое явилось к нему в класс.

Экран погас. Мгновение он оставался темным, а затем заполнился мерцающими звездами; звезды двигались навстречу зрителю, так что у Хелен и Мики возникло ощущение, будто они несутся сквозь черную космическую бездну.

— Рекламный ролик игры, — догадался Мика.

«Ты приближаешься к самому интересному! — снова загрохотал голос диктора. — Такого ты еще не видел. Неповторимые впечатления. Захватывающий сюжет. Новая игра. Великолепная графика, полное ощущение реальности, ты забудешь, что это игра. Будущее Земли находится в твоих руках. Вражеские корабли с Красной планеты атакуют Землю. Используя свое мастерство и знания, ты должен разгромить вражескую армаду. Приходи скорее в новый игровой центр. Играй с нами, если, конечно, осмелишься!» — с вызовом закончил диктор.

Слово «ИГРА» появилось на фоне белых пушистых облаков, оно то вспыхивало, то растворялась в густых ватных клубках. Далее на экране возникло название игры — «ИСТРЕБИТЕЛЬ», надпись неслась сквозь черное пространство с такой скоростью, что отдельные звезды стерлись, превратившись в длинные полосы света. Затем впереди появилась эскадрилья настоящих истребителей. Они выстроились в шеренгу на просторной палубе военного корабля, словно приготовившиеся к прыжку черные пантеры; их металлические бока сияли на солнце, изящные линии заостренных фюзеляжей и слегка отведенные назад треугольные крылья говорили о скорости и маневренности боевых машин. На палубе появилась группа детей, они гурьбой бросились бежать к поджидавшим их самолетам. Стекланные колпаки над кабинами сдвинулись назад, дети начали по двое запрыгивать в самолеты; один усаживался впереди, второй устраивался позади него в низком, обитом черной кожей кресле, повторяющем контуры человеческого тела. Дети выглядели веселыми и целеустремленными, быстрыми точными движениями они натягивали шлемы и защелкивали пряжки на ремнях безопасности. Колпаки над их головами закрылись, и через мгновение квартира заполнилась многоголосым ревом моторов. Вся шеренга истребителей дружно оторвалась от палубы, самолеты взлетали вертикально, пару секунд висели над кораблем, затем один за другим уходили в небо, задрвав вверх свои острые носы. Они уносились с такой скоростью, что казалось, машины просто растворяются в облаках.

Неожиданно Мика почувствовал головокружение, как будто слишком резко поднялся на ноги. Мика прикрыл глаза и увидел самого себя забирающимся в кабину пилота. Он чувствовал, как под ним мягко пружинит кожаное кресло, в точности повторяющее каждый изгиб его тела, и этот особый запах внутри самолета, и ощущение приятной тяжести, когда

твою голову плотно облегает красивый летный шлем, и даже сенсорная панель управления, находящаяся прямо на лобовом стекле самолета, — все показалось Мике странно знакомым.

— С тобой все в порядке? — услышал он над ухом чей-то голос.

Мика открыл глаза и встретился взглядом с Хелен. Старушка с любопытством всматривалась в его лицо.

Рекламный ролик закончился.

— Да-да, конечно, — закивал головой Мика. — Ну и что вы обо всем этом думаете?

Хелен молчала, словно не знала, стоит ли высказывать свое мнение.

— Вас что-то смущает? — добавил Мика в надежде выудить из нее ответ.

— Ты не должен никому рассказывать о том, что ты чувствуешь, — мрачно произнесла Хелен. — Никому, даже своим родителям. Тебе следует извиниться, сказать, что ты совершил ошибку, и что такого больше не повторится.

— Почему? — упавшим голосом спросил Мика. Внезапная перемена в настроении Хелен одновременно и напугала, и разозлила его. — Я же вижу, вы согласны со мной. Вы знаете, что вокруг нас происходит что-то странное, но не хотите признать это! Почему? И что, по-вашему, я должен делать дальше? Как ни в чем не бывало вернуться в школу, извиниться перед мистером Греем и начать пить их дурацкий коктейль? Но я не хочу!

— Придется, — сказала Хелен, голос у нее сделался жестким и суровым. — У тебя нет другого выбора. Мика, ты только представь, что они с тобой сделают, если ты откажешься. С тобой и с твоими родителями.

Хелен многозначительно вскинула брови и уставилась на Мику. У него в сознании промелькнули две пугающие картинки. Первая — они с родителями переезжают в Царство Теней, потому что у них больше нет денег, чтобы жить в Барфорд-Норде. И вторая — Детройт Пиппин и тюремная камера. Мика содрогнулся.

— А кроме того, — добавила Хелен, отведя взгляд от лица Мики и уставившись на кусочек низкого свинцово-серого неба в окне, — мне почему-то кажется, что ты будешь рад, если сыграешь с ними в эту их игру, как ее... «Истребитель».

— Почему? — удивился Мика.

— Возможно, тебе удастся найти ответы на некоторые вопросы, которые мучают тебя в последнее время.

Хелен по-прежнему смотрела в окно, а Мика внимательно следил за ее взглядом, устремленным в серое дождливое небо. Во взгляде Хелен чувствовалась какая-то напряженность, словно она пыталась сохранить тайну, которая рвалась наружу, поэтому и отводила глаза, чтобы случайно не выдать ее. Внезапно на Мику снизошло озарение. Ну конечно, как же он раньше не догадался? Хелен была единственным человеком, который поверил ему, когда он утверждал, что Элли жива. Возможно, у нее есть какие-то предположения по поводу того, где сейчас может находиться Элли.

— Хелен, что вам известно? — спросил Мика. — Посмотрите на меня, Хелен!

— О, боже! — воскликнула старушка с видом человека, который замечтался и вдруг, вспомнив о каком-то важном деле, пришел в себя. Хелен бросила взгляд на запястье, хотя никаких часов там не было. — Мне пора. Я еще хотела заскочить в магазин, купить... э-э... лакричные пастилки... или лак для ногтей? Не помню. Ну, в любом случае, если я куплю и то и другое, то не ошибусь, верно?

Хелен начала медленно, вздыхая и охая, подниматься на ноги, словно за то время, пока она сидела на диване, все ее суставы заржавели. Мика выскочил в прихожую и встал перед дверью, загораживая ей выход.

— Нет, вы не можете так уйти! — воскликнул он, когда Хелен начала натягивать на голову свою клеенчатую шляпу. — Вы должны рассказать мне все, что вам известно.

— Да не кричи ты, — проворчала Хелен, вытаскивая из угла свои желтые резиновые сапоги. — Мне нужно сосредоточиться, иначе я надену левый сапог на правую ногу, — добавила она, пытаясь выиграть время.

Мика с горящими глазами наблюдал за тем, как старушка запихивает руки в рукава

своего просторного, похожего на шатер дождевика. Точно такое же выражение Хелен приходилось видеть в глазах влюбленных и наркоманов. Она чувствовала себя виноватой и пожалела, что с самого начала была слишком откровенна с ним. Нужно было сказать, что он и в самом деле свихнулся, или отправить к другому психологу, который не знал того, что знала она, или попытаться убедить его, что Элли мертва. А теперь у Хелен было такое чувство, что она сама указала ему дорогу к пещере людоеда.

«Но, — думала Хелен, — он и так двигался в этом направлении. По крайней мере сейчас мальчик научился доверять своей интуиции. Возможно, ему даже удастся отыскать сестру, он достаточно умен и настроен более чем решительно».

— Ты должен доверять своей интуиции, — сказала Хелен, — Ты необыкновенный мальчик. Слушайся своего внутреннего голоса, попробуй сыграть в их игру, но будь предельно осторожен.

— Что вам известно? — не унимался Мика. — Пожалуйста! Вы не можете так уйти, — взмолился он, когда Хелен протиснулась к входной двери.

Хелен приложила палец к сенсорной панели, дверь беззвучно отъехала в сторону.

— Ладно, я иду с вами, — заявил Мика, оглядывая прихожую в поисках своих ботинок. — Вы ответите на мой вопрос, даже если мне придется таскаться за вами по всем магазинам города.

— Ты не можешь пойти со мной, — напомнила Хелен, указывая на металлический ошейник Мики. — Иначе получишь разряд и наложишь в штаны.

— Проклятие! — прорычал Мика, хватаясь рукой за шею, — Подождите!

— Будь осторожен, — повторила Хелен и, шаркая ногами по цементному полу, направилась к лифту.

— Пожалуйста! — закричал Мика. — Вы должны помочь мне! Вы же обещали, помните? Когда я пришел к вам в первый раз, вы обещали помочь!

Хелен обернулась — ее взгляд смягчился, когда Мика напомнил о ее обещании помочь. Но тогда Хелен еще не знала, в чем дело. Тогда к ней пришел мальчик с большими черными глазами, в которых стояли страх и отчаяние, мальчик, который никак не мог смириться со смертью сестры-близнеца. Но он знает вещи, которые простому смертному не следует знать, все необходимые кусочки очень опасной головоломки находятся у него в голове, и, когда Мика сложит их, он станет уязвим. Он охвачен яростью. Он горячий и вспыльчивый. И они убьют его.

— Останови дверь, — сказала Хелен.

Мика ударил кулаком по сенсорной панели — дверь резко дернулась, остановилась и поехала в обратную сторону.

— Если ты хочешь, чтобы я помогла тебе, — сказала Хелен, вскидывая указательный палец, — ты должен пообещать мне, что перестанешь бросаться на людей и орать на них, как сумасшедший.

— Обещаю, — с жаром воскликнул Мика, — Правда, клянусь! — Мика приложил обе руки к груди.

— И никому не скажешь? НИКОМУ.

— Ни одной живой душе.

— И даже родителям? — уточнила Хелен.

— Само собой, — ухмыльнулся Мика. — Они же не верят ни единому моему слову.

— Ты должен быть предельно осторожен, Мика, если эти люди поймут, что тебе *что-то* известно, они тебя не пощадят!

— Я понял, понял, — отчаянно закивал головой Мика. Ему казалось, что еще секунда, и он просто взорвется от нетерпения, — Я БУДУ НЕМ КАК РЫБА. Ну же, говорите скорее, что вам известно?!

Хелен наклонилась вперед и прошептала:

— Если ты согласишься играть с ними, ты, возможно, найдешь Элли.

— Как? — Глаза Мики округлились. — Как я могу найти Элли, играя в компьютерную

игру?

— Больше я не скажу ни слова, — решительно заявила Хелен, опуская на лоб поля шляпы, — Ты и так выудил из меня слишком много. Просто играй в ту игру, которую они тебе предлагают, и держи рот на замке. Все. Я ушла. Думаю, это были не лакричные пастилки и не лак для ногтей, я хотела купить мазь от подагры.

Мика смотрел вслед Хелен — старушка зашаркала к лифту, большой зеленый шатер на желтых резиновых ногах, — чувствуя, как все его существо наполняется легкостью и ощущением невероятного счастья. Ночные кошмары, насмешки, обиды, недоверие, тяжким грузом давившие ему на плечи все эти долгие месяцы, вдруг исчезли. Мике казалось, что он парит в дверном проеме, несмотря на стягивающий горло тяжелый железный ошейник. Хелен обернулась, ее губы дрогнули в улыбке, она помахала Мике рукой и вошла в лифт. Мика расплылся в ответной улыбке, это была широкая, счастливая улыбка, так Мика не улыбался уже очень давно. И в этот самый момент где-то высоко над его головой, в черных глубинах космоса улыбалась Элли, ее губы вдруг сами собой растянулись в улыбке.

ГЛАВА 9

Бой с драконом

Мика понимал, что совет Хелен «играй с ними в их игру» относится не столько к компьютерной игре, сколько к его поведению в школе: держи при себе свои подозрения, не нарывайся на неприятности и постарайся убедить окружающих, что ты все осознал, искренне раскаялся и готов каждый день пить коктейль «Бодрость». Когда родители вернулись с работы, они застали дома совершенно другого Мику. Он извинился перед мамой и папой за доставленные неприятности, пообещал пить витаминный коктейль и приготовил им чай. Когда же родители поужинали, Мика *убрал со стола и помыл посуду* — до сих пор за ним такого не водилось, — и даже подмел пол у себя в комнате!

— Как прошла встреча с Хелен? — спросил потрясенный Дэвид, наблюдая за Микой, который прошествовал в ванную с кучей своих грязных носков и футболок и затолкал их в корзину для белья.

— Нормально, — ответил Мика.

— О чем вы говорили? — поинтересовалась Аша.

— Да так, поболтали, немного, — на ходу бросил Мика и быстро юркнул в свою комнату, чтобы избежать дальнейших расспросов, — Я, пожалуй, займусь сортировкой бусинок, — сказал он, закрывая за собой дверь.

Аша и Дэвид в недоумении переглянулись.

— Этой женщине нужно выдать медаль, — прошептал Дэвид.

Утром в понедельник, вернувшись в школу, Мика в присутствии мистера Грея, который следил за ним своими колючими, похожими на серую речную гальку глазами, честно выпил целый стакан коктейля. Холодная липкая жидкость заполнила рот и медленно потекла в горло. Мику едва не стошнило, но он невероятным усилием воли заставил себя сохранить невозмутимое выражение лица. Нельзя, чтобы директор видел, насколько ему противно. Мика не собирался давать ему повод для новых репрессий, а судя по сожалению, которое было написано на физиономии мистера Грея, когда он снимал с Мики ошейник, директор ждал — малейший намек на неповиновение со стороны Мики, и все начнется сначала. Поэтому Мика позволил себе гримасу отвращения, только оказавшись за дверью директорского кабинета, и то лишь на мгновение: если уж играть в их игру, то он намерен выиграть.

«Я найду тебя, Элли, — прошептал Мика, — даже если это будет стоить мне жизни».

Чувства Мики были обострены до предела. Вечером того же дня, когда они с Коби Ненко отправились в новый игровой центр, ему казалось, что детали окружающего мира стали видны более явственно, как будто их обвели четким морозным контуром. Мика на целую неделю отстал от своих одноклассников, которые с энтузиазмом взялись за освоение

новой игры, и горел желанием поскорее начать полеты на виртуальном истребителе.

— Как тебе игрушка? — спросил он Коби.

— Графика великолепная, — после небольшой паузы ответил Коби, — полное ощущение реальности, забываешь, что это игра. Но воздействие на мозги... просто гипноз какой-то. Половина класса ходит в футболках с логотипом КОРДа, только и разговоров, что об истребителях. Все как с ума посходили. Ну и конечно, все соревнуются друг с другом. А с тобой что случилось? Помнится, неделю назад ты заявлял, что тебя не интересуют компьютерные игры.

Мика пожал плечами и отвернулся. Но уголком глаза он видел, что Коби внимательно наблюдает за ним из-под своей длинной челки.

— Да я так... от нечего делать, — Мика внутренне поморщился: ответ прозвучал более чем глупо.

— Если хочешь, могу поделиться опытом, — предложил Коби, — Покажу, чему научился за неделю.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Мика.

Коби выудил из кармана какой-то предмет и стал крутить его в пальцах.

— Что это у тебя? — поинтересовался Мика.

Коби положил непонятный предмет на ладонь и вытянул вперед руку. Мика увидел фигурку жирафа. Жираф несколько раз моргнул большими карими глазами и пошевелил ртом, как будто пережевывая листья, затем задвигал ногами. Коби стоял с вытянутой рукой, а жираф маршировал у него на ладони. Налетевший порыв ветра едва не смахнул фигурку на землю. Коби вовремя успел сжать пальцы и осторожно опустил жирафа в карман.

— Потрясающе! — воскликнул Мика. — Где взял?

— Сам сделал, — сказал Коби. — Собрал из деталей от старого приемника.

— Круто... — с уважением протянул Мика.

Ему очень хотелось продолжить разговор с Коби, хотелось сказать, что Элли была бы в восторге от его жирафа, но Мика прикусил язык. Коби никогда не видел Элли, он даже не знает, что у него есть сестра-близнец. Мика решил, что так будет лучше для них обоих. Проще дружить с человеком, который ничего не знает о тебе. Но Элли наверняка понравился бы и сам Коби, и его замечательный жираф-робот, а он не решается даже упомянуть имя сестры. Мика почувствовал себя предателем.

Вечер был холодным, сырым и ветреным, но Мика обратил внимание, что на улицах полно народу, гораздо больше, чем обычно, и все направлялись к центру города. Мимо пробежали три девочки; заметив Коби, они остановились и обернулись к нему. Глаза девочек сияли, ветер трепал их выбившиеся из-под шапочек волосы.

— Привет, Коби! — крикнула одна из девчонок. — Сегодня играешь?

— Угу, — пробормотал Коби.

— Отлично! Тогда до встречи!

Мика с удивлением смотрел вслед подружкам. Странно, обычно девчонки шарахались от Коби.

— Когда ты успел с ними познакомиться? — спросил он.

— На прошлой неделе, в игровом зале, — сказал Коби, — Если ты хороший игрок, люди сами знакомятся с тобой.

— А-а, — протянул Мика. — Так значит, ты хороший игрок?

— Да, вроде того, — пожал плечами Коби. — В конце вечера они выводят на большой экран таблицу рекордов, чтобы все знали, кто как сыграл.

— И кто же самый лучший игрок? — Глаза Мики зажглись азартом.

— Рубен Снайт.

Приятели вышли на центральную площадь города, и Мика впервые увидел новый игровой центр. Раньше в здании располагался обувной магазин, торговавший дешевыми ботинками, которые через месяц разваливались на части, но магазин закрылся больше года назад. Здание перестроили, теперь оно стало в два раза выше и засияло яркими неоновыми

огнями; игровой центр буквально тонул в море голубого света. Впервые за сорок три года своего существования Барфорд-Норд выглядел нарядным и оживленным. Даже старый потрескавшийся фонтан посреди площади приобрел праздничный вид; голубые огни отражались в лужах и окнах соседних домов, крупные капли дождя, которыми были усеяны витрины магазинов, сверкали, как драгоценные камни. Непрекращающийся поток людей стекался к зданию центра, высокие стеклянные двери то и дело открывались, чтобы впустить новых посетителей. На площади царило радостное оживление, зараженный этой атмосферой всеобщего праздника, Мика почувствовал, что дрожит от возбуждения. Дрожь особенно усиливалась, когда гулявший по улицам ветер дул в спину и забирался за шиворот легкой куртки Мики.

Мальчики приблизились к дверям центра, здесь их обдало волной теплого воздуха и сладким запахом, словно они оказались на пороге кондитерской; изнутри доносились громкая музыка, оживленные голоса и смех. Мика пропустил Коби вперед, в тот же миг перед ними выросли два охранника в синей форме, на спине и нагрудных карманах у них была вышита знакомая аббревиатура — «КОРД». Один из охранников с помощью ручного прибора отсканировал сетчатку глаза Коби и кивнул, разрешая ему пройти внутрь. Затем настала очередь Мики, он слегка поморщился, когда острый луч сканера ударил ему в глаз. Оказавшись внутри, Мика окинул взглядом вестибюль, пытаясь сориентироваться в окружающей обстановке. Вдоль центральной галереи располагались всевозможные магазинчики, кафе и рестораны быстрого питания. Яркие огни витрин отражались в белоснежном мраморе пола, здесь были отделы, торговавшие одеждой, обувью, парфюмерией и ювелирными изделиями. Повсюду играла музыка, кафе и рестораны были забиты людьми, люди ели, болтали, смеялись. Ежеминутно взгляд натывался на логотип Комитета; буквы «КОРД» были написаны на форменной одежде продавцов и официантов, на спинках стульев, на высоких бокалах, в которых детям подавали молочный коктейль, и даже на соломинках, через которые они его пили. Столь навязчивая реклама вызвала раздражение и недоверие Мики. Раскованное поведение посетителей привело его в недоумение; Мика провел под домашним арестом всего неделю, а казалось, что его не было в городе как минимум год — настолько сильно жизнерадостная атмосфера игрового центра отличалась от мрачного настроения, царившего в школе. Люди, которые обычно пребывали в состоянии сонной скуки, заставлявшей их целыми днями ходить с понурыми лицами, смеялись и шутили; на смену летаргии пришло всеобщее оживление, временам походившее на истерическое веселье. Никогда в жизни жители города не видели ничего подобного, для них сияющий огнями игровой центр был чем-то вроде миража в пустыне. Мике казалось, что, если он сейчас закроет глаза, а затем снова откроет, мираж исчезнет, и он снова окажется под дождем посреди серой пустынной площади. Мика заметил неподалеку группу школьников, они сидели за столиком кафе и что-то оживленно обсуждали. Одна из девочек откинула голову и зашлась в приступе безудержного смеха, при этом она неловко взмахнула рукой и плеснула молочным коктейлем себе на платье. Мика поморщился, ему все меньше и меньше нравилось это безумное веселье.

Коби заметил гримасу на лице Мики.

— Я же говорил тебе, они все как с ума посходили, — усмехнулся он. — Пошли, игровой зал там, в конце галереи.

Они быстро прошли мимо сияющих огнями витрин и остановились перед высокой двухстворчатой дверью. Над дверью висел большой монитор, на котором шел рекламный ролик игры — точно такой же ролик Мика смотрел вместе с Хелен у себя дома. Мальчики вошли в зал и остановились на пороге, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку. Когда перед ними постепенно начали проступать очертания авиатренажеров, Мике показалось, что он заглянул в глубокую расщелину между камнями, кишашую огромными черными пауками. Тренажеры, напоминавшие распластавшихся на стене пауков, располагались по периметру зала, от их яйцевидных тел отходило восемь механических лап, четыре лапы были прикреплены к полу, еще четыре тянулись к потолку. Некоторые пауки-тренажеры стояли

неподвижно, словно дожидались, когда в поле их зрения появится очередная жертва — крупная муха размером с человека. Другие, занятые игроками, раскачивались из стороны в сторону, издавая ровное гудение; их механические лапы то конвульсивно подергивались, то сгибались в суставах, то растягивались во всю длину. Мика с бешено колотящимся сердцем сделал несколько нерешительных шагов вперед.

— Необычно, да? — сказал Коби.

Мика кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

— Снаружи они совсем не похожи на самолеты, — продолжил объяснения Коби, — но, когда сидишь внутри, — полное ощущение, что находишься в кабине истребителя. Панель управления, кресла, шлемы — все продумано до мельчайших деталей, и не только это. Видишь, как они раскачиваются на своих лапах, кажется, что ты действительно летишь. Но самое интересное начинается, когда истребитель входит в штопор. Вон, смотри... — Коби показал на один из тренажеров, который особенно сильно раскачивался из стороны в сторону. Затем произошло нечто невероятное: все восемь лап разом отделились от тела паука, само тело осталось висеть в воздухе, а еще через пару секунд оно начало бешено вращаться. Когда вращение закончилось, лапы вновь прикрепились к телу.

— Как они это сделали? — спросил Мика, жадным взглядом наблюдая за удивительными пауками-тренажерами.

— Думаю, внутри установлены электромагниты, — сказал Коби. — Подвесная железная дорога работает по тому же принципу, вагоны держатся в воздухе благодаря магнитному полю; отрицательный заряд поезда отталкивается от отрицательного заряда рельсов, или наоборот — один положительный заряд против другого положительного заряда. Идем, нам туда. — Коби указал на красную световую дорожку, которая бежала по центральному проходу.

Шагая вслед за Коби, Мика поглядывал по сторонам. Постепенно он начал различать в темноте неясные силуэты людей; дожидаясь своей очереди, игроки толпились возле тренажеров и наблюдали за полетом тех, кто сидел внутри паука. Мальчики прошли в конец зала, где стояло несколько свободных тренажеров. Их окружала довольно большая группа школьников, они дружно обернулись и посмотрели на приближающихся приятелей. Неожиданно Мика заметил в толпе Рубена Снайта и невольно замедлил шаг.

— Не обращай внимания, — сквозь зубы процедил Коби. Он быстро прошел мимо одноклассников, стараясь не встречаться взглядом с Рубеном, — Мерзкий тип. Давай возьмем этот. Залезай.

Мика проклинал все на свете: надо же прийти в огромный игровой центр, где полным-полно народу, и через пять минут столкнуться с Рубеном! Коби надавил ногой в рваной сандалиии на металлическую педаль, укрепленную на стене рядом с тренажером, и паук поджал лапы, открывая доступ к кабине. Коби коснулся своим длинным бледным пальцем сенсорной панели на спине паука, дверь кабины скользнула в сторону. Но, прежде чем приятели успели забраться внутрь, из темноты вынырнул Рубен Снайт в сопровождении двух девчонок.

— Собираешься учить его? — спросил Рубен. Обращаясь к Коби, он небрежно мотнул головой в сторону Мики.

Коби оставил вопрос без внимания и, не говоря ни слова, полез в кабину.

— Удачи, — хмыкнул Рубен, — Думаю, она тебе не помешает. Да, и запасись терпением.

Рубен удалился, а Мика смотрел ему вслед, чувствуя, как от ненависти перехватывает дыхание. Девчонки пару раз обернулись и захихикали.

— Залезай, — сказал Коби, — не обращай внимания.

— Пытаюсь, — соврал Мика.

Он полез в кабину, с трудом подавляя желание броситься вдогонку за Рубеном и с размаху заехать ему кулаком в челюсть.

Но стоило Мике взяться рукой за край кабины, как мысли о Рубене вылетели у него из

головы. Он даже на секунду замешкался; Мике показалось, что они забираются в кабину не с той стороны — вместо того чтобы влезать в нее сбоку, им следовало бы запрыгивать сверху.

— Садись на место стрелка, — сказал Коби. — Думаю, сначала тебе лучше научиться стрелять, прежде чем сам сядешь за штурвал: это немного проще, чем управлять самолетом.

В кабине было два кресла, установленных друг за другом. Мика уселся назад, кресло стрелка находилось гораздо выше кресла пилота, так что Мике были видны спутанные волосы на макушке Коби. Как только он опустился в кресло, оно сжало его с обеих сторон, словно принимая Мику в свои объятия.

— Кресла у них... странные, да? — сказал Коби.

— Да, — соврал Мики.

На самом деле странность заключалась в другом: Мике казалось, что он далеко не в первый раз садится в это кресло; то же самое дежавю преследовало Мику, когда он вместе с Хелен смотрел рекламный ролик игры у себя дома. Мика огляделся по сторонам, в кабине явно чего-то не хватало.

— А где панель управления? — спросил он.

Кроме двух рычагов по бокам кресла, в кабине больше ничего не было. Коби коснулся пальцем красной светящейся точки на двери кабины, и неожиданно вокруг них вспыхнули сотни мигающих огоньков — сенсорные кнопки располагались прямо на стенах и на потолке кабины; каждая кнопка была помечена особым символом.

— Надень шлем, — сказал Коби. — Там, сзади тебя на крючке.

Мика снял со стены шлем и повертел в руках. Шлем оказался на удивление легким. Он был сделан из блестящего черного пластика; выгнутый широкой дугой прозрачный щиток опускался на лоб и на глаза, сзади был сделан глубокий вырез, оставлявший затылок и шею открытыми, что было очень удобно, когда игрок откидывал голову назад и прижимался к спинке кресла. Как только Мика надел шлем и опустил щиток, на его прозрачной поверхности появился дисплей — Мика увидел зеленые светящиеся линии, складывавшиеся в сетку координат, и мигающие зеленые иконки-символы. Мика переводил взгляд с одной иконки на другую, чувствуя, как внутри расплзается неприятный холодок: он впервые видел эти изображения, но в то же время они казались ему знакомыми.

— Не смотри на них пока и постарайся не моргать глазами, — сказал Коби.

— Почему? — удивился Мика.

— Ты управляешь ими при помощи взгляда, — пояснил Коби. — Мне потребовался целый день, чтобы понять, как это делается. Чтобы активировать ту или иную иконку, надо взглянуть на нее и поморгать глазами.

— А что если я случайно моргну? — спросил Мика.

— А ты не моргай, — усмехнулся Коби, — Ничего, постепенно освоишься. На самом деле это не так уж сложно, просто не смотри на те кнопки, которые в данный момент тебе не нужны.

— Ладно, попробую. — Мика вытаращил глаза, стараясь не моргать. — А как насчет правил? Что нужно делать?

— Никаких правил не существует, — рассмеялся Коби. — Это и есть главная фишка игры.

Коби коснулся пальцем кнопки у себя над головой, и в ту же секунду перед ними появилось лобовое стекло самолета. Иллюзия была полной, Мика видел, что их истребитель стоит на палубе военного корабля, за бортом крейсера вздувались высокие серовато-зеленые волны.

— Готов? — спросил Коби.

— Готов, — замирая от волнения, сказал Мика и обеими руками вцепился в подлокотники кресла.

Самолет вздрогнул, где-то позади них раздался оглушительный рев двигателя.

— Вот это да! — воскликнул Мика.

В лицо ему ударила струя холодного воздуха, рев двигателя нарастал, самолет

вибрировал все сильнее и сильнее, пока у Мики не начали стучать зубы. Наконец они оторвались от палубы, самолет завис над водой, затем задрал нос кверху и, рывком сорвавшись с места, начал уходить в небо.

— Ух ты, аж дух захватывает! — закричал Мика.

— Я же говорил: полное ощущение реальности! — крикнул в ответ Коби, — Подожди, вот поднимемся над облаками, еще не такое увидишь!

Небо над ними было затянуто низкими свинцовыми тучами; самолет врезался в серую массу, и приятели на мгновение ослепли. Вскоре они вынырнули из тумана и, взглянув вниз, увидели сияющие белизной облака, подсвеченные солнцем и напоминающие покрытые искрящимся снегом горные вершины. Зрелище завораживало. Небо над головой было чистым и прозрачным, никогда в жизни Мика не видел такого голубого неба. Коби завис в воздухе и медленно повернул самолет вокруг своей оси, давая Мике возможность насладиться удивительным зрелищем. Пространство было настолько огромным, что у Мики перехватило дыхание, он почувствовал себя маленьким и беззащитным и даже немного испугался. Коби оказался прав — Мика забыл, что это всего лишь компьютерная игра: ощущение реальности было полным. Коби потянул штурвал на себя, самолет снова начал набирать высоту, и вскоре прозрачная голубизна неба сменилась густой синевой, а затем превратилась в бархатную черноту космоса. Вокруг мерцали звезды, а внизу в серовато-голубой дымке плыла Земля.

— Приготовься, — скомандовал Коби, — Сейчас появятся вражеские истребители.

Мика услышал рев моторов прежде, чем увидел сами самолеты. Он весь напрягся и сурово сдвинул брови, собираясь поразить Коби своей необыкновенной меткостью и скоростью реакции. Мимо них с пронзительным свистом пронеслось что-то непонятное. Мика резко повернул голову и увидел слева от себя эскадрилью ярко-красных самолетов; вражеские истребители сделали широкую петлю, развернулись и пошли в атаку.

— Что я должен делать? — в панике крикнул Мика.

— Стрелять, — ответил Коби. — Приготовься, я разворачиваюсь. Огонь!

Все произошло слишком быстро. Мика нащупал рычаг под правой рукой, но, прежде чем он успел нажать на гашетку, бой закончился. Перед глазами мелькнула белая вспышка, затем наступила темнота.

— Что случилось? — спросил Мика.

— Нас сбили, — сказал Коби, снимая с головы шлем.

На прозрачном щитке перед глазами Мики появилась надпись: «Игра окончена».

— Уже?! — воскликнул Мика, — Черт, как быстро.

— Не расстраивайся, — успокоил приятеля Коби, пряча улыбку под завесой длинных волос. — Это случается со всеми, первые двадцать — тридцать полетов обычно длятся не очень долго.

— Я хочу сесть за штурвал, — сердито заявил Мика. — Не нравится мне быть стрелком.

— Идет, — с невозмутимым видом согласился Коби.

Мальчики вылезли из кабины тренажера и поменялись местами. Коби забрался назад и, поджав свои длинные ноги, уселся на место стрелка.

— Я буду подсказывать тебе, что нужно делать, — сказал Коби. — Управлять самолетом намного сложнее, чем стрелять.

Мика молча кивнул и полез в кабину. Как только кресло сжало его тело с обеих сторон, Мика сразу почувствовал себя увереннее. Он натянул на голову шлем, вспомнил, как в прошлый раз Коби нажал кнопку у себя над головой, и сделал то же самое — на лобовом стекле появилось изображение палубы. Затем нажал другую кнопку, в углу прозрачного щитка, которым было закрыто лицо Мики, и появилась трехмерная картинка — изображение того, что делается за бортом самолета. Точно такая же картинка автоматически появилась перед глазами Коби, таким образом и пилот, и стрелок могли ориентироваться в пространстве. Мика уставился на картинку, пару раз моргнул и увеличил ее во весь экран.

Теперь они видели соседние самолеты, с десятков истребителей замерли на палубе корабля, готовые в любой момент взмыть в небо.

— Как тебе это удалось? — удивился Коби, разглядывая возникшее перед ним изображение.

— Я просто взглянул на желтый треугольник там, в углу экрана, — сказал Мика.

— Здорово, — хмыкнул Коби. — Ладно, будем считать, что тебе повезло.

«Но это не было простым везением, — смущенно подумал Мики, — я сделал это автоматически, так же как щелкаю выключателем, заходя в комнату».

Но Мика промолчал, решив, что, если он начнет действовать самостоятельно, Коби примет его за самоуверенного невежду, поэтому, несмотря на то что расширенное изображение помогало ориентироваться в пространстве, следующие несколько минут Мика послушно выполнял указания приятеля. Когда истребитель, взревев моторами, оторвался от палубы и завис над водой, Мику охватил ни с чем не сравнимый восторг. Мощная машина беспрекословно повиновалась его воле, едва только Мика касался пальцем кнопки на сенсорной панели управления, и одновременно он понял, насколько чутко самолет реагирует на малейшую ошибку пилота.

— Ты должен постоянно контролировать машину, — поучал Коби, — расслабляться нельзя ни на секунду. Особенно будь внимателен, когда отрываешься от палубы и начинаешь вертикальный взлет. Я пару раз разбил самолет о палубу: стоит чуть пережать, и он моментально заваливается в штопор. Аккуратно бери штурвал на себя, старайся держаться горизонтально над палубой и пока не газуй, иначе рухнешь в море.

Следуя инструкциям Коби, Мика оторвался от палубы и, задрав нос истребителя вверх, начал набирать высоту. Когда он нажал на газ и самолет пулей понесся к облакам, Мика едва сдержал рвущийся из груди вопль восторга.

— Осторожно, — предупредил Коби, — Не разгоняйся так сильно, иначе потеряешь контроль над машиной.

Но к этому моменту Мика уже перестал слушать наставления Коби. Выскочив из-за туч, он на мгновение остановился, чтобы бросить взгляд на пронизанные солнечными лучами белоснежные облака, затем снова поставил самолет в вертикальное положение и нажал на газ. Сжав зубы, Мика прошел сквозь болтанку в верхних слоях атмосферы и вырвался в открытый космос. Для Мики этот полет был не просто игрой — казалось, удивительная связь между ним и машиной существовала задолго до того, как Мика сел за штурвал самолета. Где бы ни была сейчас Элли, что бы она ни делала, связь между нею и братом была неразрывна. Все происходящее было похоже на чудо.

Вражеские самолеты, с которыми игроку приходилось сражаться на первом уровне, напоминали заостренные осколки темно-красного стекла — настолько тонкие, что управлявшие ими инопланетяне, скорее всего, имели плоские тела не толще листа бумаги. Красные истребители летели ровным строем, почти касаясь друг друга; они делали быстрые зигзагообразные движения, так что попасть в них было довольно трудно. Однако карта, которую Мике удалось вывести на дисплей, значительно облегчала задачу. Приятели увидели самолеты задолго до того, как они подлетели на расстояние выстрела, так что Коби успел сообразить, в какое положение лучше установить лазерную пушку, и хорошенько прицелиться. Коби с азартом расстреливал врагов, при этом он никак не комментировал действия своего пилота, но Мика и так знал, о чем думает его приятель: «Надо же, парень летает как настоящий ас, хотя впервые сидит за штурвалом боевого самолета. И как ему это удастся?» Но, когда первый уровень игры подходил к концу, Мика по-настоящему удивил Коби. Мальчики уже расстреляли с десятков вражеских истребителей и чувствовали себя вполне уверенно; они даже начали с пренебрежением поглядывать на врагов, когда перед ними неожиданно возник совершенно новый объект.

— Ух ты! А это что такое?! — закричал Коби, — Он двигается слишком быстро, намного быстрее нас.

Это был первый истребитель-«дракон», с которым им пришлось столкнуться. На

фюзеляже самолета была нарисована оскаленная пасть с двумя рядами острых зубов, «дракон» был в два раза больше и двигался в два раза быстрее, чем истребитель Мики и Коби. Чудовище неслось прямо на них, изрыгая языки пламени. Пламя сворачивалось в огненные шары, которые на бешеной скорости мчались впереди самолета. Мика весь покрылся холодным потом и вжался в спинку сиденья.

— Нам с ним не справиться! — заорал Коби. Не снимая пальца с гашетки, он палил по «дракону», однако с таким же успехом мог бы стрелять из рогатки по носорогу, — Все, мы проиграли!

Мика посмотрел на панель управления на лобовом стекле и вдруг, даже не задумываясь над тем, что делает, быстро одну за другой нажал три кнопки. Истребитель издал оглушительный рев, мальчикам показалось, что они оказались в кратере действующего вулкана, а затем самолет рванул вперед, словно в хвост ему ударил сокрушительный торнадо.

— А-а-а-а-а! — завопил Мика, чувствуя, как волосы под шлемом встают дыбом. — Ну, как тебе?!

— Класс! — завопил в ответ Коби.

Через секунду «дракон» исчез из вида. Мику охватил бешеный восторг, он чувствовал себя танцором, который с легкостью исполняет виртуозные па. Мика бросил самолет в штопор, затем резко взмыл вверх и сделал несколько широких петель и переворотов, словно резвящийся в волнах дельфин. Вдруг ему пришла в голову потрясающая идея. Мика развернул самолет и понесся в ту сторону, где остался «дракон». Еще через пару секунд они настигли врага и оказались у него за спиной. Коби хорошенько прицелился и нажал на гашетку. Раздался оглушительный взрыв, как будто они сбили не самолет, а разнесли на куски небольшую планету. Вспышка была такой яркой, что Коби и Мика на мгновение ослепли.

На щитке перед глазами Мики появилась надпись: «Первый уровень пройден».

— Как тебе это удалось? — спросил Коби.

— Не знаю, — пожал плечами Мика.

— Неужели? — усмехнулся Коби.

— Ну я просто... знал, что надо делать.

— Ну просто я ясновидящий, — передразнил его Коби.

— Ага. — Мики расплылся в счастливой улыбке, впервые в жизни радуясь тому, что оказался не таким, как все.

Но радость Мики была недолгой: не успели приятели вылезти из кабины тренажера, а потрясающая новость об их победе уже разнеслась по всему центру. Имя Мики появилось в первой строке таблицы рекордов, которую транслировали на большом экране над входом в игровой зал. Пока Мика и Коби шагали по галерее, мимо кафе, ресторанов и сияющих витрин магазинов, люди провожали их удивленными взглядами. Мика шел, опустив голову и стараясь не смотреть по сторонам: всеобщее внимание смущало его, и Мика с трудом сдерживался, чтобы не броситься бежать. Только выбравшись на улицу в темноту и дождь, Мика вздохнул свободно. Он подставил разгоряченное лицо свежим порывам ветра и зашагал рядом с Коби в сторону дома.

* * *

В эту ночь Авен снова пришла к Мики, она спала вместе с ним, вытянувшись на краю постели. На рассвете Мики почувствовал на своем плече жаркое дыхание собаки, она вскинула голову и зарычала низким утробным рычанием, идущим из самого живота. Мягкие черные губы Авен дрогнули, обнажив острые белые клыки. Увидев эти устрашающие клыки в двух сантиметрах от своего уха, Мика затаил дыхание. Его охватил страх, он лежал, боясь пошехонуться, и молил бога, чтобы сон закончился и Авен исчезла, прежде чем ласковая собака превратится в кровожадного зверя.

— В чем дело? — шепотом спросил Мика.

Авен повернула голову и посмотрела через плечо в сторону двери. Рычание стало громче. Мика понял, что собака рычит не на него. Он перевел дыхание, однако продолжал неподвижно лежать под одеялом; теперь к его напряжению примешалось чувство страха. Авен прыгнула с постели и, цокая когтями по полу, подбежала к шкафу, в котором висели вещи Элли. Она замерла перед шкафом и уставилась на дверцу, настороженно приподняв уши и вытянув свой длинный упругий хвост.

Мика осторожно откинул одеяло и сел. Авен обернулась, несколько раз быстро вильнула хвостом и снова уставилась на шкаф, в горле у нее по-прежнему клекотало низкое злобное рычание.

— Что случилось? — Встав с кровати, Мика подошел к шкафу и положил ладонь на голову Авен. — Что с тобой? Ты хочешь, чтобы я открыл шкаф? — Мика смотрел на дверцу, чувствуя, как внутри поднимается новая тошнотворная волна страха. Он прислушался, пытаясь уловить сквозь ворчание собаки какие-нибудь посторонние звуки. — Ш-ш, помолчи минутку.

Но Авен не желала молчать, она продолжала утробно ворчать, словно мотор старого автомобиля. Мика стоял, уставившись на дверцу шкафа, и пытался сообразить, что делать дальше. Что бы ни было там, в шкафу, он определенно не хотел видеть это. Мика протянул дрожащую руку — его влажные пальцы зависли в воздухе, прежде чем он решился взяться за ручку и осторожно приоткрыть дверцу. Раньше эта половинка шкафа принадлежала Элли, обычно полки были забиты до отказа: стоило открыть дверцу, и куча одежды вперемежку с мягкими игрушками вываливалась на пол. В последнее время шкаф почти не открывали, родители старались лишний раз не тревожить Мику, понимая, насколько тяжело ему видеть вещи сестры. В течение многих месяцев к шкафу никто не прикасался, а его содержимое превратилось в нечто вроде реликвии. Поэтому, когда из приоткрытой щелки ничего не вывалилось, это сразу насторожило Мику. Он распахнул дверцу и, к своему ужасу, обнаружил, что шкаф пуст; даже полки, и те исчезли. Мика уставился в темные глубины шкафа, пытаясь понять, что это за предмет лежит возле задней стенки. Клокочущие звуки в горле Авен сменились грозным рычанием. Мика напряг зрение — нет, это был не предмет, это было какое-то живое существо с большой квадратной головой и безжизненным, как у слепого, лицом. Странное существо немного подалось вперед, его руки болтались вдоль тощего туловища, оно напоминало забытую на гвозде куклу-марионетку. Телеголовастик!

Авен издала низкий протяжный вой и попятилась.

— Фас, взять его, — вполголоса скомандовал Мики, пытаясь подтолкнуть собаку к шкафу. — Ну же, кусни его хорошенько!

Но Авен попятилась еще дальше. Она отступила к самой кровати и, усевшись на пол, посмотрела на Мику так, словно хотела сказать: «Если хочешь, сам кусай». Мика был так напуган, что не мог заставить себя сдвинуться с места, но в то же время он ужасно разозлился: куда, скажите на милость, подевались вещи Элли и что этот мерзкий телеголовастик делает у него в шкафу? Мика нагнулся и дрожащими пальцами нажал кнопку в нижнем углу экрана. Телевизор ожил. По экрану расплзлось тусклое сероватое пятно, телеголовастик поднял голову-телевизор и уставился на Мику своими ледяными глазами. Мика узнал в нем Мясника из своих кошмаров — того самого, который стоял в ногах кровати и точил нож, пока остальные спорили, как им лучше сожрать Мику, в виде отбивной или бифштекса. Мясник был очень старым, он поднял свою костлявую руку и протянул ее Мике. Мика увидел, что Мясник держит в руке пластиковый стаканчик, точно такие же стаканчики с витаминным коктейлем им каждое утро дают в школе, но вместо розовой липкой жижи стаканчик был до краев заполнен большими черными пауками. Пауки один за другим вылезали из стаканчика, ползли по морщинистой руке старика, шлепались на дно шкафа и проворно бежали к приоткрытой дверце. Мика одеревенел от страха, однако в последний момент он все же успел захлопнуть дверцу, прежде чем первый паук выполз из шкафа.

ГЛАВА 10

Партия в шахматы

— Начнем, пожалуй, — сказал Горман, поднося ко рту бокал с вином.

Он сделал несколько глотков темной, похожей на густую кровь жидкости и смерил взглядом стоявшую в дверях Элли. Позади нее возвышалась массивная фигура охранника с пистолетом в руках, ствол пистолета упирался в затылок девочки. Прежде чем привести Элли в кабинет к Горману, ее переодели в свежий сияющий белизной комбинезон и гольфы-мокасины с резиновыми подошвами. Кроме того, Элли сделали новую стрижку, жесткая линия каре заканчивалась на уровне нижней челюсти. Однако Горман заметил темные круги под глазами Элли, да и выглядела она какой-то бледной и худой, особенно на фоне стоявшего позади нее здорового розовощекого охранника.

«Ничего, — подумал Горман, — регулярный прием витаминного коктейля поможет ей прийти в форму. Через пару недель она сама себя не узнает».

Элли с подозрением оглядывала кабинет Гормана.

— Начнем что? — спросила она.

— Нашу партию.

Горман сделал широкий жест рукой, показывая на журнальный столик между двумя диванами в дальнем углу комнаты. Все было готово к началу партии: фигуры выстроились на доске, рядом с доской на «черной» стороне поблескивал графин с вином, на «белой» стояла вазочка с конфетами. Элли, скривив губы в презрительной ухмылке, прошествовала через всю комнату и уселась на свое место. Охранник следовал за ней по пятам, он остановился за спинкой дивана, по-прежнему держа свой пистолет возле затылка Элли.

— А конфеты зачем? — спросила Элли.

— Чтобы есть, — снисходительным тоном ответил Горман, усаживаясь напротив девочки. Он поморщился, распухшие от артрита колени причиняли ему нестерпимую боль. — Само собой, ты не обязана их есть, если считаешь себя слишком взрослой для того, чтобы лакомиться конфетами. — Старик одним глотком осушил свой бокал и снова наполнил его вином из графина. — Если пожелаешь, я могу угостить тебя чем-нибудь менее сладким.

Элли покосилась на вазочку с конфетами, рот наполнился слюной, это были ее любимые жевательные конфеты — сочные, ароматные, сделанные в виде разноцветных ракушек и морских звезд. Но она не могла на глазах у Гормана взять из вазочки конфету и положить ее в рот. Она не могла не то что есть, в присутствии Гормана ей было трудно дышать. Сегодня вечером он выглядел особенно жутко, тонкие сухие губы старика делались кроваво-красными, когда он окунал их в бокал с вином, а скуластое обтянутое кожей лицо казалось зеленовато-серым — настоящий покойник, как будто его только что вынули из гроба и усадили на диван.

— Спасибо, я не голодна, — холодно сказала Элли.

— Как знаешь. — Горман растянул губы в улыбке.

Элли нервно заерзала на диване. Хорошее настроение Гормана всегда вызывало у нее подозрения и внушало страх. Если Мэл Горман выглядит счастливым, значит, в этом мире случилось что-то очень плохое.

Кто-то где-то находится в большой опасности. Элли кинула взгляд через плечо на черный ствол пистолета, направленный ей в затылок.

— Зачем меня привели сюда? — спросила Элли.

— Потому что я хотел тебя видеть, — невозмутимым тоном сообщил Горман. — Я подумал, что интеллектуальные упражнения не помешают нам обоим, я имею в виду партию в шахматы. Кроме того, ты, возможно, сумеешь помочь мне в одном очень важном деле.

— В каком еще деле? — тусклым голосом спросила Элли.

— Как поживает твой брат Мика? — Горман вскинул глаза и уставился на Элли. Она

чувствовала, как под его немигающим взглядом внутри у нее расплывается смертельный холод.

— Откуда я знаю? — выдавила Элли, ее губы слегка дрогнули. — Почему вы спрашиваете?

Горман молча потягивал вино из бокала, продолжая сверлить Элли глазами.

— Перестань прикидываться идиоткой, — тихо произнес он. — Что ты ему сказала?

— Ничего, — растерянно пожала плечами Элли. — Как я могла ему что-то сказать, находясь на космической станции за тысячи километров от Земли?

— Там на Земле живет двести семьдесят тысяч двенадцатилетних детей, — сказал Горман. — Ты понимаешь, Элли, — двести семьдесят тысяч мальчиков и девочек. На прошлой неделе все они выпили по стакану моего коктейля, все, кроме Мики Смита из Барфорд-Норда. А теперь скажи мне, как такое возможно? Почему именно *твой брат*, Элли, единственный из двухсот семидесяти тысяч отказался пить коктейль? Скажешь, совпадение? Извини, но я не верю в такие совпадения.

Элли опустила глаза: ее переполняла любовь и необыкновенная гордость за брата.

— Мика отказался пить ваш коктейль, потому что он не дурак, — негромким голосом произнесла Элли. — Но я тут ни при чем.

— Надеюсь, — отрезал Горман. — И запомни, твой брат до сих пор жив только потому, что ты в это время лежала у себя в комнате с завязанными глазами. Но если я узнаю, что ты пытаешься передать ему какую-то информацию, я убью его. Я не позволю тебе разрушить мой проект. Ты меня хорошо поняла, Элли?

Девочка кивнула.

— Учти, я буду следить за ним, — добавил Горман, — день и ночь, глаз не спущу с твоего братца. Твой ход. — Старик указал на шахматную доску с расставленными на ней фигурами.

Элли взяла белую пешку и подвинула ее вперед, освобождая дорогу ферзю и слону.

— Не так, — рявкнул Горман. — Думай головой.

Элли вздохнула, вернула пешку на место и, подперев голову руками, уставилась на нее. Пешка задымилась.

ГЛАВА 11

Старьевщики с пистолетами

Следующее утро выдалось серым и пасмурным, ветер с диким воем, словно взбесившееся привидение, носился между многоэтажными домами-башнями Барфорд-Норда. Мика проснулся раньше, чем зазвонил будильник. Он лежал в постели, закинув руки за голову, и вспоминал свой вчерашний полет на истребителе. Потрясающе, так летают только во сне! Как будто он просто разбежался, раскинул руки и, оторвавшись от земли, легко, как птица, взмыл в небо. Мика заново переживал восторг, который испытал накануне, и мечтал поскорее вернуться в игровой центр, чтобы снова сесть за штурвал самолета и умчаться к звездам.

Негромкий стук в дверь вернул Мику к реальности. Он прислушался — до него долетело несколько невнятных слов; затем дверь приоткрылась, и показалась голова Дэвида.

— Мы получили письмо от Хелен, — сообщил он, — Представляешь, письмо написано *от руки!* — добавил Дэвид и, помахав перед носом Мики раритетным посланием, вернулся в гостиную.

Письмо от Хелен? Мика насторожился. Завтра среда, после уроков они должны встретиться. И вдруг она *пишет* письмо родителям. Мика вскочил с кровати и бросился в гостиную. Родители сидели на диване и читали письмо Хелен. Несколько секунд Мика наблюдал за ними, затем не выдержал.

— Ну, что там? — спросил он, нетерпеливо переступая по ковру босыми ногами.

Родители молчали, затем отец протянул листок Мике. Письмо было написано на

настоящей бумаге и напоминало древнюю рукопись.

«Дорогие мистер и миссис Смит!

Прежде всего, хочу заверить вас, что состояние Мики значительно улучшилось. В связи с этим я считаю, что он больше не нуждается в моей помощи. Мне было очень приятно работать с ним, он умный и добрый мальчик. Я уверена, вашего сына ждет большое будущее.

Поскольку вы полностью оплатили курс лечения, я возвращаю вам часть аванса — сто двадцать фунтов (кредитная карточка прилагается).

Пожалуйста, передайте мой горячий привет Мике.

С уважением и наилучшими пожеланиями

Хелен Грин»

Мика дочитал письмо. Он застыл посреди комнаты, сжимая дрожащими руками маленький белый листок. У Мики было такое чувство, будто его с размаху ударили кулаком в живот. Он медленно поднял глаза и взглянул на родителей. Аша держала перед собой кредитную карточку, на ее заспанном лице плавала счастливая улыбка, словно это была не кредитка, а спустившийся с небес ангел.

— Слава тебе господи, — выдохнул Дэвид и откинулся на спинку дивана. — Теперь мы сможем заплатить штраф за Мику. И при этом у нас останется целых двадцать фунтов! Нет, это надо отпраздновать. Давайте закажем пиццу!

— Отличная идея, — улыбнулась Аша. — Закажем большую пиццу с индийскими пряностями, овощами и мясом. По два куска каждому. О, Мика, я так рада за тебя.

Однако настроение Мики было далеко не радостным. Его глаза потемнели, словно ночное небо, на лице появилась гримаса боли и отвращения. Он швырнул листок на пол, развернулся и размашистым шагом вышел из комнаты.

— Мика! — крикнула ему вслед Аша, — Мика, что случилось?

Мика вернулся к себе в комнату и бросился на кровать.

«Она даже не решилась сказать мне это в лицо, — с горечью думал он. — Прислала письмо. „Мой горячий привет Мике“. Она единственный человек, с кем я могу говорить откровенно, и она... она... бросила меня!»

Мика зарылся лицом в подушку Элли и вцепился зубами в наволочку.

— Мика? — Аша в нерешительности остановилась на пороге комнаты, — Не расстраивайся. Ведь это хорошая новость, верно? Хелен говорит, что тебе гораздо лучше.

— Но она же знает, что я все еще нуждаюсь в ней! — сорвался на крик Мика.

— Наоборот! — возразила Аша, — Хелен считает, что ты больше не нуждаешься в ее помощи. И ты *действительно* выглядишь гораздо лучше. Особенно вчера — ты вернулся таким счастливым.

— Ты ничего не понимаешь, — пробормотал Мика. — Уйди, пожалуйста... оставь меня в покое.

— Она прислала тебе коробку пирожных.

— Не нужны мне ее пирожные, — сердито буркнул Мика.

Он беззвучно плакал, уткнувшись лицом в подушку. Злые горячие слезы душили Мику. Аша на цыпочках вышла из комнаты и тихонько прикрыла дверь. Минут через десять Мика вышел из комнаты полностью одетый.

— Я иду к Хелен, — заявил он и направился в прихожую.

Аша бросилась вслед за сыном.

— Мика, подожди... — беспомощно начала Аша, наблюдая, как Мика решительно натягивал куртку и ботинки. — Куда ты собрался? Сейчас половина седьмого, Хелен, наверное, еще спит.

Но, прежде чем она успела закончить фразу, Мика выскочил из квартиры и, перепрыгивая через две ступеньки, помчался вниз по лестнице.

Хелен жила на другом конце города. Втянув голову в плечи, Мика шагал под

моросящим дождем. Когда он добрался до дома Хелен, его куртка и джинсы промокли насквозь. Однако перед подъездом Мика замешкался, он даже подумал, что мама была права, возможно, пожилая женщина крепко спит. Наверное, самое разумное было бы уйти и вернуться после уроков. Но Мика не хотел уходить.

«Интересно, — думал он, — как следует поступать, если тебя обидел человек, с которым тебе больше всего хочется поговорить?»

Каждый раз, когда Мика входил в дом Хелен, у него возникало странное чувство, будто он незаконно вторгается на чужую территорию, — остальные старики, жившие в этом доме, были совсем не похожи на Хелен. Как только Мика открывал дверь подъезда, на него сразу же обрушивалась висевшая за ней прозрачная занавеска, Мика долго путался и бился в ней, словно попавшая в паутину муха, затем делал шаг в сторону и налетал на пластмассовую вазу с искусственными цветами.

— Черт, — вполголоса выругался Мика, поднимая опрокинутую вазу.

Мика вошел в лифт и нажал на кнопку. Двери закрылись, лифт медленно пополз вверх. На полпути к этажу Хелен Мика услышал знакомый звук, он быстро нажал кнопку «стоп», и лифт замер. Не может быть!

Мика напряженно прислушивался. Он слышал гулкие удары собственного сердца и печальный свист ветра в шахте лифта, но секундой раньше до него донесся низкий утробный звук — так ворчала Авен, стоя перед шкафом, в котором сидел телеголовастик с пауками. Но сейчас звук исчез.

Мика решил, что ему показалось. «Ну конечно, никакой собаки не существует, она плод моего больного воображения». Чувствуя себя полным идиотом, Мика тяжело вздохнул и снова запустил лифт. Но, как только кабина тронулась с места, ворчание возобновилось, на этот раз Мика не только слышал Авен, он ощущал ее теплое прикосновение к своему бедру. Когда двери лифта открылись, несуществующая собака-сновидение ухватила Мику за рукав куртки и потянула назад, как будто не хотела выпускать на площадку.

— Прекрати. — Мика дернул рукой, — Ну же,пусти меня.

Но Авен намертво вцепилась зубами в куртку Мика, и, чтобы выбраться из лифта, ему пришлось отодвинуть собаку в сторону.

— Сидеть, — приказал он, понимая, что окончательно свихнулся, если отдает команды невидимой собаке.

Авен снова не повиновалась. Мика слышал, как цокают по каменному полу собачьи когти, Авен бежала впереди него к квартире Хелен.

К огромному удивлению Микки, дверь в квартиру Хелен оказалась открытой настежь. Авен заскулила. Мика замер: он увидел промелькнувшую в глубине квартиры высокую фигуру и услышал грубые мужские голоса. Мика метнулся в угол площадки, спрятался за открытой дверью и, прижавшись к стене, стал слушать. Бешеный круговорот мыслей не давал сосредоточиться. Что происходит? Откуда взялись эти люди? Что они делают в квартире Хелен? И, главное, где сама Хелен? Мика услышал глухой удар, что-то тяжелое упало на пол, и он догадался, что это книга. Они сбрасывают с полок любимые книги Хелен! Мику охватил гнев. Книги были друзьями Хелен. «Верные друзья, с которыми хорошо поболтать холодным зимним вечером, — говорила она Мике. — А потом, увлекшись беседой, забыть о сне и проговорить всю ночь напролет». Он услышал, как на пол упала еще одна книга, затем еще и еще. Мика подвинулся поближе к двери и, вытянув шею, осторожно заглянул в квартиру. Внутри все было перевернуто: шкафы открыты, ящики выдвинуты, из них свисала странного вида пестрая одежда, на столе возвышалась пирамида из широкополых шляп и маленьких шляпок, рядом лежало несколько пар солнечных очков в старомодных оправках, на полу были раскиданы сумки самых разнообразных цветов, форм и размеров. Определенно, Хелен покидала квартиру в страшной спешке.

Мужчины, ходившие по квартире Хелен, были затянуты в строгие черные костюмы. Их каменные лица оставались неподвижны, когда Черные Костюмы принимались рыться в вещах Хелен, они делались похожи на придирчивых старьевщиков, которые отбирают из

кучи хлама товар на продажу. Мика заметил на кухонном столе пистолет. Большой черный пистолет лежал рядом с фарфоровым чайником Хелен. Мика отпрянул назад и, затаив дыхание, прижался к стене. Авен нетерпеливо дергала его за брючину, словно торопила хозяина поскорее уйти отсюда. На этот раз Мика послушался, он отлепился от стены и метнулся к лестнице. Мика не стал вызывать лифт, побоявшись, что люди в квартире могут услышать стук открывающихся дверей. Он осторожно спустился на один пролет, затем, поддавшись страху, бросился бежать. Прыгая через две ступеньки, Мика пытался сообразить, существует ли взаимосвязь между исчезновением Хелен, появлением в ее квартире старьевщиков с пистолетами и тем, что в последнее время происходит с ним самим.

ГЛАВА 12

Урок физкультуры

Мика старался не думать о том, что входит в состав витаминного коктейля, которым их поили в школе, но один факт был очевиден: за последние несколько недель его тело сильно изменилось. Футболки плотно обтягивали раздавленные плечи Мики, остальные вещи тоже стали малы, как будто они сели после стирки. Нога увеличилась почти на целый размер, теперь он с трудом натягивал старые кроссовки, из-под обшлагов джинсов выглядывали покрытые темными волосами лодыжки.

— Иди-ка сюда на минутку, — однажды утром сказала Аша, когда Мика, выйдя из ванной, хотел прошмыгнуть мимо нее в свою комнату.

— Зачем?

Заподозрив неладное, Мика плотнее прижал полотенце груди. Ему не хотелось, чтобы родители заметили, что он растет как на дрожжах, и начали задавать разные неудобные вопросы. Но с каждым днем скрывать это становилось все труднее и труднее.

— Встань к стене, — сказала мама, — я хочу измерить твой рост.

— Ну, мам, давай в другой раз, я опоздаю в школу.

— Перестань, это минутное дело, — настаивала мама. — Могу поклясться, за прошедшую неделю ты вы рос еще на два сантиметра.

— Ладно, — неохотно протянул Мика. Он прислонился к стене у входа в комнату и скосил глаза, наблюдая за мамой, которая, прикусив губу, сделала отметку над его головой.

— Так и есть, еще два сантиметра! — воскликнула Аша. — Но это же ненормально.

Мика повернул голову и взглянул на новую метку на обоях. Под ней была целая лесенка из точно таких же черточек, сделанных за последние одиннадцать лет: с тех пор как они с Элли научились ходить, возле каждой черточки была написана дата. У Мики защемило сердце: последняя отметка Элли осталась далеко внизу.

Пока Мика одевался, Аша сидела на диване в гостиной, перечитывая красочный проспект под названием «„Бодрость“ — витаминный коктейль», которым администрация школы снабдила родителей. В разделе «Побочные эффекты» ничего не говорилось об ускоренном росте ребенка. Напротив, данный пункт значился в разделе «Положительное действие коктейля на организм вашего ребенка».

— Хм, интересно, — пробормотала Аша. Она остановилась на пороге прихожей, поглядывая на Мику, который с трудом запикивал ноги в кроссовки. — Ты действительно стал выглядеть намного лучше, исчезли темные круги под глазами, и лицо не такое бледное.

Однако в голосе Аши слышалось некоторое сомнение.

Мика буркнул что-то невнятное и ушел в школу.

Проект под названием «Дети — наше будущее» шел полным ходом, и с каждым днем Мика чувствовал себя все более и более неудобно. С исчезновением Хелен в его жизни не осталось никого, с кем он мог откровенно поговорить и кто мог бы успокоить его, сказав, что он все делает правильно. Прошло несколько недель, он послушно пил витаминный коктейль, выполнял указания учителей и помалкивал, как советовала ему Хелен, но у него по-прежнему не было ответа на главный вопрос: где находится Элли. Незнание

становилась все мучительнее. Каждый день Мика приходил в класс и видел на мониторе компьютера, который был установлен на его парте, жизнерадостные кадры — улыбающиеся мальчики и девочки пьют витаминный коктейль, и надпись внизу кадра: «Вы — наша радость! Вы — наша гордость! Пейте коктейль „Бодрость!“ ДЕТИ — НАШЕ БУДУЩЕЕ». И с каждым днем становилось все труднее и труднее заставить себя проглотить очередную порцию розовой отравы, как будто организм Мики начал свое собственное восстание.

— У тебя бледный вид, — сказала миссис Фулер. — Мика, ты хорошо себя чувствуешь?

— Отлично, миссис Фулер, — соврал Мика, пытаясь подавить подкатившую к горлу тошноту.

Но ежедневные приемы тошнотворного коктейля оказались сущей ерундой по сравнению с уроками физкультуры, появившимися в школьной программе. Однажды Мика явился в класс и обнаружил на своем мониторе новый слоган «Спортивный лагерь КОРДа — это радость и здоровье». Всем школьникам выдали по три сандвича и по маленькой шоколадке. Все решили, что это будет обыкновенный урок физкультуры, просто немного длиннее, чем обычно. Сначала они полчаса побегали вокруг школы, потом пару раз заберутся по канату, а потом всех отпустят домой. Как же сильно они ошибались! Когда миссис Фулер велела переодеться в новые спортивные костюмы, предоставленные Комитетом по оздоровлению и развитию детей, по классу прокатился недовольный гул, дети заявили, что одинаковые футболки с логотипом КОРДа — это не достаточно круто. Но миссис Фулер велела всем заткнуться, и они начали натягивать костюмы; мальчики бормотали себе под нос тихие проклятия, девочки смущенно хихикали. Долговязый нескладный Коби, облаченный в обтягивающий трикотажный костюм, выглядел особенно нелепо — на фоне черной футболки его землисто-серое лицо — последствия долго пребывания в лондонском Царстве Теней — приобрело мертвенную бледность.

Первый сюрприз поджидал юных спортсменов, когда, выйдя из школы, они не обнаружили никаких автобусов, которыми, как они рассчитывали, их доставят к месту тренировки. В спортивный лагерь, до которого было несколько километров, им пришлось добираться своим ходом, точнее — бегом. А ведь максимум, на что они были способны, — пробежать по красной светящейся дорожке игрового зала к освободившемуся тренажеру. Так что в лагерь большинство из них прибыли в полумертвом состоянии, потные, с перекошенными от усталости лицами, выпученными глазами и сбитыми в кровь ногами. Но это было только начало.

На спортивной площадке их поджидал тренер, мистер Блайт, лысый коротышка с непомерно большими ступнями. Рядом с долговязым Коби, который был самым высоким в классе, он вообще выглядел карликом. Мика едва сдерживал смех, глядя на забавного тренера, но лишь до тех пор, пока тот не заговорил, — как только мистер Блайт открыл рот, всем стало не до смеха. Одноклассники Мики затаили дыхание, даже Рубен выглядел испуганным. Скрипучий голос мистера Блайта напоминал скрежет железа по стеклу, от этого звука сводило челюсти и начинало сосать под ложечкой.

— Итак, — проскрипел тренер, шагая вдоль выстроившихся в шеренгу школьников, словно поднявшаяся на задние лапы лягушка, — посмотрим, на что вы способны.

Мистер Блайт взмахнул зажатым в руке секундомером и смерил своих подопечных свирепым взглядом. Теперь он напоминал готовящегося к прыжку тигра.

Он гонял их по баскетбольной площадке до тех пор, пока несчастный Роланд, очкарик, обожавший использовать в своей речи «умные» слова, не рухнул на землю. Затем мистер Блайт загнал их в спортивный зал и заставил качать мышцы. Они до изнеможения поднимали гантели и штанги, и, когда упражнение закончилось, измученные дети едва стояли на ногах, свесив вдоль туловища одеревеневшие руки. Но на этом экзекуция не завершилась — мистер Блайт усадил своих подопечных на велотренажеры, и они, преодолевая боль в ногах и смахивая с глаз слезы, ринулись на штурм виртуального Эвереста.

— Быстрее, — рычал мистер Блайт. Жилы на его лысом черепе вздувались, словно корабельные канаты. — Быстрее!

В конце урока физкультуры, который длился три часа, им пришлось совершить еще один марш-бросок обратно в школу. Большинство одноклассников Мики вползали по ступенькам школы на четвереньках.

— Да это настоящий садизм! — воскликнула Аша, когда Мика ввалился в квартиру.

Она смотрела, как он пытается негнушимися руками снять с себя одежду.

Мике кое-как удалось стянуть куртку, но нагнуться и развязать кроссовки он уже не мог. Маме пришлось сделать это самой. Мика рухнул на диван и зажмурился от боли, пока Аша снимала с него носки. Носки промокли от пота и крови, лодыжки распухли так, словно у него началась водянка.

— О, господи, — ахнула Аша, — да у тебя все ноги в крови! Нет, ты только посмотри, какие ужасные волдыри. Думаю, будет лучше, если сегодня ты посидишь дома. Какой там игровой зал, ты же едва живой!

Мика вскинул на маму потемневшие глаза.

— Я в полном порядке, — твердым голосом заявил он. — Сейчас приму душ и буду как новенький.

— Нет, я тебя никуда не пущу, — всплеснула руками Аша. — Тебе нужен отдых.

— Но я весь день думал о том, как вечером пойду играть. Если бы не это, я вообще не дополз бы до дома, — отрезал Мика.

Аша повернулась к мужу, ожидая от него поддержки.

— Ну а ты что молчишь?

Дэвид, занятый приготовлением растворимого пюре, налил в пластмассовый стаканчик кипятка из чайника и неопределенно пожат плечами. Он был рад, что у Мики, как у всех нормальных детей, появилось увлечение.

— Пускай идет, — ухмыльнулся Дэвид, — если сможет доползти.

— Спасибо, папа, — слабо улыбнулся Мика.

Для того чтобы удержать его дома, нужна была гораздо более серьезная причина, чем сбитые в кровь ноги.

ГЛАВА 13

Глаза волка

Мика не понимал, почему посетители центра не замечают, что в нем холодно и сыро и что обслуживающий персонал — охранники, продавщицы в магазинах, официанты в кафе никогда не улыбаются. Как будто в фирменные коктейли КОРДа подмешивали какое-то снадобье, делавшее людей бесчувственными. Неужели никто не видит зеркал, которые висят в каждом кафе, в любом самом маленьком магазинчике и даже на затянутых черной тканью стенах игрового зала. Мика видел ИХ. Он чувствовал присутствие людей, которые, спрятавшись позади зеркал, внимательно наблюдали за детьми. Неясно только, что за интерес смотреть на толпу двенадцатилетних подростков? Мысль об этих странных людях пугала Мику, но он старательно делал вид, что, как и все остальные, ничего не замечает.

Играй в их игру, старайся не смотреть на зеркала и держи рот на замке.

Мика каждый вечер приходил в центр, и с каждым разом толпа посетителей становилась все больше и больше — еще немного, и эпидемия игромании охватит весь город. В автоматах по продаже молочных коктейлей заканчивалось молоко, в машинах для приготовления попкорна — запас кукурузных зерен, большинство людей, разгуливавших по центру, были одеты в футболки самых разнообразных цветов и фасонов, но у всех на груди красовалась одна и та же аббревиатура — «КОРД» и логотип игры — «Истребитель».

И все посетители центра знали, кто такой Мика: после своего первого «боевого вылета» он стал настоящей знаменитостью. Люди хотели познакомиться с этим удивительным черноглазым мальчиком, который появился через неделю после открытия центра и сразу же

всех обошел. Мике приходилось протискиваться сквозь толпу, чтобы попасть в игровой зал, и буквально спасаться бегством, когда, завершив очередной полет, он снова оказывался победителем. Однако вскоре Мика понял, что за исключением Рубена, который ненавидел его всей душой, остальные игроки были настроены вполне дружелюбно. Они относились к Мике с любопытством и уважением, в их желании познакомиться с ним поближе не было никакого злого умысла, возможно, лишь некоторая доля зависти, но это было вполне понятно. Но поскольку Мика с готовностью делился с конкурентами своими навыками летчика-аса, то зависть вскоре уступила место благодарности. Мика мог позволить себе подобную щедрость, в конце концов, он приходил сюда вовсе не для того, чтобы выигрывать. Мике было совершенно безразлично, на каком месте в списке рекордсменов находится его имя, он просто хотел отыскать свою сестру.

Прошло полтора месяца после открытия центра. Однажды в понедельник вечером, когда Мика и Коби зашли внутрь сияющего огнями здания, они увидели огромную толпу школьников. Несколько сотен детей в полном молчании стояли посреди галереи и, запрокинув головы, смотрели на большой экран, висевший над входом в игровой зал.

— Дурдом, — прокомментировал Коби, засовывая руки в карманы своего длинного черного плаща. — Нет, ты только посмотри на них.

Дети, точно загипнотизированные, смотрели немигающими глазами на черный экран, усеянный мерцающими звездами.

«А вам когда-нибудь хотелось сесть за штурвал самолета?» — Низкий бархатный голос медленно поплыл под сводами галереи. Неожиданно на экране зажглась полная луна и возник силуэт истребителя. «За штурвал самого НАСТОЯЩЕГО самолета!» Истребитель взмыл вверх и понесся навстречу бледной луне. «КОРД объявляет соревнование, победителей ждут потрясающие призы! Выиграйте суперсовременную модель сотового телефона! Выиграйте путевку к морю для всей вашей семьи! Выиграйте новейшую модель аэромобиля и квартиру в знаменитых Золотых Башнях! И главный приз — полет на настоящем истребителе! Наши призы станут вашими! До сих пор вы играли ради развлечения, теперь вы играете ради победы! К участию в соревновании допускаются школьники в возрасте от двенадцати до тринадцати лет. Заявки на участие принимаются до конца февраля. За дополнительной информацией обращайтесь...»

Мика смотрел сменяющие друг друга кадры: далекие экзотические страны, песчаные пляжи, голубое море, сверкающий лаком новенький аэромобиль, мчащийся сквозь звездную пыль истребитель, — и его сердце наполнялось надеждой и страхом. Когда-то Хелен сказала ему: «Доверяй своей интуиции». Сейчас, глядя на яркие картинки, Мика не сомневался — это именно то, чего он так долго ждал: эта дорогая приведет его к Элли. Мика бросил взгляд на длинный ряд зеркал, который тянулся вдоль всей галереи. Он чувствовал на себе взгляды спрятавшихся за ними людей, они пристально следили за собравшимися. Толпа ожила и зашевелилась, дети начали возбужденно обсуждать услышанное. Мика стоял в бурлящей толпе, чувствуя, как по телу расползается липкий холодный страх: Он заметил, что Коби, перехватив его взгляд, тоже вскинул глаза к зеркалам. Мика быстро отвернулся.

— Пошли отсюда, — сказал Коби, его сильно толкнули в спину. — Теперь они окончательно рехнутся.

Войдя в игровой зал, они увидели небольшую группу своих одноклассников — ребята стояли возле одного из тренажеров и что-то горячо обсуждали. Среди них была девочка по имени Мэдди. Мика пару раз летал вместе с ней, Мэдди была отличным стрелком.

— Это потрясающе! — Мэдди подскочила к Мике и дернула его за рукав. — Ты только представь: полет на *настоящем* истребителе! Ты с кем полетишь? Я уже прочитала условия соревнования, мы должны летать в парах.

— Не... не знаю, — пробормотал Мика, неуверенно озираясь по сторонам. Он понимал, что не сможет играть в одной команде с Коби, они оба предпочитали сидеть за штурвалом, а раз так, Мика должен был хорошенько подумать, прежде чем выбрать себе напарника.

Лицо Мэдди вытянулось.

— Подумаешь, большое дело, — девочка пожала плечами. — Даже если ты возьмешь кого-нибудь другого, я не сильно расстроюсь.

Повисла неловкая пауза. Несмотря на то что Мэдди действительно была хорошим стрелком, Мика не хотел летать вместе с ней.

— Я правда не знаю, Мэдди, — начал Мика, чувствуя себя последним негодяем. — У меня не было времени подумать. Я скажу тебе... попозже, ладно?

В течение ближайших десяти минут к Мике подошло еще несколько человек, все задавали один и тот же вон рос: не хочет ли Мика взять их в напарники. И каждый раз Мика отвечал: «Нет». В отличие от Мики, Коби не пришлось долго ломать голову, он выбрал себе в напарники мальчика по имени Том. Со стороны парочка производила довольно странное впечатление: аккуратный подтянутый Том выглядел так, словно его каждый день тщательно мыли стиральным порошком с отбеливателем, Коби же смахивал на бездомного бродягу, который провел ночь в мусорном баке. Однако оба были настоящими асами и составляли отличную команду.

— Я бы на твоём месте поторопился с выбором, — сказал Коби, — а то всех хороших стрелков разберут. Почему бы тебе не взять Мэдди? Вы уже летали вместе, по-моему, она тебя никогда не подводила.

— Мм, да, возможно, я так и сделаю, — пробормотал Мика, но он точно знал, что не хочет летать вместе с Мэдди.

Что-то подсказывало Мике, возможно, это была интуиция, что он ждет кого-то особенного. И как только он увидел девочку, которая шла по залу вдоль красной светящейся дорожки, прижимая к уху трубку мобильного телефона, он сразу понял — это она. Высокая худенькая девочка была похожа на эльфа, точнее — на хулиганистого эльфа-панка, потертые джинсы с прорезами на коленях плотно обтягивали узкие бедра девочки. Тонкие черты лица и безупречно гладкая кожа особенно красиво смотрелись на фоне густых огненно-рыжих волос, которые, словно рама, обрамляли ее миловидное личико. Вероятно, благодаря тому, что в жилах девочки текла смесь русской и ирландской крови, у нее были слегка раскосые глаза и высокие точеные скулы, да и вся она казалась выточенной из цельного куска мрамора. Мика, как замороженный, смотрел на девочку. Красавица, промелькнуло у него в голове, никого красивее Мика в жизни не видел. Девочка слегка повернула голову и взглянула на Мику, ее глаза светились в темноте, как два зеленых светлячка. Мика уже вскинул руку, чтобы помахать девочке, но вовремя остановился, поняв, насколько глупо ни с того ни с сего начать махать рукой совершенно незнакомой девочке. Коби протянул ему свой стакан с колой, Мика хотел сделать глоток, но, засмотревшись на девочку, пронес стакан мимо рта и пролил колу на футболку.

— Черт, — прошипел Мика, пытаясь стереть ладонью расплзающееся на груди темное пятно.

Тем временем девочка закончила разговор, защелкнула крышку мобильного и сунула телефон в задний карман джинсов.

Мика, плохо соображая, что делает, шагнул навстречу девочке. Стоявшая неподалеку одноклассница Мики тоже сделала шаг вперед.

— Привет, Одри! — крикнула она. Рыжеволосая девочка повернулась и направилась в их сторону. — Знакомьтесь, — объявила одноклассница Мики, — это Одри. Она недавно переехала к нам, и это ее первый вечер в нашем центре.

Светящиеся в темноте глаза Одри производили жутковатое впечатление. Пока одноклассники Мики молча разглядывали странную девочку, от толпы отделилась массивная фигура Рубена — Снайт готовился начать свою обычную атаку на новичка.

— Какие у тебя необычные глазки, — вкрадчивым голосом начал Рубен.

— Это искусственные глаза, — сказала Одри. — Я родилась без глаз.

— Ух ты, — Рубен придвинулся поближе.

«Уйди, уйди, оставь ее в покое», — повторял про себя Мика. Рубен обошел девочку кругом, заглянул ей в лицо и сделал еще один круг — точно аллигатор, подбирающийся к

своей жертве. Мика сжимал кулаки, его душили гнев и зависть одновременно.

— Светятся, как у волка, — сказал Рубен, в упор глядя на Одри. — Свет отражается от сетчатки.

— Да, — ответила Одри.

Едва заметный русский акцент придавал ее голосу приятную хрипотцу. Пристальные взгляды столпившихся вокруг ребят ничуть не смущали девочку. Наверно, привыкла, что люди постоянно пялятся на нее, решил Мика. И правда, есть на что посмотреть.

— Волки могут видеть в темноте, — сказал Рубен. — А ты?

— И я. Не так, как волки, но лучше, чем ты, — отрезала Одри. — Это моя награда за то, что первые шесть лет жизни я была слепой.

— Круто, — уважительно качнул головой Рубен.

Мику охватило неодолимое желание броситься на Снайта и обеими руками вцепиться в его жирную шею. Тошнотворные комплименты Рубена были гораздо хуже его откровенной грубости. Мика буквально кипел от злости: Снайт не дразнил новенькую, как это обычно случалось с остальными детьми, которых они звали мутантами, только потому, что Одри была красива.

— А тебя как зовут? — спросила Одри.

— Рубен, — ответил Рубен.

— Привет, Рубен. — Она улыбнулась, и улыбка осветила лицо девочки ярче, чем ее необычные зеленые глаза.

Затем она неторопливым взглядом обвела всех остальных. Глаза Одри остановились на Коби, на его длинных взлохмаченных волосах и потрепанной одежде, потом на Мике. Ему казалось, что светящиеся глаза девочки, точно рентгеновские лучи, пронизывают его насквозь. Как ни странно, но в первый момент он испытал нечто вроде наслаждения, но затем почувствовал себя неловко и вынужден был отвести взгляд.

— Привет, — невнятно буркнул он.

Следующие несколько минут превратились для Мики в настоящую пытку. Одноклассники окружили Одри, она болтала с ними, шутила, смеялась.

«Она решит, что не понравилась мне. Идиот, трус, придурок, — ругал себя Мика. — Сделай же что-нибудь, иначе Рубен заберет ее себе».

Мика беспомощно топтался в углу, наблюдая за тем, как Рубен весело болтает с Одри.

— Ты на чем специализируешься? — спросил Рубен таким тоном, словно он командовал всей эскадрилей истребителей.

— Я стрелок, — сказала Одри.

— Хороший? — прищурился Рубен, — У меня пока нет напарника.

— Вполне. Полетай со мной, сам увидишь.

Нет. Она не может лететь с ним! Нужно что-то делать, причем быстро. Мика шагнул вперед.

— Я тоже ищу напарника, — выпалил он. — Почему бы тебе не полетать со мной?

Рубен смерил Мику свирепым взглядом, точно выпустил в него целый пучок отравленных стрел. Одри улыбнулась, Мике показалось, что на лице девочки промелькнуло облегчение.

— Почему бы и нет, — согласилась Одри.

Теперь они оба расплылись в улыбке. Мика чувствовал, что заливается краской.

— Что? — презрительно хмыкнул Рубен. — Мика Смит? Да он же натуральный псих! А тебе нужен нормальный пилот, который знает, что делает!

Зеленые глаза Одри сверкнули в темноте.

— Не слушай его, — сказал Мика, смерив Рубена ледяным взглядом.

Руки Снайта сжались в кулаки, но Мика продолжал сверлить его глазами.

— Запомни, урод, я с тобой еще рассчитаюсь, — прорычал Рубен.

Одноклассники наблюдали за странным поведением Мики и Рубена, удивляясь и недоумевая, с чего это вдруг они сцепились из-за новенькой. Кроме того, до сих пор никто не

осмеливался столь нагло перебегать дорогу Рубену.

Группа распалась, ребята разбрелись по залу и стали усаживаться в кабины тренажеров, оставив Мику и Одри одних.

— Пошли, надо подготовиться к старту, — деловито нахмурившись, сказал Мика.

— Пошли, — улыбнулась Одри.

Они двинулись к свободному тренажеру. Мика шагал впереди, одновременно замирая от радости и от нехороших предчувствий. Рубен не из тех, кто бросает слова на ветер, если он сказал, что поквитается с Микой, значит, так оно и будет. Но что ему угрозы Рубена! Разве он боится? Да ни капельки. Мика смотрел, как Одри забирается в кабину и усаживается на место стрелка, ее зеленые глаза сияли, пальцы уверенно бегали по кнопкам сенсорной панели управления. Усаживаясь на свое место, Мика с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться в полный голос от переполнявшей его радости.

Конечно, Мике еще предстояло продемонстрировать Одри свое мастерство пилота, он не мог допустить, чтобы она подумала, будто Рубен был прав, когда говорил о нем всякие гадости. Одри едва успела защелкнуть пряжку на ремне безопасности, как Мика сорвался с палубы корабля и, врубив двигатель на полную мощность, взмыл в небо. Они прошли сквозь облака и целую минуту кружили над Землей, прежде чем остальные истребители нагнали их. Кнопки на панели управления переливались мягким светом, как огоньки на новогодней елке; над головой мерцали звезды, внизу громоздились белоснежные горы облаков, кругом царила торжественная тишина. Они дождались, пока остальные истребители выстроились возле них в ровную линию, и снова начали набирать высоту, уходя в темные глубины космоса навстречу красным самолетам инопланетян.

— Смотри внимательно, они сейчас появятся, — предупредил Мика.

— Я знаю, — рассмеялась Одри.

Она оказалась по-настоящему хорошим стрелком. Одри сбива первую тройку вражеских самолетов прежде, чем кто-либо из стрелков соседних истребителей успел нажать на гашетку. Чем дольше они сражались, тем больший восторг охватывал Мику. В конце концов, он перестал сдерживаться и начал хохотать в полный голос, Одри тоже радостно вопила каждый раз, когда очередной вражеский самолет превращался в ослепительный огненный шар. О, да, его напарница оказалась великолепным стрелком! Мика чувствовал, что никогда и ни с кем не сражался лучше, чем с Одри, которая сидела у него за спиной и крушила все, что попадалось им на пути. Что за удивительную напарницу он себе отыскал!

Мика и Одри сражались еще целый час после того, как остальные истребители, сбитые инопланетянами, рухнула на землю. Когда они расправились с последним «драконом» и закончили третий уровень, Мика, вместо того чтобы перейти на следующий уровень, заложил крутой вираж, вывел самолет на околоземную орбиту и выключил двигатель. Они зависли на фоне лунного диска. Мика отстегнул ремень безопасности и повернулся к Одри, ему хотелось поговорить с ней. Сначала они обсуждали игру, потом говорили о школе, затем Одри рассказала Мике о своем родном городе, Плимуте, в котором она жила до переезда в Барфорд-Норд. Мике нравилась ее манера говорить. В этой девочке было столько энергии, столько живого интереса к окружающему миру, что серые бетонные улицы Барфорд-Норда уже не выглядели такими мрачными; вечно гуляющий по ним ветер уже не казался таким пронизывающе-холодным, а непрекращающийся дождь таким утомительно-нудным. Слушая Одри, Мики чувствовал, что его душа наполняется теплом и радостью.

— Теперь твоя очередь, — сказала Одри. — Рассказывай.

— Что рассказывать? — настороженно спросил Мика. Ему не хотелось омрачать их зарождающуюся дружбу рассказом о том, что он «ясновидящий», как однажды назвал его Коби, который разгуливает по улицам с собакой-сновидением и боится заглянуть в собственный шкаф, потому что там сидит телеголовастик с черными пауками.

— Ты производишь впечатление человека, который умеет думать, — сказала Одри.

— А разве не все люди умеют думать? — уклончиво спросил Мика.

— Не все, — усмехнулась Одри. — Что ты подумал, когда увидел меня?

Мика заерзал на сиденье, ему совсем не хотелось признаваться, что он был сражен наповал необычной красотой Одри и готов был броситься ей навстречу, словно мотылек, который летит на свет лампы.

— Что ты отличный стрелок, — сказал Мика.

— О, вот как, — рассмеялась Одри. — Спасибо.

Мика попытался сменить тему.

— Слушай, а что, если мы немного летаем над Землей, — предложил он, — посмотрим, как она выглядит сверху?

— Отличная идея, — согласилась Одри. — Я, правда, не уверена, заложено ли это в программу игры, но мы могли бы заглянуть за Стену и посмотреть, как выглядит остальной мир.

Целый час они летали в небе над Европой. Улицы городов были усеяны человеческими останками и скелетами погибших животных, повсюду лежал толстый слой желтой пыли, ветер гнал ее вдоль пустынных мостовых. Пыль густым облаком поднималась в воздух, оседала на стеклах домов и скапливалась возле дверей, которые больше никто не открывал. Лишь ветер и пыль двигались в этом безмолвном мире. Там, где когда-то росли леса, теперь раскинулась бескрайняя пустыня, сухие деревья, похожие на почерневшие скелеты, вздымались вверх свои узловатые ветви. Земля была мертва.

— Говорят, что должно пройти сто лет, прежде чем земля очистится, и люди смогут вернуться туда, где они жили до Эпидемии, — Мика горько усмехнулся, — Не понимаю, как взрослые могли допустить такое.

— Я жалею, что мы прилетели сюда, — грустно вздохнула Одри. — Давай вернемся. Я больше не хочу смотреть на мертвую землю.

Мике тоже было больно видеть мертвую планету. Ему хотелось плакать от бессильной злобы, но он не мог позволить себе разреветься в присутствии Одри, хотя на нем был надет шлем, под которым не видны бегущие по щекам слезы.

— Уже поздно, — сказал Мика. — Пора возвращаться.

Одри сняла шлем, ее зеленые глаза напомнили Мике молодые, только что проклюнувшиеся листочки. Одри выпрыгнула из кабины тренажера, попрощалась с Микой и направилась вдоль светящейся дорожки к выходу, унося с собой кусочек его сердца. Кусочек, который Мика с радостью отдал своей новой подруге.

ГЛАВА 14 Серебряная пуля

Авен открыла глаза и приподняла голову, и Мика погладил теплые уши собаки. Он понял, что это не было знаком тревоги, Авен просто прислушивалась в полусне к каким-то отдаленным звукам. Висевшая за окном полная луна заливала комнату мягким серебристым светом.

— Что? — прошептал Мика, — Что ты там услышала?

Собака опустила голову на лапы и глубоко вздохнула, ее тело расслабилось, но уши по-прежнему оставались слегка приподняты. Мика прислушался. Из запертого шкафа доносился невнятный шорох.

«Нет, я не хочу, только не сегодня. Уходи, пожалуйста, уходи», — мысленно обращался Мика к тому, что двигалось в шкафу Элли.

Он лежал на спине, натянув на голову одеяло, и пытался изменить сюжет собственного сновидения, но Авен нашла щелку, просунула нос под одеяло и шумно задышала Мике в ухо.

— Отстань, — шепнул Мика. — Я не хочу заглядывать в шкаф.

Но чем старательнее он отгонял навязчивые мысли о том, что происходит внутри шкафа, тем сильнее становилось его любопытство. Наконец Мика сдался, понимая, что сон не кончится, пока он не исполнит отведенную ему роль.

— Ладно. — Он с тяжелым вздохом откинул одеяло.

Авен тоже встрепелась и уселась на краю постели, наблюдая за тем, как Мика на цыпочках подкрадывается к шкафу. Он приложил ухо к дверце и прислушался. Шум не был похож на сердитую возню телеголовастика, это скорее напоминало деловитое шуршание, как будто внутри шло какое-то строительство. Чувствуя некоторое облегчение, Мика осторожно приоткрыл одну створку и ахнул, его легкие наполнились свежим прохладным воздухом, словно он затолкал в рот целую пачку мятной жвачки. Шкаф от пола до потолка был заполнен зеленью, поселившееся в нем пышное растение продолжало расти прямо на глазах. Растение мягко покачивало ветвями, выбрасывая все новые и новые побеги с острыми длинными почками; почки лопались, из них появлялись свернутые в трубочку клейкие листочки, которые тут же раскрывались, словно крылья бабочки. Авен спрыгнула с кровати, подбежала к шкафу, принялась и, вытянув шею, ушла в глубину живого шевелящегося куста. Мика последовал за ней. Он шагнул в куст и вдруг, сам не понимая, как это произошло, оказался на четвереньках. Мика взглянул вниз и увидел в серебристом свете луны, что его руки превратились в лапы, такие же, как у Авен, — сильные, когтистые, покрытые короткой бежевой шерстью. Мика стал собакой. Из листвы вынырнула голова Авен, собака тряхнула ушами и игриво твякнула, словно приглашая Микку поиграть с ней в догонялки, и снова исчезла. Мика расхохотался, прыгнул вслед за Авен... и проснулся.

Он не смог сдержать короткого «ах».

Распахнув глаза, Мика уставился в потолок. Проклятие! На этот раз ему *хотелось*, чтобы сон продолжался.

Но вместо серебристого света луны комнату заливал тусклый серый рассвет, было раннее хмурое утро. Мика повернул голову на подушке — ни собаки, ни растения, на полу возле шкафа валялись его грязные джинсы. И тут Мика вспомнил: сегодня же суббота! Сердце учащенно забилося, когда он подумал, что за день ждет его впереди: через пару часов они с Одри примут участие в первом туре соревнования, которое накануне объявил КОРД. Он вскочил с постели, быстро оделся, осторожно пробрался мимо дивана, на котором спали родители, и проскользнул на кухню. Стараясь не шуметь, Мика приготовил пару бутербродов, затем вернулся к себе в комнату и улегся на постель Элли. Он жевал бутерброд и разглядывал развешанные на основании верхней кровати картинки с изображением животных. Мике захотелось взять с собой что-нибудь из вещей Элли на удачу, нечто вроде талисмана. Он выбрал любимую картинку сестры — львица, играющая со своими детенышами в тени раскидистого дерева с узловатыми ветвями. Вокруг львов покачивалась высокая золотистая трава, на безоблачном голубом небе сияло солнце. Мика несколько секунд вглядывался в изображение, не в силах поверить, что когда-то подобная красота существовала на самом деле. Затем он аккуратно отклеил картинку и положил в задний карман джинсов, предварительно убедившись, что это именно тот карман, в котором нет дыры. Прежде чем уйти из дома, Мика набрал номер Хелен. Это превратилось у него в ежедневный ритуал, хотя Мика давно перестал надеяться, что Хелен когда-нибудь ответит на его звонок. Про сто ему нравилось слышать ее голос, записанный на автоответчик.

Участникам соревнования пришлось отправиться в Ридинг, поскольку там находился самый крупный игровой центр с большим количеством залов. Центр был открыт все выходные, так что Одри и Мика могли прийти днем в субботу или отложить поездку до воскресенья, но они решили поехать рано утром в надежде опередить толпу игроков, которая наверняка соберется в Ридинге. Они договорились встретиться на площади перед вокзалом в половине седьмого утра. Мика пришел минут на пять раньше. Однако, к своему огромному разочарованию, он понял, что их план не удался: сотни подростков, одетых в футболки с логотипом игры, непрекращающимся потоком двигались в сторону вокзала, и судя по их сосредоточенно-серьезным лицам, каждый из них был полон решимости одержать победу. Мика остановился в стороне и стал наблюдать за шагающими мимо него конкурентами. Неожиданно ему пришла в голову мысль о том, насколько бессмысленна его затея: он пытается отыскать сестру, принимая участие в компьютерной игре среди таких же, как он,

двухсот семидесяти тысяч подростков, одержимых желанием выиграть любой ценой. Нет, у него нет ни малейшего шанса. Мика кусал губу и вытягивал шею, пытался разглядеть в толпе подростков своих друзей. Сначала он увидел Одри, ее рыжие волосы и сияющие зеленые глаза невозможно было не заметить, позади нее шагали Коби и Том. Оказавшись рядом с приятелями, Мика почувствовал себя намного спокойнее. Одри была в приподнятом настроении, ее глаза горели, словно внутри у девочки работала небольшая электростанция, Одри надела свою любимую куртку-ветровку, такую же ярко-зеленую, как ее глаза. Костюм Тома как обычно был в идеальном порядке, волосы выглядели так, словно по ним прошлись утюгом. Коби обмотал сандалии скотчем, чтобы отваливающиеся подметки не хлопали при ходьбе.

Толпа перед входом в вокзал колыхалась из стороны в сторону и почти не двигалась с места, поскольку слишком много людей пытались одновременно протиснуться в узкую дверь. Друзьям пришлось прокладывать себе дорогу локтями, вслед им неслись проклятия, их пихали кулаками и толкали в спину, но им все же удалось прорваться внутрь вокзала. Все шесть платформ были до отказа забиты подростками, ожидавшими прибытия очередного поезда. При виде этого людского моря Мику снова охватила паника, он даже начал сомневаться, удастся ли им вообще добраться до Ридинга, и в глубине души уже был готов к тому, что поиски сестры закончатся здесь, на этом грязном и шумном вокзале.

— Ну, что будем делать? — спросил Том.

— Может, вернемся попозже, когда толпа рассосется, — предложил Коби. — Мне вообще-то все равно, когда мы туда приедем.

— Нет, — замотал головой Том, — потом будет еще хуже. Надо ехать сейчас.

— Да, я тоже так думаю, — согласился Мика. Мысль о том, что они просто развернутся и уйдут, привела его в ужас, у него было такое чувство, будто он всю жизнь ждал этого дня. — А как ты, Одри?

— Я не возражаю, — пожала плечами Одри. — Ради игры я готова немного потолкаться.

— Тогда пошли, — сказал Мика. — Нам придется пробивать себе дорогу, расставьте локти пошире и держитесь друг за друга, чтобы не растеряться в толпе.

Мика шел первым, Одри, вцепившись в подол его куртки, продиралась следом. Чем ближе они подходили к платформе, тем плотнее становилась толпа и тем активнее им приходилось работать локтями. Когда они все же протиснулись к краю платформы, напивавшие сзади люди едва не спихнули их на рельсы; Мике пришлось обеими руками прижимать к себе Одри и из всех сил упираться в землю ногами. Наконец вдалеке показался поезд, он подполз к платформе, словно длинная серебристая змея с огромными стеклянными глазами, на боку каждого вагона красовалось фирменное название «Серебряная пуля». Состав остановился, толпа подалась вперед, придавив Мику и Одри к окну вагона, двери с шипением открылись, и подростки все разом рванулись занимать места. Мика почувствовал, как чья-то крепкая рука ухватила его за воротник куртки и рванула назад. Одри, подхваченная толпой, исчезла в вагоне, Мику оттолкнули в сторону, и он утонул в море людских голов и ожесточенно работающих кулаков.

Тому и Коби удалось прорваться в вагон вслед за Одри.

— А где Мика? — крикнула она, оборачиваясь к мальчикам. — О, нет! Смотрите! Он не может сесть в поезд!

Том всем телом подался вперед и, наполовину высунувшись из вагона, ухватил Мику за воротник куртки, Мика тут же вцепился в рукав пальто Тома. Том получил удар в лицо острым углом чьей-то сумки, двери начали закрываться, Мика слышал, как трещит отрывающийся рукав новенького пальто Тома. Однако Том не сдавался, он железной хваткой держал Мику за воротник и, предприняв еще одно невероятное усилие, рывком втащил его в вагон.

— Спасибо, — выдохнул Мика. От напряжения у него сел голос, поэтому слова благодарности прозвучали несколько высокопарно, как будто Том только что спас ему

жизнь. — Смотри, пальто порвалось.

— Ерунда, — махнул рукой Том. — Мы едва не потеряли тебя.

— Лучше бы я поспал подольше, — сказал Коби, разглядывая наполовину оторванный карман плаща.

— Вообще-то я испугалась, — призналась Одри, — Я думала, они затопчут Мику, а меня чуть не спихнули с платформы.

Мика загородил Одри собственным телом, чтобы стоявшие позади мальчишки не толкали ее, и, прикрыв глаза, вздохнул с облегчением.

* * *

В Ридинге шел проливной дождь. Они бежали всю дорогу от вокзала до центра, надеясь обогнать сошедшую с поезда толпу, но, когда впереди показалось здание центра, ребята увидели, что перед входом уже выстроилась огромная очередь. Ее хвост растянулся на целый квартал и исчезал за углом дома. Им не оставалось ничего другого, как только встать в конец и терпеливо ждать. Дождь лил как из ведра, вскоре они вымокли до нитки. Одри стояла позади Мики, она обхватила его руками за талию и спрятала свои руки в карманах его куртки. От ее волос исходил сладковатый аромат — Одри пользовалась туалетной водой с запахом сирени. Мика сжал в своих ладонях ее озябшие пальцы и закрыл глаза, ему казалось, что он, словно глупый лемминг — маленький, похожий на белку, зверек, который всегда следует за своими собратьями, даже если те оказываются в опасной ситуации, — стоит в длинной очереди желающих прыгнуть с отвесного обрыва в пропасть.

Прошло два часа, прежде чем они добрались до входа в здание центра. Мика, измученный тревожным ожиданием, с замирающим сердцем смотрел, как вооруженные охранники сканируют глаза Коби и Тома, затем настала очередь Мики, и острый красный луч ударил ему в глаза. Закончив проверку, стражи порядка в черных форменных куртках с вышитой на спине аббревиатурой «КОРД» пропустили их внутрь. Ребята двинулись вдоль ярко освещенной галереи к одному из игровых залов.

ГЛАВА 15

Оригами

Игровой центр Ридинга состоял из четырех залов, в каждом из них было установлено около сотни тренажеров. Человек в голубой униформе с неизменной аббревиатурой КОРДа выдал Мике и Одри карточку с номером тренажера и велел идти в зал номер два. В поисках своего места они пробирались в темноте вдоль длинного прохода, помеченного красной световой линией; справа и слева от них дергались и вращались в своем диком танце работающие пауки-тренажеры. В зале стояла странная тишина: ни громкой музыки, ни восторженных криков игроков, ничего похожего на веселье, к которому они привыкли в Барфорд Норде, — здесь царила строгая атмосфера экзамена. Контролеры в голубой униформе следили за порядком в зале, они расхаживали между рядами тренажеров, поскрипывая резиновыми подошвами своих башмаков по пластиковому покрытию пола.

— Вон наш аппарат, — шепнула Одри, первой заметив тренажер с нужным номером.

Она вдавила в пол металлическую педаль, и паук поджал лапы, открывая доступ к кабине.

В этот момент из темноты вынырнул контролер.

— Мика Смит и Одри Хадсон? — спросил он строгим голосом.

Мика и Одри кивнули. Контролер сделал пометку в своем блокноте.

— Цель игры — пройти как можно больше уровней, — все тем же суровым тоном и без тени улыбки на лице сообщил контролер. — Когда ваш истребитель собыют, вы должны покинуть кабину и подойти к стойке регистрации у выхода из зала, там вам скажут, сколько очков вы набрали, и объяснят, что делать дальше. На данном этапе отсчет времени не

ведется, так что можете начать, когда будете готовы. И не вздумайте хитрить, мы все равно все узнаем.

— Можно подумать, до сих пор мы только этим и занимались, — прошипела Одри, глядя вслед удаляющемуся контролеру.

Возле соседнего тренажера стояла другая пара игроков. Как только контролер ушел, они бросились в кабину, как будто центр вот-вот должен был взорваться, и у них оставались считанные мгновения, чтобы сесть в самолет и улететь подальше от опасного места. Мика собрался последовать их примеру, но Одри ухватила его за рукав:

— Куда ты, он же сказал: отсчет времени не ведется, мы можем не спешить.

— Да, конечно, извини, — смущенным голосом пробормотал Мика.

Они забрались в кабину, надели шлемы и пристегнули ремни безопасности. Убедившись, что вся амуниция сидит как надо, Мика включил панель управления. Когда кресло привычно сжало его тело с обеих сторон, Мика сразу успокоился и почувствовал себя намного увереннее. Он оглядел панель управления, проверяя, на месте ли необходимое навигационное оборудование. Одри сделала то же самое.

— Хм, тут есть несколько новых кнопок, назначение которых я не знаю, — сказал Мика.

— У меня тоже, — раздался в наушниках голос Одри, — Но мы не узнаем, пока не взлетим.

Они опустили прозрачные щитки на шлемах, и перед глазами возникла знакомая зеленая сетка координат. Когда Мики нажал кнопку у себя над головой, темное лобовое стекло засветилось голубоватым светом, а затем на дисплее появилась картинка. Однако вместо привычной палубы корабля и бушующего моря они увидели, что находятся в темном ангаре, в его дальнем конце светилось большое круглое отверстие, за которым открывалось черное пространство космоса, усыпанное мерцающими звездами.

— Похоже, мы находимся на борту космической станции, — сказала Одри. — Это должно быть интересно!

Перед фюзеляжем самолета появился человек в ярко-оранжевом комбинезоне. Механик кивнул и вскинул руку с поднятым вверх большим пальцем, на дисплее зажглась зеленая лампочка.

— Взлет разрешен, — сказал Мика, — Ты готова?

— Да, — бодрым голосом откликнулась Одри. — Давай, вперед! Посмотрим, что они нам приготовили!

Мика положил руки на штурвал и нажал кнопку «старт». Истребитель взревел моторами и, рванув с места, вылетел из ангара, словно пробка из бутылки. В наушниках раздался протяжный свист, Мика задохнулся, когда их вдавило в спинки кресел. Однако никаких вражеских самолетов пока видно не было. Мика развернул самолет так, чтобы они могли взглянуть на космическую станцию, с которой только что стартовали. Станция поражала своими размерами, это был огромный космический город. В течение нескольких секунд ничего не происходило; внизу в голубоватой дымке плыла Земля, вокруг мирно мерцали звезды. Мика и Одри ждали. Затем они увидели еще одну космическую станцию, своими размерами станция лишь немного уступала земному шару. Она медленно выплыла из его тени.

— О, че-е-ерт, — протянул Мика. — Смотри, какое чудище!

Станция в форме гигантского плоского диска была окрашена в темно-рубиновый цвет. По кругу, вдоль узкого края диска, то и дело пробегала цепочка ярких огней, в их свете был виден большой черный провал, похожий на раскрытую пасть.

— Думаю, пора проверить, как работает наша лазерная пушка, — с нервным смешком произнесла Одри и нажала на гашетку, выпустив целую серию зарядов.

Из черной пасти станции вылетело несколько сотен вражеских истребителей.

— Вот они, идут, — сжав зубы, процедил Мика. — Приготовься.

Истребители двигались так быстро, что им потребовалось всего несколько секунд,

чтобы оказаться на расстоянии выстрела. Они были похожи на те самолеты, с которыми Мика и Одри обычно сражались на первом уровне, — плоские остро отточенные красные стрелы. Но на фюзеляжах этих истребителей были нарисованы раскосые желтые глаза, которые придавали им особенно злобный вид, а позади самолетов тянулся дымный красный след.

— Отлично, — сказал Мика, — дадим им возможность познакомиться с нами поближе.

Он взмыл вверх, затем бросил самолет в штопор и на полной скорости ринулся вниз, в самую гущу вражеской эскадрильи. Пальцы Мики, сжимавшие штурвал самолета, побелели, на лбу выступили капельки пота. Мимо со свистом проносились огненные шары — красные самолеты открыли ураганный огонь. До сих пор Мике и Одри не приходилось иметь дело с таким количеством врагов одновременно, но они предполагали, что конкурсная игра будет сложнее обычной, и были готовы к этому. Вскоре мастерство взяло верх над всеми остальными чувствами, они даже не задумывались над тем, что делают. Мика совершал головокружительные маневры, принимая молниеносные решения, а пальцы Одри в нужный момент сами жали на гашетку. Через десять минут они снова оказались в полном одиночестве среди космического безмолвия, мерцающих звезд и плавающих вокруг красных обломков — Мика и Одри вдребезги разнесли инопланетную эскадрилью.

— Уф, — выдохнула Одри. — По-моему, мы неплохо справились с ними!

— Это только первый уровень, — напомнил Мика.

— Да знаю я, знаю, — проворчала Одри.

На дисплее снова зажегся зеленый сигнал.

— Новый уровень. Приготовься, — скомандовал Мика.

Они впились глазами в красный диск. Сжимая потными ладонями рычаги управления, Мика и Одри ждали появления противника.

— Странные какие-то, — нахмутив брови, сказал Мика, когда из пасти вражеской станции выпорхнула стайка самолетов. Они были намного больше красных стрел, которые атаковали их на первом уровне, но на этот раз самолетов было гораздо меньше — всего штук двенадцать-тринадцать. Истребители остановились примерно в километре от самолета Мики и Одри, выстроились в ровную линию и замерли.

— Похоже на оригами, — заметила Одри. — Смотри, они складываются, разворачиваются, снова складываются, как будто сделаны из бумаги.

Мика впервые видел такие самолеты: большие темно-бордовые светящиеся треугольники то складывались пополам, то снова разворачивались, словно с ними играли неловкие пальцы ребенка. При этом бумажные самолеты все время меняли форму, они делались похожи то на собачьи морды, то на остроухие кошачьи физиономии, то на кружевные снежинки, а иногда напоминали лица людей. Странные машины не атаковали, казалось, они ждали, что сделают Мика и Одри.

— Понятно, — сказала Одри, — они хотят, чтобы мы сделали первый ход.

Мика на мгновение задумался, наблюдая за одним особенно бойким самолетом, который сложился в фигуру, напоминающую орла.

— Попробуй, подстрели вон ту птичку, — предложил он.

Одри дала длинную очередь. Но бумажный орел оказался проворнее, он просто растворился в темноте и тут же появился снова, но уже в другом месте: выпущенная Одри очередь ушла в пустоту, не причинив вреда противнику. Зато противник тут же дал ответный залп, Мика едва успел бросить самолет в сторону и увернуться от выстрела.

— Ой! — вскрикнула Одри. — Я ударила головой.

— Извини, — сказал Мика. — Я не ожидал, что он нападет так внезапно. Попробуй еще раз. Мне кажется, это какая-то загадка, мы должны сообразить, как его уничтожить.

Одри выпустила новую очередь, и все повторилось сначала: бумажный самолетик исчез, появился в другом месте и дал серию ответных выстрелов. Правда, на этот раз Мика успел заметить, что он появился на том же расстоянии и под тем же углом относительно своего первоначального местоположения, как и предыдущий самолет.

— У меня идея, — сказала Одри. — Вместо того чтобы стрелять прямо по нему, я попробую выстрелить туда, куда он должен переместиться.

— Я как раз собирался предложить то же самое, — согласился Мика, — Давай, попробуй.

Одри выстрелила и снова промазала. Мика с трудом увернулся от ответной очереди.

— Целься правее, — посоветовал он.

— Вижу, — с раздражением фыркнула Одри. — Ты не забыл, что стрелок здесь я?

— Не злись. Я просто посоветовал.

Одри прицелилась и выстрелила. На этот раз выстрел оказался точен, красный треугольник разлетелся вдребезги, словно по нему ударили молотком; осколки брызнули в разные стороны и, медленно вращаясь, уплыли в темноту.

— Отличный выстрел, — похвалил Мика.

Одри один за другим уничтожила оставшиеся треугольники. Мика с уважением поглядывал на свою подругу, понимая, что сам ни за что не сумел бы так же быстро и точно перебить их. Одри целилась в мишень, которой не видела, и с первого выстрела разбивала ее.

— Ну разве я не чудо? — гордо вскинув подбородок, воскликнула Одри.

— Да, неплохо сработано, мисс Хвастунишка, — с напускным равнодушием ответил Мика.

— Интересно, что они подкинут нам на следующем уровне. — Одри прищурила глаза, разглядывая висящую вдали красную космическую станцию.

Им не пришлось долго ждать. Не успели Мика и Одри перевести дух, как в углу дисплея загорелся зеленый огонек — они перешли на третий уровень, — а еще через мгновение слышали низкое монотонное гудение, словно к ним приближался огромный рой мошкеры.

— Я их слышу, но не вижу, — сказала Одри.

— Я тоже.

Гул нарастал, постепенно превратившись в оглушительный рев. Казалось, на них несется целая эскадрилья истребителей, но Мика и Одри видели лишь мерцающие вокруг звезды и помигивающую огнями вражескую станцию.

— Берегись! — крикнула Одри.

Мика обернулся и увидел летящую на них россыпь огненных шаров: откуда они взялись, было совершенно непонятно. Он рванул вверх, затем начал снижаться по широкой спиралевидной траектории. Мика закладывал одну петлю за другой в надежде перехитрить загадочного противника и выиграть время.

— Самолеты-невидимки, — сказал Мика.

— Да что ты, — саркастически хмыкнула Одри. — А я и не заметила. Ты вроде говорил, у тебя на панели есть какие-то незнакомые кнопки.

Гул снова начал нарастать.

— Они у нас на хвосте! — крикнула Одри, — Падай!

Мика направил самолет резко вниз, истребитель камнем рухнул в темноту. Гул стих. Мика начал судорожно жать на все кнопки, на которых были нарисованы незнакомые значки. Неожиданно ветровое стекло погасло, обоим показалось, что они ослепли.

— Что ты делаешь?! — завизжала Одри. — Я ничего не вижу.

— Незачем так орать, я же не нарочно!

Мика быстро нажал на злосчастную кнопку, и ветровое стекло ожило. Затем наугад ткнул красную треугольную кнопку. На этот раз им повезло: на щитках перед глазами Мики и Одри загорелась красная точка. Они вдруг увидели своих преследователей — вереница прозрачных самолетов-призраков висела у них на хвосте. Самолеты находились на расстоянии выстрела.

— Ни фига себе! — вырвалось у Мики, — Сколько же их?

— Сотни! — крикнула Одри.

— Ничего, мы их сделаем, — подбодрил подругу Мика. — Огонь!

Одри открыла ураганный огонь, Мика бросал самолет то вправо, то влево, то нырял вниз, то уходил вверх, с трудом уворачиваясь от летящего в них потока огненных шаров. Какое-то время ему удавалось уходить от выстрелов, но вскоре Мика понял, что их до сих пор не сбили благодаря чистой случайности, а не его мастерству пилота. Однако долго так продолжаться не могло, преследователей было слишком много.

— Сейчас нас собьют! — закричала Одри. — Ты должен найти еще какую-то кнопку!

Мика окинул взглядом панель управления. Еще две кнопки, которые он пока не пробовал нажимать. Он нажал на первую.

— Ну, что-нибудь изменилось? — крикнул Мика.

— Ничего! Попробуй другую.

Мика ткнул пальцем во вторую кнопку.

— Вот это да! — вскрикнула Одри. — Смотри!

Мика покосился через плечо и увидел, как из-под крыла истребителя вылетела россыпь зеленых огоньков, которые сплелись в огромную сеть.

— Промазал, — сообщила Одри. — Они слишком далеко. Подпусти их поближе.

Мика сбросил скорость и, стиснув зубы, стал ждать. Противник приближался, осыпая их градом огненных шаров. Мика уворачивался от снарядов, ожидая в любую минуту увидеть на дисплее знакомую надпись: «Игра окончена».

— Огонь! — скомандовала сама себе Одри.

Мика ткнул пальцем в кнопку. Истребитель выбросил светящуюся зеленую сеть, и стая самолетов-призраков на полном ходу угодила в расставленную ловушку. Сеть мягко накрыла их, ее концы сплелись в тугий узел, и самолеты оказались в прозрачном мешке. Плавню вращаясь, сеть начала падать вниз, а Одри с Микой наблюдали, как внутри нее, словно стайка мальков, бешено мечутся красные треугольные самолетики. Вскоре гул затих, падающая сеть превратилась в далекую россыпь мерцающих зеленых огоньков.

— Мы сделали это, — прошептала Одри. — **МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО!**

— Да, — согласился Мики, — Извини, что наорал на тебя.

— Ничего страшного. В пылу боя и не такое бывает.

Мика откинулся на спинку кресла и расхохотался.

Одри решила, что ее нервный командир окончательно пришел в себя после пережитого напряжения.

— Это было почти весело, — сказал Мика.

— Угу, — кивнула Одри. — Жаль только, что мы не захватили с собой воды, у меня в горле пересохло.

Мика тоже не отказался бы от глотка минералки. Но тут на дисплее зажегся зеленый сигнал, означавший начало следующего уровня. Мика вздрогнул, по спине пробежали мурашки.

Они устали на раскрытую пасть космической станции, ожидая появления нового противника. На этот раз из черного провала выкатились шары. Большие стеклянные шары, горящие ярким красным светом, катились по невидимому желобу, постепенно приближаясь к истребителю Мики и Одри.

— Поднимись повыше, — сказала Одри.

Мика поднял самолет километра на два, так что теперь они смотрели на катящиеся шары сверху вниз.

— Что это за звук? — спросила Одри.

Мика прислушался. Он чувствовал, как волосы у него на голове встают дыбом, к горлу подкатила тошнота, эйфория победы на предыдущем уровне бесследно исчезла... Звук напоминал пронзительный плач, обычно так кричат маленькие дети, когда им больно или страшно. Шары прошли прямо под ними и покатались дальше, плач начал стихать.

— Что мы должны делать? — спросил Мика. — Они не нападают на нас. Просто катятся мимо.

— Давай подлетим поближе и посмотрим, — предложила Одри.

Мика развернул самолет и полетел догонять шары. Каждый шар был раз в десять больше их истребителя, они катились вниз по невидимому желобу, уходя все глубже и глубже в космическую тьму.

— Нет, это просто невыносимо, — тряхнула головой Одри, — Какой ужасный звук. Ты не видишь, что там внутри шаров?

— Нет, — буркнул Мика.

— Думаю, внутри дети, — сказала Одри.

— Не понимаю, как они могли заложить в программу такое... — Мика поморщился, — Глупая шутка.

— Смотри, шары ускоряются, — заметила Одри.

Стеклянные шары катились все быстрее и быстрее, крики и плач усилились. Мика закрыл глаза и склонился головой к панели управления, пытаясь заставить себя не слушать эти ужасные вопли.

— Похоже, наша задача — уничтожить шары. Давай, пока они совсем не укатились, — сказала Одри, — Смотри, скоро мы не сможем догнать их.

Мика понимал, что Одри права: шары быстро набирали скорость, вскоре они превратились в размытые красные точки.

— Нет, мы не можем убить их. — Мика упрямо замотал головой. — Я не хочу.

— Можем, — отрезала Одри, нажимая на гашетку. — Это игра, Мика. А звук — это просто звук. Дети ненастоящие.

Одри выпустила шесть зарядов. Один за другим шары взрывались, разлетались красными ошметками и исчезали в темноте. Постепенно крики стихли. Несколько минут они сидели в полной тишине. Мика расширенными глазами смотрел прямо перед собой, чувствуя, как его захлестывает волна ужаса и отвращения.

— Меня сейчас вырвет, — сказал Мика.

— Это всего лишь игра, — сказала Одри.

— Это плохая игра, — ответил Мика.

На дисплее вспыхнула надпись: «Четвертый уровень пройден. Игра окончена».

— Уже? — удивилась Одри. — Мы прошли все уровни?

Мика встрепенулся:

— Думаю, да.

— Эй, мы победили! — Одри хлопнула Мику по плечу.

Они сняли шлемы, отстегнули ремни безопасности и, выбравшись из кабины, на подгибающихся ногах отправились к выходу из зала. Возле стойки регистрации их поджидал контролер.

— Молодцы, — похвалил он.

— Мы проходим на следующий тур? — спросила Одри.

— Зависит от того, сколько очков вы набрали, — сказал контролер, — Погуляйте где-нибудь часок, мы пришлем вам сообщение на мобильник. — Он взглянул на монитор компьютера и щелкнул мышкой, открыв общую таблицу рекордов. — Да, очень приличный счет, — контролер одобрительно кивнул головой. — Лучше я пока не видел. Ладно, идите, мы позовем вас.

* * *

На улице по-прежнему лил дождь. Подростки, стоявшие в очереди перед центром, выглядели так, как будто только что прямо в одежде искупались в ванне. Мика и Одри договорились встретиться с Коби и Томом в кафе на углу улицы. Подняв воротники, они выскочили под дождь и побежали к кафе, хлюпая размокшей от дождя землей.

Кафе называлось «Фа-Соль», в зале было полно подростков, которые закончили игру и теперь дожидались, когда организаторы соревнования пришлют им сообщение на мобильник. Высокие окна кафе запотели изнутри, из громкоговорителя на стене неслась

бодрая музыка, повара сбивались с ног, едва успевая накладывать на тарелки все новые и новые порции тушеной фасоли. Несмотря на то что зал был набит битком, грохочущая музыка перекрывала неровный шум голосов. Пока Мика пробирався между столиками к автомату с напитками, до него то и дело доносились обрывки разговоров. Судя по возмущенным возгласам, немногим из присутствующих удалось пройти дальше второго уровня.

— Это нечестно, на первом уровне было столько самолетов, они расстреляли нас за тридцать секунд.

— Ага, а второй уровень еще хуже, какие-то бумажные треугольники, они все время перемещались и меняли форму, так что даже прицелиться невозможно.

— А вы нашли светящуюся сеть?

— Какую еще сеть?

Мика невольно расплылся в кривоватой улыбке, но тут же почувствовал себя виноватым. «Но ведь кто-то должен проиграть, — попытался успокоить себя Мика, — а кто-то выиграть. В конце концов, я не для себя стараюсь». Он купил две банки колы и поискал глазами Одри.

Одри помахала Мике рукой. Она обнаружила Коби и Тома за столиком в дальнем углу зала, так что Мика подхватил банки с колой и направился к друзьям. За столиком царил такая же напряженная атмосфера ожидания, как и в остальном кафе. Взглянув на Коби и Тома, Мика понял, что они поссорились. Том, насупив брови, смотрел в свой стакан, Коби с мрачным видом ковырял пальцем дырку на рукаве своего потрепанного свитера.

— Привет, — осторожно начал Мика, усаживаясь за столик.

— Привет, — буркнули Том и Коби.

Мика тянул колу, искоса поглядывая на приятелей, но вопросов не задавал, опасаясь рассердить обоих.

— Это тебе, — сказал Коби, вынимая из кармана плаща маленького металлического котенка. — Подарок. — Он поставил котенка на стол и слегка подтолкнул его к Одри. Котенок был крошечный — наверное, собирая его, Коби пользовался пинцетом и лупой. На мордочке у котенка топорщились тонкие усы из проволоки, даже на лапах виднелись острые металлические коготки. Котенок поднял переднюю лапку и принялся старательно мыть щеку.

— О, какая прелесть! — воскликнула Одри. — Спасибо, Коби!

— Пожалуйста. Я собираюсь сделать ему еще парочку братьев; когда закончу, могу подарить. Только возни с ними много.

Мальчики смотрели, как Одри играет с котенком, однако все трое по-прежнему хранили напряженное молчание.

Наконец Мика не выдержал.

— Как сыграли? — спросил он.

— Отвратительно, — горько усмехнулся Том.

— Почему? — спросила Одри. — Что случилось?

— Коби не хотел стрелять по шарам.

— Да, не хотел, — выглядывая из-под своей длинной челки, заявил Коби. — Они были набиты *плачущими детьми*. Подлый трюк, смахивает на тест: способен ли ты убить человека.

— Но я же сказал тебе: это всего лишь игра! — сердитым голосом выпалил Том. — Понимаешь, ИГРА!

— Угу, игра, только дети плакали очень уж натурально, — пробормотал себе под нос Коби.

— Так, значит, ты *не стал* стрелять по шарам? — спросил Мика.

— В конце концов стал, — сказал Том. — Но мне пришлось на коленях умолять его, а пока он раздумывал, шары укатились. Мы их чуть не упустили, пришлось догонять.

— Но мы же догнали эти чертовы шары, — взорвался Коби. — Чего ты ноешь?

— Я ною? Да, ною, потому что я *должен* выиграть эту чертову игру, — с жаром воскликнул Том. — Неужели ты не понимаешь!

— Зачем? — искренне удивился Коби. — Я не понимаю, почему все, кто играют в эту игру, ведут себя как идиоты. Одри чуть не столкнули под поезд. Мику едва не затоптали в толпе, а ты, Том, вообще превратился в буйного психа. Говоришь, что это просто игра, а сам готов убить меня. Честное слово, лучше бы я остался дома.

Том потупился, его лицо залилось краской. Он снова превратился в прежнего нормального Тома.

— Извини, — сдавленным голосом прошептал Том. Казалось, он с трудом сдерживает слезы. — Пожалуйста, Коби, не бросай игру. Моя мама больна, она работает на консервной фабрике. Ей приходится работать по две смены, а мы даже не можем установить в доме отопление. Я хочу помочь ей.

— А моя мама умерла, — сказал Коби. — Она умерла еще в Лондоне, когда мы жили в Царстве Теней.

— О, — Том смущенно запнулся. — Извини, я не знал.

Коби помолчал.

— Ладно, — с тяжелым вздохом произнес он. — Я буду играть.

— Правда? — с надеждой спросил Том.

— Правда, — качнул головой Коби. — Ради твоей мамы.

Друзья молча уставились на темные дисплеи своих мобильных. Четыре телефона лежали в центре стола, между ними сидел маленький котенок-робот и старательно вылизывал свою металлическую лапку, затем он свернулся клубочком и уснул, положив мордочку на скомканную бумажную салфетку. Время ползло невыносимо медленно, часы на стене отсчитывали минуты, их тиканье сливалось с мерным стуком дождевых капель по оконному стеклу.

БИ-ИП, БИ-ИП, БИП!

Мобильники на столе ожили. Комитет по оздоровлению и развитию детей прислал сообщение.

ГЛАВА 16

Мастер кун-фу

Все четыре телефона, лежавшие посередине стола, дружно сигналили, оповещая своих владельцев о поступлении сообщений. Котенок-робот, разбуженный этим пронзительным писком, сел и снова принялся вылизывать крошечную лапку. Мика дрожащими руками подхватил свой мобильник, но ему пришлось три раза перечитать текст, прежде чем до него дошел смысл написанного.

«Поздравляем тебя, Мика Смит! Твоя команда прошла отбор и допущена ко второму туру соревнований! Ты должен немедленно вернуться в игровой зал. (Условия и правила участия во втором туре прилагаются.)».

Облегчение, которое испытал Мика, было настолько велико, что у него даже не осталось сил на то, чтобы улыбнуться.

— Мы прошли! — прыгая от восторга, завопила Одри.

— Думаю, нам стоит поторопиться, — деловитым тоном сказал Том, снимая со спинки стула свое пальто.

Разочарованию остальных участников соревнования не было предела: казалось, даже воздух в зале вдруг сделался тяжелым и вязким. Неудачники молча провожали взглядом четверку друзей, пока те, лавируя между столиками, пробирались к выходу. Мика чувствовал себя ужасно неловко, он шел опустив голову и старался не смотреть по сторонам. На улице Том и Одри помчались вперед, сгорая от нетерпения поскорее вернуться в центр.

— Удачи, — мрачно усмехнулся Коби, когда они поднимались по ступенькам крыльца.

— Спасибо, — хриплым голосом пробормотал Мика. От волнения у него подгибались

ноги и перехватывало дыхание.

Высокие стеклянные двери распахнулись, охранники отступили в сторону и пропустили всех четверых внутрь, они даже не стали сканировать им глаза.

— Класс! — прошептал Том, гордо шествуя мимо охранников. — Вы только подумайте, сегодня мы можем вернуться домой, имея в кармане путевку к морю!

Участников второго тура соревнований проводили в игровой зал и велели выстроиться в шеренгу. Подростки послушно построились вдоль красной светящейся дорожки и застыли в напряженном молчании.

— Нет, ты только посмотри, кто здесь, — прошептала Одри.

Мика проследил за ее взглядом и ахнул: неподалеку стоял Рубен Снайт вместе со своим стрелком, одноклассницей по имени Юии. Рубен что-то шептал на ухо девочке, та кивала головой и кривила рот в злобной ухмылке.

— Что это у него на голове? — подавляя смехок, шепнула Одри.

Голова Рубена была замотана черной банданой.

— Вот клоун, — прошипела Одри.

Рубен уставился на Мику с таким видом, словно собирался броситься на него и вцепиться зубами в горло. Мика отвел взгляд, стараясь не думать о Снайте. Он снова стоял в полутемном зале, все стены которого были увешаны зеркалами. Здесь их было гораздо больше, чем дома, в Барфорд-Норде, и за каждой блестящей поверхностью скрывался таинственный незнакомец. Мика чувствовал, с каким жадным любопытством эти люди наблюдают за ними. От напряжения сердце колотилось в груди как безумное. Мика был уверен, что, если ожидание продлится еще несколько минут, его просто разорвет изнутри, и он зальет своей кровью обитые черной тканью стены зала.

Наконец к ним подошел какой-то мужчина в форменной одежде КОРДа.

— Поздравляю, — без всякого выражения в голосе произнес он. — Вы прошли во второй тур соревнований. На этот раз условия игры будут несколько иными, поэтому слушайте внимательно, чтобы каждый из вас четко знал, что ему нужно делать. Во-первых, мы хотим, чтобы вы поменялись местами, тот, кто раньше был пилотом, теперь становится стрелком, и наоборот. Все понятно?

По шеренге прокатился возмущенный шепот, Мика и Одри в панике переглянулись. Подобное условие было равносильно смертному приговору, в их команде Мика всегда сидел за штурвалом, а Одри исполняла обязанности стрелка, они ни разу не пробовали меняться ролями.

— О, нет, — выдохнула Одри, — Что мы будем делать?

— У нас нет выбора, — шепнул Мика. — Ты ведь умеешь управлять самолетом?

— Конечно. А ты умеешь стрелять?

— Ну, пробовал несколько раз, — соврал Мика. На самом деле он не помнил, когда последний раз нажимал на гашетку пулемета.

— Главное, успокоиться, — сказала Одри. — Мы все в одинаковом положении, остальные тоже специализировались в чем-то одном.

— Тихо! — гаркнул мужчина. Все испуганно замолкли. — Слушайте внимательно. Когда вы наденете шлемы, на дисплее появится изображение, к которому вы привыкли, — море и палуба корабля. Но на этот раз вы будете сражаться не с инопланетянами, а друг с другом. У каждого истребителя есть бортовой номер. Ваша задача — подбить один самолет, в то время как другой будет охотиться за вами. Представьте, что ваши самолеты составляют одну длинную цепочку, вы уничтожаете истребитель, который находится перед вами, а истребитель, находящийся позади, уничтожает вас. Цель игры — выжить. Пока все ясно? — Игроки молча кивнули. — Очень хорошо. Вы не имеете права сбивать другие самолеты — только тот, на который вам укажут в начале игры. Если вы собьете кого-то другого, вас дисквалифицируют.

— То есть это означает, что мы не имеем права сбивать истребитель, который охотится за нами? — раздался чей-то голос.

— Совершенно верно. Вы должны уничтожить один-единственный самолет, который является вашей жертвой.

— А как же в таком случае нам защищаться от охотника?

— А это вы уж сами должны сообразить. Выживают сильнейшие. На выполнение задания отводится сорок пять минут, отсчет времени начинается... прямо сейчас! Пошли!

Команды развернулись и бросились к своим тренажерам. От волнения у Мики так тряслись руки, что Одри пришлось помочь ему затянуть ремешок на шлеме и пристегнуть ремень безопасности. Когда они наконец устроились в своих креслах, на лобовом стекле самолета появилось изображение двух истребителей — возле одного горела надпись «жертва», второй был помечен словом «охотник».

— Итак, нам надо сбить самолет под номером пять и постараться улизнуть от четырнадцатого номера, — сказала Одри.

— Кошмар, — простонал Мика, — Как ты разберешься со всеми этими кнопками?

— У нас еще есть пара минут, — уверенным голосом заявила Одри, — покажи мне, где находятся основные кнопки, с остальными я разберусь по ходу дела.

Мика начал торопливо рассказывать о назначении кнопок на панели управления, но в этот момент на дисплее появилось изображение палубы военного корабля и выстроившиеся на ней истребители. Мика видел, как в кабинах соседних самолетов пилоты надевают шлемы и готовятся к взлету, еще через секунду перед их глазами вспыхнула зеленая лампочка — игра началась.

— Готов? — спросила Одри.

— Да, — взволнованным голосом ответил Мика.

Воздух наполнился оглушительным ревом тридцати истребителей. Мика вцепился в рычаг управления пулеметом, Одри положила руки на штурвал. Они услышали знакомый шум в наушниках: самолет пробежал по взлетной полосе и, сорвавшись с палубы корабля, взмыл в небо.

— Ошибаться нельзя, — напомнила Одри, — мы должны сбить номер пятый и не дать четырнадцатому уничтожить нас. — Как только они взлетели, Одри сразу же заложила крутой вираж и ушла в сторону от остальных истребителей. — Начинаем поиск жертвы, — объявила она.

Над их головами кружило еще с десятков самолетов, они делали петлю за петлей, пытаясь отыскать среди общей группы свою жертву. Первая незадачливая жертва была сбита через тридцать секунд после взлета, раздался оглушительный взрыв, яркая вспышка, и самолет рухнул в море.

— Я не вижу их номеров, — крикнул Мика. — Надо подлететь поближе.

— Сейчас, дай мне немного освоиться, — сказала Одри. Она заложила еще один вираж, взмыла вверх, бросила самолет в штопор, упала вниз и зависла над самой водой.

— Неплохо, — похвалил Мика.

— А ты сомневался? — хмыкнула Одри.

Неожиданно справа выскочил самолет, он несясь прямо на них. У Мики оборвалось сердце.

— Спокойно, — отрезала Одри, — Это не наш охотник, видишь — номер восемь.

Самолет сделал пару игривых виражей вокруг них и, завалившись на крыло, ушел к основной группе истребителей. Постепенно группа начала распадаться, охотники находили свои жертвы и пускались за ними в погоню. Время от времени вдалеке сверкали яркие вспышки, раздавался оглушительный взрыв, и очередная команда выбывала из игры.

— Ладно, давай и мы попробуем отыскать нашу жертву, — сказала Одри и ринулась прямо в гущу самолетов.

Мика сидел, вцепившись в рычаги управления пулеметами, пока Одри металась среди истребителей в поисках пятого номера. Самолеты так быстро проносились мимо, что Мика не успевал разглядеть номера у них на борту. Неожиданно на хвосте их самолета кто-то повис.

— О, нет, это наш охотник! — закричала Одри, — Как ему удалось вычислить нас, я не вижу ни одного номера!

— Я тоже! — крикнул Мика. — Должна быть какая-то подсказка. Поищи кнопку. Жми все подряд!

Одри, закладывая вираж за виражом, пыталась уйти от висящего на хвосте истребителя и одновременно жала кнопки на панели управления. Безрезультатно. Охотник открыл огонь.

— Они не работают! — закричала Одри, — Что делать?

— Должны работать! — заорал Мика. — Попробуй нажимать попарно. Давай, быстрее, а то нас сейчас собьют!

Пилот и стрелок самолета-охотника оказались опытными бойцами. Несмотря на сумасшедшие маневры Одри, ей не удавалось оторваться от них: выстрелы ложились все ближе и ближе, лишь чудом не попадая в цель. Дважды Мика закрывал глаза: «Все, это конец» — и, открывая их, с удивлением обнаруживал, что они все еще находятся в игре. И вдруг на прозрачном щитке перед глазами Мики возникло изображение всех тридцати истребителей, теперь, стоило ему взглянуть на самолет — и на его борту проступали цифры номера.

— Вот так-то лучше! — воскликнул он, — Молодец, пилот.

Некоторое время они внимательно разглядывали своих конкурентов.

— У нас тридцатый номер, — сказала Одри. — За нами гоняется номер четырнадцать, а где же наша жертва?

Мика и Одри напряженно вглядывались в дисплей.

— Нашла! — воскликнула Одри, — Вон он, в верхнем левом углу на одиннадцать часов, — Она сделала крутой разворот и помчалась обратно к кораблю, охотник упорно висел у них на хвосте.

Жертва Одри и Мики, истребитель под номером пять, неподвижно висел над палубой корабля.

— Похоже, они уже уничтожили свою жертву, — сказал Мика. — Молодцы, не теряли времени даром. Наверное, хорошие пилоты.

— Теперь это не имеет значения, — сжав зубы, процедила Одри, — Сейчас мы их сделаем.

Однако Мика не разделял ее уверенности. Не успели они приблизиться к противнику на расстояние выстрела, как номер пятый бесследно растворился в воздухе.

— Невероятно! — Мика удивленно захлопал глазами. — Как им это удалось?

Тем временем номер четырнадцатый выпустил новую очередь, и Одри пришлось резко бросить самолет вниз.

Они укрылись в тени высокого борта корабля, и на мгновение охотник потерял их из вида.

— Они, вероятно, пользуются функцией «самолет-невидимка», — высказал предположение Мика, — Помнишь, в первом туре, когда на нас напали инопланетяне-призраки, мы нашли кнопку, которая позволяет видеть сквозь защитный экран. Посмотри на панели управления.

Одной рукой Одри судорожно жала на кнопки, другой вела самолет; они неслись вдоль борта корабля. Вдруг на дисплее появилось изображение истребителя — прозрачный силуэт, обведенный тонким красным контуром. Мика прищурил глаза, на борту истребителя проступила красная цифра пять.

— Отлично, теперь мы их видим.

До жертвы было километра два, истребитель неподвижно висел в воздухе. Одри развернулась и ринулась в атаку. Но одновременно они вышли из тени корабля, теперь номер четырнадцатый тоже заметил свою жертву и снова открыл огонь.

— Нам не уйти от них! — закричал Мика.

— Уйдем, — отрезала Одри. — Мы тоже можем стать невидимыми, я ищу нужную кнопку. — Она тыкала в кнопки на панели управления, продолжая вести самолет одной

рукой. — Если они нашли, то и мы найдем. — Есть! — крикнула Одри мгновение спустя. На дисплее появился еще один прозрачный силуэт, на этот раз на борту самолета была написана цифра тридцать.

— Тридцатка! Это мы! — завопил Мика, едва не оглушив Одри.

Он впился глазами в дисплей. Самолет-охотник беспомощно заметался из стороны в сторону, внезапно потеряв их из вида, затем развернулся и полетел обратно к кораблю.

В следующую секунду номер пятый понял, что его обнаружили, и сорвался с места.

— Игра продолжается, — рассмеялась Одри и бросилась в погоню.

Правда, лететь под прикрытием защитного экрана оказалось не так-то просто, лобовое стекло погасло, они не видели ничего, кроме красного силуэта противника, который мчался впереди них. Но Одри блестяще справлялась со своей задачей, Мика был искренне восхищен ее мастерством пилота. Однако, когда настала его очередь стрелять по самолету, он понял, что эта задача не менее сложная. Заряды на сотни метров уходили в сторону от мишени. «Все равно что ловить муху с закрытыми глазами», — с раздражением подумал Мика.

— Это вроде бумажных самолетов на втором уровне, — сказала Одри, — Нужно рассчитать, куда он переместится, и бить по этому месту.

— Да знаю я, — отмахнулся Мика, выпустив еще пару зарядов, которые прошли мимо цели. — Но там ты могла точно сказать, куда он переместится, а что будет делать этот — одному богу известно.

Секунд тридцать Мика внимательно наблюдал за прозрачным красным самолетом, пытаясь уловить хоть какую-то закономерность в его движении. Однако противник то кружил в воздухе, то резко взмывал вверх, то падал в штопор и уходил вниз.

— Ну же, давай! — с нетерпением крикнула Одри, — У нас осталось всего пять минут!

— Да-да, конечно, — рассеянно произнес Мика, не отрывая глаз от монитора.

И вдруг он понял: каждый раз, выходя из штопора, истребитель закладывает крутой вираж и уходит направо. Ему оставалось лишь дожидаться, когда противник повторит свой маневр.

— В игре осталось всего четыре истребителя, — взволнованным голосом сообщила Одри.

— Три, — сказал Мика и нажал на гашетку. Номер пятый как раз выходил из штопора: как и ожидал Мика, самолет пошел направо. Сверкнула яркая вспышка, и Мика на мгновение зажмурился. Когда он открыл глаза, то увидел обломки красного самолета-призрака: медленно вращаясь в воздухе, они разлетелись в разные стороны и исчезли из вида.

Одри и Мика вскинули руки и разразились отчаянными воплями.

— Есть, есть, есть! — кричала Одри, — Невероятно, ты все же подбил их!

— Спасибо, — саркастически хмыкнул Мика, задетый последним восклицанием Одри. Судя по всему, его напарница до последнего момента не верила, что он сумеет подбить самолет.

— О, нет, я не то имела в виду, — начала оправдываться Одри. — Дело не в том, что ты плохой стрелок, просто они действовали очень грамотно.

— Надеюсь, это был Рубен, — сказал Мика.

— Надеюсь, — согласилась Одри. — Так ему и надо, повязал голову банданой и изображает из себя героя, тоже мне мастер кун-фу. Самоуверенный идиот!

— Сколько осталось времени до конца игры? — спросил Мика.

— Чуть больше минуты.

Оставшуюся минуту они неподвижно висели в воздухе, наблюдая за безуспешными попытками четырнадцатого номера отыскать свою невидимую жертву. Один раз их охотник прошел совсем рядом, так что Мика и Одри затаили дыхание.

Наконец на дисплее вспыхнула надпись «Игра окончена». Они выбрались из кабины тренажера и, стянув шлемы, посмотрели друг на друга. Глаза Одри сияли, словно зеленые огоньки фейерверка, рыжие волосы топорщились в разные стороны, на лбу блестели капельки пота.

Мика и Одри улыбнулись друг другу. Они победили.

* * *

Команды выстроились в шеренгу вдоль центрального прохода. За их спинами замерли пауки-тренажеры, точно безмолвные члены суда присяжных в ожидании окончательного вердикта судьбы. Из темноты вынырнул человек. Он поднял блестящую дощечку с прикрепленным к нему листом бумаги и прочел вслух: «Три команды прошли испытание и допущены к третьему туру соревнований. Пожалуйста, когда я назову ваш номер, сделайте шаг вперед. Итак...

Тридцать... восемнадцать... девятнадцать».

Мика и Одри сделали шаг вперед, еще две пары шагнули на середину прохода. Среди них были двое, которых Мика и Одри меньше всего ожидали увидеть, — Рубен и Юии. Мика резко обернулся назад и взглянул на Коби и Тома. Он вдруг понял, что за все время, пока шла игра, ни разу не вспомнил о своих товарищах. Том, который, рискуя собственной жизнью, втащил его в вагон поезда, и Коби, который после смерти Элли был его первым и единственным другом. Мика совершенно забыл о них, при мысли об этом у него неприятно заныло в груди. Коби и Том вместе с проигравшими командами покинули зал. Дверь за ними беззвучно закрылась.

— О, нет! — прошептала Одри. — Как такое возможно, чтобы Рубен остался, а Коби и Том нет! Кошмар, бедный Том. Надеюсь, они подождут нас на улице.

— Я тоже надеюсь, — сказал Мика, — потому что мне только что пришла в голову одна очень неприятная мысль.

— Какая мысль?

— Помнишь, как грамотно действовал номер пятый? Как умело они уходили от погони, и как трудно нам было уничтожить их?

— То есть ты хочешь сказать... — в ужасе прошептала Одри, — что у Тома и Коби был пятый номер? Это мы их сбили?

— Надеюсь, что нет, — вздохнул Мика. — Но номер пятый был просто великолепен, поэтому я не могу не думать... Если это так, Том никогда не простит нас.

Неожиданно рядом с мужчиной появилась женщина в форменной одежде КОРДа, в руках она держала небольшие белые коробки. Женщина подошла к Мике и Одри и протянула им по коробке.

— Молодцы, поздравляю, — она растянула губы в улыбке. — В этих коробках находятся ампулы. Мы хотели бы, чтобы вы принимали эту витаминную добавку вместе с коктейлем один раз в день. Просто разломите ампулу и смешайте ее содержимое с коктейлем.

Одри и Мика, не глядя, затолкали коробки в свои рюкзаки. Оба косились в сторону выхода, им не терпелось поскорее выбраться на улицу, где, как надеялась Одри, их поджидали Коби и Том.

* * *

Нудный серый дождь превратился в настоящий ливень, прямые струи дождя напоминали острые железные копыта, которые плавились при соприкосновении с асфальтом и, растекаясь серебристыми дорожками, исчезали в сточных канавах. Мика и Одри выскочили на улицу и замесались на крыльце в поисках Тома и Коби. Перед зданием центра все еще стояла длинная очередь желающих попытать счастье в игре, на тротуаре было полно мусора, повсюду валялись обертки от конфет и блестящие пакеты от чипсов. Наконец они заметили своих друзей на противоположной стороне улицы возле кинотеатра. Коби и Том стояли под узким каменным козырьком, позади них на усеянных дождевыми каплями экранах мелькали рекламные ролики какого-то нового фильма. Вид у обоих был плачевный.

Коби напоминал вытащенную из воды мышь, длинные мокрые пряди волос облепили его лоб и щеки; Том зябко ежился и смахивал с носа капли воды. Мика и Одри перешли улицу и направились к кинотеатру.

— Привет, — сказал Том, стараясь придать своему лицу беззаботное выражение. Но Мике достаточно было взглянуть в потухшие глаза Тома, чтобы понять, что он чувствует на самом деле.

— Мы были вашими охотниками, — сказал он. — Верно?

— Да, — Том отвел глаза.

— О, нет! — воскликнула Одри. — Мы этого не знали.

— Ничего, — Том пожал плечами, — Вы не виноваты, — Он развернулся и зашагал прочь.

— Мы не знали! — крикнула ему вслед Одри.

Том продолжал идти, двигаясь совсем не в ту сторону, где находился вокзал.

— Подожди, куда ты? — закричала Одри.

— Оставь его, — сказал Коби, — Не волнуйся, я потом сам поговорю с ним. Он правда не винит вас, просто расстроен из-за мамы.

Коби тоже развернулся и зашагал по тротуару, Одри и Мика смотрели, как он прыгает через лужи. Скотч, которым Коби примотал подметки своих башмаков, намок и отвалился, сандалии громко хлюпали, при каждом шаге из-под ног Коби вырывались маленькие фонтанчики воды. Одри заплакала.

— Что будет с мамой Тома? — всхлипывала она. — Он же теперь не сможет помочь ей!

— Мы не виноваты, — попытался утешить подругу Мика. — Мы не знали.

Они молча дошли до станции. В глазах Одри застыло отрешенное выражение, как у человека, который устал думать. Пока они стояли на платформе, дожидаясь поезда, Одри достала из кармана механического котенка Коби и, посадив его на ладонь, стала смотреть, как он смешно шевелит усами и старательно умывается своей крошечной лапкой. Мика был рад, что Одри притихла и вроде бы даже успокоилась. Самого Мику раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, безумная радость победы и одновременно ужас перед тем, что ожидает их дальше; с другой стороны — гнетущее чувство вины перед Томом. Но когда он вернулся домой и объявил родителям, что выиграл для них право на отпуск, первый за последние лет десять, и увидел, каким восторгом вспыхнули глаза папы и как мама, словно маленькая девочка, принялась прыгать по комнате, он почувствовал себя немного лучше и пожалел, что не может сказать родителям, *ради чего* на самом деле принимает участие в соревновании.

ГЛАВА 17

Приз и защитный костюм

Обычно по воскресеньям Мика и Одри отправлялись в игровой зал и проводили там большую часть дня, но сегодня Одри сказала, что ей надо навестить тетю, поэтому Мика остался дома. На самом деле он даже обрадовался этой небольшой передышке. После вчерашнего сражения ему меньше всего хотелось снова садиться за штурвал самолета. Кроме того, организаторы соревнования обещали наградить победителей первых двух туров, призы должны были доставить прямо домой, и Мике хотелось самому присутствовать при этом. Чтобы как-то убить время, он решил зашить дыру на рукаве куртки, после вчерашней поездки вся его одежда требовала серьезного ремонта. Но, когда Мика взялся за это непростое дело, выяснилось, что по ошибке он зашил сам рукав, и теперь в него невозможно засунуть руку.

— Все равно с такой заплаткой ходить нельзя. Ты похож на огородное пугало, как будто тебя сшили из старых лоскутов, — сказала Аша, распарывая грубые кривые стежки, которыми Мика стянул дыру. — Не понимаю, как так можно — подраться на улице с

совершенно незнакомым мальчишкой. И что в результате? Испортил единственную приличную куртку.

Мике пришлось сочинить историю про случайную драку на улице. Он понимал, что мама придет в ужас, если узнает, как его чуть не задавили в толпе. Мика вздохнул и виновато покосился на Ашу, которая накладывала на прореху аккуратные стежки.

Не успела Аша закончить работу, как за окном раздался надрывный вой сирены — так называемая «чумная тревога». К счастью, она была всего лишь учебной, таким образом каждое воскресенье во всех городах планеты власти проверяли готовность населения к нашествию зараженных чумой животных. В Барфорд-Норде сирена была установлена на самой высокой трубе консервной фабрики. В течение трех минут город разрывал пронзительный вой, заставляя парализованных страхом жителей бросать свои дела и, зажимая уши, пережидать тревогу. После таких тренировок мама ужасно нервничала.

— Тебе нужна не только новая куртка, рубашки, джинсы и кроссовки, но и новый защитный костюм, — сказала Аша. Она вскочила с дивана и заметалась по квартире в поисках костюма. — Ты так вырос за последнее время, старый, наверное, уже не годится.

— Мам, не переживай, все равно он мне никогда не понадобится.

— А вдруг?

— Что значит вдруг! После Эпидемии прошло сорок четыре года, за Стеной не осталось ничего, кроме мертвых городов и засыпанной ядовитой пылью пустыни. Кроме того, эти защитные костюмы сделаны из такой тонкой ткани, что, если какое-нибудь животное вздумает напасть на меня, оно без труда прокусит ее.

— Костюм предназначен для того, чтобы защитить тебя от *слюны* зараженного животного, а не от укуса, — раздраженно пояснила Аша.

— Понятно, значит, если меня *лизнет* бешеная блоха, со мной ничего не случится, — захихикал Мика. — Ну, тогда, конечно, костюм — это очень полезная штука.

— Не шути такими вещами, — рассердилась мама. — Это не смешно. Каждый человек должен иметь точно подобранный по размеру защитный костюм. Это закон.

Мика откинулся на кровать и мечтательным взглядом уставился на картинки Элли, где были изображены животные на фоне ярких пейзажей.

— И мне очень хотелось бы, чтобы ты избавился от этих картинок, — сказала Аша. — У меня от них мороз по коже. Не понимаю, как ты можешь спать, когда в нескольких сантиметрах от твоего носа висит такая жуть! Неудивительно, что тебе снятся кошмары.

— В моих кошмарах меня пугают не животные, а люди, — грустно усмехнулся Мика. — А эти картинки напоминают мне об Элли, я люблю смотреть на них. Животные были очень, очень красивыми.

— Ты не говорил бы так, если бы видел, что творилось на земле, когда началась Эпидемия.

— Да, меня тогда здесь не было, — согласился Мика. — А ты была совсем маленькой, вас с родителями эвакуировали прежде, чем животные добрались до вашего города.

— Да, но мы все видели по телевизору, — сказала Аша. — Они целыми сутками крутили репортажи, один страшнее другого. Ты вырос на мультиках про добрых зверюшек, а, когда росла я, на меня с экрана телевизора смотрели налитые кровью глаза обезьян, которые сдирают крыши с автомобилей, чтобы добраться до сидящих внутри людей, и собаки, выхватывающие младенцев из колясок и пожирающие их прямо на улице. И хищные птицы, которые вместе с рамами вышибают окна в домах. Если бы ты с детства видел *такое*, тебе не пришлось бы в голову развешивать у себя в спальне картинки с животными.

— Как бы там ни было, я их не сниму, — заявил Мика. — Они мне нравятся.

Аша возмущенно засопела и вышла из комнаты. Мика начал жалеть, что остался дома. Лучше бы он пошел сражаться с инопланетными кораблями, это в тысячу раз интереснее, чем сражаться с собственной мамой.

К счастью, в этот момент раздался звонок в дверь — прибыли обещанные призывы КОРДа. Аша открыла дверь и тут же отскочила в сторону. В квартиру ввалился клоун, он

прошелся колесом по комнате, врезался головой в спинку дивана и растянулся на полу. Аша ахнула и прикрыла рот ладонью.

— С вами все в порядке? — спросила Аша.

Несмотря на вежливый тон, было видно, что ее не сильно беспокоит, не ушибся ли их неожиданный гость. Аша была занята еженедельной уборкой квартиры, и ей меньше всего хотелось возиться еще и с клоуном, который валяется у нее посреди гостиной. К тому же сам вид клоуна вызывал сомнения в его жизнерадостном характере: намалеванный красной краской рот улыбался до ушей, но под гримом были видны печально опущенные уголки губ. Аша, Дэвид и Мика молча наблюдали за клоуном, который ползал по полу в поисках своего закатившегося под диван красного носа.

— Вот, держите, — сказал Дэвид, он первым нашел пробковый шарик и подал его гостю.

— Спасибо, — ответил клоун. Он с размаху насадил шарик себе на нос, поднялся на ноги, откашлялся и завопил бодрым голосом: — Поздравляем победителя! Ты успешно прошел первые два тура соревнования!

Клоун вскинул руки вверх и прошествовал обратно к двери. По дороге он снова едва не упал, зацепившись за порог своими огромными, похожими на лапы башмаками. Затем, пыхтя и отдуваясь, клоун втащил в квартиру огромную коробку, перевязанную красной лентой.

— Вот твой приз!!! — вытирая пот со лба, объявил клоун, — Информация насчет отпуска находится внутри. Желаю хорошо провести время!

Клоун, рискуя жизнью, сделал очередной кульбит и выкатился из квартиры. Мика с родителями остались стоять посреди комнаты, уставившись на нарядную коробку.

— Большая, — заметила Аша, — Мика, чем, ты сказал, они награждают победителей?

— Мобильными телефонами, — рассеянно ответил Мика. Он все еще не мог прийти в себя после неожиданного появления и столь же внезапного исчезновения клоуна. — И путевками к морю.

Мика осторожно потянул за конец ленты. Раздался оглушительный взрыв, и в воздух взметнулся фонтан разноцветных конфетти. Все трое отлетели на диван; Аша, задыхаясь и кашляя, принялась отплевываться от набившихся в рот конфетти. Мика отлепил один из бумажных кружочков от своей брючины и, внимательно посмотрев на него, обнаружил знакомую аббревиатуру — КОРД. Взрыв оказался настолько сильным, что конфетти разнесло по всей комнате, даже занавески и потолок оказались облеплены блестящими кружочками.

— Нет, вы только посмотрите! — воскликнул Дэвид, заглядывая в коробку. — Да здесь *настоящая* еда и все, что нужно для хорошей вечеринки. — Он начал извлекать из коробки гирлянды флажков с аббревиатурой КОРДа, воздушные шарiki и полосатые картонные колпаки, которые полагается надевать на голову, если у вас в доме намечается праздник. На дне лежал большой торт, украшенный засахаренными фруктами, несколько прозрачных пластиковых коробочек со свежей клубникой и мобильный телефон для Мики.

— Ничего себе! — Дэвид даже присвистнул от удивления, — «Многопрофильный мобильный телефон-навигатор „Лучший друг человека“, модель двести пятнадцать, сим-карта „Лилиан“ прилагается», — прочитал он на коробке, в которую был упакован мобильник. — Эта игрушка стоит безумных денег, даже у моего шефа нет такого!

Мика был удивлен не меньше отца. Он знал, что ему должны подарить новую модель телефона, но никак не ожидал, что мобильник окажется настолько роскошным. Даже у детей из богатых семей не было таких телефонов. У большинства детей из его школы были старые мобильники, доставшиеся им от родителей, с глупыми рисованными героями, которые исполняли роль виртуальных помощников. Дисплей на старом мобильнике Мики был покрыт царапинами, пластмассовый корпус треснул после того, как в прошлом году Мика случайно уронил телефон на пол.

Мика достал новенький телефон из коробки и вставил сим-карту. Дисплей вспыхнул

голубоватым светом, и на нем возникло миловидное личико его новой помощницы — Лилиан. Глаза девушки сияли, пухлые губы сложились в приятную улыбку, когда она наклонилась вперед, как будто вглядываясь в лицо Мики. На вид красотке было лет восемнадцать — двадцать.

— Привет! — произнесла Лилиан ласковым голосом. — Рада познакомиться. Меня зовут Лилиан, я твоя новая помощница. А тебя как зовут?

— Что я должен делать? — Мика вскинул глаза на отца.

— Назови свое имя, чтобы она запомнила тебя, — сказал Дэвид, не спуская горящих глаз с телефона. Видимо, ему не терпелось самому повертеть в руках новую игрушку. Дэвид обожал всякие умные приборы, хотя не мог позволить себе ничего, кроме старого мобильного и обычной домашней техники. — Эти телефоны нового поколения общаются только со своими владельцами, умнее может быть только живая девушка секретарь. Она сообщит любую нужную информацию, напишет письмо, назначит деловую встречу, напомнит о дне рождения друга, проследит, чтобы ты не опоздал в школу, — словом, может делать массу полезных вещей.

— А уроки она может за меня делать? — перебив восторженную речь отца, спросил Мика.

— Конечно, может, — сказал Дэвид. — Но ты же не станешь этого делать? — тут же спохватился он.

— Конечно, не стану, — улыбнулся Мика.

— Когда ты назовешь свое имя, она задаст тебе кучу дополнительных вопросов и научится распознавать твой голос, — пояснил Дэвид, — Дай-ка ее мне, я сейчас покажу, как это делается. — Дэвид выхватил телефон из рук сына и принялся изучать кнопки на клавиатуре.

— Дэвид, — мягко окликнула его Аша. — Ты же сказал, что Мика сам должен представиться девушке.

— А, да-да, конечно. — Дэвид смущенно потупился и вернул телефон сыну.

Лилиан зевнула.

— Кажется, девушка устала, — заметила Аша. — По-моему, ей требуется подзарядка. Однако для детской игры приз довольно дорогой. А что еще ты можешь выиграть?

— Аэромобиль и квартиру в Золотых Башнях, — сказал Мика.

— Серьезно? — вскинул брови Дэвид. — Аэромобиль и квартиру в Золотых Башнях! И для этого надо всего лишь победить в компьютерной игре?

— Ага, — кивнул Мика.

— Бог мой, и почему я не ребенок! А как мы узнаем об условиях поездки к морю?

— Я вам расскажу, — оживилась Лилиан. — Мне уже прислали сообщение, минутку...

Телефон сыграл бодрую мелодию, и вместо симпатичного личика Лилиан на дисплее появился человек в соломенной шляпе. Мика узнал Болванщика — персонажа из «Алисы в Стране чудес».

— Здравствуй, Мика Смит! — выкрикнул Болванщик. — Ты один из ста школьников, который дошел до третьего тура наших соревнований.

— Один из ста? — удивился Дэвид. — Хм, впечатляет.

— Приз, которым мы награждаем тебя, — недельный отдых у моря в одном из самых фешенебельных отелей. Отправление через четырнадцать дней. Приготовься, тебя ждут незабываемые впечатления! Ты хочешь знать, какие именно? Я отвечу тебе, Мика Смит. Пока твои родители нежатся на песочке возле моря и потягивают коктейли, ты примешь участие в третьем туре!

Болванщик изящным жестом приподнял шляпу и поклонился. Раздался торжественный звук фанфар, взрыв аплодисментов, и Болванщик испарился.

— По-моему, это несправедливо, — заметил Дэвид. — Мы будем валяться на пляже, а тебе придется участвовать в соревновании.

— Ничего, я не против, — сказал Мика. — Вы отдыхайте, а я пока выиграю

аэромобиль.

— Ну, если так...

На лицах родителей плавали мечтательные улыбки. Оба устали в пол, словно там валялись россыпи драгоценных камней, а не разноцветные конфетти с логотипом КОРДа. Мобильник Аши разразился настойчивым писком — Комитет прислал ей дополнительную информацию об условиях поездки к морю.

— Невероятно! — воскликнула Аша, открыв текст сообщения. — Отдых в пятизвездочном отеле на острове в Карибском море. Туда ездят только богачи, которые живут в Золотых Башнях. Ой, погодите-ка, тут еще сказано, что нам дадут денег на покупку летней одежды... и все такое... — внезапно восторженная улыбка на лице Аши сменилась озабоченным выражением, — Тут еще написано, чтобы я напомнила тебе об ампулах. Ты должен взять их с собой. Ничего не понимаю, какие ампулы?

— А, да, мне вручили после игры. — Мика покосился на валяющийся в углу комнаты рюкзак.

Он порылся в наружном кармане рюкзака и извлек небольшую картонную коробку. Достав одну ампулу, Мика положил ее на ладонь и показал маме. Внутри прозрачной ампулы, напоминавшей по форме револьверную пулю, был виден мелкий белый порошок.

— Что это такое? — Аша взяла ампулу и поднесла к свету.

— Витамины, — рассеянно бросил Мика.

— Опять витамины? — нахмурилась Аша. — Надеюсь, ты от них не станешь расти еще больше...

— Нет, конечно! — Мика выхватил ампулу из рук мамы и, пока она не начала задавать лишних вопросов, быстро спрятал обратно в коробку. — Ой, мам, смотри, тебе в чашку насыпались конфетти.

— Вижу, — вздохнула Аша, заглядывая в стоявшую на столе чашку с чаем, где на поверхности плавали разноцветные кружочки с аббревиатурой КОРДа. — Придется попросить наш пылесос еще раз почистить ковер и смахнуть мусор с потолка и занавесок.

Робот-пылесос отказался выходить из шкафа.

— Эй, ты, глупая машина, — рывкнула на него Аша, — ты почему не слушаешься? Мика, ты можешь выиграть новый пылесос? Похоже наш приказал долго жить.

— Нет, мам, только аэромобиль и квартиру. Но, если продать аэромобиль, можно купить сотню новых пылесосов.

— А что, отличная идея! — При мысли о том, что они могли бы купить, будь у них много денег, глаза Аши подернулись мечтательной дымкой, — Ты только представь, Мика, как здорово было бы покупать все, что захочется, и не думать о деньгах...

Аша отыскала в шкафу швабру и сама принялась за уборку. Шторы на окнах были такими старыми, что, когда Аша начала стряхивать с них конфетти, ветхий материал сам начал расползаться по швам, однако, погруженная в свои фантазии, Аша не замечала этого. Мика потихоньку выскользнул на кухню, налил в чашку воды, высыпал туда пакетик витаминного коктейля и добавил порошок из ампулы.

— За тебя, Элли, — прошептал Мика, поднося чашку ко рту.

Покончив с приемом витаминов, он поставил новый телефон на зарядку, а сам улегся на постель и устался в потолок. Мику мучили угрызения совести — ради осуществления своего плана ему приходится жертвовать спокойствием и благополучием близких ему людей: Хелен исчезла, мечты Тома рассыпались в прах, и вот теперь, чтобы не вызывать подозрений, он вынужден врать родителям. И хотя Мика понимал, что иного выбора у него нет, обрушившаяся на его плечи ноша в сочетании со страхом перед неизвестностью и тоской по Элли казалась слишком тяжелой. Разглядывая картинки, которыми сестра украсила комнату, Мика думал, хватит ли у него сил, чтобы справиться со всем этим.

ГЛАВА 18

Испорченное зрение

Утро понедельника выдалось холодным и пасмурным; порывы ледяного ветра сбивали с ног, накрапывал мелкий дождь. На школьном дворе было непривычно тихо. Ни шумных споров о стратегии и тактике боя с инопланетными кораблями, ни радужных фантазий о том, как замечательно будет выиграть главный приз и переселиться из убогой квартиры-раскладушки в шикарные апартаменты в Золотых Башнях, — разговоры, которые обычно помогали школьникам скоротать время до начала занятий, сегодня сменились мрачным молчанием. Ребята сбивались в стайки и, зябко кутаясь в свои поношенные плащи и куртки, с хмурым видом облизывали желтые леденцы на палочке — утешительный приз, который КОРД вручил всем участникам соревнования. На фоне всеобщего уныния Мика, которому повезло несколько больше, чем его одноклассникам, чувствовал себя неловко. Он прятался у ворот школы до тех пор, пока не прозвенел звонок, и только после того, как двор опустел, решился выйти из своего укрытия. Когда он явился в класс, все уже сидели за партами и занимались приготовлением утренней порции витаминного коктейля. Миссис Фулер встретила Мику осуждающим взглядом и кивком головы позволила ему занять место в первом ряду.

Мика скинул куртку, повесил ее на спинку стула и плюхнулся за парту рядом с Коби. Они не виделись с тех пор, как, расставшись с Томом, остались стоять под проливным дождем у здания кинотеатра в Ридинге.

— Как Том? — шепотом спросил Мика.

— Так себе, — шепнул Коби. — Он на самом деле ужасно расстроился.

— Мне жаль, что вы проиграли, — искренне признался Мика.

— Знаю, — кивнул Коби. — Но мне все равно. Я играл только ради Тома.

Мика вскинул глаза и обнаружил, что миссис Фулер смотрит на него, сурово сдвинув брови. Она молча кивнула, указывая на пакетик с коктейлем, который лежал перед Микой на парте. Он быстро всыпал розовый порошок в стаканчик с водой, добавил белый порошок из ампулы и выпил получившуюся смесь. Коби с любопытством наблюдал за приятелем.

* * *

После школы Мика отправился в игровой центр. Они с Одри договорились встретиться в кафе под названием «Млечный Путь» на втором этаже галереи. Это было любимое кафе Одри: она считала, что ядовито-зеленые стены зала гармонируют с цветом ее глаз, а причудливая «космическая» музыка создает нужное настроение перед игрой. Они сидели на высоких стульях возле перил, потягивали молочные коктейли и поглядывали вниз на ярко освещенную галерею. Там бродили одинокие посетители. Двери игровых залов были закрыты: поскольку многие участники соревнования потерпели поражение уже в первом туре, сегодня в центре было непривычно тихо. Самым громким звуком был шум работающих кондиционеров, машины бешено гнали воздух, как будто в игровых залах по-прежнему толпились сотни школьников; застывшие возле стен тренажеры напоминали пауков, которые скучают в отсутствие мух.

— У нас в школе все ходят как в воду опущенные, — сказала Одри, заглядывая в свой стакан с коктейлем. — Я не стала говорить, что мы прошли на третий тур. Надеюсь, они все же вернутся сюда и снова начнут играть. Летать в одиночестве неинтересно.

— Конечно, вернутся. Я уверен, очень скоро здесь будет не протолкнуться, — успокоил ее Мика. — Они соскучатся по игре.

— Ты думаешь, Коби и Том тоже вернутся? — грустно спросила Одри.

— Коби вряд ли вернется, — покачал головой Мика. — Он сказал, что хочет попробовать заняться сочинением музыки на своем новом мобильнике. А насчет Тома я не знаю.

— Надеюсь, он все же придет, — сказала Одри. — Он мне нравится.

— Мне тоже.

У них было всего две недели для подготовки к третьему туру соревнований. Мика начал говорить о том, как им следует построить тренировки, но вскоре заметил, что Одри не слишком внимательно слушает его. На столе перед ней сидел механический котенок Коби, Одри хмурила брови, наблюдая за тем, как он играет с соломинкой от коктейля.

— В чем дело, Одри? — спросил Мика.

— Не знаю, — Одри потерла веки пальцами и несколько раз моргнула. — С глазами что-то не то. Надо будет сходить к врачу.

— Что не то? — спросил Мика. На самом деле интересно, как чувствует себя человек, у которого искусственные глаза.

— Я вижу какое-то свечение вокруг движущихся предметов. Это началось еще утром. Довольно неприятное состояние, и голова ужасно кружится, — пожаловалась Одри.

— Может быть, пойдем домой? — предложил Мика. — Ничего не случится, если мы отложим тренировку на завтра.

— Ни в коем случае, — воскликнула Одри. — Нам нужно готовиться к соревнованию.

Но она не смогла летать. Через пару минут после старта Одри почувствовала такое сильное головокружение, что им пришлось выйти из игры. Мика вызвался проводить Одри до дома.

— Ты как пьяная, — сказал Мика, подхватывая Одри под руку и оттаскивая в сторону, чтобы она не врезалась в фонарный столб.

— Голова кружится, и ноги подкашиваются, — жалобно пискнула Одри, — Похоже, я заболела, грипп, наверное.

Мика довел Одри до дверей ее квартиры и пошел домой. Был ранний вечер, мама еще не вернулась с работы, отец сидел на диване в гостиной и смотрел телевизор. Как только Мика вошел в комнату, он сразу заметил коробку с пирожными, которую Хелен приложила к своему прощальному письму. Точно такими же черствыми, безвкусными пирожными она угощала Мику, когда он приходил к ней домой. Знакомая коробка напомнила Мике о разговорах, которые они вели с Хелен, иногда шуточных, иногда серьезных, иногда пугающе откровенных. Мике стало невыносимо грустно.

— Ничего, что я открыл коробку? — спросил Дэвид. — Просто собрался посмотреть новый диск, вот и подумал, что пирожные хорошо пойдут с кофе и фильмом.

— Ничего, — с мрачным видом произнес Мика. — Я их не люблю.

Дэвид отправился на кухню за чайником, а Мика вышел вслед за ним в прихожую, собираясь повесить куртку на вешалку. Когда Дэвид обернулся, он увидел стоящего в дверях сына. Глаза Мики были похожи на два чайных блюдца, он уставился на пирожное, которое папа держал в руке, — на нижней части пирожного виднелось какое-то белое пятно.

— Эй, с тобой все в порядке? — спросил Дэвид, — У тебя такое лицо, как будто ты увидел привидение.

— Ничего, папа, все в порядке, — сказал Мика, стараясь не смотреть на пирожное. — Что за фильм? — спросил он беззаботным тоном.

— Не знаю, детектив какой-то. Напарник дал посмотреть, говорит, интересный.

Дэвид отвернулся к раковине и стал рыться в сушилке в поисках чашки. Мика вытянул шею, пытаясь разглядеть белый предмет, приклеенный к нижней части пирожного. Предмет был прямоугольной формы, но издали Мика не мог понять, что это такое. Он метнулся к раковине, присел на корточки возле ног отца и открыл дверцу нижнего шкафчика, где стояли кастрюли. Сердце Мики оборвалось, когда, вывернув шею, он разглядел узкую полоску бумаги, сложенную плотной гармошкой, и собственное имя, написанное тонким дрожащим почерком Хелен. Письмо! Секретное послание от Хелен, приклеенное к черствому пирожному!

— Зачем тебе кастрюля? — спросил Дэвид. Мика оторвал взгляд от письма и, покосившись на отца, увидел, что тот с подозрением смотрит на него сверху вниз. — Помоему, сейчас поздновато готовить обед.

— Да, конечно, я... это...

Мика поднялся на ноги. Его бросило в жар: каким же надо быть идиотом, чтобы столько недель смотреть на эту проклятую коробку, где лежало *секретное письмо Хелен*, и не догадаться заглянуть внутрь! Что делать? Как отобрать у отца драгоценное пирожное? Дэвид поставил чашку на стол и потянулся к плите за чайником. При этом он резко опустил вниз левую руку, полоска бумаги слегка развернулась, и Мика сумел раз глядеть несколько фраз: «открою секрет», «подстерегает опасность», «я передумала». У него перехватило дыхание. Он должен во что бы то ни стало прочесть письмо целиком. Надо каким-то образом заставить отца отдать пирожное.

— Ой, смотри-ка! — воскликнул Мика и ткнул пальцем в окно, надеясь, что Дэвид отвлечется и положит, наконец, пирожное на стол.

— Что? — Дэвид повернулся к окну. Несколько секунд он вглядывался в хмурое дождливое небо. — Я ничего не вижу.

— А, он уже улетел, — сказал Мика. — Такой большой блестящий аэромобиль.

— Правда? — Дэвид в некотором замешательстве уставился на Мiku. Последний раз сын интересовался «большими блестящими аэромобилями», когда ему было три года. Дэвид удивленно вскинул брови и поднес ко рту левую руку, в которой было зажато пирожное. В отчаянной попытке предотвратить катастрофу Мика неловким движением смахнул со стола сахарницу, она грохнулась на пол, сахар рассыпался по всей кухне.

— Да что с тобой такое? — нетерпеливо воскликнул Дэвид. Теперь письмо Хелен почти совсем отклеилось от пирожного, но он по-прежнему ничего не замечал, — Как ты умудрился скинуть сахарницу со стола!

— Извини, — пробормотал Мика.

— Ты бы прибрал здесь, — посоветовал Дэвид, — пока мама не вернулась.

Он снова, уже во второй раз, поднес пирожное ко рту. Мика растерялся, ничего другого, кроме как подскочить к отцу, выхватить пирожное у него из руки и броситься наутек, ему в голову не приходило. Он уже был близок к тому, чтобы осуществить свой план, как вдруг Дэвид сам отдернул руку ото рта.

— Фу, какой запах, — Дэвид сморщил нос, — по-моему, оно испортилось.

Дэвид сделал шаг к раковине, рядом с которой находилась заслонка мусоропровода.

— Нет! — взвизгнул Мика, но было поздно. Дэвид разжал пальцы, и пирожное провалилось в отверстие мусоропровода. Мике оставалось лишь прислушиваться, как пирожное летит вниз по длинной трубе, чтобы исчезнуть в огромном мусоросборнике, расположенном в подвале дома.

— Да что ты в самом деле? — удивился Дэвид. — Твои пирожные уже заросли плесенью.

— Ничего, — прохрипел Мика. Он схватил коробку с оставшимися пирожными и бросился в свою комнату.

— Не ешь их, Мика! — крикнул ему вслед отец. — Отравишься. А кто будет убирать кухню? Смотри, весь пол в сахаре!

— Сейчас уберу! — отозвался Мика, вытряхивая пирожные на кровать. Он перевероршил их в надежде обнаружить еще одно письмо, но, увы — перед ним были лишь покрытые плесенью черствые пирожные.

«Придунок, тупица! — шипел Мика. — Безмозглый идиот!» Хелен прислала ему письмо, а он... Все, что он успел прочесть, — несколько пугающих фраз: «открою секрет... подстерегает опасность...» Похоже, Хелен ответила наконец на его вопросы и хотела предупредить о какой-то опасности, но письмо столько времени пролежало в коробке со старыми пирожными, а теперь валяется в мусоросборнике. Поздно, он потерял письмо Хелен.

Мика ругал себя последними словами. Те отдельные фразы, которые он успел прочесть, ничего не разъяснили ему, напротив, только усилили тревогу. Мика ненавидел себя.

Позже вечером Мика лежал у себя в комнате и слушал песню, которую Коби записал ему на мобильник в самом начале их знакомства. Мика погасил свет, эту песню лучше всего было слушать в полной темноте. Медленная, полная прозрачной грусти мелодия плыла по комнате, увлекая Мику за собой; ему казалось, что он покидает собственное тело, проходит сквозь оконное стекло и, точно птица, улетает в усыпанное звездами ночное небо. Черные громады городских башен, над которыми парил Мика, напоминали древние валуны, разбросанные по бескрайней равнине. Когда песня закончилась, он попросил Лилиан поставить ее сначала. Когда мелодия снова стихла, Лилиан сама предложила завести ее еще раз.

— Нет, — сказал Мика.

Он открыл глаза и опустил руку на пол, собираясь подсоединить мобильник к зарядному устройству. Тут-то Мика впервые заметил свечение. Протянув руку к телефону, он увидел, что в воздухе остался золотистый светящийся след. Мика замер, мгновенно позабыв о мобильнике, затем снова осторожно поводит рукой у себя перед носом — при движении рука начинала светиться, казалось, свет просачивался из глубины его плоти. Когда Мика держал руку неподвижно, внутреннее свечение прекращалось, но вокруг руки подрагивала тонкая золотистая аура, как будто Мика вдруг обрел способность видеть тепло, исходящее от его тела. Он стал размахивать рукой, рисуя в воздухе круги и зигзаги. Чем больше Мика наблюдал за своей светящейся рукой, тем страшнее ему становилось. Он быстро подсоединил телефон к заряднику и спрятал обе руки под одеяло.

* * *

Утром Мика видел свечение вокруг всех движущихся предметов: вокруг рук мамы, когда она помешивала ложечкой чай, вокруг головы папы, когда он причесывался перед зеркалом, и вокруг своих пальцев, когда он пытался завязать шнурки кроссовок. Мика так долго возился со шнурками, что даже мама заметила неладное.

— С тобой все в порядке? — спросила Аша, наблюдая за его неловкими движениями.

— Да, конечно. — Мика выпрямился, чувствуя подступающую к горлу тошноту.

Мика вышел из дома и неуверенной походкой побрел по улице. Он шел, словно пьяный, качаясь из стороны в сторону. Кругом было полно прохожих, и за каждым тянулся светящийся след. На площадке перед школой толпились дети; в ожидании начала уроков они носились по двору, при одном взгляде на них у Мики закружилась голова. Он остановился у ворот школы и прислонился спиной к бетонному забору, сквозь тонкую ткань чувствовалась холодная сырость камня. Мика закрыл глаза и, откинув назад голову, прижался затылком к забору. Он простоял во дворе до тех пор, пока не прозвенел звонок.

Когда Мика добрался до класса, он чувствовал себя немного лучше. Движущиеся предметы по-прежнему оставляли за собой светящийся след, но Мика начал понемногу привыкать к этому. Однако, пробираясь к своему месту, он все равно пару раз налетел на соседние парты.

— Привет, — сказал Коби, окинув Мику внимательным взглядом. — Что это с тобой?

— Ничего. — Мика без сил рухнул на свой стул.

— Класс, внимание! — раздался громовой голос миссис Фулер. — Вы, конечно, знаете, что нужно делать? Сейчас все принимают витаминный коктейль!

Мика высыпал в пластиковый стаканчик с водой порошок из пакетика и содержимое ампулы. Взглянув на вязкую розоватую жидкость, Мика испугался, что его сейчас вырвет.

— Эй, а что это ты подмешал в стаканчик? — воскликнула сидевшая рядом с ним девочка.

— Ничего, — пробормотал Мика. Он прижал руку ко рту, пытаясь подавить тошноту.

— Почему у тебя есть ампула, а у нас нет? — с завистью спросила девочка.

Мика услышал стук отодвигаемых стульев, и через мгновение его окружила толпа

одноклассников, отовсюду слышались возмущенные возгласы.

— Да, Мика, ты что, особенный? Эй, поглядите-ка, у Рубена тоже есть ампупа! Что это значит? Это как-то связано с участием в соревновании?

Толпа надвинулась на Мику. Он начал задыхаться, мелькавшие перед его носом головы и руки слились в одно ослепительно-яркое пятно, у Мики заломило в висках.

— Эй, вы, разойдитесь. — Коби вскочил со стула и принялся обеими руками распахивать одноклассников. — Чего прицепились к человеку!

— Класс! — гаркнула миссис Фулер. — Все по местам, быстро! А то сейчас позову мистера Грея!

* * *

На следующий день на очередном уроке физкультуры мистер Блайт познакомил школьников с новым упражнением. На площадке перед спортзалом была устроена полоса препятствий, ничего страшнее они в жизни не видели.

— О, нет, — закатив глаза, прошептал очкарик Роланд.

При одном взгляде на препятствия, которые им пред стояло штурмовать, у Мики закружилась голова: десять трехметровых стен с небольшими отверстиями для рук и уступами для ног, яма с водой, длинный лабиринт из металлических турникетов, веревочная лестница и высокая горка, заканчивавшаяся почти отвесным желобом, по которому нужно съехать вниз.

— Добро пожаловать! — рявкнул мистер Блайт. — Разбирайте рюкзаки, надевайте себе на спину и вперед!

Он показал на кучу рюкзаков, лежавшую в углу площадки. Когда одна из девочек попыталась поднять рюкзак, она охнула и согнулась пополам. Мистер Блайт трагически всплеснул руками:

— О, да ты у нас настоящая актриса! Хватит прикидываться, — прорычал он, — надевай рюкзак!

Девочка с трудом вскинула рюкзак на плечо.

— Вот так-то лучше! — Мистер Блайт злорадно ухмыльнулся. — Если вы не можете выполнить такое простое задание, то я уж не знаю, что и придумать. Итак, каждый из вас должен два раза пройти полосу препятствий, затем пробежать пять километров по беговой дорожке. Кто первый закончит дистанцию, получит талон на обед в столовой нашего лагеря.

— Могу поспорить, они напихали туда кирпичей, — пробормотала девочка, ковыляя к линии старта.

Девочка оказалась права, Мика чувствовал, как острые углы кирпичей впиваются ему в плечи. У Мики подкосились ноги, когда он взвалил рюкзак себе на спину, но он сумел дотащиться до полосы препятствий и даже преодолеть первую стену. Когда Мика начал взбираться на вторую стену, он услышал позади себя тяжелое пыхтение — это Коби догнал Мику и полез на стену вслед за ним. Еще мгновение спустя возле правого уха Мики промелькнула рука Коби; цепляясь за выступ в стене, он пытался подтянуться. Мика видел набухшую вену на запястье Коби, вена излучала яркий золотистый свет. Мике показалось, что он слышит тяжелые пульсирующие удары — «бум, бум, бум» — бухало сердце Коби, затем уши наполнились оглушительным звоном. Мика слегка удивился, когда понял, что падает. Он потерял сознание прежде, чем успел долететь до земли.

Открыв глаза, Мика увидел, что лежит на больничной кровати. Справа и слева от него покачивались белые занавески, — более ужасное место для пробуждения трудно было представить. Мика задохнулся, из груди вырвался сдавленный хрип. Скосив глаза, он заметил, как одна из занавесок шевельнулась, кто-то сгреб ее рукой, занавеска начала открываться... Но вместо телеголовастика Мика увидел женщину в белом халате, на его нагрудном кармане были вышиты большие черные буквы — «КОРД».

— Где я? — спросил Мика.

— В медпункте, — мягким голосом ответила женщина. — Как ты себя чувствуешь? — Она полностью отдернула занавеску.

Мика смотрел на длинные лучи золотистого света, которые исходили из ее пальцев, сжимавших белую ткань занавески.

— Необычно, — сказал он.

— Ты видишь святающуюся ауру вокруг предметов? — спросила женщина, присаживаясь на край постели.

Мика кивнул.

— Это из-за ампул, — сказала женщина. — Не волнуйся, Мика, с тобой все в порядке. Просто твое тело привыкает к происходящим с ним изменениям. Через пару дней ты будешь чувствовать себя намного лучше.

— Ладно, — осторожно согласился Мика.

— Поверь мне, очень скоро ты сам будешь рад, что принимал этот порошок, — Женщина улыбнулась с таким видом, словно собиралась сообщить Мике какую-то потрясающую новость.

— Почему? — спросил он.

— Я пока не могу тебе сказать. — Женщина улыбнулась еще загадочнее, как будто перед ней был неразумный ребенок, который задает слишком много вопросов. — Это сюрприз. Ну, вроде рождественского подарка. Но ты будешь рад, обещаю. Просто наберись терпения. Твоему организму нужно время, чтобы перестроиться. Хорошо?

— Хорошо.

— Я сейчас принесу тебе поесть, а потом можешь идти домой.

— Спасибо.

— И я полагаю, мы не станем говорить твоим родителям о том, что с тобой произошло. Не стоит волновать их понапрасну. Верно?

— Верно, — горячо поддержал ее Мика.

— Ну и отлично. Умница, хороший мальчик.

Мика с ненавистью смотрел вслед удаляющейся женщине: она обращалась с ним как с маленьким, как будто он ничего не понимает.

Когда Мика уходил из медпункта, принесли Рубена. Его тащили под руки мистер Блайт и еще один тренер, который работал в спортзале. Гора мышц, а не человек, его руки и ноги были похожи на стволы деревьев. Опущенная голова Рубена безвольно моталась из стороны в сторону, как будто вместо шеи у него был кусок мягкой резины, ноги несчастного волоклись по полу. Мика отступил в сторону и придержал дверь, пропуская троицу внутрь. Ему стало неловко при мысли о том, что час назад он сам был в точно таком же состоянии, и неприятно от того, что Рубен оказался более выносливым, чем он, и продержался на целый час дольше. Затем Мика попытался отмахнуться от другой навязчивой мысли: он искренне надеялся, что сегодняшнее происшествие не станет дурным предзнаменованием и их противостояние в третьем туре соревнований не закончится столь плачевным образом.

ГЛАВА 19

Образцовые граждане

Две недели, оставшиеся до начала отпуска, показались Мике вечностью. Ему все труднее становилось скрывать тот факт, что он видит святающуюся ауру вокруг людей и предметов. Это свечение было настолько красивым, что порой Мика не мог сдержать возглас восхищения — неудивительно, что люди на улицах с подозрением косились на мальчика, который, уставившись в пространство, вдруг вскрикивает и всплескивает руками. Одноклассники, и без того считавшие, что у Мики плохо с головой, решили, что он рехнулся окончательно.

Мир Мики наполнился красками. От людей исходило золотистое свечение, неодушевленные предметы излучали голубой свет, особенно красиво было ночное небо,

усыпанное яркими огнями — зеленовато-синими от проносящихся над городом аэромобилей и золотыми от сидящих внутри них людей. Мика с замирающим сердцем смотрел на эту ночную феерию и жалел, что не может ни с кем поделиться своим восторгом. Он не обсуждал эту тему даже с Одри, хотя понимал, что и она видит свечение. Одри тоже больше не возвращалась к разговору в кафе, когда она один-единственный раз пожаловалась на странности со зрением. Хотя новый способ видения все еще немного пугал Мику, он не переставал восхищаться красотой, которая отныне окружала его, и с волнением ждал, когда наконец выяснится, что это означает. Мика видел свечение даже вокруг Авен: собака по-прежнему являлась к нему по ночам. Иногда, когда в комнате было особенно темно, он не видел ничего, кроме золотистого пятна, переливающегося рядом с ним на подушке.

За день до отъезда Мики и Одри на курорт, где им предстояло принять участие в третьем, решающем туре соревнований, класс Мики снова отправили в спортивный лагерь, где их навестил мистер Грей. Визит директора школы на урок физкультуры стал для всех полной неожиданностью.

— Во что это вы вырядились? — заорал мистер Блайт, окидывая свирепым взглядом выстроившихся перед ним школьников, — Немедленно переодеться в спортивную форму! И если кто-нибудь посмеет ослушаться, вам не поздоровится, будете до утра вертеть педали тренажера. Всем понятно?! — гаркнул учитель, брызгая слюной.

Дети принялись судорожно рыться в своих рюкзаках в поисках спортивных костюмов. Когда Мика развернул футболку, он заметил на груди пятно от кетчупа. Мика плюнул на палец и потер пятно.

— Смит! — раздался истеричный вопль мистера Блайта. — Чем это ты там занимаешься? А ну иди сюда!

Мика подошел к учителю.

— Ты что, полный идиот или прикидываешься? Я что велел делать? Переодеваться! Держи, растяпа. — Мистер Блайт швырнул в лицо Мике чистую футболку. — После урока отдашь! — рывкнул он.

Когда дети переоделись, мистер Блайт еще раз прошелся вдоль строя. Окинув каждого ученика критическим взглядом, он отвел их в спортивный зал и велел ждать мистера Грея.

Вскоре прибыл директор. Сегодня вид мистера Грея особенно соответствовал его фамилии,¹ казалось, директора только что покрасили свежей краской, — серый костюм, седые пепельно-серые волосы, дряблая серая кожа на лице, стальные глаза и безжизненные серые губы. Мику передернуло, как только он услышал приближающиеся шаги. Дверь распахнулась, и в зал вошел мистер Грей; в руках он держал два листа бумаги, запаянных в блестящий пластик.

— Добрый день, дети, — произнес мистер Грей. Его металлический голос напоминал скрежет ржавых дверных петель.

— Добрый день, мистер Грей, — не очень дружным хором ответили школьники.

— Рад видеть вас здесь, в нашем замечательном спортивном лагере, — продолжил мистер Грей. — К сожалению, в последнее время я был занят и не мог навестить вас, чтобы своими глазами убедиться, каких потрясающих успехов вы добились. Но сейчас должен признаться, что просто поражен тем, насколько сильными и здоровыми вы стали. Не сомневаюсь, уроки мистера Блайта пошли вам на пользу. Я слышал, что после начала занятий физкультурой ваш рост в среднем увеличился на четырнадцать сантиметров.

Директор кивнул мистеру Блайту. Учитель физкультуры улыбался и, заложив руки за спину, с довольным видом покачивался с носка на пятку.

— Сегодня, — мистер Грей слегка кашлянул, — я хочу вручить специальные грамоты двум ученикам, которыми мы все очень гордимся. Два наших мальчика, принявших участие в соревновании, прошли на третий тур. Мика Смит и Рубен Снайт, пожалуйста, выйдите из

¹ Grey (англ.) — серый.

строя.

Мика чувствовал, что все взгляды направлены на него. Ему очень не хотелось выходить из строя.

— Мика! — рявкнул мистер Блайт.

Мика сделал шаг вперед и оказался перед директором школы бок о бок с Рубеном. Кожа на правой руке Мики, с той стороны, где стоял Рубен, покрылась мурашками, по всему телу пробежала неприятная дрожь. Мика опустил голову и уставился себе под ноги, мечтая лишь об одном — провалиться сквозь пол, куда угодно, только бы подальше отсюда.

— От лица администрации первой городской школы Барфорд-Норда я хотел бы поздравить вас, — торжественным голосом начал директор, — и вручить почетные грамоты, подтверждающие ваше участие в соревновании и успех, которого вы, несомненно, добились. Уверен, ваши товарищи с радостью присоединятся к моим поздравлениям. — Затем, слегка понизив голос, директор добавил многозначительным тоном, от которого у Мики похолодело внутри: — В особенности мне хочется поздравить *тебя*, Мика, — учитывая, насколько непросто начинался твой путь к победе.

Мистер Грей вручил грамоты Мике и Рубену, и одноклассники принялись старательно хлопать в ладоши. Звук напоминал треск птичьих крыльев, словно под по толком спортивного зала кружила целая стая голубей, тщетно пытавшихся вырваться на волю.

— Однако я хочу добавить, — сказал мистер Грей, выждав, пока стихнут аплодисменты, — что вы *все* должны гордиться своими успехами. Вы выглядите великолепно, просто наглядное воплощение здоровья и силы. У меня нет ни малейших сомнений, что в скором времени вы вступите во взрослую жизнь и проявите себя как образцовые граждане нашего Северного полушария. Полагаю, вы тоже заслуживаете аплодисментов!

Последовала новая волна оваций. Но на этот раз аплодисменты звучали несколько неуверенно. Дети смущенно переглядывались: в конце концов, им только двенадцать лет, впереди еще целых шесть лет учебы в школе, прежде чем они вступят во взрослую жизнь и смогут проявить себя как образцовые граждане Северного полушария. Мистер Грей раздал всем очередную порцию утешительных призов КОРДа в виде ядовито-зеленых леденцов, после чего урок закончился и всех отпустили по домам. Дети покидали спортивный зал, хмурая брови и в недоумении пожимая плечами.

По дороге домой Мика выбросил свою грамоту и леденец в урну. Он не стал попусту терять время на размышления по поводу загадочной речи директора. Странности со зрением, потерянное письмо Хелен — единственная вещь, которая могла бы помочь ему пролить свет на тайны, окружавшие его со всех сторон; приближающийся третий тур соревнования... Поводов для беспокойства более чем достаточно, чтобы еще ломать голову над тем, что имел в виду мистер Грей, говоря об образцовых гражданах Северного полушария.

* * *

Этой ночью Мике и Элли приснился один и тот же сон. Элли открыла глаза в своей пустой белой комнате на борту «Снежной королевы» и увидела маленькую золотистую птичку. Она сидела на одеяле в том месте, где согнутые колени Элли образовали небольшой бугорок. Птичка светилась в темноте, наполняя комнату мягким желтоватым сиянием. Это был крошечный вьюрок с круглой пушистой грудкой и коротким хвостом. Элли затаила дыхание, стараясь не спугнуть птичку. Некоторое время они с интересом разглядывали друг друга.

«Как бы мне хотелось превратиться в птицу, — подумала Элли, — такую как ты, стать маленьким золотистым призраком, которому нипочем тюремные стены, расправить крылья и улететь на волю».

Птичка склонила голову набок и слегка качнула хвостом. Затем, словно услышав желание Элли, птичка расправила крылья, и Элли вдруг поняла, что смотрит на мир глазами

вьюрка. Она пролетела сквозь стену и оказалась в соседней лаборатории, откуда за ней наблюдали ученые. Слегка потрескивая крыльями, Элли порхнула над головами людей в белых халатах, легко прошла сквозь противоположную стену и вылетела в коридор. Она прошла еще множество стен, комнат и запертых дверей, пока наконец не оказалась за бортом станции и, нырнув в черное пространство космоса, по мчалась вниз, к Земле. Глазами вьюрка Элли видела возникшие впереди очертания материка — она узнала Европу и разглядела серую бетонную Стену. Элли-вьюрок спускалась все ниже и ниже, и вскоре она уже неслась между высокими каменными башнями Барфорд-Норда, словно торпеда, которая идет по заданной траектории к точно обозначенной цели. Элли долетела до башни, где когда-то жила сама, пробила стену и ворвалась в их с Микой крошечную спальню.

Услышав треск крыльев, Мика проснулся. Он открыл глаза как раз в тот момент, когда птица опустилась прямо на голову Авен. Авен тихонько заворчала во сне, но не пошевелинулась. Собака и птица излучали теплое золотистое сияние, оно разлилось по комнате, затопив сердце Мики бесконечной любовью и нежностью.

— Я знаю тебя, — шепнул Мика.

Он вытянул руку, надеясь, что птица перепрыгнет с головы собаки ему на палец. Она так и сделала. Птица и мальчик внимательно разглядывали друг друга. Глаза вьюрка сияли, их взгляд был настолько выразителен, что в душе Мики всколыхнулось целое море чувств — от невероятного облегчения, переходящего в ощущение абсолютного счастья, до сокрушительного чувства одиночества, которое навалилось на Мику, словно гигантская бетонная плита.

— Элли, — прошептал Мика.

За стеной в соседней квартире послышался шум, кто-то спустил воду в унитазе. Птица вздрогнула, сорвалась с руки Мики и метнулась к шкафу, в котором Элли когда-то хранила свои вещи. Она пролетела сквозь закрытую дверцу и исчезла внутри.

Мика спрыгнул с кровати и распахнул обе дверцы в надежде найти внутри шкафа золотого вьюрка. Но, к своему ужасу, обнаружил притаившегося в темноте телеголовастика, он сидел в дальнем углу шкафа и сжимал в руке светящуюся птицу. Она то ярко вспыхивала, то тускнела, то вновь разгоралась золотистым светом, словно колышущийся на ветру огонек свечи. Внезапно телеголовастик выкинул руку вперед и стиснул птицу в кулаке. Огонек моргнул и погас. Вместо теплого золотистого сияния комната заполнилась блеклым лунным светом, из глубины шкафа на Мику смотрела ослабевшая физиономия монстра.

ГЛАВА 20

Крупный обломок астероида

Горман наблюдал за Элли через небольшое окно в стене, сделанное из бронированного стекла. Элли, облаченная в защитный скафандр, стояла посреди пустой комнаты. Она упрямым жестом сложила на груди руки и устояла прямо на Гормана, сквозь узкую прорезь в металлическом шлеме он видел горящие недобрым огнем глаза девочки.

— Скажи ей, чтобы сделала это еще раз, — приказал Горман, обращаясь к сидевшему за пультом управления человеку в белом комбинезоне. — А потом еще, еще и еще, до тех пор, пока я не пойму, *как* она это делает!

— Но, сэр, эксперимент длится уже шесть часов, — как можно вежливее напомнил Горману ученый. — Она говорит, что у нее болит голова.

— Мне плевать, что у нее болит! — заорал Горман. — Я хочу получить НАУЧНОЕ объяснение тому, что там происходит. СЕГОДНЯ, ДО КОНЦА ДНЯ! ПОНЯТНО?! Скажи, чтобы принесли еще один обломок астероида.

— Принесите еще один обломок, — сказал ученый, наклоняясь к установленному на пульте микрофону.

Пару минут спустя в комнату вошли двое охранников, они толкали перед собой тележку, на которой лежал огромный кусок черного камня.

— Нет, я больше не могу! — закричала Элли. — У меня голова раскалывается!

Горман наблюдал, как один из вошедших разговаривает с Элли. Охранник пригрозил, что, если она не будет выполнять приказы мистера Гормана, Пака перестанут кормить, и он умрет от голода. Затем охранники свалили камень с тележки и ушли, оставив Элли одну в пустой комнате.

— Ты уверен, что все датчики работают исправно? — спросил Горман.

— Да, конечно, — кивнул ученый, — Малейшее физическое или химическое изменение в ее мозгу мгновенно фиксируется, данные передаются на мониторы компьютеров. Изнутри ее шлем похож на кастрюлю с макаронами — сплошные провода.

— Хорошо, — буркнул Горман. — Скажи ей, чтобы начинала.

Ученый склонился к микрофону:

— Давай, Элли, как только будешь готова...

Элли тяжело вздохнула. Обломок астероида был раза в два больше ее самой и раз в десять тяжелее. Мгновение Элли пристально смотрела на кусок черного камня, затем астероид взорвался. Взрыв был такой силы, что железные стены комнаты выгнулись дугой, огнеупорное стекло дрогнуло. В течение нескольких секунд мелкие осколки астероида со свистом носились по комнате, как будто в комнате бушевал торнадо. Когда буря утихла, Элли тяжело опустилась на один из обломков покрупнее.

— Довольны? Теперь я могу идти? — крикнула она, оборачиваясь к окну. — У меня ужасно болит голова.

— Ну, что там? — спросил Горман у остальных сотрудников лаборатории, которые вглядывались в мониторы компьютеров. — Вы поняли, как она это делает?

— Нет, сэр, датчики не зафиксировали ничего особенного, — сказал один из них.

— Хорошо, *что* в таком случае вам известно? — сердито спросил Горман.

— Нам известно, что ее мозг несколько больше, чем мозг обычного человека, — робко начал сидевший за пультом ученый, — и она способна делать такие вещи, которые мы делать не можем, но, как именно это происходит, мы не знаем. Мы даже начали думать, не являются ли мутанты обычными людьми, чей мозг обладает особыми свойствами. Возможно, это новая популяция людей.

— Ты хочешь сказать порода? — саркастически хмыкнул Горман. — Новая порода людей?

— Такое уже случалось, — ответил ученый. — Каких-нибудь тридцать пять тысяч лет тому назад произошло скрещивание двух видов людей, кроманьонцев и неандертальцев, и в результате...

— Но это же не случилось вдруг, — перебил ученого Горман. — Процесс эволюции занял какое-то время?

— Да, конечно, — согласился ученый. — Но мы допускаем, что теперешние изменения могут быть каким-то образом связаны с тридцатилетним запретом на рождение детей.

— Вы допускаете? — фыркнул Горман. — Думаете, полагаете, считаете. Что же, черт подери, вы за ученые такие? Одни догадки и предположения! А на самом деле вы ничего толком не знаете. Верно?

— Ну, в общем, да. — Ученый грустно вздохнул и опустил голову.

— Так вот, девчонка не выйдет отсюда до тех пор, ПОКА ВЫ НЕ БУДЕТЕ ТОЧНО ЗНАТЬ, как она это делает! — рявкнул Горман, — Ясно?

— Да, сэр.

ГЛАВА 21

Веселый болванщик

Аша с нетерпением ждала начала отпуска. Последние три дня она несколько раз принималась укладывать вещи в чемоданы, затем распаковывала и снова упаковывала. КОРД выдал победителям соревнования кредитные карты, поэтому все вещи, которые они

собирались взять с собой, были новыми. Впервые с тех пор, как исчезла Элли, Мика видел маму такой счастливой и беззаботной, теперь она почти все время улыбалась, как человек, который думает о чем-то приятном. Аша в очередной раз взялась перекладывать вещи. Она стояла на коленях посреди комнаты, раскрытые чемоданы лежали на полу, забытый телевизор продолжал работать, но на него никто не обращал внимания. Мика наблюдал за мамой, на ней было простое белое сари, длинные черные волосы собраны на затылке тяжелым узлом. Мама выглядела молодой и счастливой, костюм деревенской девушки и широкополую ковбойскую шляпу, в которой Аша ходила на работу, она убрала подальше в шкаф, чтобы не видеть этот отвратительный наряд. Мика смотрел, как мама складывает одежду аккуратными стопками: шорты, футболки, купальники, солнечные очки, сандалии — все яркое и новое с разноцветными магазинными бирками, которые Аша пока не спешила отрывать.

— Думаю, еще одна пара шортов тебе не помешает, — деловито оглядывая горы вещей, сказала Аша. — Я, пожалуй, выскочу в магазин, посмотрю, что у них есть. — Аша улыбнулась, радуясь возможности лишний раз зайти в магазин и купить понравившуюся вещь, не задумываясь о том, хватит ли им денег до зарплаты или придется жить впроголодь, — Да, и, наверное, нужно купить что-нибудь для выхода в свет, — добавила она, — В проспекте сказано, что отель устраивает вечеринки на открытом воздухе, не можем же мы каждый раз приходить в одном и том же. Я тут примеряла в одном магазине вишневое сари, по-моему, неплохо, а тебе куплю рубашку. Как думаешь, стоит сходить? Это совсем рядом, на соседней улице?

— Да, мам, конечно, — рассеянно сказал Мика.

Он не очень внимательно слушал мамины рассуждения, гораздо больше его занимали наблюдения за тем, как двигаются ее руки. Когда Аша брала с дивана очередную стойку вещей и начинала перекладывать их из чемодана в чемодан, за ее руками тянулся длинный светящийся след. Мика заметил, что золотистая аура, которой окружены люди, слегка отличается по цвету и яркости; ему даже пришла в голову мысль, что эти различия связаны с характером и настроением человека. Свечение, исходившее от его мамы, имело теплый медовый оттенок и всегда оставалось на удивление ровным и мягким. Одри горела ярким пульсирующим светом, иногда, когда она была чем-то взволнована или быстро двигалась, ее свечение усиливалось — Одри вспыхивала, словно костер на ветру, и рассыпалась фонтанами ослепительных искр. Коби был окружен плотной светящейся аурой, казалось, вокруг него висит надежное защитное поле. Том, наоборот, излучал слабый колеблющийся свет, иногда при приближении Мики это свечение делалось более тусклым, хотя Том всегда вел себя дружелюбно по отношению к Мике. В результате Мика пришел к выводу, что свет отражает не только характер, но и чувства людей, даже если внешне они никак их не проявляют.

Когда подошло время отъезда, Мика с родителями совершили целых три фальстарта. Присланный за ними аэромобиль дождался на крыше дома, но лифт, как обычно, не работал, поэтому им пришлось тащиться с чемоданами на последний этаж, где находился выход на крышу. Первый раз они вернулись в квартиру, когда выяснилось, что Аша забыла упаковать зубные щетки и пасту, второй раз Дэвид решил проверить, надежно ли заперты окна и выключен ли кондиционер, в третий раз инициатива исходила от самого Мики — он забыл свою любимую картинку со львами, и, хотя к этому моменту они уже добрались до самого верха, Мика настоял на возвращении. Водитель, сидевший за рулем аэромобиля, с хмурым видом поглядывал на бестолковых пассажиров и даже не вылез из кабины, чтобы помочь им загрузить вещи в машину.

Пузатый аэромобиль с покатыми боками и заостренным капотом напоминал большое куриное яйцо. Место водителя было отделено от салона стеклянной перегородкой; Мика, Аша и Дэвид расположились на мягком полукруглом диване в задней части салона, чемоданы и сумки лежали на полу возле их ног. Аша достала из наружного кармана сумки коробку с сэндвичами, которые она приготовила в дорогу.

— Мы еще даже не взлетели, — рассмеялся Дэвид, когда Аша протянула ему сэндвич.

— Знаю, но ты все равно попробуй, это очень вкусные сэндвичи, — с робкой улыбкой произнесла Аша.

Наконец, аэромобиль взмыл в небо и взял курс на север. Сначала они летели над территорией Британии, внизу проплывали города, которых ни Мика, ни родители никогда раньше не видели. Последний раз им пришлось лететь на аэромобиле скорой помощи в тот злополучный день, когда Мика чуть не умер от удушья. Само собой, сегодняшний полет был намного приятнее.

Воздушные трассы так же, как и наземные дороги, имели свою четкую разметку, сделанную при помощи больших ярко раскрашенных шаров, которые висели в воздухе с интервалом в двадцать метров друг от друга. Кроме того, шары использовались в качестве рекламных щитов, по одному слову на каждом шаре, поэтому фраза иногда растягивалась на несколько километров. На некоторых шарах были помещены дорожные знаки и прочая полезная информация, например, сколько километров осталось до ближайшего города или сообщение о погоде: «Тринадцать. Градусов. Облачно. Дождь. Юго-западный. Ветер. Влажность. Умеренная». Но большинство шаров были расписаны рекламными слоганами: «Чудесное. Нарращивание. Волос. Волосы. Растут. Как. Сорняки. По. Сантиметру. В неделю».

Сначала Мика читал лозунги, но вскоре ему это надоело, и он стал смотреть на проплывающие внизу города. Правда, ничего нового он не увидел; города были похожи друг на друга как две капли воды — тот же серый частокот из бетонных башен, где в крошечных квартирах-раскладушках ютились люди. Время от времени серое однообразие башен нарушалось торчащей между ними трубой консервной фабрики или огромным желтым фонарем «чумной сирены», который всегда устанавливали на самом высоком здании города.

Вид настоящего моря разочаровал и одновременно напугал Мику. В компьютерной игре море, над которым он летал на своем истребителе, изображалось в виде спокойной голубой глади. Здесь же, у северного побережья Шотландии, Мика увидел бушующую массу холодной серо-стальной воды; пенные валы с диким ревом обрушивались на прибрежные утесы. На фоне этой грозной стихии их аэромобиль казался беспомощным и хрупким, как мыльный пузырь, который случайно сорвался с поверхности заполненной до краев ванны. Мика видел, как побледнели лица родителей; папа и мама с тоской поглядывали на удаляющийся клочок земли. Прошло несколько напряженных минут, пока на горизонте не появился наконец купол отеля, построенного в виде гигантской морской раковины. Курортный комплекс назывался «Мир Карибского моря».

— Эй, вы, трусишки, смотрите, — засмеялся Мика, показывая на приближающийся купол.

Купол поражал своими размерами. Он покрывал территорию, которая в два раза превышала территорию Барфорд-Норда, и был выше самых высоких небоскребов, которые они видели, пролетая над крупными городами Британии. В голове не укладывалось, что такая конструкция может плавать на поверхности моря. Купол вставал перед ними во всей своей красе, вздымающиеся вокруг волны отражались в его зеркальной поверхности; когда волна отступала, на ее месте возникало отражение серого дождливого неба.

Аэромобиль подлетел к вершине купола, и зеркальные створки раскрылись, образовав большое прямоугольное отверстие; аэромобиль на мгновение завис над ним, а затем быстро нырнул внутрь купола. Мика, Дэвид и Аша успели заметить раскинувшийся внизу тропический остров, окруженный морем, которое имело гораздо более приветливый вид, чем бушующие снаружи холодные волны: здесь прозрачная зеленовато-лиловая вода лениво поблескивала под лучами ослепительного солнца. Аэромобиль приземлился в центре острова на широкой площадке из белого камня, окруженной покачивающимися на ветру пальмами.

— Посмотрите, какое небо! — воскликнула Аша. — Видите? Оно ГОЛУБОЕ!

— А какое же, по-твоему, оно должно быть? — рассмеялся Дэвид. — Красное?

— Ты не понимаешь, что я имею в виду. — Аша сердито махнула рукой на мужа. — Когда мы в последний раз видели *голубое* небо? Боже, какая красота! Смотрите, ДЕРЕВЬЯ!

Боковая дверца аэромобиля открылась, и их захлестнула волна горячего воздуха, словно салон засыпали раскаленным песком. Дэвид, Аша и Мика вместе со своим багажом выбрались наружу, где их уже поджидал жизнерадостный человек в цветастой рубашке. Он расплылся в улыбке и принялся грузить на тележку их чемоданы. Человек проводил семейство Смитов к длинному приземистому зданию с тростниковой крышей, вокруг росли высокие пальмы с толстыми косматыми стволами.

— Какой милый человек, — сказала Аша, глядя вслед удаляющемуся мужчине.

Они стояли на пороге дома, не в силах до конца осознать, что на самом деле оказались в этом тропическом раю. После сорока трех лет, проведенных в постоянной сырости среди заплесневелых бетонных стен, в такое трудно было поверить. Всем троим так и не верилось, что изумрудная зелень, высокое голубое небо, ласковый бриз, доносивший запах моря и легкий аромат кокоса, даже цветы перед домом и сияющее над головой солнце ненастоящие. Все вокруг было сделано из пластика, даже мелкий золотистый песок.

— Невероятно, — Аша подошла к клумбе и осторожно коснулась пальцем тонкого прозрачного лепестка розы, — выглядит как живая.

Вдруг Аша пронзительно взвизгнула и отскочила назад, Мика и Дэвид аж подпрыгнули от неожиданности.

— Что случилось? — спросил Дэвид, с подозрением поглядывая на розовый куст.

— А... а... вон... там... — Аша пятилась назад, указывая пальцем на землю. По песку полз большой колченогий краб. Аша снова взвизгнула и спряталась за спину мужа.

— Да он же искусственный, — рассмеялся Мика. Он подхватил краба двумя пальцами и перевернул кверху брюшком. — Смотри, мам, здесь кнопка, если хочешь, его можно выключить. — Мика нажал на кнопку, и краб замер. Его клешни и ноги безвольно обвисли, у краба сделался печальный вид, словно он чем то ужасно расстроен.

— Не надо, Мика, пожалуйста, — Аша закрыла лицо руками. — Я не могу на это смотреть.

Мика неохотно опустил краба на землю. Он услышал шорох крыльев у себя над головой, взглянул вверх и увидел среди пальмовых листьев пестрого попугая. Мика улыбнулся и вздохнул, он чувствовал себя абсолютно счастливым, даже несмотря на то, что все вокруг было ненастоящим.

Здание, к которому их привезли, было построено в стиле тропической хижины — стены из грубо струганных бревен, плоская крыша покрыта тростником. Внутри хижины находился просторный зал с множеством столов, за некоторыми уже сидели участники соревнования, прибывшие вместе со своими родителями; некоторые столики пока были свободны. В зале царил радостная атмосфера праздника. Расположившийся в дальнем углу зала джазовый оркестр наигрывал бодрые латиноамериканские мелодии; официантки, одетые в длинные цветастые юбки, с пышными красными розами, воткнутыми в волосы, сновали между столиками, разнося напитки. Одна из них встретила Мики и его родителей возле двери и проводила к столику, за которым уже сидели Одри, ее мама и тетя. Обе женщины вскочили со своих мест и бросились горячо приветствовать Мику, Ашу и Дэвида. Мике они сразу понравились, женщины светились теплым желтовато-оранжевым светом, который горел ярко и ровно, мама и тетя Одри вскидывали руки и обнимали родителей Мики так, словно встретили старых знакомых. Мика сразу отметил их несомненное сходство с Одри: те же высокие скулы, немного раскосые глаза, но, в отличие от огненно рыжих кудрей Одри, у ее мамы и тети были гладкие черные волосы.

— Рада, что мы наконец познакомились, — сказала тетя Одри. — Меня зовут Таша.

— А я Юна. — Мама Одри обняла Мику и поцеловала его в щеку.

Затем последовали объятия и поцелуи с родителями Мики. Дэвид смущенно покашливал, стирая со щек следы губной помады, но, когда он, наконец, опустился на стул, Мика заметил на лице папы довольную улыбку. Мика вздохнул с облегчением, он был рад, что его родители и родители Одри так замечательно поладили. Одри молча сидела на своем месте, в этом псевдотропическом антураже она выглядела неуместно, рыжие волосы и

светящиеся изумрудные глаза делали ее похожей на эльфа, который случайно оказался среди людей. Одри настороженно озиралась по сторонам — Мика понял, что она высматривает, где находится вход в игровой зал.

— Думаю, вход в зал пока закрыт, — сказал Мика.

— Надеюсь, этот торжественный прием продлится не слишком долго, скуотища страшная.

К столику подошла официантка с подносом, на котором стояли высокие бокалы с коктейлями. Бокалы были украшены таким количеством фруктов, пластмассовыми пальмовыми веточками, райскими птичками и бумажными зонтиками, что посетителям приходилось долго разбирать эту декорацию, чтобы добраться до самого напитка. Родителей эта игра чрезвычайно забавляла, но Мика и Одри с сосредоточенным видом помешивали соломинками свои коктейли и хмуро поглядывали по сторонам. Они оживились, только когда на деревянную сцену поднялся человек, — видимо, все гости уже прибыли, и организаторы соревнования решили, что пора приступать к делу. Человек был одет в просторную рубаху навыпуск, разрисованную ядовито-зелеными пальмовыми листьями и желтыми попугаями; соломенную шляпу он лихо сдвинул на затылок. На лице ведущего застыло выражение неописуемого восторга, как будто ему нарочно растянули губы в улыбке, а затем приклеили уголки рта к скулам.

— Добро пожаловать, дорогие гости, в наш райский уголок! «Мир Карибского моря» приветствует вас! — бодрым голосом выкрикнул Болванщик.

Мика сразу узнал эту жизнерадостную физиономию. Однажды Болванщик уже появлялся на дисплее его новенького мобильного, чтобы передать сообщение КОРДа.

Раздался торжественный звук фанфар, человек сделал широкий жест рукой, и деревянные двери в глубине сцены распахнулись, открыв перед потрясенной публикой сияющий черным лаком аэромобиль. Машина медленно вращалась на наклонной платформе. Снова протрубили фанфары, над сценой вспыхнули два ярких прожектора, теперь аэромобиль предстал во всей красе, и по залу прокатился вздох восхищения.

— «Ягуар»! — прошептал Дэвид. — Последняя модель.

— Ну, как он вам, нравится? — выкрикнул Болванщик. — Это приз за победу в третьем туре соревнования — суперсовременный аэромобиль со встроенным телевизором и подогревом сидений! У нас имеется двенадцать таких красавцев, так что у вас есть неплохой шанс стать обладателем новенького «ягуара»! — Он вскинул обе руки, словно ожидая, что зал разразится радостными воплями. Однако участники соревнования ответили напряженным молчанием; вероятно, каждый из ста сидевших перед ним подростков прикидывал, насколько в действительности реален шанс заполучить это чудо техники. — Ну что же вы? Давайте, я хочу слышать ваши голоса! — завопил Болванщик и, словно дирижер, взмахнул руками. — Мы победим, ДА!

Мика стиснул зубы и отвернулся. Одри устало закатила глаза. Кое-кто из присутствующих ответил на призыв дирижера нестройным «Да-а-а-а!».

— Фу, смотреть противно! — скривилась Одри.

— Ладно, для начала сойдет, — удовлетворенно кивнул Болванщик. — По крайней мере я вижу, что здесь собрались не одни глухонемые! А теперь слушайте меня внимательно. Как мы вам уже говорили, находясь на отдыхе, вы примете участие в третьем туре соревнований. Полагаю, вам не терпится приступить к делу? Что ж, мы не станем заставлять вас ждать! Прямо сейчас, через несколько минут, вы оставите ваших родителей и отправитесь в наш *специальный игровой центр*, который находится здесь, на острове, и там проведете остаток дня. А вечером, когда вы вернетесь к своим родителям, вас ждет грандиозная вечеринка на берегу моря с коктейлями и барбекю. Здорово, правда? Затем до конца недели вы будете тренироваться, потому что вам предстоит принять участие в НОВОЙ ИГРЕ! Я надеюсь, дорогие дети, что вы не забыли прихватить купальные костюмы? Очень скоро они вам понадобятся!

— О чем он говорит? — шепотом спросила Одри. — Какая еще новая игра?

Мика пожал плечами.

— А где находятся авиатренажеры? — раздался голос из зала.

— У нас их нет, — развел руками Болванщик. — Потому что в этом туре вам не нужны никакие тренажеры.

— А как же мы будем сражаться с инопланетянами? — раздался еще один голос.

— Вы не будете сражаться с инопланетянами. Это будет совсем другая игра, — пояснил Болванщик. — Но поверьте, игра, которую мы для вас приготовили, не менее увлекательна!

В зале повисло напряженное молчание. Одри бросила на Мика гневный взгляд.

— Невероятно, — прошептала она, — мы с тобой столько времени потратили на тренировки, а теперь выясняется, что они приготовили для нас другую игру!

— Успокойся, — Мама Одри мягко коснулась руки дочери, — Разве тебе не интересно заняться чем-то новым? Вы с Микой сутками пропадали в игровом зале, а здесь, в этом чудесном месте, любая игра будет в радость.

— Мне нравится игра под названием «Истребитель», — Одри упрямо тряхнула рыжими кудрями, — И мне нравится летать, я из-за этого и в соревновании участвую.

— А теперь внимание. — Ведущий громко хлопнул в ладоши, — Родители, что касается вас... э-э... хм... Чем займетесь вы на предстоящей неделе? Ну, тут, пожалуй, я вам ничего не скажу... — Он выдержал паузу. — Если, конечно, вы сами не захотите узнать, что мы предлагаем! — выпалил Болванщик.

Он снова превратился в дирижера и торжественно вскинул руки. Взрослые ответили дружным: «Да-а, хотим!»

— Если вы захотите заняться чем-то новым... — начал Болванщик, — все имеющееся у нас оборудование в полном вашем распоряжении! — сорвавшись на истеричный вопль, закончил он. — Доски для серфинга, акваланги, водные лыжи, велосипеды, катера и многое, многое, многое другое. Салоны красоты, массаж, джакузи и прочее, прочее, прочее. Но, если вы предпочитаете целыми днями валяться на пляже и потягивать коктейль, пожалуйста! Только вы решаете, какой отдых вам по душе!

Официантки начали обходить столики, держа перед собой изящные корзины с подарками; к высоким витым ручкам корзин были привязаны пышные золотые банты. Взрослые тем временем возбужденно обсуждали услышанное. Когда же на стол перед Ашей и Юной поставили по корзине с подарками, до Мики наконец дошло, что призы в третьем туре предназначены вовсе не для детей, а для их родителей. Ну на что, в самом деле, двенадцатилетнему подростку суперсовременный аэромобиль? Единственное, чего не мог понять Мика, зачем КОРДу понадобилось подкупать родителей.

— О, да вы только посмотрите, — воскликнула Аша, заглядывая внутрь своей корзины, — здесь *настоящая* еда! О, Мика, смотри, ХЛЕБ!

— Ух ты, здорово! — воскликнул Мика, стараясь придать своему голосу радостную интонацию.

— И сыр! Самый настоящий сыр!

— Отлично! Еще минутку внимания! — перекрывая шум в зале, выкрикнул Болванщик, — Пришло время нашим конкурсантам отправиться в игровой центр. Дорогие дети, пожалуйста, попрощайтесь со своими родителями и следуйте за мной!

Болванщик спрыгнул со сцены и направился к двери в задней части зала.

— До свидания, дорогой, — сказала Аша, сжимая в одной руке кусок сыра и бокал с коктейлем в другой. — Удачи!

— Спасибо, мама, — Мика поднялся из-за стола, — Увидимся вечером на пляже.

Одри и Мика прошли через зал и приблизились к невысокой деревянной двери. У обоих было такое чувство, что они переступают невидимую границу между двумя мирами: один, оставшийся позади, полон тепла и света, другой, тот, что ждет их впереди, пронизан мраком и холодом. Они оказались в просторной белой комнате, стены, потолок, пол — все сияло белизной. В комнате не было никакой мебели, кроме серых пластмассовых стульев.

Дверь за Одри и Микой захлопнулась, возбужденные голоса и радостный смех родителей смолкли.

ГЛАВА 22

Странная игра

В белой комнате собрались все участники соревнования — им велели сесть на расставленные вдоль стен стулья и ждать, когда их позовут. Одри увели первой; услышав свое имя, она встала, к ней подошел мужчина в форме КОРДа и жестом приказал следовать за ним. Уходя, Одри обернулась и бросила на Мику озабоченный взгляд. Когда дверь за Одри закрылась, у Мики тоскливо зануло внутри, он вдруг ясно осознал, что они больше не являются членами одной команды, отныне каждый из них сражается сам за себя. Мика оглянулся по сторонам. Ему показалось, что комнату окутал зловещий мрак, словно его ночные кошмары ожили и вторглись в реальность дня. Он слышал приглушенное бормотание телеголовастиков, они пристально разглядывали Мику, обсуждая, в каком виде им лучше сожрать противного мальчишку.

Мика обрадовался, когда вошедший в комнату мужчина назвал его имя. Они вышли в залитый солнцем сад и двинулись по песчаной дорожке вдоль аккуратно подстриженных миртовых кустов. Дорожка упиралась в большие железные ворота, верхняя часть ворот была опутана колючей проволокой.

— После тебя. — Мужчина сделал приглашающий жест рукой, и створки ворот разъехались в стороны.

Мужчина положил руку на плечо Мики и слегка подтолкнул вперед. Они подошли к длинному приземистому зданию; гладкие белые стены сверкали на солнце, в зеркальных окнах отражались пальмы и голубое небо. У белого здания был серьезный и загадочный вид, внутри стоял специфический запах больницы. Мужчина оставил Мику в небольшой комнате, похожей на приемную в больнице Барфорд-Норда, только здесь на стенах не было пятен сырости, а новенькая мебель сияла чистотой и белизной.

В комнате находилось двое людей, мужчина и женщина, оба были одеты в белые халаты. Они не поздоровались и не представились. Женщина подошла к Мике и без всяких объяснений надела ему на запястье желтый металлический браслет с выгравированным на нем пятизначным номером. Затем мужчина велел Мике встать в стеклянную кабину, похожую на кабинку душа, и Мика послушно повиновался. Раздалось слабое гудение, на задней стене кабины вспыхнул яркий белый луч, который двинулся сверху вниз вдоль спины Мики. Луч не причинял боли, но Мика чувствовал, как этот острый и горячий поток света насквозь пронзает его тело. После сканирования Мике велели помочиться в баночку, на выполнение этого задания у него ушла уйма времени. Мика слышал, как мужчина и женщина нетерпеливо меряют шагами коридор, но никак не мог заставить себя пописать; ему даже пришлось представить текущую из крана воду и бьющую в небо мощную струю фонтана.

Когда с анализом было покончено и пронумерованная баночка с мочой отправилась в холодильник, мужчина и женщина приступили к осмотру ног Мики; особенно их заинтересовали перепонки между пальцами. Мика лежал на железной кровати и смотрел в потолок, мужчина и женщина возбужденно перешептывались, разглядывая его ступни. Это оказалось даже более унижительным, чем необходимость написать в баночку. К тому моменту, когда совещание окончилось, на экране компьютера вращалась трехмерная модель перепончатых ног Мики.

— Это все? Я могу идти? — раздраженно спросил Мика, когда оба отошли от кровати и, с треском стянув резиновые перчатки, швырнули их в мусорное ведро.

— Нет, — сказала женщина. — Подожди пока.

Мужчина и женщина вышли из комнаты. Когда они открыли дверь, в комнату проскользнула Авен, собака Ловко тяпнула женщину за толстый зад и тут же растворилась в

воздухе. Однако Мика слышал, как Авен фыркает носом и громко цокает когтями по полу, бегая кругами по комнате, словно пытается отыскать что-то. Мика сидел на краю кровати, поглядывал на свои босые ступни и недоумевал, с чего это вдруг люди из КОРДа так заинтересовались его перепонками. Ведь эта незначительная мутация — сушая ерунда по сравнению с зубами Лары, похожими на гигантские зерна кукурузы, или полным отсутствием глаз у Одри. Однажды Мика слышал, как мама рассказывала о женщине, которая лежала с ней в одной палате в роддоме, так вот у той женщины родилась девочка, покрытая такой густой шерстью, что малышку пришлось побрить, прежде чем удалось определить ее пол.

Авен чихнула и, подбежав к Мике, ткнулась своим влажным носом ему в ногу.

В комнату вошел мужчина.

— Иди за мной, — сказал он.

Мика послушно двинулся вслед за мужчиной. Они прошли по длинному коридору, завернули за угол и вошли в полутемную комнату. Посредине комнаты стояло высокое кресло, похожее на кресло дантиста, но у этого приспособления, обтянутого черной кожей, на подлокотниках болтались широкие ремни с металлическими пряжками. При виде кресла Мику бросило в пот, он в нерешительности замер на пороге комнаты. От стены отделился еще один человек в белом халате и шагнул навстречу Мике.

— Привет, Мика, — ласково произнес он, — Расслабься. Тебе совершенно нечего бояться.

Ага, конечно, совсем нечего, подумал Мика, косясь на страшное кресло с ремнями. Интересно, что сказали бы родители, узнай они, что делают с их сыном. Наверное, мама и папа сейчас загорают на пляже, пьют коктейли и думают, что Мика тоже развлекается в игровом зале. Странную, однако, игру придумал для них КОРД.

— Мика, — обратился к нему человек в белом халате, — я хочу, чтобы ты лег в кресло и постарался расслабиться.

Мика забрался в кресло, но о том, чтобы расслабиться, не могло быть и речи: от страха у него одеревенели мышцы и свело шею.

«Элли, я делаю это ради тебя, — думал Мика, — Надеюсь, когда-нибудь ты оценишь мой подвиг».

— Ну же, расслабься, — сказал мужчина, видя перепуганное лицо Мики. — Ничего страшного с тобой не случится.

Мика сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться, но снова напрягся, как только руки мужчины коснулись его лба.

— Я собираюсь прикрепить к твоей голове несколько датчиков, — пояснил он, — Это совсем не больно. Сиди спокойно. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Мика, с трудом подавляя в себе желание содрать с головы холодные металлические пластины, выскочить из кресла и бежать без оглядки как можно дальше отсюда.

— Так, отлично. — Мужчина отступил на шаг назад и, склонив голову набок, полюбовался своей работой.

Мика видел болтающиеся пред глазами разноцветные провода. Мужчина отвел их в стороны так, чтобы провода не мешали Мике смотреть на экран, вмонтированный в потолок комнаты.

— А теперь я пристегну тебя ремнями, — сказал мужчина, — Не волнуйся, это для того, чтобы ты случайно не сдвинулся с места, и наши приборы могли четко фиксировать твой взгляд.

Ему стянули голову плотным ремнем, прикрутили к креслу запястья и лодыжки, а напоследок накинули на грудь еще один ремень.

— Не слишком туго? — заботливо поинтересовался мужчина. — Дышать можешь?

— Могу, — испуганно пискнул Мика.

Мика вспомнил, как в ночном кошмаре он точно так же, парализованный, лежал на

кровати, окруженный монстрами с квадратными головами-телевизорами, и беспомощно ждал, когда его сожрут.

— А сейчас я покажу тебе небольшой фильм, — сказал мужчина. — Как в кинотеатре, только без попкорна и колы.

Мика хотел сказать что-нибудь остроумное, вроде: «О, замечательно, обожаю кино» или «Надеюсь, я не видел его раньше», — но не смог выдавить ни слова. Он проглотил застрявший в горле ком и уставился в потолок, стараясь не обращать внимания на бешено колотящееся сердце. Мужчина направился к выходу, Мика хотел взглянуть ему вслед, но не смог пошелохнуться, голова была накрепко примотана к подголовнику кресла. Через минуту мужчина вернулся со шприцем в руке.

— Что это? — спросил Мика.

— Я сделаю тебе укол, — сказал мужчина. — Ты почувствуешь легкое пощипывание, но не беспокойся, это не причинит тебе вреда.

Прежде чем Мика успел раскрыть рот, он почувствовал, как игла проткнула кожу на руке. По телу пробежала волна тошнотворного холода, как будто кровь в жилах вдруг превратилась в лед. Рука онемела, холод поднимался все выше и выше, и вскоре Мика перестал чувствовать плечо и шею. На глаза навернулись слезы, Мика замер, охваченный паническим ужасом.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил мужчина.

— Отлично, — соврал Мика.

— Готов смотреть фильм?

— Да.

— Хорошо. Сейчас я тебя оставлю. Кино начнется через минуту.

Мужчина ушел, мягко закрыв за собой дверь. Раздался щелчок, экран над головой Мики ожил, и фильм начался. Вначале Мике казалось, что он видит обрывки чужих воспоминаний. Кадры на экране мелькали, как изображение в клипах: детский праздник, воздушные шары, бегущие по траве дети. Затем на экране по очереди появлялись: стадо антилоп, бредущее по выжженной солнцем равнине; мужчина и женщина, разрезающие высокий свадебный торт; младенец в коляске, укрытой пластиковым чехлом от дождя; серая бетонная стена, густо размалеванная картинками-граффити; длинный ряд картонных коробок с сухим молоком, выстроившихся на полке супермаркета; женщина, разрезающая кусок мяса на разделочной доске. Кадры мелькали все быстрее и быстрее, они перемешивались, превращаясь в бессмысленное нагромождение образов. Мика снова увидел играющих в саду детей, но на этот раз в центре лужайки возникла большая лохматая собака с оскаленной пастью и налитыми кровью глазами. Тонкая женская рука счищает кожуру с сочного апельсина, апельсин разваливается на дольки и становятся видны копошащиеся внутри жирные белые черви. Стройный парусник скользит по волнам на фоне заходящего солнца, Мика не сразу заметил, что на воде возле парусника покачивается кверху брюхом дохлая рыба. Маленький ребенок неловко шагает по дорожке, он падает на четвереньки, поднимается, в руке у него зажат большой черный пистолет, ребенок смеется и размахивает пистолетом. Образы становились все более и более неприятными, они вызывали страх и отвращение; скорость показа тоже нарастала, так что мозг отказывался воспринимать картинки. Мика хотел закрыть глаза, но обнаружил, что не может двигать веками. Кадры завертелись с бешеной скоростью, и вскоре Мика уже не успевал следить за ними. Изображение утратило смысл, но Мика точно знал, что ему показывают ужасные вещи, которых он не хочет видеть. Сердце рвалось из груди, он начал задыхаться. Мика попытался вырваться из своих оков — бесполезно, ремни крепко стягивали руки и ноги. Он вынужден был досмотреть фильм до конца. Наконец экран погас, мужчина вернулся в комнату и склонился над Микой.

— Отлично, молодец, — сказал он.

— Развяжите меня, — безжизненным голосом попросил Мика.

— Да-да, конечно. — Мужчина взялся за ремни. Пока он развязывал их, на его лице

играла довольная улыбка.

— Я могу идти? — спросил Мика.

— Да, возвращайся на пляж, там тебя ждет отличное барбекю.

— Сколько сейчас времени? — спросил Мика.

— Шесть часов, — ответил мужчина.

— Сколько я здесь нахожусь?

— Часа три-четыре, — неопределенно ответил мужчина, — Время пробежало незаметно, да?

— Да, — согласился Мика.

Его вдруг охватила паника: что за опыты над ним проводят? Они залезли ему в мозги. Что им удалось вывести? Знают ли они об истинных намерениях Мики и о том, какие подозрения мучают его последние месяцы? От страха ноги у Мики сделались ватными, он с трудом выбрался из кресла.

— С тобой все в порядке? — спросил мужчина. — Как ты себя чувствуешь?

Он пристально вглядывался в лицо Мики.

— Усталым, — сказал Мика, стараясь не встречаться взглядом со своим мучителем.

— Ничего страшного, скоро пройдет, — успокоил Мiku мужчина. — Наш сотрудник проводит тебя обратно в кафе, там тебя ждет твоя подружка, а потом вы пойдете на пляж, к родителям. Но, прежде чем ты уйдешь, я хочу, чтобы ты пообещал мне кое-что.

— Что? — насторожился Мика.

— Ты скажешь своим родителям, что вы играли в пазлы. Хорошо?

— Хорошо.

— Завтра мы проведем еще один тест, — продолжил мужчина. — Наш сотрудник зайдет за тобой после завтрака. И не забудь, ты должен сказать родителям, что играл в пазлы.

— Не забуду, — кивнул Мика.

— Вот и хорошо. До свидания. Приятного отдыха.

Мика вернулся в кафе. Шагая по дорожке рядом с охранником, он был почти уверен, что с минуты на минуту из лаборатории выскочат люди в белых халатах и бросятся за ними вдогонку, потому что, рассмотрев результаты теста, они обнаружили в голове Мики подозрительные мысли. Горячее солнце, далекий шум моря, покачивающиеся на ветру пальмы — вся эта красота наполняла сердце Мики почти мистическим ужасом. Он почувствовал облегчение, когда, войдя в кафе, увидел сидевшую за столом Одри.

Она пила апельсиновый сок из высокого стакана, в котором плавали маленькие пластмассовые рыбки; стоило Одри потянуть сок через соломинку, как рыбки начинали метаться по дну стакана. Они обменялись взглядами, в которых стоял ужас от того, что им пришлось пережить за эти несколько часов. Однако ни Одри, ни Мика ни обмолвились ни словом. Кругом было полно людей в униформе КОРДа, один из сотрудников даже настоял на том, чтобы проводить их до пляжа, хотя вдоль дорожки были установлены большие красные стрелки-указатели с надписью «ПЛЯЖ».

Широкая дорожка была посыпана мелким белым песком, красноватые лучи вечернего солнца, словно языки угасающего пламени, просачивались сквозь листву деревьев. Одри и Мика сняли сандалии и пошли босиком по песку. Впервые за время их знакомства Одри увидела перепончатые ступни Мики.

— А-а, так ты мутант, — улыбнулась Одри.

— Ага, урод с лягушачьими лапами, — сказал Мика. — По крайней мере так называет меня Рубен.

— Очень мило. Интересно, как он называет меня?

— Волчьи глаза, — сказал Мика. При упоминании имени Рубена Снайта его лицо помрачнело.

Глаза Одри блеснули зеленым огнем — видимо, она пыталась понять, нравится ли ей это прозвище. В конце концов Одри пожала плечами и улыбнулась.

— Что ж, хорошее прозвище, мне нравится, — сказала она.

— Мне тоже, — признался Мика. — Оно тебе подходит.

Они двинулись по пляжу, высматривая своих родителей. Веселый Болванщик оказался прав, «Мир Карибского моря» действительно был райским уголком: чистый белый песок, прозрачное море цвета сапфира, окруженное широкой дугой пляжа; аккуратные домики с тростниковыми крышами, качающиеся на ветру пальмы и идеально ровные кусты вдоль выложенных плиткой дорожек. Официанты ходили по пляжу среди отдыхающих, наполняя коктейлями быстро пустеющие стаканы. Мика увидел своих родителей — Аша лежала в шезлонге, рядом на низкой скамеечке сидела девушка, склонившись над рукой Аши, и делала ей маникюр. Впервые с тех пор, как исчезла Элли, Мика видел маму и папу такими счастливыми.

— Ты как раз вовремя, мясо почти готово, — воскликнул Дэвид, поднимая бокал с шампанским в знак приветствия. — Меня назначили шеф-поваром, — Дэвид хлопотал возле жаровни в шортах и бейсболке, лихо надетой задом наперед, — Чем вы занимались? — спросил он.

— Играли в пазлы, — сказал Мика, отводя глаза в сторону.

— У тебя усталый вид, — заметила Аша.

— Да, игра была трудная.

— Ничего, зато теперь можно расслабиться, — улыбнулся Дэвид. — Если хочешь, можешь помочь. Доставай посуду, там в корзинке.

— Ладно. — Мика потупился, чувствуя себя виноватым. Он не любил врать родителям, особенно противно это было сейчас, когда мама и папа выглядели такими счастливыми.

Маникюрша закончила свою работу, собрала инструменты и ушла.

— Смотрите! — Аша вытянула вперед руку и растопырила пальцы: на каждом ногте была нарисована изящная пальмовая веточка.

— Обалдеть, — расплылся в улыбке Мика.

— Кошмар, правда? — рассмеялась Аша. — Я хотела что-нибудь менее претенциозное, но маникюрша сказала, что может сделать только пальмовую ветку, попугая или кокосовый орех. Мне стало жаль бедняжку, и я согласилась на пальму. Но все равно, приятно, когда вокруг тебя суеются и стараются угодить. — Аша откинулась в шезлонге и закрыла глаза. — Поверить не могу, Мика, ты выиграл путевку к морю. — Аша вздохнула. — Мне кажется, я попала в рай.

* * *

Аша показала Мике отведенный им домик, он оказался просторным и удобным. Пока искусственное солнце медленно сползало за горизонт, а Дэвид возился возле жаровни, Мика решил искупаться. Он нырял раз за разом, пытаясь как можно дольше продержаться под водой, пока легкие не начинали разрываться от нехватки кислорода. Только находясь на глубине, он чувствовал себя в относительной безопасности. Еще днем Мика заметил укрепленные на пальмах камеры и теперь боялся, что наблюдавшие за ними люди прочтут его мысли. Мика видел, как у кромки моря появилась одинокая фигура Одри, она бродила по пляжу с таким видом, словно хотела о чем-то поговорить с ним. Но Мика не стал выходить на берег. Да и что он мог сказать ей? То, что происходило с ними, было слишком непонятным, чтобы обсуждать это.

Когда совсем стемнело, Мика вернулся к домику. Они с родителями поужинали, устроившись в шезлонгах под пальмами. Ночь была великолепна, на деревьях зажглись маленькие разноцветные фонарики, в высоком черном небе мерцали звезды. Легкий ветерок шелестел листвой, повсюду были слышны веселые голоса и взрывы беззаботного смеха. Все вокруг дышало миром и спокойствием, но сквозь ароматы тропической ночи и сладковатый дым жаровен до Мики доносился другой запах — запах опасности, словно позади их уютного домика лежала куча гниющих отходов.

ГЛАВА 23

Чудеса

Первое, что услышал Мика, проснувшись на следующее утро, был голос мамы — Аша пела на кухне. Мика вылез из постели и, шлепая босыми ногами по теплым доскам пола, отправился на кухню. Мама готовила завтрак, весело порхая между плитой и столом. Она убрала волосы назад и слегка перехватила их лентой на затылке; выбившиеся пряди покачивались при каждом движении Аши, образуя вокруг ее головы сияющее золотистое облако. Светлая просторная кухня была больше, чем вся их квартира-раскладушка в Барфорд-Норде. На стенах висело множество шкафов, шкафчиков и полок, Аша со смехом сказала, что выбилась из сил, обследуя их. На столе стояла очередная корзина с продуктами, даже более вместительная, чем та, которую им вручили накануне. В кухне аппетитно пахло свежим кофе и фруктами.

— Завтрак почти готов, — сказала Аша. — Съешь пока банан. Думаю, тебе понравится.

Мика никогда в жизни не пробовал бананов. Он оторвал от связки один банан и смело впился в него зубами.

— Фу-у, гадость какая! — скривился Мика. Банан оказался жестким и горьким.

— Глупый, сначала надо снять кожуру, — рассмеялась Аша. — Давай покажу. Вот так. Съешь половину, а вторую половину я положу в оладьи. О, нет, ешь весь! Там в корзине еще целая связка. Все время забываю, что мы не дома. Столько еды, и вся настоящая! Надо будет взять немного с собой — угостить соседей. Иди, погуляй пока, а я сейчас быстренько испеку оладьи.

Мика вышел из домика, сбежал по ступенькам крыльца и оказался на пляже. Одри вместе с мамой и тетей уже были на месте. Одри сидела на краю шезлонга, зарывшись ступнями в песок, и задумчиво смотрела на море. Сегодня она выглядела намного бодрее, чем накануне. В руке Одри сжимала надкусанное яблоко.

— Смотри, какая красота, — сказала она, указывая подбородком на сверкающее на солнце море.

— Да, — согласился Мика, наблюдая за волнами, которые мягко плескались о песчаный берег.

— Нет, ты только подумай, — продолжила Одри, — какими счастливыми были когда-то люди. Они могли совершенно бесплатно любоваться этой красотой, и, главное, все это было *настоящим*.

Не успели Мика и Одри закончить завтрак, как прибыл человек в форме КОРДа, чтобы забрать их с собой. Мика обратил внимание, что все охранники Комитета были на одно лицо: лысые, широкоплечие, с хмурыми лицами и огромными животами, которые вываливались из туго перетянутых ремнем брюк. Казалось, приди один такой охранник вместо своего напарника-близнеца к нему домой, жена не заметит подмены. Человек, явившийся за Одри и Мики, явно страдал от жары в своей темно-синей форменной рубаше и галстук, который сдавливал его красную бычью шею. Он брел по пляжу, с трудом вытягивая из песка ноги в модных лакированных ботинках. Одри прыснула от смеха.

— Бедолага, могли бы, по крайней мере, разрешить им носить шорты и шлепанцы, — заметила Юна, издали наблюдавшая за ковыляющим по пляжу охранником.

Мика и Одри надели сандалии, попрощались с родителями и отправились вслед за охранником. Они снова прошли по дорожке вдоль аккуратно подстриженных миртовых кустов, миновали железные ворота с колючей проволокой и подошли к приземистому зданию с белыми стенами и зеркальными окнами, в которых отражались небо и пальмы. При виде знакомого здания оба вздрогнули, вспомнив вчерашнее черное кресло с кожаными ремнями.

В вестибюле их сразу же развели по разным комнатам. На этот раз комнаты были совсем маленькими, со светлыми крашеными стенами, столом и двумя пластмассовыми стульями; на одном из стульев сидел человек в белом халате.

— Доброе утро, Мика, — вежливо поздоровался он.

Мика решил, что сегодняшний доктор намного симпатичнее вчерашнего садиста-киномеханика. По крайней мере умнее, о чем свидетельствовали широкие залысины у него на лбу — результат напряженной умственной деятельности, определил Мика, — и ясные серые глаза, которые внимательно смотрели на собеседника.

— Пожалуйста, присаживайся, — симпатичный доктор показал на свободный стул.

Мика сел.

На столе перед доктором лежал кусок белого мрамора. Интересно, зачем, подумал Мика.

— Ты принимал порошок из ампул, которые мы тебе дали? — спросил доктор.

Мика кивнул.

Доктор сделал пометку в своем блокноте. Мика попытался издали разглядеть, что он там написал, но не смог — доктор сидел слишком далеко, по другую сторону довольно широкого стола.

— После того как ты начал принимать порошок, за метил какие-нибудь изменения, со зрением например?

— Да. Я вижу светящийся след, который остается за людьми и предметами, когда они движутся. Люди светятся золотым, предметы голубым светом.

— Очень хорошо, — Доктор снова сделал пометку в блокноте.

Вопросы теснились в голове Мики, но он понимал, что должен быть предельно осторожен. Однако желание выяснить, что все это означает, оказалось сильнее.

— А другие люди тоже видят свечение? — ерзая на стуле, спросил Мика.

— Кое-кто видит, но очень немногие, — сказал доктор.

— Почему?

— Ну, просто не могут, и все, — уклончиво ответил доктор. — Но мы здесь не для того, чтобы обсуждать способности других людей. Давай лучше поговорим о тебе.

— Извините. — Мика обмяк на стуле. — А что это за свечение?

— Энергия, — сказал доктор. — Все люди и предметы излучают энергию, просто раньше ты этого не видел.

— А-а, я так и думал.

Доктор взял кусок мрамора и помахал им перед носом Мики.

— Что ты видишь? — спросил он.

— Золотистую ауру вокруг вашей руки и голубую вокруг камня, — сказал Мика.

— Отлично. — Доктор сделал пометку у себя в блокноте. — А теперь попробуем вот так. — Он положил мрамор на середину стола. — Посмотри на него внимательно и скажи, что ты видишь.

Мика уставился на кусок белого камня. Он смотрел до тех пор, пока у него не начали слезиться глаза. Доктор снова спросил Мiku, видит ли он что-нибудь.

— Нет, — разочарованно ответил Мика. — У меня глаза слезятся, и все расплывается.

— Ладно, попробуй еще раз. Но постарайся расслабиться. Не нужно вглядываться в мрамор, просто смотри на него. Давай, успокойся, сделай глубокий вдох, и вперед.

Мика кивнул и снова взглянул на мрамор, пытаясь не думать о том, что должен увидеть нечто необычное. Он не хотел испортить эксперимент доктора. На этот раз Мика увидел слабое голубоватое свечение в самом центре белого камня. До сих пор свечение вокруг неподвижных объектов Мика видел только во сне, когда к нему приходила Авен, и еще один раз; когда в комнату залетела маленькая золотистая птичка.

— Я вижу! — воскликнул Мика.

— Что ты видишь?

— Голубой свет в центре мрамора.

— Отлично, Мика, просто отлично. Это именно то, что мы ожидали. — Доктор принялся что-то лихорадочно писать в своем блокноте. Мика наблюдал за ним, чувствуя растущее внутри возбуждение.

— А теперь я хочу, чтобы ты сделал еще одну вещь, — сказал доктор, пристально вглядываясь в лицо Мики, — Смотри на мрамор до тех пор, пока снова не увидишь свечение, а затем попробуй взглядом сдвинуть камень с места — так, как если бы ты толкал его пальцем. Понятно?

— Вы хотите, чтобы я подвинул мрамор при помощи взгляда? — с недоумением повторил Мика.

— Да.

— Но это невозможно.

— Возможно, Мика, возможно, — закивал головой доктор. — Хотя и непросто. Порошок, который ты принимал, поможет тебе сделать это. Очень немногие люди способны на такое. Но я верю, что ты один из них. Ты должен быть спокоен, но в то же время сосредоточен. Постарайся не волноваться и не думать о посторонних предметах. Хорошо?

— Хорошо, — пожал плечами Мика.

— Ну, давай.

Мика взглянул на мрамор. Первые несколько секунд он не мог сосредоточиться. Вопросы, один нелепее другого, вертелись у него в голове, и Мике пришлось усилием воли заставить себя думать о задании доктора. Прошло целых тридцать секунд, прежде чем он снова увидел голубоватое свечение внутри камня. Мика так обрадовался, что тут же потерял концентрацию, свет погас.

— Извините. — Мика вскинул глаза на доктора, — Я отвлекся.

— Ничего. Попробуй еще раз.

Доктор сложил руки на груди и откинулся на спинку стула. Расстояние между ним и Микой несколько увеличилось, в результате он как бы исчез из поля зрения Мики. Мика попытался забыть о присутствии доктора и о том, что сам является частью эксперимента. Это помогло, внутри камня снова возникло голубое свечение, и Мика попробовал слегка подвинуть мрамор к кромке стола. Он почувствовал ноющую боль в затылке, от напряжения в глазах начало двоиться, голубое свечение поблекло. Однако Мика заставил себя не думать о боли, и свет вспыхнул с новой силой. В течение минуты Мика пристально смотрел на мерцающую голубую точку в глубине камня. Неожиданно он почувствовал странное напряжение, которое шло от середины лба к белому куску мрамора, словно между ним и камнем протянулась невидимая нить, секунда — и мрамор медленно пополз по столу. Мика вздрогнул и задохнулся, пораженный тем, что сам только что сделал. Он вскинул глаза на доктора, невидимая связь между ним и камнем исчезла.

— Молодец! — Доктор расплылся в улыбке. Мика смотрел, как он что-то быстро пишет в своем блокноте. — Как ты относишься к нашему соревнованию? — серьезно спросил доктор. — Не жалеешь, что принял участие?

Мика на мгновение задумался, не желая сказать что-нибудь опрометчивое.

— Я боюсь, — наконец произнес он.

— Почему? — спросил доктор. — Тебя пугает то, что ты только что сделал?

— Нет. Я боюсь проиграть.

— А какой приз тебе хочется получить? Квартиру в Золотых Башнях или полет на настоящем истребителе?

— Оба, — заявил Мика. — Квартиру для родителей и полет для себя.

— Хорошо, — кивнул доктор и что-то нацарапал в своем блокноте. — А теперь слушай внимательно. Ты никому не должен рассказывать о том, что произошло в этой комнате. Понимаешь? Ни родителям, ни друзьям — никому.

— Да, я понимаю.

— А раньше ты говорил кому-нибудь о том, что видишь свечение?

— Нет. Ой, вообще-то говорил, один раз, женщине из медпункта... Ну тогда, в спортивном лагере, когда я потерял сознание.

— Ничего, это не страшно, — закивал головой доктор. — Но больше никому не говори. Сегодня снова скажешь родителям, что играл в пазлы. Понял?

— Да.

— Хорошо. Запомни, сегодняшний тест — очень важная часть соревнований. Если хочешь выиграть главный приз, ты должен держать язык за зубами. А теперь подпиши вот здесь и можешь идти.

Доктор подвинул Мике листок бумаги с отпечатанным на нем текстом.

— Что это? — спросил Мика, разглядывая документ и пунктирную линию внизу листа, где следовало поставить подпись.

— Секретное соглашение, — пояснил доктор. — Мы должны быть уверены, что ты сдержишь слово и никому ничего не расскажешь.

Мика подписал документ — у него было такое чувство, что он подписывает его собственной кровью. Доктор пододвинул к себе листок и взглянул на подпись.

— Отлично, — сказал он, не глядя на Мику. — Ну вот, самая трудная часть позади. До конца недели будете учиться играть в новую игру. Соревнование в субботу. Отдыхай, развлекайся, это очень интересная игра, тебе понравится. Молодец, Мика, — улыбнулся доктор. — Ты очень хорошо справился с первым заданием. Просто молодец!

Мика прошел через железные ворота и побрел домой. Он шел, увязая в песке и почти не глядя по сторонам. Добравшись до своего домика, Мика скинул одежду и помчался к морю — он боялся, что сойдет с ума, если еще хотя бы секунду пробудет на берегу.

Что с ним произошло в этой странной белой комнате? Он действительно сдвинул взглядом предмет? Это было настолько невероятно, что просто не могло быть правдой. Чудо, да и только! Но, тем не менее, Мика прекрасно помнил и тупую боль в затылке, и слезящиеся глаза, и то потрясение, которое он испытал, когда камень медленно пополз по столу. Мика чувствовал восторг и ужас одновременно. Как будто внутри него поселился другой человек; у них было одно тело, они вместе шагали по пляжу, но при этом были совершенно не знакомы друг с другом.

Когда Мика в десятый раз вынырнул на поверхность, он обнаружил рядом с собой Одри. Они молча поплыли вперед, подальше от берега. Зеленые глаза Одри потемнели, в них стоял страх.

— Сегодня я сдвинула взглядом предмет, — прошептала она. — А ты?

Мика молча кивнул. Оба невольно покосились на берег.

— Мне это не нравится, — шепнула Одри. — Сначала было интересно, но теперь я боюсь. Как думаешь, что им от нас нужно?

— Не знаю, — сказал Мика, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

— Они наблюдают за нами, — прошептала Одри. — Я видела камеры на деревьях.

— Знаю, — буркнул Мика. Он оглянулся назад, даже несмотря на то, что они довольно далеко отплыли от берега, Мика не был уверен, что их не подслушивают.

— Поплыли обратно, — сказал он. — Думаю, нам не стоит обсуждать такие вещи. Это небезопасно.

ГЛАВА 24

Игры на воде

Следующие два дня были похожи на настоящие каникулы. Утром сразу после завтрака всех участников соревнования собрали в кафе, разделили на пять команд и, рассадив по лодкам, вывезли в открытое море. Там они плавали наперегонки, затем учились играть в водное поло и нырять за ракушками. Глубина моря составляла всего шесть метров, солнечные лучи пронизывали воду насквозь, и поэтому даже на дне было светло. Когда Мика первый раз нырнул с лодки и увидел под собой коралловый риф, он был поражен его красотой. Заросли кораллов были заселены искусственными рыбами всевозможных форм, цветов и размеров. Повсюду, куда ни глянь, кипела жизнь. Для мальчика, который всю жизнь считал, что черный цвет и затхлый запах и есть естественное состояние воды, подобная красота оказалась чудом. Мике все время приходилось напоминать самому себе, что это

всего лишь декорация, что внутри искусственных рыб находятся батарейки, что кораллы сделаны из разноцветной пластмассы и что в воду добавляют специальные красители, отчего она приобретает насыщенный голубой цвет, поэтому инструктор строго-настрого запретил им пить морскую воду. Камеры видеонаблюдения были установлены на борту лодки, среди кораллов и на дне моря; Мика даже заметил глазок камеры, вмонтированной в крышку корзины, в которой им приносили завтрак. Но так же, как в Барфорд-Норде, приходя в игровой зал, Мика привык не обращать внимания на зеркала, за которыми притаились люди, так и здесь он старательно делал вид, что ничего не замечает.

Участников соревнования разделили на группы по двадцать человек и разместили на пяти больших рыбацких лодках с мощными моторами. Их не спеша провезли вдоль пляжа, где загорали родители, затем лодки развернулись и двинулись в открытое море. Вскоре впереди показалась поднимающаяся из воды высокая каменная гряда, лодки причалили к ней с разных сторон и встали на якорь. Инструктор собрал всех на палубе и начал давать указания. Инструктора, который занимался с командой Мики и Одри, звали Джастин. Это был серьезный мужчина средних лет; к счастью, он оказался не таким противным и злым, как мистер Блайт. В отличие от учителя физкультуры, Джастин иногда улыбался и очень внимательно выслушивал все их вопросы.

На третий день тренировок перед самым отплытием лодки на причал принесли несколько длинных черных ящиков; их подняли на борт и аккуратно разместили вдоль палубы. После того как они вышли в открытое море и встали на якорь, Джастин открыл один из ящиков и достал из него какой-то необычный предмет.

— Это подводное ружье, — сказал Джастин, расхаживая перед выстроившимися на палубе подростками. — Стреляет гарпунами с легкими титановыми наконечниками; каждое ружье рассчитано на тридцать выстрелов, дальность выстрела под водой составляет пятьдесят метров.

Подводное ружье выглядело серьезным и опасным оружием, оно вызвало живой интерес у участников соревнования, дети начали возбужденно перешептываться.

— Думаю, нет необходимости объяснять, что это не игрушка, — продолжил Джастин. — Если во время тренировок я замечу, что кто-то балуется с оружием, немедленно отправлю на берег к родителям. А сейчас перейдем к делу. Полагаю, вам уже давно надоело нырять за ракушками. Верно?

Дети дружно закивали головами, жадно поглядывая на оружие.

— Отлично. Кроме того, я научу вас нырять с аквалангом, чтобы к субботе, когда начнутся соревнования, вы могли достойно сразиться друг с другом, применив на практике все свои знания.

Ребят разделили на более мелкие команды — по четыре человека в каждой. Сначала Джастин показал, как обращаться с аквалангом, как правильно закрепить ремни и как надеть маску. В течение нескольких часов они изучали каждую деталь акваланга, учились дышать и общаться под водой через переговорные устройства, установленные внутри маски. Маска полностью закрывала лицо, и когда Мики надел ее, то с радостью обнаружил перекрестье прицела и привычные виртуальные кнопки, похожие на те, что появлялись на щитке шлема, который он опускал на глаза во время игры на авиатренажере — кнопки точно так же активировались при помощи взгляда.

— Постарайся почувствовать вес оружия, — сказал Джастин, передавая Мике ружье. Оно оказалось на удивление легким. — И вес гарпуна. — Он забрал у Мики ружье и вложил ему в руку гарпун с титановым наконечником. Мике казалось, что у него вообще ничего нет в руках. Он покатай гарпун на ладони и коснулся пальцем остро заточенного наконечника.

— Так, а теперь смотри. — Джастин взял у Мики гарпун, заложил его в ствол ружья и слегка надавил. Раздался щелчок, гарпун полностью ушел внутрь ствола. Затем инструктор нажал несколько кнопок на панели управления, расположенной на рукоятке ружья, прицелился в серую скалу неподалеку от лодки и выстрелил. Гарпун вошел в камень, словно горячий нож в масло.

— Неплохо, да?

Мика кивнул.

— Теперь возьми ружье, — сказал Джастин, — и ощупай его с закрытыми глазами. Когда ты находишься под водой, да еще в маске, твой обзор ограничен, поэтому надо научиться действовать на ощупь. Потренируйся вслепую заряжать и разряжать ружье, запомни, где находятся кнопки на панели управления. Используй прицел, который видишь на стекле маски, а остальное пускай делают твои руки.

Джастин наблюдал за тем, как Мика осторожно ощупывает ружье.

— И будь осторожен. Помни, что, пока ты находишься на суше, ружье всегда должно стоять на предохранителе. Только после того, как вы спуститесь на дно моря, где установлены специальные мишени, вам разрешается стрелять.

— Хорошо, я все понял, — кивнул Мика.

Помощники Джастина надели акваланги и отправились на дно моря устанавливать мишени. Когда они вынырнули на поверхность, Джастин велел участникам соревнования спуститься вниз и занять огневые позиции, помеченные красными крестами. Двадцать крестов находились на расстоянии пяти метров друг от друга, впереди в двадцати метрах от огневого рубежа были установлены мишени, в центре мишени находился маленький красный кружок.

Стрелков расставили по местам. Когда все были готовы, Джастин разрешил снять оружие с предохранителя и начать стрельбу. В распоряжении каждого участника имелось по тридцать гарпунов; первый, кто попадет в красный круг, получал специальный поощрительный приз. Мика сделал первый выстрел и промазал — гарпун прошел примерно в метре от мишени. Не успел он перезарядить ружье, как в наушниках раздался голос Джастина: «Молодец, Одри, ты только что выиграла двести фунтов. Кредитная карта ждет тебя на берегу».

* * *

— Двести фунтов! — воскликнула Юна, когда Одри протянула ей кредитку. — Что же нужно было сделать, чтобы выиграть такие деньги?

— Спуститься под воду и попасть по мишени, — сказала Одри, ее зеленые глаза сияли от восторга. — Я справилась с заданием первая и получила приз.

— По какой мишени? Чем попасть? — удивилась Юна.

— Гарпуном с титановым наконечником, — пояснила Одри. — Мы стреляли по мишеням из подводного ружья.

— Не может быть, — ужаснулась Таша. — Вы стреляли из подводного ружья? Ты же говорила, что вы ныряете за ракушками?

— Два дня назад ныряли, а теперь нас учат стрелять из ружей, — рассмеялась Одри. — Но ты не волнуйся, с нами занимается настоящий военный инструктор.

— Ничего не понимаю, — нахмурилась Юна. — Ты хочешь сказать, что военный инструктор учит двенадцатилетних детей стрелять из подводного ружья гарпунами с титановыми наконечниками?

— Ну, мам, не преувеличивай, — Одри устало закатила глаза. — Мы просто играем. Они сказали, что, если мы не будем стараться, нас отправят на берег. Не бойся, это совсем не опасно. Даже забавно.

ГЛАВА 25

Искусственная рыба и барбекю

— Итак, приступим, — сказал Джастин, откидывая крышку длинного черного ящика, в котором хранились ружья. — Вы уже научились стрелять по неподвижным мишеням. Сегодня мы попробуем кое-что новое.

Джастин открыл другой ящик и обеими руками достал из него какой-то продолговатый предмет-.

— Вот ваша новая мишень.

Мишенью оказалась серебристая рыба около тридцати сантиметров в длину.

— Что это, по-вашему, такое? — спросил Джастин, поднимая рыбу повыше, чтобы все игроки могли рассмотреть ее.

— Искусственная рыба, — выкрикнул кто-то.

— Верно, — кивнул Джастин. — Но эта рыба совсем не похожа на тех рыбок, которых вы видели среди кораллов, да и остальным зверюшкам, вроде искусственных крабов и попугаев, до нее далеко. Данная рыба представляет собой сложнейшее электронное устройство. Она *считает* себя живой рыбой и ведет себя как живая рыба, но и это еще не все — наша рыба может сообщить нам, кто из стрелков подбил ее и с какого расстояния. Хотя я буду искренне удивлен, если кому-то из вас удастся попасть в нее. Это дьявол, а не рыба, подстрелить ее очень непросто.

Джастин передал рыбу Мике, он осторожно принял ее. Рыба оказалась тяжелой, Мика с трудом удерживал ее на вытянутых руках. У рыбы был устрашающий вид: на спине топорщился высокий, похожий на раскрытый веер плавник, такие же плавники висели под брюхом, толстогубый рот был полон острых зубов, красные выпуклые глаза рыбы горели кровавым огнем.

— Смотри, — Джастин достал из кармана пульт управления и нажал на кнопку.

Внезапно рыба ожила и забилась в руках Мики. Он почувствовал резкую боль и разжал пальцы, рыба плюхнулась на палубу. Выгибаясь всем телом и широко разевая рот, как будто ей не хватало воздуха, рыба запрыгала по доскам. Джастин поймал ее за хвост и швырнул за борт. Раздался громкий всплеск. Мика посасывал проколотый палец, бормоча себе под нос тихие проклятия.

— Ну вот, — усмехнулся Джастин, — рыбка в море, теперь очередь за вами. Надевайте акваланги и вперед. Внизу мой помощник расставит вас на огневом рубеже.

Участники соревнования быстро надели акваланги и один за другим попрыгали за борт. На этот раз метки на огневом рубеже выглядели несколько иначе: вместо крестов позиция каждого игрока была обозначена большой красной стрелкой, острие которой указывало в направлении каменной гряды. Метка Мики оказалась рядом с меткой Одри. Остальные игроки тоже заняли свои места и замерли в ожидании команды инструктора.

— Итак, внимание, — раздался в наушниках строгий голос помощника Джастина. — Все готовы? Убедитесь, что стоите точно на своей метке, лицом к камням. Вы можете целиться только в том направлении, куда указывает стрелка. Когда увидите рыбу, стреляйте.

Мика на ощупь снял ружье с предохранителя и пробежал пальцами по панели управления, вспоминая расположение кнопок. Взглянув на значок в левом верхнем углу маски, он активировал дисплей — на стекле появилась разметка в виде зеленой светящейся сетки и красное перекрестье прицела. Мика сосредоточенно уставился на подводную скалу, ожидая появления рыбы. Он заметил, как из-под камня выполз краб, он двигался по дну, поднимая мутные песчаные облачка; кое-где покачивались пучки водорослей, напоминавшие зеленые волосы русалки, солнечные лучи пронизывали воду насквозь, на песчаном дне и на скалах дрожали неровные пятна света. Мике показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он заметил мелькнувшую между камнями серебристую чешую. Рыба неслась со скоростью торпеды, вибрируя всем телом и кидаясь из стороны в сторону. Вода буквально закипела, когда стоявшие на изготовку стрелки разом вскинули ружья и выстрелили, двадцать гарпунов прошили воду, оставляя за собой вереницу белых пузырей и светящийся голубой след. Постепенно вода успокоилась, но рыбы нигде не было видно.

— Мика, ты промазал, — раздался в наушниках голос инструктора, — Жди, когда рыба появится снова.

Мгновение спустя рыба действительно вынырнула из-за скалы и принялась игриво кружить над самым дном, словно насмехаясь над незадачливыми охотниками. Каждый раз,

когда рыба попадала в полосу света, ее чешуя вспыхивала на солнце серебристым огнем. Вода вокруг снова закипела, несколько гарпунов вонзились в скалу позади рыбы, однако на этот раз Мика решил не спешить и, хорошенько прицелившись, бить наверняка. Но, прежде чем он успел навести на рыбу перекрестье прицела, она неожиданно дернулась всем телом, затем обмякла и плавно опустилась на дно. Чей-то гарпун пробил рыбу насквозь.

— Молодец, Одри, отличный выстрел, — услышал Мика голос инструктора.

Мика видел, как инструктор подплыл к рыбе и поднял ее со дна. Впервые с момента начала тренировок под водой Мике пришло в голову, что дело может обернуться не совсем так, как ему хотелось. А что, если Одри преодолеет испытания финального раунда и получит главный приз, а он останется ни с чем? Конечно, иначе и быть не может, он никудышный стрелок и наверняка проиграет. А это означает, что ему никогда не удастся разыскать сестру.

— С тобой все в порядке? — спросила Одри, когда они шагали по пляжу, возвращаясь домой после тренировки, — Ты только что испортил женщине прическу.

— Ой, извините. — Мика обернулся и встретился с грозным взглядом пожилой леди, которая загорала, разметав по песку свои длинные, выкрашенные в модный фиолетовый цвет волосы, на них-то и наступил Мика.

Вечером Мика вместе с родителями и семьей Одри, которых Дэвид пригласил на очередное барбекю, ужинал в саду перед домом. И хотя уже было довольно поздно, отовсюду доносились веселые голоса людей, звон бокалов и запах жареного мяса. Похоже, все вокруг были счастливы, один Мика пребывал в мрачном расположении духа, всеобщее веселье действовало ему на нервы.

— Я помню такие же чудесные вечера, когда мы ездили отдыхать на море, — сказал Дэвид, накладывая себе на тарелку новую порцию соевого мяса. — Но это было в те времена, когда мы ели натуральные продукты.

— Поверить не могу, — скривился Мика, — чтобы люди *ели* животных. Как можно, взять живое существо, убить и разделить на котлеты!

— И тем не менее, — вздохнула Аша. — Я понимаю, это звучит странно, особенно теперь, когда на земле больше нет животных. Но если бы ты родился лет на сорок раньше, ты с удовольствием ел бы настоящее мясо.

— Нет, — упрямо замотал головой Мика. — Я *ни за что* не стал бы есть животных. Это просто варварство какое-то.

Мика вскочил со стула и, прихватив с собой большой ломоть хлеба, уселся на трапу вдали от всех. Аша и Дэвид переглянулись, не понимая причину внезапного гнева сына.

Ужин закончился в полном молчании. Мика дожевал свой хлеб и, поднявшись с травы, отправился к морю. Вскоре к нему присоединилась Одри. Они сидели на песке, смотрели на ночное море и отщипывали ягодки винограда от большой кисти, которую Одри прихватила с собой.

Минут через десять Одри решила нарушить молчание.

— У тебя все хорошо получается, ты справишься, — сказала она.

— Нет, я ни на что не годюсь.

— Если бы ты ни на что не годился, ты не был бы здесь, — резонно заметала Одри. — Просто у тебя сегодня неважное настроение. Ничего, это пройдет.

— Угу, — сердито буркнул Мика.

— Ты лучше взгляни на звезды, — мечтательным голосом начала Одри. — Красота какая, правда? Интересно, они расположены так же, как настоящие?

— Нет, — отрезал Мика, — Видишь, через одинаковые промежутки рисунок повторяется, здесь, и здесь, и дальше то же самое.

— Да, — вздохнула Одри, — Жаль. Но все равно они очень красивые.

— Они искусственные, — раздраженным голосом заявил Мика, — Здесь все ненастоящее.

— Я настоящая, — мягко заметила Одри. — Кроме глаз, конечно.

Мика не видел в темноте лица Одри, но по голосу чувствовал, что она улыбается. Он

вдруг подумал, что весь вечер вел себя как последний хам, а Одри, несмотря на его грубость, по-прежнему терпеливо разговаривает с ним.

— Я очень рад, что ты... что мы с тобой познакомились, — сказал Мика.

— Неужели? — усмехнулась Одри.

— Конечно, балда ты этакая, — рассмеялся Мика.

Он отщипнул виноградину и попытался издали закинуть ее в рот Одри, но промахнулся; ягода стукнула Одри по носу и упала на песок. Одри со смехом принялась шарить по песку в поисках ягоды, но вдруг насторожилась и замерла. Оба обернулись и заметили приближающееся к ним пятно света.

— Кто это? — прошептала Одри.

Мика почувствовал, как у него по спине пробежал холодок. Человек излучал ярко-красное сияние. Никогда прежде Мике не приходилось видеть ничего подобного.

— Рубен! — шепотом воскликнула Одри. Ее искусственные глаза разглядели его раньше, чем глаза Мики.

Рубен остановился в нескольких метрах от них и, уперев руки в бока, презрительно фыркнул. Висевшие на деревьях фонарики освещали его перекошенное злобой лицо.

— Грязные мутанты, — прошипел Рубен и вдруг, поддев носком сандалии песок, швырнул им в Мики и Одри.

Все произошло настолько быстро, что оба онемели от неожиданности, хватая ртом воздух и протирая кулаками засыпанные песком глаза. Пока Одри и Мика приходили в себя, Рубен стоял в стороне и хохотал во всю глотку. Затем он развернулся и побежал прочь. Увидев удаляющуюся спину Рубена, Мика пришел в ярость. Он вскочил, готовый броситься вслед за обидчиком, — ему хотелось догнать негодяя, сбить с ног и долго возить физиономией по песку. Но тут раздался испуганный голос Одри:

— Мои глаза! Мика, я ничего не вижу!

Мика мгновенно позабыл о Рубене и кинулся к Одри.

— Дай я посмотрю. — Мика осторожно отвел от лица Одри ее дрожащие пальцы и, наклонившись, заглянул ей в глаза. — Клянусь, я убью этого гада.

— Глаза... Я ничего не вижу, — плакала Одри. — Может быть, они вообще сломались.

— Ну что ты, Одри, я уверен, с ними все в порядке, — попытался успокоить подругу Мика, — Просто песок попал. Давай, поднимайся, я помогу тебе. Сейчас придем домой, промоешь глаза водой, и все пройдет.

Родители Мики и Одри по-прежнему сидели в саду; они пили шампанское, весело болтали и смеялись. Когда Мики и Одри показались на дорожке, все четверо так поспешно вскочили из-за стола, что едва не опрокинули его.

— Что случилось? — встревоженным голосом спросила Таша.

— Рубен, — прорычал Мика, — Он швырнул в нас песком. Сволочь, пускай только попадется мне, я своими руками вырву его мерзкие пороссячьи глазки.

— Что еще за Рубен? — воскликнула Аша. — И зачем он швырял в вас песком?

— Откуда я знаю! — взвился Мика. — Псих недорезанный!

Юна взяла за плечи ослепшую Одри и увела ее в комнату. Пока их не было, Мика нервно мерил шагами дорожку перед домом. Его переполняла злость, Мика недоумевал, как можно до такой степени ненавидеть человека, чтобы швырнуть ему в лицо песком, тем более зная, что перед тобой слепая девочка.

— Не переживай, — мягко сказал Дэвид, — Юна знает, что делать, с Одри все будет хорошо. А ты не дай этому парню вывести тебя из равновесия. Похоже, он как раз этого и добивается: заставить вас нервничать накануне соревнования. Конечно, я согласен, с его стороны это нечестная игра, и все же, Мика, это всего лишь игра, не стоит принимать ее слишком близко к сердцу.

«Нет, папа, — с горечью думал Мика, — к сожалению, это не просто игра. Речь идет о гораздо более серьезных вещах».

Мика продолжал метаться перед домом до тех пор, пока на крыльце не появилась Одри.

Девочка радостно улыбалась, ее зеленые глаза ярко сияли — зрение восстановилось.

ГЛАВА 26

Море крови

Злость на Рубена душила Мику; даже засыпая, он не мог отделаться от мысли о нем. Ночью Мике приснился сон: его кипящая ненавистью кровь превратилась в реку. Кровь мощной струей хлынула изо рта Мики и устремилась вниз по склону горы, сметая все на своем пути. Поток обрушился на лежащий у подножия горы город, превращая дома-башни в беспорядочное нагромождение окровавленных бетонных глыб. Одна за другой башни сползали в кровавое море; оставшиеся на их месте искореженные куски железной арматуры торчали вверх, словно воздетые к небу обугленные руки мертвецов. Когда поток иссяк, Мика прислушался к себе, пытаясь понять, жив он или мертв. Но внутри была абсолютная пустота, словно вся кровь выплеснулась наружу, а гнев выжег душу дотла, и от Мики осталась лишь пустая оболочка. Он напоминал высохший тростник с полым стеблем и пожухлыми листьями. Мика смотрел на свои руки, которые рассыпались и прямо на глазах превращались в прах; порывы ветра разносили Мику по мертвой равнине точно пепел потухшего костра.

Проснувшись на следующее утро, Мика вспомнил свой сон и подумал, что папа был прав, когда говорил о намерениях Рубена. Он решил, что не поддастся на уловку этого негодяя и не позволит своему гневу взять верх над разумом. Перед уходом Одри и Мика хорошенько позавтракали, они съели по два больших блина с клубничным вареньем и выпили по чашке кофе с молоком.

— Ты справишься, — сказала Одри, заметив, что Мика с хмурым видом поглядывает на море. — Я знаю, у тебя все получится, — уверенно добавила она.

Распрощавшись с родителями, которые пожелали им удачи, Мика и Одри отправились в кафе, где должны были собраться все участники соревнования. В зале царил атмосфера напряженного ожидания и страха; дети сидели на стульях, уставившись в пол остекленевшими глазами, словно пациенты в приемной стоматолога.

На этот раз сформировали команды по десять человек, и три первые команды уже покинули зал, когда инструктор назвал имя Одри. Она поднялась и вышла на середину зала; мгновение спустя к ней присоединился Рубен. Первое, что он сделал, подойдя к Одри, — нашел глазами Мику и презрительно ухмыльнулся. Мика чувствовал себя так, словно его ударили кулаком в живот, но ему оставалось лишь беспомощно смотреть вслед удаляющейся Одри. Мика пытался не думать о том, почему их разлучили, и сосредоточился на игре.

Имя Мики назвали среди игроков команды под номером пять, в эту же команду попала и Юии, напарница Рубена в первых двух турах игры. Она вышла на середину зала, покачивая бедрами, словно выступающая по подиуму манекенщица. Мика сделал пару шагов в сторону, чтобы не стоять рядом с ней.

«Лео Кертис» — инструктор назвал имя следующего игрока.

Лео поднялся и двинулся к центру зала. Глядя на приближающегося мальчика, Мика почувствовал тот же всплеск интереса, который испытал, когда впервые увидел Одри. От Лео исходило яркое золотистое свечение, не просто отдельные лучи света, но ровная аура, которая светящимся коконом окутывала его с ног до головы. Блестящая оливковая кожа Лео красиво сочеталась с темными закрученными в тугие кольца волосами, похожими на длинные витые веревки, которые рассыпались по плечам мальчика. Запястья Лео были обмотаны черными плетеными ремешками, на мизинце правой руки поблескивало тонкое золотое кольцо. Легко лавируя между стульями, Лео выбрался на середину зала, тянущееся за ним золотистое свечение отмечало траекторию его движения. Спокойная уверенность, сквозившая в каждом движении Лео, заставила всех присутствующих обратить на него внимание.

«Уверенность, но без высокомерия и надменности», — решил Мика. Лео посмотрел на Мику и улыбнулся; его необыкновенно яркие голубые глаза напоминали искрящееся на

солнце море.

— Привет. — Мика улыбнулся в ответ.

— Привет. — Теперь Лео окончательно расплылся в белозубой улыбке.

Игроки поднялись на борт лодки, инструкторы помогли им надеть акваланги, и лодка, взревев мотором, понеслась вдоль пляжа. Они обогнули мыс и бросили якорь возле красного буйка, на котором белой краской была выведена цифра пять. Мика увидел целую цепочку точно таких же буйков, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга; возле них уже покачивались лодки, ушедшие в море чуть раньше. Вдалеке был виден песчаный берег, и Мика заметил машину скорой помощи и людей в медицинских халатах, которые сидели на пляже, подставив лицо солнцу.

Команду сопровождали несколько инструкторов, они потратили уйму времени, тщательнейшим образом проверяя акваланги игроков, их черные водонепроницаемые комбинезоны, маски и оружие. Ружье Мики оказалось неисправным, и ему выдали новое. Чем дольше шла проверка, тем больше Мика нервничал. Он с трудом стоял на подгибающихся ногах, голос от волнения сел, и, когда инструктор задал ему какой-то вопрос, Мика ответил ему хриплым басом, который тут же сорвался на визгливый фальцет.

Мика с завистью поглядывал на Лео, светящегося золотого мальчика с черными кудрями и белозубой улыбкой. Лео шутил с инструктором, произнося слова с мягким канадским акцентом, а тем временем его пальцы уверенно затягивали ремешки на маске, бегали по кнопкам на рукоятке оружия и ощупывали гарпуны в колчане. «Мне бы так», — думал Мика, поражаясь уверенности и спокойствию Лео.

Когда все было готово, десять игроков выстроились в шеренгу на палубе в ожидании команды инструктора.

— Сейчас вы спуститесь на дно и займете свои места на огневом рубеже. Помните, что вы должны стоять точно на своей метке и стрелять в направлении, указанном стрелкой. — Инструктор окинул игроков строгим взглядом. — Вашей мишенью будет искусственная рыба. Цель игры — сбить как можно больше рыб. На выполнение задания отводится десять минут. Вы не имеете права покидать огневой рубеж до тех пор, пока я не дам команду. Тот, кто сойдет со своей метки без разрешения, будет дисквалифицирован. Если понадобится, можете разговаривать с нами по внутренней связи, переговорное устройство находится внутри вашей маски. Понятно? Вопросы есть?

Все молчали.

— Отлично. Тогда вперед.

Метки на дне моря были установлены широким полукругом напротив кораллового рифа, кишевшего рыбами. Пронизанная солнцем зеленая вода напоминали мрамор со светлыми прожилками. Вода была настолько прозрачной, что Мика мог видеть малейшее движение водорослей, которые росли у подножия рифа. Он выбрал метку на краю полукруга, Лео встал на соседнюю метку. Собранные в хвост длинные волосы Лео развевались у него за спиной словно черные змеи; Мика заметил, как блеснуло золотое кольцо на мизинце мальчика, когда он ловким движением скинул с плеча лямки чехла, в котором лежало ружье, и, освободив его, приготовился к стрельбе. Пару минут спустя инструкторы заняли свои места позади игроков. Напряжение возрастало, становясь почти невыносимым, и вскоре Мика с трудом сдерживал охватившую его дрожь. Он окинул взглядом своих соперников, выстроившихся на огневом рубеже. Кроме легкого движения покачивавшихся на воде волос и вереницы белых пузырьков, которые вырывались из дыхательных трубок, игроки были абсолютно неподвижны; все замерли на своих метках, готовые начать стрельбу, — пальцы на спусковых крючках, глаза устремлены на скопление кораллов, из-за которых должны появиться рыбы.

В наушниках раздался голос инструктора:

— Мика, ты готов?

— Готов, — ответил Мика.

— Игра начнется через тридцать секунд.

В правом верхнем углу маски появился циферблат, начался отсчет времени. Зеленая вода, разноцветные кораллы — все было похоже на декорацию; казалось, само море замерло в ожидании начала игры. Отсчет шел в обратную сторону: пять, четыре, три, два, один. Мика крепче перехватил рукоятку ружья, стараясь подавить волнение, которое грозило перейти в парализующую волю панику. Он вспомнил о картинке Элли — лев под палящим африканским солнцем. Мика рискнул на мгновение снять палец со спускового крючка и коснуться рукой картинки, которая лежала в нагрудном кармане его водонепроницаемого костюма. Он глубоко вдохнул и сосредоточился на перекрестии прицела.

Появившийся вдалеке косяк рыб напоминал едва заметные всполохи гаснущего фейерверка. На мгновение всполохи стали чуть ярче, превратившись в россыпь маленьких серебристых звездочек, затем погасли — косяк метнулся в сторону, спустился чуть ниже и понесся прямо на игроков.

Мике показалось, что на него надвигается огромное серебристое облако — косяк насчитывал рыб двести. Внутри облака рыбы беспорядочно метались из стороны в сторону, так что Мике оставалось лишь надеяться, что в какой-то момент косяк свернет в сторону, и рыбы окажутся к нему боком, тогда у него появится возможность сделать выстрел. Мика ждал до тех пор, пока косяк не дошел до кораллового рифа, затем нажал на спусковой крючок и выпустил подряд двадцать гарпунов. Косяк промчался над кораллами, и на мгновение рыбы оказались настолько близко, что стали видны их разинутые рты и острые, как иглы, зубы. Затем косяк рассыпался, обошел игроков и исчез у них за спиной; при этом несколько серебристых тел вывалились из общей массы и, пронзенные гарпунами, плавно опустились на дно. Все десять игроков молниеносным движением перезарядили свои ружья: отбросив в сторону пустую обойму, они выхватили из висевших на поясе колчанов новую, полную гарпунов кассету и вставили ее на место. Перезарядив ружье, Мика взглянул на цифры в углу маски. Он сбил одну рыбу. Всего одну.

«Мазила», — сквозь зубы прорычал Мика.

До конца игры оставалось восемь минут. Мика увидел поблескивающий вдали новый косяк, ему оставалось лишь молиться, чтобы рыбы как можно скорее добрались до кораллового рифа. Как только рыбы оказались на расстоянии выстрела, игроки открыли огонь. Однако Мика решил подождать, пока косяк подойдет к рифу. У него оставалось всего несколько секунд, сейчас рыбы метнутся в сторону и исчезнут из вида. Мика нажал на спусковой крючок. На это раз он сбил четыре рыбы.

До конца игры осталось шесть минут. Мика нащупал стратегию и с нетерпением ждал появления нового косяка. Но прошла минута, а рыбы так и не появились. Неожиданно у Мики зачесался кончик носа, желание почесать нос мешало сосредоточиться. Наконец вдали появилась какая-то темная масса; странный косяк двигался намного медленнее двух предыдущих и отбрасывал неровные тени на желтое песчаное дно. Когда Мике все же удалось рассмотреть, что именно двигается ему навстречу, он пришел в замешательство. Это были не рыбы — косяк, вернее, стадо состояло из млекопитающих. У животных были широкие ласты и плотные вытянутые тела, покрытые короткой коричневатой шерстью; на боках и на груди виднелись светлые пятна, а вдоль хребта шла черная полоса. Большие круглые головы заканчивались короткой мордой, вокруг которой висели складки серой кожи. Животные двигались совершенно беззвучно, слегка поводя лапами, их ритмичные движения завораживали; эти звери были такими большими и тяжелыми, что казалось странным, что они вообще способны плавать. Когда животные подошли к рифу, Мика узнал их по одной из картинок Элли — они назывались морскими слонами. Мика не знал, что делать. Им велели стрелять по рыбам, а не по животным. Кое-кто из игроков все же решился открыть огонь, но Мика медлил. В нерешительности опустив ружье, он взглянул на Лео и с облегчением заметил, что его сосед сделал то же самое. Некоторые игроки выпустили по одному гарпуну и замерли, не зная, что делать дальше; некоторые расстреляли всю обойму. Девять слонов вывалились из стаи, и Мика почувствовал вибрацию, когда их мертвые тела опустились на дно.

Мика ожидал, что остальные животные развернутся и уйдут — так же, как это сделали рыбы; однако они продолжали надвигаться на стрелков, выстроившихся позади кораллового рифа. Мика затаил дыхание, наблюдая за тем, как огромные туши медленно проходят у них над головами. Лео вытянул руку и коснулся покрытого коричневой шерстью брюха одного из слонов. Мика был настолько потрясен этим поступком, что на мгновение забыл об игре. И только когда Лео вдруг повернулся и вскинул ружье, Мика тоже обернулся и увидел появившуюся из глубины моря новую мишень.

На них снова надвигалась стая морских гигантов, но на этот раз Мике не пришлось долго гадать, с кем им предстоит иметь дело: вдали показались белые акулы. Они, словно ночные призраки, вынырнули из зеленоватой дымки и двинулись в сторону рифа; каждая акула была не меньше трех метров в длину. Акулы двигались быстро, их мощные тела легко разрезали толщу воды; приоткрытые пасти хищниц пугали обилием острых как бритва зубов. Как только акулы догнали уходящее стадо морских слонов, они бросились в атаку. Мика невольно ахнул и сразу почувствовал, как закружилась голова от слишком большого количества кислорода, хлынувшего ему в легкие. Вода вокруг закипела, превратившись в сплошное месиво из ошметков искусственной плоти и обрывков шкуры; повсюду щелкали зубы, мелькали хвосты и ласты. Мика почти вплотную увидел черные мертвые глаза разорванного в клочья морского слона, это видение наполнило его таким ужасом, что он едва не сорвался с места и не бросился наутек. Но Мика четко помнил приказ инструктора: не сходить с красной метки, он подавил в себе инстинктивное желание убратся отсюда как можно дальше и продолжал стоять на огневом рубеже. Краем глаза Мика видел, что некоторые из игроков не выдержали — сорвавшись со своих мест и бешено стреляя в дерущихся монстров, они бросились в самую гущу сражения.

«Животные ненастоящие, — мысленно повторял Мика. — Это игра. Это только игра». Мика вскинул ружье, прицелился и угодил пронесившейся мимо акуле прямо в глаз. Чудовище волчком завертелось на месте и бешено замотало головой, пытаясь избавиться от гарпуна. Акула находилась в опасной близости, но Мика словно прирос к месту; он твердо стоял на ногах, надеясь, что раненая рыба в конце концов уплывет. Так и случилось. Акула бросилась в сторону, продолжая мотать головой, затем конвульсивно дернулась, вытянулась во всю длину и опустилась на песчаное дно. В то же мгновение Мика увидел вспыхнувшую в углу маски цифру — к его счету добавилось двадцать очков. Приободрившись, Мика приготовился продолжить стрельбу. Следующая мишень находилась около рифа: акула терзала морского слона, который, похоже, уже был мертв. Его обмякшее тело безвольно колыхалось в воде, острые зубы хищницы впились ему в бок. Мика прицелился и выстрелил. Гарпун вонзился акуле в жабры. Она дернулась всем телом, выпустила свою добычу и, развернувшись, помчалась прямо на Мику, словно знала, кто ее подстрелил. Мика выстрелил еще раз и зажмурился от ужаса — чудовище продолжало нестись прямо на него. Акула мотала своим заостренным носом из стороны в сторону, из разинутой пасти хищницы свисали зацепившиеся за зубы обрывки кожи морского слона. Внезапно Мику пронзила острая боль, голова закружилась, ему показалось, что он теряет сознание.

Мика открыл глаза, взглянул вниз и увидел красное пятно — мощная струя крови пульсирующими толчками вырывалась из его левого бедра. Но ведь акула ненастоящая, как же она могла укусить его? Мика не понимал, что произошло. Шок был настолько велик, что он не мог сдвинуться с места, просто стоял и смотрел, как выплескивающаяся из бедра кровь сворачивается в красное облако и повисает в воде. Позже Мика вспоминал, что в этот момент ему казалось, что его нога охвачена огнем.

Кто то коснулся плеча Мики. Подняв глаза, он увидел склонившегося над ним Лео; сквозь стекло маски Мика видел его встревоженное лицо, губы Лео двигались, он что-то говорил, но Мика не слышал ни слова. Мгновение спустя Мику окружили аквалангисты.

— Что случилось? — заплетаящимся языком спросил Мика. На него вдруг навалилась невероятная слабость, перед глазами все плыло, Мике захотелось лечь на дно, свернуться калачиком и уснуть.

— Тебя кто-то подстрелил, — сказал один из спасателей, — Нужно срочно поднять тебя на поверхность, ты теряешь много крови.

— Меня подстрелили? — с удивлением повторил Мика. Он снова взглянул вниз и на этот раз заметил лежащий на дне гарпун. На титановом острие гарпуна обрывки его плоти, они слегка покачивались в воде, словно пучок розовых водорослей. Гарпун пробил левое бедро Мики и вышел с другой стороны.

— Мы поднимаемся. — Спасатель подхватил Мику под руку.

— Нет, — Мику охватила паника. — Если я сойду со своей метки, меня дисквалифицируют.

— Игра окончена, Мика, — сказал спасатель. — Можешь сойти с метки.

Спасатели подхватили его под руки и потащили наверх.

* * *

Первое, что он услышал, оказавшись на поверхности, был истеричный крик.

«Отпустите меня! Я хочу домой! Пустите! Я ненавижу вас всех! Не хочу, я больше не хочу играть! Вы, психи, вы хотите убить меня!»

Сильные руки подхватили Мику и втащили в лодку. Он словно со стороны услышал мягкий шлепок — это его тело, затянутое в водонепроницаемый костюм, опустили на палубу. Все происходило как в тумане, Мика с трудом различал суетившихся вокруг людей. Он попытался стянуть с головы маску, и кто-то помог ему. Мика судорожно глотнул горячий, пахнущий морем воздух. Над ним появилось лицо спасателя.

— Лежи спокойно, — сказал он. — Катер уже на подходе. Сейчас доктор осмотрит твою ногу.

Мика заметил двоих спасателей, склонившихся над его ногой. Он приподнял голову и скосил глаза, пытаясь рассмотреть, что они делают. Один из спасателей разрезал мокрый костюм Мики от лодыжки до самого бедра, второй накрыл рану чем-то белым и зажал ее руками. Мика видел, как кровь брызнула между пальцев спасателя и усеяла его лицо мелкими красными каплями.

— Не смотри, — сказал первый спасатель, — Ляг и постарайся расслабиться.

Но Мика не хотел лежать, он не доверял им. Однако он слишком ослаб, чтобы спорить с этими людьми. Он откинулся на спину и повернул голову в ту сторону, откуда доносился крик. Кричала подруга Рубена, Юии. Она лежала на палубе, двое мужчин удерживали девочку, прижимая ее руки к полу, а Юии извивалась всем телом, словно раненая акула, и мотала головой из стороны в сторону; ее длинные мокрые волосы хлестали мужчин по лицу.

— Прекрати кричать, Юии. Успокойся, все уже закончилось, — сказал один из них.

Но Юии начала кричать еще громче и яростно отбиваться от навалившихся на нее мужчин.

— Что с ней? — спросил Мика.

— Рехнулась от страха, — сказал склонившийся над Микой спасатель. — Это она тебя подстрелила. Ничего, сейчас ей сделают укол, и она успокоится.

Мгновение спустя крик оборвался. Мика видел, как глаза Юии помутнели и закрылись, тело расслабилось.

Она вздохнула, как человек, который после тяжелого дня ложится в мягкую теплую постель. Мика тоже прикрыл глаза. Пульсирующая боль в ноге расплзалась по всему телу, он чувствовал ее от кончиков пальцев до самой макушки. Боль накатывала тошнотворными волнами, становясь все сильнее и сильнее; Мике хотелось, чтобы все это прекратилось как можно скорее.

— Сделайте так, чтобы не болело, — пробормотал он.

— Сейчас.

Мика почувствовал легкий укол в районе локтя.

— Моя картинка, — прошептал Мика. — Со львами. В нагрудном кармане.

— Да, мы нашли ее. Не беспокойся. Мы обязательно отдадим тебе твою картинку.
Через секунду Мика отправился вслед за Юии, погрузившись в мягкое и теплое небытие.

ГЛАВА 27

Невезучий

Мэл Горман подался вперед и, навалившись грудью на стол, уставился на расположенный перед ним пульт управления. Многочисленные мониторы в разных ракурсах представляли лицо брата Элли, лежащего на больничной койке, и только на одном мониторе в правом верхнем углу пульта был виден человек, который докладывал Горману о неприятности, приключившейся с Микой Смитом.

— Он очень похож на свою сестру, — задумчиво произнес Горман. — Что в нем такого, не пойму. Сначала мальчишка был единственным, кто отказался пить витаминный коктейль, а теперь, пожалуйста, его подстрелили из подводного ружья. Что за парень! Похоже, невезучесть — это у них семейная черта.

— И талант тоже, — сказал человек на экране. — Он один из лучших, сэр. Возможно, этот парень как раз тот, кто вам нужен.

— Неужели? — Горман немного помолчал, не зная, как расценивать заявление ученого. — Ну, по крайней мере, хочется надеяться, что он окажется более покладистым, чем его сестрица. Еще одного буйного крысеныша я не вынесу.

— О, да, сэр, он гораздо более спокойный. И поразительно быстро обучается, в группе у него самые высокие показатели по тестам на концентрацию внимания и сообразительность. Правда, есть один момент...

— Какой еще момент? — насторожился Горман.

— Когда мы сканировали его память, нам почти ничего не удалось обнаружить. Такое впечатление, что он сопротивляется, хотя скорее всего делает это неосознанно. У него, должно быть, чрезвычайно сильная воля. Несколько обрывочных воспоминаний, которые нам удалось зафиксировать, настолько размыты, что мы даже не смогли расшифровать их.

— Я хочу взглянуть на запись, — сказал Горман.

— Вряд ли она вас заинтересует, сэр. Какие-то движущиеся тени, и только.

— Неважно, — отрезал Горман. — Пришлите мне запись.

— Есть, сэр. А что нам делать с его родителями? С тех пор как это случилось, они словно с цепи сорвались, требуют, чтобы мы разрешили им забрать сына домой. Вы не представляете, что там творилось, мать орет, как безумная, отец в бешенстве, стены залиты кровью... Гарпун пробил ему бедренную артерию, когда мы сняли повязку, кровь ударила фонтаном.

— Да вы что! — Горман разозлился. — Зачем же вы пустили родителей в больницу? Вы что, совсем ничего не сообщаете?

— У нас не было выбора, сэр, — начал оправдываться ученый. — Мальчику нужна была кровь, пришлось взять отца в качестве донора, иначе бы парень умер. Само собой, после такого родители не хотят, чтобы их сын участвовал в игре.

— Мне плевать, чего они там хотят или не хотят, — прорычал Горман. — Придумайте, как заткнуть им глотки. Если он действительно так талантлив, как вы говорите, Мика Смит *должен* участвовать в финальном туре. Будет нужно, мы вообще избавимся от родителей. Если в течение ближайших дней они не передумают, дайте мне знать, я все устрою. И не забудьте прислать запись его воспоминаний. Я хочу сам посмотреть, что творится у него в голове.

— Есть, сэр, — бодрым голосом ответил ученый.

ГЛАВА 28

Шпион не дремлет

Мика слышал негромкое гудение — ровный звук успокаивал, нагонял сон и создавал легкую вибрацию возле его ног. Мика попытался приоткрыть глаза и посмотреть, что это такое, но тяжелые веки не слушались, и Мика сдался. До него долетали приглушенные голоса людей, они сливались с гудением приборов, но Мика и не пытался разобрать, о чем говорят люди. По мере того как сознание возвращалось к нему, возвращались и воспоминания: острая пронзающая боль, хлещущая фонтаном кровь и ужас, который ему пришлось пережить на дне моря. Он опять видел хищные морды акул, их острые зубы, терзающие плоть, висящие в воде куски мяса и плавающие повсюду разодранные туши животных — их мертвые глаза находились всего в нескольких метрах от глаз Мики. Однако сейчас боль ушла, а свет, проникавший сквозь закрытые веки, был теплым и мягким. Мика хотел шевельнуть рукой, но не смог, ему оставалось лишь расслабиться и перевести дух — слава богу, этот кошмар остался в прошлом. Но закончился ли он? Голоса, которые слышал Мика, принадлежали мужчине и женщине. Он прислушался и на этот раз попытался понять, о чем говорят люди. Первые же слова, которые ему удалось разобрать, привели Мику в состояние шока, словно ему на голову выплеснули ведро холодной воды. Сонливость как рукой сняло; Мика замер, испугавшись, как бы они не заметили, что он пришел в себя.

— Родители хотят забрать его домой, как только он очнется.

— Неужели?

Пауза. На мгновение оба замолчали.

— Но Мэл Горман сказал, что мы должны держать его здесь. Парень один из самых перспективных кандидатов, возможно, даже лучший.

— Ну и что нам делать? Родители и так косо смотрят на нас. Если мы не разрешим им забрать сына, представляешь, что здесь начнется?!

— А мы не будем ничего говорить. Нам просто нужно выиграть время,ждемся церемонии награждения. Когда им вручат ключи от машины, да еще сообщат, что у них есть шанс заполучить квартиру в Золотых Башнях, думаю, их отношение к игре сразу изменится. Мы скажем, что мальчик должен находиться под наблюдением врача. Его родители — бедные люди и ничего не знают о лечебных камерах. Они там в городских больницах для беженцев до сих пор зашивают и перевязывают раны. Сегодня мы разрешим ему переночевать дома, но скажем, что завтра, после церемонии награждения, их сын должен вернуться на перевязку.

— Отличная идея.

— Смотри-ка. — Голос женщины приблизился к постели Мики.

У Мики оборвалось сердце, он затаил дыхание.

— Видишь, у него пальцы подрагивают. Похоже, парень приходит в себя.

— Возможно. И сердцебиение участилось. Идем, подробности обсудим позже.

Мужчина и женщина ушли. Мика слышал, как поскрипывают подошвы их резиновых туфель; вскоре шаги затихли. Первой реакцией Мики был гнев. Как они смеют с таким пренебрежением говорить о его родителях? Если мама и папа бедные, это еще не значит, что они глупые и не в состоянии понять, что им дурят голову! Затем гнев сменился мрачным удовлетворением.

«Они считают меня лучшим, — усмехнулся про себя Мика. — И хотят оставить в игре! Что ж, я не против».

Мика улыбнулся — облегчение и радость вытеснили из его сердца раздражение.

Но как быть с родителями? Что, если они будут настаивать и не позволят ему участвовать в игре?

Переживания утомили Мику, и он сам не заметил, как уснул. Когда пару часов спустя Мика снова открыл глаза, первое, что он увидел, был вращающийся под потолком палаты большой белый вентилятор; он обдавал его лицо приятной волной прохладного воздуха. Мика повернул голову и заметил картинку со львами — она стояла на тумбочке, прислоненная к графину с водой. Мика улыбнулся, картинка Элли по-прежнему была с ним.

В палату беззвучно вошла медсестра и приблизилась к кровати Мики.

— Привет. — Женщина улыбнулась, — Как ты себя чувствуешь? Нога не болит?

— Нет. Только немного покалывает.

Он приподнял голову и взглянул на свою ногу — она была запаяна в стеклянный пузырь, похожий на высокий прозрачный сапог.

— Все нормально, так и должно быть, — успокоила его сестра. Она склонилась над кроватью и нажала несколько кнопок на панели управления в нижней части пузыря.

— Что это такое? — спросил Мика.

— Лечебная камера. Нечто вроде микроволновки для быстрого заживления ран.

— И сколько потребуется времени для заживления *моей* раны? — спросил Мика, ожидая услышать в ответ откровенную ложь.

— Сегодня ты сможешь вернуться домой, но завтра вечером нужно будет повторить процедуру, — не глядя на Мику, сказала сестра.

— А-а, понятно. — Мика пришел к выводу, что сестра совершенно не умеет врать.

— Если бы мы жили в позапрошлом веке, нам потребовалась бы уйма времени, чтобы вылечить такую рану. Конечно, при условии, что ты не умер бы от потери крови. И все равно у тебя могла начаться гангрена, и ногу пришлось бы ампутировать.

Сестра расплылась в довольной улыбке.

— Хорошо, что мы живем не в позапрошлом веке, — согласился Мика.

— Гарпун пробил артерию и задел кость, — продолжила свой рассказ сестра. — Но тебе повезло, обошлось без перелома. Ты потерял очень много крови, к счастью, твой отец оказался рядом. Теперь в тебе пол-литра его крови. Так что будь хорошим мальчиком и скажи папе спасибо.

— Где он? — спросил Мика.

— В приемном покое, вместе с твоей мамой.

— Я могу их видеть?

— Конечно. Я сейчас позову их.

Глаза Аши покраснели и распухли от слез. Отец выглядел осунувшимся и чрезвычайно сердитым.

— О, Мика. — Аша схватила сына за руку и снова расплакалась. — Расскажи толком, что случилось?

— Одна девочка по ошибке выстрелила в меня из подводного ружья. Мам, не плачь, я в полном порядке.

— Из ружья? Господи, да чем же вы там занимались? Я полагала, что вы играете, а не стреляете.

— Мы стреляли по мишеням, — беззаботным тоном сообщил Мика. — Это просто дурацкий несчастный случай. Мы тренировались уже несколько дней.

— Не знаю, как вы там тренировались, но больше никаких «дурацких несчастных случаев», — грозным голосом объявил Дэвид. — Потому что мы немедленно забираем тебя домой!

Медсестра, до сих пор молча стоявшая возле двери, сделала шаг вперед. Она сказала Аше и Дэвиду, что доктор хочет поговорить с ними. Родители поднялись и неохотно вышли вслед за ней в коридор. Мика видел сквозь застекленную дверь палаты, как мама и папа разговаривают с доктором, но слов разобрать не мог. Поначалу разговор больше напоминал жаркий спор, родители сердито размахивали руками, видимо пытаясь в чем-то убедить врача. Однако к концу беседы они заметно успокоились и даже начали согласно кивать головами.

— К сожалению, мы пока не можем забрать тебя домой, — сказал Дэвид, когда они вернулись в палату, — Но завтра вечером, как только они закончат со всеми процедурами, мы уезжаем, даже если ты прошел в следующий тур соревнований. Все, хватит, больше никаких игр, это становится слишком опасными.

Мика покидал больницу в инвалидном кресле. Раненая нога не болела, просто потому,

что рана бесследно исчезла, — Мика убедился в этом, когда пошел в туалет, даже шрама не осталось, — но он продолжал болезненно морщиться и время от времени тяжело вздыхал, стараясь оправдать ложь, в которой убедили его родителей. Мике оставалось лишь надеяться, что, когда мама и папа узнают о выигранном автомобиле, они смягчатся и позволят ему продолжить игру.

Мика катил в своем кресле по парку мимо пальм и розовых кустов, и вскоре им на глаза попался киоск с мороженым. Аша купила три вафельных трубочки, и Мика с удовольствием принялся за свою порцию. Он пару раз лизнул клубничное мороженое, которое высокой горкой поднималось над краем вафли, как вдруг мороженое полностью вылезло из трубочки и шлепнулось на дорожку.

— Черт, — не удержался Мика, с сожалением глядя на валяющееся в пыли мороженое.

Аша от души расхохоталась:

— Примерно то же самое случилось с тобой в детстве. Тогда это превратилось в настоящую трагедию, столько слез было пролито, не передать!

Аша вернулась к киоску и купила новую порцию. Мика смотрел, как мама с улыбкой шагает к нему по дорожке парка, отвратительное чувство вины причиняло ему почти физическую боль. Родители обращаются с ним как с маленьким больным ребенком, а он обманывает их. Мика чувствовал себя предателем. Когда они добрались до пляжа, Одри с радостным криком бросилась ему навстречу.

— Классное кресло! — воскликнула она. — Покажи, куда тебя ранило!

Мика закатал шорты и показал забинтованную ногу. Глаза Одри расширились, она с уважением взглянула на раненого героя. Родители пошли вперед вместе с мамой и тетей Одри. Таша и Юна всплескивали руками, слушая рассказ Аши.

— Ты сколько акул убил? — шепотом спросила Одри.

— Двух, — улыбнулся Мика.

— Я тоже, — сверкая зелеными глазами, сказала Одри.

Они торопливо обменялись впечатлениями об игре и двинулись вслед за родителями. Подойдя к домику, Одри замолчала. Мика догадался, что у нее возникли те же проблемы: как и его родители, мама и тетя Одри не хотят, чтобы она участвовала в игре. Понятно, что рассуждения о гарпунах, ружьях и акулах, раздирающих на куски морских слонов, не самая лучшая тема для беседы в присутствии взрослых.

На ступеньках домика их ждала большая подарочная корзина. На ручке корзины Дэвид обнаружил узкий глянцевый конверт, внутри лежало письмо на фирменном бланке КОРДа. Комитет по оздоровлению и развитию детей приносил свои искренние извинения по поводу неприятности, случившейся с их сыном, и выражал надежду, что этот досадный инцидент не омрачит их отпуск. КОРД прислал цветы и изящный флакон духов для Аши, бейсболку и модную шариковую ручку для Дэвида и еще одну такую же ручку для Мики; на всех подарках красовалась знакомая аббревиатура из четырех букв.

— Фантастика! — саркастически хмыкнул Мика, щелкая новенькой ручкой.

— Фу у, дрянь какая, — скривилась Аша, поднося к носу флакон с кордовскими духами.

ГЛАВА 29

Обед на восемьдесят восемь персон

В кафе все было готово для торжественного ужина, который КОРД устраивал в честь победителей третьего тура соревнований. Под потолком на деревянных балках висели разноцветные фонарики, стилизованные под старинные керосиновые лампы; столы украшали пышные гирлянды из искусственных цветов; изысканные блюда, расставленные на белоснежной скатерти, представляли столь живописный натюрморт, что Аша даже сфотографировала стол, чтобы потом, вернувшись домой, любоваться этой чудесной картиной.

Все принарядились по такому случаю — дети пришли в отутюженной одежде с аккуратно причесанными волосами и до блеска отмытыми лицами, родители надели свои лучшие выходные костюмы и платья. Мика окинул взглядом собравшихся и решил, что его мама выглядит лучше всех: новое темно-рубиновое сари Аши подчеркивало свежесть ее смуглой кожи, черные блестящие волосы тяжелой волной падали ей на плечи. Однако в глубине глаз Аши притаилось беспокойство, она то и дело с нетерпением поглядывала на дверь, словно ждала момента, когда можно будет покинуть зал. Дэвид тоже выглядел напряженным, он почти не притронулся к еде. Наблюдая за родителями, Мика понял, что ему будет непросто повлиять на них, даже выигрыш новенького аэромобиля вряд ли заставит маму и папу изменить решение и позволить ему дальше участвовать в игре.

Ужин подходил к концу. Не успели официантки убрать со столов остатки десерта, как на сцену выскочил жизнерадостный Болванщик в соломенной шляпе и своей неизменной цветастой рубашке с попугаями.

— Всем добрый вечер! — выкрикнул Болванщик, вскидывая вверх обе руки, — Итак, решающий день настал! Через несколько мгновений мы узнаем, кто из вас отправится домой на новом аэромобиле. Чудо техники, суперсовременная модель «ягуара»!

Деревянные двери в глубине сцены распахнулись, представив на всеобщее обозрение сияющий лаком призовой аэромобиль. Правда, на этот раз на месте водителя восседал огромный плюшевый медведь.

— Вы только представьте себя за рулем этого красавца! — завопил Болванщик. — Эй, я обращаюсь к вам, дорогие папочки!

— Дорогие папочки, — раздраженным шепотом бросила Таша. — Интересно, что, по его мнению, стала бы делать я за рулем этой игрушки — красить ногти или поправлять прическу, глядя в зеркало заднего вида?

— Двенадцать игроков получают по аэромобилю и пройдут в финальный круг соревнований. Но сначала я хотел бы от лица Комитета искренне поблагодарить всех, кто принял участие в нашей увлекательной игре. Вы достойно сражались. Молодцы! Поэтому всем проигравшим КОРД вручает потрясающие подарки! — Болванщик вскинул вверх руку, продемонстрировав залу перевязанную ленточкой коробку с прозрачной крышкой. Все вытянули шеи, пытаясь рассмотреть, что лежит внутри коробки. — Шикарный набор серебряных столовых приборов с выгравированным на них логотипом КОРДа! Надеюсь, этот набор станет для вас памятью о чудесных днях, проведенных на нашем курорте!

— Набор столовых приборов, — сердитым голосом повторил Дэвид. — Полагаю, Мика заслуживает подарка посерьезнее, особенно если учесть, что он едва не расстался с жизнью на их замечательном курорте.

— Ну не скажи, дорогой, — усмехнулась Аша. — Набор столовых приборов с логотипом КОРДа — вещь полезная.

Мика покосился на маму — он скорее согласился бы жить в одной квартире с Рубеном Снайтом, чем пользоваться приборами с логотипом КОРДа. Но он не стал делиться своими соображениями с родителями.

Болванщик принялся зачитывать список проигравших. Неудачники один за другим выходили на сцену, получали свой утешительный приз и с глазами, полными слез, покидали зал.

— По-моему, это жестоко, — сказала мама Одри. — Неужели нам придется наблюдать, как все восемьдесят восемь несчастных ребят проходят эту экзекуцию?

— Похоже, что так, — сказала Аша. — Они могли бы вручить свои призы позже и не заставлять детей на глазах у всех подниматься на сцену.

— Они все такие рослые, — заметила Таша. — Даже забываешь, что им всего по двенадцать лет. — Тетя Одри окинула свою племянницу задумчивым взглядом.

Ситуация, в которой оказался Мика, была для него непривычной: сидеть в зале, видеть, как твои соперники с напряжением ждут, когда назовут имя очередного неудачника, и при этом заранее знать, что твоего имени в этом списке не будет. Одри тоже волновалась; сама

того не замечая, она ухватила лежавшую на столе руку Мики и принялась нервно заламывать ему пальцы. По мере того как пустели соседние столики, ее хватка становилась все сильнее и сильнее. Наконец, Мике пришлось осторожно высвободить свою руку, иначе врачам в больнице пришлось бы лечить еще и его сломанные пальцы.

— Извини, — прошептала Одри.

Номер восемьдесят три. Поздравляем...

Номер восемьдесят четыре в слезах выскочил из зала, забыв забрать причитающийся ему приз. Одри и Лео пока оставались на своих местах. Но Рубен Снайт тоже никуда не ушел. Пожалуйста, пускай восемьдесят пятым окажется Рубен. Нет. О господи, восемьдесят шестой, пускай это будет Рубен. Нет. Ладно, восемьдесят седьмой. Опять мимо.

В списке осталось последнее имя. Восемьдесят восьмой. Все затаили дыхание.

— Марк Томас!

Бедный Марк Томас. Опустив голову, мальчик побрел на сцену. Победители, не дожидаясь, пока последний неудачник покинет зал, начали праздновать свой успех. Некоторые вскакивали на столы и стулья, другие с воплями носились по залу и, подбегая к аэромобиллю, всем телом кидались на капот «ягуара». Прежде чем Марк Томас успел спуститься со сцены, сжимая под мышкой коробку с набором столовых приборов, официанты выкатили на середину зала ледяную фигуру дельфина. На постаменте среди искрящихся кусков льда торчали двенадцать бутылок с шампанским, к горлышку каждой бутылки был привязан брелок с ключами от аэромобиля.

Но среди мечущихся по залу победителей было трое людей, которые не сдвинулись с места, — Мика, прикованный к своему креслу на колесиках, и его ошеломленные родители.

— Невероятно, ты сделал это, — тихим голосом произнес Дэвид, наблюдая за мужчиной в джинсовом костюме, который вышвырнул из машины плюшевого медведя и плюхнулся на место водителя.

— А дальше что? — гневным голодом начала Аша. — Да, он выиграл, но какой ценой нам достался этот проклятый аэромобиль?! Мне плевать на их призы. Понимаешь, Дэвид, я говорю серьезно. Это ничего не меняет, Мика *не будет* участвовать в финальном раунде, — отрезала Аша.

Болванщик начал выкликать имена победителей. Один за другим дети подходили к скульптуре дельфина и вытаскивали из льда бутылку с привязанными к ней ключами. Сами машины организаторы соревнования обещали доставить позже, прямо к дверям дома. Некоторые в нерешительности замирали перед скульптурой, их лица становились голубоватыми от подсветки внутри ледяного постамента — растерявшиеся счастливики никак не могли решить, какую бутылку выбрать. Мика подумал, насколько глупо они выглядят, ведь все двенадцать бутылок были абсолютно одинаковыми. Когда настала очередь Рубена, он выхватил бутылку и, вскинув ее над головой, встряхнул, как это обычно делают победители автогонок. Одри прижала свою бутылку к груди, словно младенца, и торопливо скользнула обратно к их столику. Лео взял первую попавшуюся бутылку и, не глядя по сторонам, быстро ушел к своему столику в дальнем углу зала. Мику переполняли эмоции; он был настолько взволнован, что плохо помнил, как подкатил в своем кресле к ледяной глыбе и достал бутылку с ключами. Последние слова, произнесенные Ашей, звучали у него в голове: «Мика *не будет* участвовать в финальном раунде».

«Ну что же, попробуйте остановить меня», — подумал Мика.

ГЛАВА 30

Угрызения совести

Завершение церемонии награждения победителей означало также и завершение отпуска. Участникам соревнования и их родителям предстояло вернуться в свой привычный мир, где их ждали пронизанные сыростью и холодом бетонные дома-башни, тесные квартиры, работа и занятия в школе. Каждые пять минут зеркальные створки купола

раскрывались, выпуская очередной аэромобиль, который уносил детей и родителей из этого райского уголка в их серые дождливые будни. Однако Мика, Аша и Дэвид не могли улететь вместе с остальными, поскольку Мике нужно было вернуться в больницу, чтобы врачи могли завершить разыгранный ими спектакль, делая вид, будто старательно лечат его раненую ногу. Все трое молча сидели на крыльце своего домика с таким обреченным видом, словно им осталось жить несколько часов.

Мику увезли в перевязочную и снова упаковали его ногу в стеклянный сапог. Родители сидели в коридоре, дожидаясь окончания процедуры. Аша нервно постукивала своими наманикюренными ногтями с изображением пальмовой веточки по ручке кресла; Дэвид, заложив руки за спину, нетерпеливо мерил шагами коридор.

Аша заранее упаковала вещи, так что они прихватили чемоданы с собой и прямо из больницы отправились на взлетную площадку, где их дожидался аэромобиль. Створки купола раскрылись, в образовавшейся прямоугольной дыре показался кусок низкого грозового неба, аэромобиль оторвался от земли и, словно пчела, покидающая свой теплый улей, вылетел в холод и дождь.

— О, господи! — воскликнул Дэвид, когда налетевший ветер начал кидать аэромобиль из стороны в сторону. Он едва успел ухватить жену за руку, не позволив ей свалиться с сиденья на пол.

Мика прильнул к окну. Прежде чем дождь окончательно залил стекла, он успел рассмотреть вздымающиеся внизу огромные черные валы, море ревело как взбесившийся зверь, каждый из таких валов мог запросто поглотить весь их Барфорд-Норд. Зигзагообразные молнии то и дело вспарывали затянутое тучами небо и острыми стрелами пронзали бушующее море.

— Добро пожаловать в наш реальный мир, — мрачно усмехнулся Дэвид.

Барфорд-Норд встретил их проливным дождем. Аэромобиль приземлился на крышу дома. Сирена на трубе консервной фабрики, в которую ударила молния, надрывалась вовсю; вспышки молнии, напоминавшие вспышки фотокамер, освещали своим жутковатым белоголубым светом раскинувшийся внизу город.

— Быстрее! — крикнул Дэвид, выдергивая из салона аэромобиля тяжелые чемоданы, но его слова потонули в оглушительном раскате грома.

Они добежали до железной двери, ведущей на площадку лестницы, и юркнули внутрь. Все трое гуськом спускались по узкой грязной лестнице, стараясь не дышать носом, чтобы не чувствовать смрадный запах гниющих отходов и плесени. После недели, проведенной в тропическом климате, они особенно остро ощущали пронизывающий холод и сырость. Пока Аша рылась в сумке в поисках ключа от квартиры, Дэвид и Мика переминались с ноги на ногу и втягивали головы в плечи, вздрагивая от падающих им за шиворот капель воды. Сумка Аши была забита яблоками, бананами и апельсинами, которые она прихватила с собой, чтобы угостить соседей. Аша выгребла из сумки фрукты и свалила их на руки Мике.

— Ну куда же они подевались? — сердито бормотала Аша, по локоть запуская руку в сумку. — Клянусь, в этой проклятой кошелке должно быть второе дно, куда проваливаются все необходимые вещи.

Пока их не было дома, кондиционер не работал, и за неделю квартира пропиталась запахом сырости. На стене вокруг окна — там, где дождевая вода просочилась сквозь гнилые рамы, расплзлись новые пятна плесени. Дэвид тяжело вздохнул и включил кондиционер.

— Как только мы распакуем чемоданы и уберем вещи, в доме сразу станет уютнее, — стараясь придать своему лицу беззаботное выражение, сказала Аша.

Она включила свет в комнате и смахнула пыль с полированного подлокотника дивана, как будто это могло придать их жилищу более веселый вид. Неожиданно кондиционер издал какой-то подозрительный звук, похожий на кашель тяжелобольного человека, взвизгнул и затих; комната наполнилась удушливым запахом гари.

— Фу-у, — сморщила нос Аша. — Нет, эта квартира сведет меня с ума, стоит нам

починить одну вещь, как другая тут же ломается.

— А ты представь, как бы мы жили, будь у нас квартира в Золотых Башнях... — осторожно заметил Мика, решив воспользоваться удобным моментом и попытаться заставить родителей изменить решение.

— Нет, — отрезала Аша, яростно нажимая кнопки на пульте дистанционного управления кондиционером, — Я не стану представлять, как бы мы жили в Золотых Башнях, потому что мне не нужны подарки от людей, которые организуют игры, где по детям стреляют из подводных ружей и напускают на них акул.

— Но это был несчастный случай, — не унимался Мика. — Пожалуйста, позволь мне попытаться выиграть для нас квартиру в Башнях. Подумай, тебе больше не придется беспокоиться о деньгах, об оплате счетов, о том, что мы будем есть на следующий день. И ты никогда больше не наденешь эту дурацкую ковбойскую шляпу. Ну, мам, пожалуйста.

— Несчастный случай! — всплеснула руками Аша. — Да ты хоть представляешь, что мне пришлось пережить, когда тебя привезли без сознания, всего в крови!

Наружная панель кондиционера открылась, и дым клубами повалил на улицу.

— Да, я понимаю, это выглядело ужасно, — согласился Мика. — Но сейчас я в полном порядке.

В доказательство Мика подвигал ногой и несколько раз согнул ее в колене. Дэвид открыл окно, чтобы избавиться от запаха гари, — вместе с дождем и ветром в комнату ворвался ледяной холод.

— Мы живем в Барфорд-Норде, — клацая зубами от холода, сказала Аша. — Эта квартира наш дом. И будь любезен, запомни: больше мы к этой теме не возвращаемся.

— Ну, пап, скажи, — заныл Мика, надеясь на поддержку отца.

— Нет, — сказал Дэвид, натягивая махровый халат поверх свитера. — Разговор окончен.

Он повернулся спиной к Мике и пошел на кухню ставить чайник; Аша откинула крышку чемодана и сделала вид, что распаковывает вещи. Мику охватило отчаяние и одновременно злость на родителей; ему хотелось крикнуть: «Как же вы не понимаете, я *должен* играть!» В глубине души он признавал, что мама и папа правы, не позволяя ему участвовать в соревновании. Более того, Мика был согласен с ними: он едва не погиб, хотя люди из КОРДа говорили, что это всего лишь игра. Но как иначе ему отыскать пропавшую сестру? Он зашел слишком далеко и уже не может остановиться, даже если бы захотел.

Но точно так же Мика понимал, что в данной ситуации крики и ругань не помогут. Чем больше он будет злиться на родителей, тем сильнее они будут сопротивляться. Действуя таким образом, Мика всегда получал прямо противоположный результат. Значит, нужно придумать что-то еще. Должен же быть какой-то способ убедить их. Мика задумался. Ему пришла в голову одна мысль. Конечно, это очень жестоко и нечестно по отношению к родителям, но его хитрость должна сработать. Мика откинулся головой на спинку дивана и подумал об Элли, беззвучные слезы сами собой поползли по щекам. Расчет оказался верным. Как только Дэвид и Аша заметили, что Мика плачет, выражение грозной непреклонности на их лицах сменилось сочувствием. Он понимал, что причиняет боль родителям, чувствовал себя подлым предателем, но его единственным оправданием была мысль о том, что, несмотря на страдания, которые им придется пережить сейчас, потом, когда Элли вернется домой живая и невредимая, родители оценят поступок сына и будут благодарны ему за это. Мика плакал горько и безутешно, ему нетрудно было заставить себя рыдать — стоило представить, что он больше никогда не увидит Элли, и Мику охватывало такое отчаяние, что слезы сами лились из глаз. Мика сказал расстроенным родителям, как сильно он скучает по сестре и что игра помогает ему отвлечься от грустных мыслей. В результате Дэвид и Аша сдались. Когда настало время ложиться спать, они сказали, что Мика может продолжить игру, но при условии, что больше не станет выполнять никаких опасных заданий. Мика дал честное слово, заранее зная, что не сможет сдержать его, и от этого на душе стало еще тяжелее. Он долго не мог уснуть, лежа в кровати, где раньше спала Элли. Мика смотрел в

потолок и мучился угрызениями совести.

ГЛАВА 31

Дремлющая сила

В ранний предрассветный час, когда Мика и его родители мирно спали в своих постелях, за тысячи километров от их дома, на борту космической станции Мэл Горман сидел в своем кабинете. Подперев голову рукой, он вглядывался в монитор компьютера. Горман понятия не имел, который сейчас час; он знал только, что ужин давно закончился, и его дворецкий Ральф отправился спать. В кабинете было темно, единственным источником света была Земля. Ее чистое голубое сияние просачивалось сквозь большой круглый иллюминатор и монитор компьютера, который тускло светился на столе перед Горманом.

Ученый, занимавшийся сканированием памяти Мики, оказался прав: изображение было настолько темным и расплывчатым, что Горману пришлось несколько раз прокручивать запись, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь. Однако смысла большинства картинок он так и не понял. Перед Горманом мелькали какие-то неясные тени; время от времени возникали статичные образы — нечто вроде праздничного пирога со свечами, новогодняя елка — словом, ничего существенного, обычные детские фантазий. Горману пришлось потратить не один час, вновь и вновь запуская пленку в надежде увидеть что-нибудь более-менее важное. И вдруг, на последних кадрах, он наконец увидел то, что так долго искал. Воспоминание было настолько ярким, что даже Мика не смог подавить его, и точно так же, как в свое время оно испугало и поразило самого Мику, возникшая на мониторе картинка испугала и поразила Мэла Гормана. Он не верил собственным глазам. Горман снова и снова пересматривал запись, как будто от бесконечных повторов она могла стать более четкой. Затаившись в глубине какого-то черного пространства, где стены и потолок, казалось, давили друг на друга, сидел странный человек: вместо головы у него на плечах был надет телевизор. Мимолетное видение проскальзывало между двумя другими невнятными образами, и от него становилось не по себе. Человек-телевизор производил жуткое впечатление — его худое лицо с выступающими скулами светилось на выпуклом черно-белом экране; пустые остановившиеся глаза смотрели в пространство, как будто он ничего не видел и не чувствовал, как будто у него вообще не было души. Человек-телевизор сидел на полу; вытянув вперед свою костлявую руку, он сжимал в кулаке маленькую птичку, птица слабо трепыхалась в тщетной попытке вырваться из его кулака. Однако отнюдь не страдания несчастной птички произвели на Гормана столь пугающее впечатление и не мертвые глаза человека, затаившегося в черном пространстве. Его порастил сам факт, что этим уродом с головой-телевизором был он сам — Мэл Горман. Откуда в сознании ребенка, выросшего в городе для беженцев, среди серых бетонных стен и черных гнилых каналов, мог появиться его, Мэла Гормана, образ, да еще в виде отвратительного монстра с мертвыми глазами?!

Он нажал кнопку вызова, разбудил дворецкого и велел приготовить чашку горячего шоколада. У явившегося в кабинет Ральфа был заспанный вид, его седые волосы топорщились в разные стороны, он запахивал накинутый на пижаму халат и щурил глаза.

— Доброй ночи, сэр, — старый слуга вежливо поздоровался с хозяином и поставил на стол маленький серебряный поднос. — Что-нибудь еще, мистер Горман?

— Да, — проворчал Горман. — Взгляни-ка на это. — Он отпихнул в сторону поднос и ткнул пальцем в монитор компьютера, в очередной раз запустив запись воспоминаний Мики.

Ральф уставился на экран.

— Ну, это чудовище похоже на меня?

— Мм... да, некоторое сходство есть, — промямлил Ральф, не глядя на хозяина.

— Но как такое возможно?! — немедленно взорвался Горман. — Откуда в голове у мальчишки мог взяться этот образ? Он же никогда не видел меня! Оборванец, паршивый щенок, да как он смеет представлять меня монстром с телевизором вместо башки?!

Горман хотел сделать глоток шоколада, но его рука ходила ходуном, так что он даже не

мог поднести чашку к губам. В результате Горману пришлось сдаться и поставить чашку обратно на блюдце.

— Ну, в таком случае, это какой-то другой человек, похожий на вас, сэр, — высказал осторожное предположение дворецкий. — Иначе и быть не может, раз вы говорите, что никогда не встречались с мальчиком. В самом деле, сэр, я сейчас пригляделся повнимательнее и ясно вижу, что у этого человека и нос подлиннее вашего, и губы потоньше.

— Правда? — с надеждой спросил Горман. — Ты действительно так считаешь?

— Конечно, сэр, — соврал Ральф.

Дворецкий забрал поднос и ушел спать. Горман поднялся из-за стола и, подойдя к иллюминатору, уставился на плывущую вдалеке Землю — небольшой шарик, подернутый голубой дымкой. Горман задумался — он и сам не знал, почему его так пугают неясные образы, случайно возникающие в голове двенадцатилетнего подростка.

«Это чудовище совсем не похоже на меня, — успокаивал себя Горман. — Но, возможно, мне все же следует избавиться от мальчишки. На всякий случай. Хм, однако они говорят, что парень один из лучших».

Но как работать с ребенком, у которого в голове возникают подобные картинки? И все же без него не обойтись. Горману нужны эти особые дети, потому что только они способны сделать то, что он задумал. Правда, Горман предполагал, что дети будут бояться его, а не наоборот. А теперь что? Как он сможет контролировать мальчика, которого сам боится? Это все равно что положить в карман бомбу с часовым механизмом, заранее зная, что она может взорваться в любой момент. Горману до сих пор становилось не по себе при воспоминании о том, что произошло на палубе полицейского катера. Тогда горящий взгляд Элли, которая смотрела на него из глубины гроба, едва не остановил его сердце. Но какой бы сверхъестественной силой ни обладали эти дети, они всего лишь дети, напомнил себе Горман, и до тех пор, пока Мике Смиту не скажут, на что он способен, мальчишка никогда не догадается, какой силой наделила его природа.

«Я — Мэл Горман, и этот парень будет бояться *меня!*»

ГЛАВА 32

Кое-что для проигравших

Мика и Одри отправились в игровой зал в первый же вечер после возвращения из отпуска. Однако вместо теплого приема, на который они рассчитывали, их встретила холодная отчужденность одноклассников и знакомых, с которыми они обычно встречались в центре. Бывшие приятели, не здороваясь, проходили мимо, торопясь занять свободные тренажеры.

— Что это с ними? — шепотом спросила Одри. — Мы не виделись целую неделю, а они даже не смотрят в нашу сторону?

— Не знаю, — пожал плечами Мика.

Он внимательно всматривался в лица окружающих — у всех был озабоченно-деловитый вид, и Мика понял: за время их отсутствия в центре произошло что-то необычное.

Мика и Одри сыграли пару игр, однако никто из знакомых по-прежнему так и не подошел к ним. И лишь к концу вечера оба поняли, в чем дело. Оказывается, КОРД придумал кое-что интересное для тех игроков, которые не прошли в финальную часть соревнований. На ближайшие выходные была назначена выдача утешительных призов: кредитные карточки на довольно приличную сумму, талоны на обед в дорогих ресторанах, где подавали настоящую еду, и купоны на получение бесплатной одежды и обуви.

— Значит, дело не в нас, — сказала Одри, когда Том молча прошел мимо них, словно они были посторонними людьми на улице, — Они не избегают нас, просто у них появился новый интерес, все снова надеются на выигрыш.

Финальный раунд соревнований был назначен на ближайшие выходные, и Мика решил немного потренироваться на тот случай, если его снова попросят передвинуть какой-нибудь предмет при помощи взгляда. Правда, вместо куса мрамора Мике пришлось довольствоваться горохом. Вечером, когда родители легли спать, он прокрался на кухню и стащил из лежавшего в холодильнике пакета несколько замороженных горошин. Сжимая в кулаке холодные горошины, Мика вернулся в спальню и, усевшись на кровать, приступил к тренировке. Минут тридцать он пялился на рассыпанные по одеялу горошины, однако ни одна из них так и не сдвинулась с места. Мика даже начал сомневаться в том, что вообще когда-либо делал нечто подобное; возможно, ему это только показалось, и кусок мрамора не полз по столу, словно кто-то подталкивал его пальцем. Как ни старался Мика, горошины по-прежнему неподвижно лежали на одеяле и таяли совершенно естественным образом — Мика видел, как под ними расползается мокрое пятно. От напряжения у Мики начали слезиться глаза, он уже готов был бросить это бесполезное занятие, как вдруг в глубине горошин появилось слабое голубоватое свечение. Мика вздрогнул от неожиданности, и свечение исчезло. Но ему удалось понять главное: чтобы удержать свечение, нужно действовать так, как если бы ты пытался добыть огонь, высекая его из кремня, который держишь над пучком соломы. После того как искры попали на солому и она начала тлеть, следует осторожно подуть на крошечный огонек, чтобы заставить его разгореться, но в то же время нельзя переусердствовать, иначе задуешь еще не окрепшее пламя. Прошло еще минут двадцать, прежде чем Мике удалось восстановить свечение, затем он мысленно подтолкнул горошину. Она немного сдвинулась с места, всего на пару сантиметров, и снова замерла. И все же он сделал это! Мика тихонько взвизгнул и подскочил на постели, ударившись головой о верхнюю кровать. Затем он быстро разделся и, забравшись под одеяло, уставился в темноту широко раскрытыми глазами. Мику пугала таившаяся в нем сила, и в то же время сердце сжималось от восторга. На следующую ночь он повторил опыт. У Мики перехватывало дыхание каждый раз, когда горошина начинала светиться. Однако, как только он научился удерживать свечение, дело пошло намного быстрее. Через пару часов Мика уже мог свободно катать горошину по всей кровати; она легко переваливала через складки на покрывале, словно машина,двигающаяся по горной дороге. К концу третьей ночи Мика продвинулся настолько, что уже мог заставить горошину подняться в воздух. Сначала она висела у него перед носом, затем начала подпрыгивать, как будто ее опустили в кастрюлю с кипятком. К утру четверга Мика научился поднимать в воздух более крупные предметы. Когда Аша неожиданно вошла в комнату, она увидела висящие под потолком джинсы Мики. Мика испугался и отвел глаза, сделав вид, что возится с мобильником. Джинсы плюхнулись на пол.

— Гм, странно, — хмыкнула Аша, — я только что видела, как твои джинсы плыли по воздуху.

— Что ты видела? — Мика вскинул брови, старательно изображая недоумение.

— Твои джинсы... — Аша с подозрением покосилась на валяющиеся на полу джинсы, — ...чушь какая... На верное я схожу с ума, — пробормотала мама и, покачивая головой, вышла из комнаты.

ГЛАВА 33

Миссис Фулер плачет

Проснувшись утром в пятницу, Мика почувствовал тянущую боль в левом бедре. Фантомная боль, решил он, нога «запомнила», что с ней случилось неделю назад. Мика вылез из постели, оделся и подошел к окну. По небу плыли тяжелые свинцовые тучи, и на душе у Мики тоже было тяжело. Его охватило неприятное, сковывающее мышцы напряжение; он был похож на кошку, которая замерла перед прыжком. Одновременно на

Мику навалилась страшная усталость, не хотелось ни думать, ни действовать, как хорошо было бы стать обычным подростком, которому предстоит обычный школьный день. Но сегодня вечером за ним придут ОНИ, люди из КОРДа, так что впереди Мику ждал совсем не обычный день, и сам он не был обычным подростком. Он умеет двигать предметы при помощи взгляда и даже может заставить их летать по воздуху. Мика обернулся и взглянул на висящую над кроватью фотографию сестры. На него смотрела улыбающаяся семилетняя девочка с редкими молочными зубами и ссадиной на подбородке — в тот день они с Элли играли во дворе, Элли споткнулась и ударилась подбородком об асфальт. Мика тяжело вздохнул и начал собираться в школу.

Одноклассники Мики пребывали в страшном волнении — сегодня вечером начиналось новое соревнование, устроенное КОРДом специально для тех, кому не повезло в прошлый раз. Но Мика заметил, что миссис Фулер тоже ведет себя как-то странно. Учительница не сердилась и не одергивала их, хотя все говорили в полный голос, и в классе стоял несмолкающий гул. Она молча смотрела, как они разводят в стаканчиках белый порошок. Неожиданно глаза миссис Фулер наполнились слезами, она вскочила из-за стола и, пробормотав какую-то невнятную фразу о том, что ей надо проверить, хорошо ли заперты окна в учительской, выскочила из класса. Днем, когда закончились уроки в школе, и они собрались в спортивный лагерь на урок физкультуры, миссис Фулер пожелала им удачи. Голос учительницы дрожал, она нервно комкала в руках белый бумажный платочек. Мика всмотрелся в заплаканное лицо миссис Фулер. Встретившись с ней глазами, он вдруг понял, что учительница плачет от жалости к ним.

— Удачи тебе, Мика, — сказала миссис Фулер, когда Мика проходил мимо нее, направляясь к выходу из класса. Учительница ласково коснулась его плеча. — Я слышала, ты принимаешь участие в финале соревнований. Ты уезжаешь сегодня вечером?

— Да, — Мика кивнул. — В шесть часов. Они сказали, что пришлют за мной своего сотрудника.

— Ну что же, желаю тебе хорошо провести время. Береги себя, — добавила миссис Фулер, вскинув на Мику покрасневшие от слез глаза.

— Спасибо, миссис Фулер, — искренне поблагодарил Мика.

Он не мог сердиться на свою учительницу, что бы ни происходило с ним в прошлом, в этом не было ее вины. Бедная старая миссис Фулер, она знала их с первого класса, когда они явились в школу пятилетними детьми. И она любила их.

* * *

После окончания тренировки одноклассники Мики совершили марш-бросок до города и всей толпой отправились в игровой центр. Уроки грозного мистера Блайта не прошли даром, теперь они находились в отличной физической форме. Так что трехкилометровая пробежка от спортивного лагеря до Барфорд-Норда показалась им сущим пустяком; никто не падал и не задыхался — ребята прибыли в центр полные сил и решимости выиграть обещанные КОРДом призы. Мика в одиночестве отправился домой, собирать вещи. Родители отпросились с работы и вернулись домой раньше обычного. Мика понимал, что маме и папе хочется побыть с ним до отъезда, но в глубине души предпочел бы, чтобы они этого не делали. Аша суетливо бегала по квартире, возбужденно рассуждая о том, какие вещи ему следует взять с собой. Дэвиду тоже не сиделось на месте, он то и дело вскакивал с дивана и принимался мерить шагами комнату.

— Они не сказали, куда вас везут, — жалобным голосом произнесла Аша. Она стояла у кухонного стола, сжимая в руке пластиковый контейнер с сэндвичами. — Я даже не знаю, сколько продуктов дать тебе на дорогу.

Мике казалось, что вместо желудка у него внутри образовалась большая черная дыра; еда была последним предметом, о котором ему хотелось думать.

— Спасибо, этого более чем достаточно, — сказал он, вытаскивая из маминой руки

коробку с сэндвичами и запихивая ее в рюкзак, — Думаю, они покормят нас, когда мы прибудем на место.

— И все-таки хотелось бы знать, куда вас отправляют, — проворчал Дэвид. — Не люблю неизвестность.

— Меня не будет всего два дня, — успокоил отца Мика.

— Как только доедешь, обязательно позвони нам, — строгим голосом приказал Дэвид.

— Хорошо, если смогу, обязательно позвоню, — сказал Мика.

— И не разговаривай с незнакомыми людьми, — добавил отец.

— Пап, там все люди незнакомые, — попытался пошутить Мика.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, — не обращая внимания на беззаботный тон Мики, отрезал Дэвид. — И пожалуйста, никаких опасных игр.

— Конечно, папа. Мы ведь договорились: никаких подводных ружей, гарпунов, ножей, копий и прочих колющих и режущих предметов.

— И не забудь упаковать зубную щетку, пасту и мыло, — вмешалась в разговор Аша.

— Уже взял, — сказал Мика. — Я не хочу, чтобы меня дисквалифицировали за неопрятный внешний вид.

— А вот хамить необязательно, — буркнул Дэвид.

Вся эта бесконечная суета действовала Мике на нервы, но ему не хотелось ссориться с родителями перед отъездом. Чтобы избежать дальнейших препирательств, он решил спрятаться и юркнул в туалет, но едва Мика успел закрыть дверь, как лежавший в кармане мобильник разразился требовательным писком.

— Лилиан, я в туалете. Чего тебе надо? — раздраженно спросил Мика, но все же вытащил телефон из кармана и взглянул на светящийся дисплей.

— Извини, — робким голосом произнесла девушка. Она выглядела испуганной и от этого казалась еще симпатичнее. — Тут Хелен, она хочет поговорить с тобой.

— Хелен? — не веря собственным ушам, повторил Мика. — Моя Хелен?

— Да.

— Соедини нас, быстро. — От нетерпения Мика даже встряхнул телефон.

Какое счастье! После стольких месяцев разлуки он снова увидит *свою* Хелен! Но ее вид потряс Мику. Хелен изменилась до неузнаваемости: длинные седые волосы, которые, словно космы лесной ведьмы, вечно торчали в разные стороны, были коротко подстрижены и уложены кокетливыми буклями; в ушах Хелен покачивались маленькие жемчужные сережки, а вылинявшую спортивную кофту сменило шелковое цветастое платье с аккуратным кружевным воротничком. Хелен выглядела точь-в-точь как те пожилые леди, которые жили в ее доме. Мике иногда приходилось сталкиваться с ними на лестнице — старушки окидывали его презрительным взглядом, как будто само присутствие мальчика в их приличном доме было чем-то оскорбительным. Мике стало обидно, неужели его Хелен превратилась в такую же злобную каргу? Нет, он никогда не поверит, что она сделала это по собственному желанию. На запястье Хелен Мика заметил тяжелый металлический браслет, который явно не соответствовал ее элегантному наряду. Кроме того, она как-то странно пригибалась и прикрывала телефон ладонью, как будто разговаривала тайком. Мика понял, что Хелен сидит на корточках возле стола; белая скатерть с пышными фестонами свисала до самого пола, на заднем плане промелькнуло несколько фигур — старики в ярких нарядах и нелепых бумажных колпаках, которые люди считают необходимым натянуть себе на голову на праздничной вечеринке, шаркая подошвами, бродили вокруг стола.

— Привет, вундеркинд, — прошептала Хелен. — Рада видеть тебя.

— Я тоже! — воскликнул Мика. — Где вы находитесь, Хелен?

— На дне рождения, — шепнула Хелен. — Тебя не пригласили, но уверяю, ты ничего не потерял; половина гостей спит, а половина вообще не соображает, куда их привели. Ты нашел мое письмо в коробке с пирожными?

— Нет! — в отчаянии воскликнул Мика. — То есть я видел его, но не успел прочесть, папа выкинул пирожное.

Лицо Хелен вытянулось, она выглядела встревоженной.

— Что, Хелен? — Мика тоже разволновался. — Что вы хотели мне сказать?

— Ты все еще участвуешь в игре? — спросила Хелен.

— Да.

— В Барфорд-Норде?

— Да! Хелен, вы пугаете меня. В чем дело?

— Мика, тебе грозит серьезная опасность!

— Да это я уже понял. Но какая именно? Ну же, Хелен, говорите, — торопил ее Мика.

— Это я во всем виновата, — быстро прошептала Хелен, — Я посоветовала тебе принять участие в их игре... но я не знала...

— Чего, чего вы не знали? — Мика поднес телефон к самому носу и впился взглядом в дисплей.

— У меня нет времени, чтобы все объяснить, — сказала Хелен, нервно поглядывая по сторонам. — Но ты должен немедленно выйти из игры. Слышишь, *немедленно*. И держись подальше от игровых залов!

— Но я не могу! — воскликнул Мика. — Я дошел до финала. Меньше чем через час за мной придут люди из КОРДа. Кроме того, если я сейчас все брошу, я уже никогда не смогу найти Элли!

Внезапно за спиной Хелен возникли две здоровенные ноги в толстых шерстяных колготках и покачивающийся подол белой фланелевой юбки. Хелен оглянулась и втянула голову в плечи.

— Черт! — прошипела она. — Все, я больше не могу говорить!

— НЕТ! — завопил Мика. — Хелен, скажите, просто скажите, что они хотят с нами сделать?

Из-за спины Хелен вылезла красная мясистая рука и тяжело опустилась ей на плечо. Мика услышал голос:

— Ай-ай-ай, как не стыдно, миссис Гелт. Что это вы прячетесь под столом? Ну-ка, вылезайте. Садитесь на свое место. Смотрите, а что это у вас на тарелке? Ах, да это наш чудесный праздничный торт.

— Отпусти меня, ты, грязная скотина! — рявкнула Хелен и с размаху шлепнула ладонью по жирной лапе, которая железной хваткой впилась ей в плечо.

— Ну ну, миссис Гелт, не стоит шуметь, — с угрозой произнес голос. — Вы же знаете, что бывает с нарушителями дисциплины. Неужели вам хочется стоять в углу? Ну же, будьте хорошей девочкой, вылезайте из-под стола и отдайте мне ваш телефон.

— Нет! — взвизгнула Хелен.

Последовала недолгая возня. Мика слышат сердитые вопли и ругательства, затем телефон Хелен взвился в воздух и, описав широкую дугу, плюхнулся в какую-то белую вязкую жижу. Мика догадался, что это и был тот самый чудесный праздничный торт — он видел среди крема куски засахаренных фруктов и упавшую свечку.

— О, боже, миссис Гелт! — взревел человек за кадром. — Посмотрите, что вы наделали! Испортили торт! Да за такое хулиганство вас надо бы высечь. Немедленно отправляйтесь в угол, штрафное время — десять минут.

Хелен поволокли прочь от стола.

— Мика, спасайся! — кричала она, сопротивляясь из последних сил. — Беги от них, Мика, беги!

Крики Хелен потонули в каком-то шипении, затем раздался щелчок, и дисплей погас.

Секунд тридцать Мика в растерянности смотрел на черный экран. Где, черт подери, она находится? Смахивает на дом престарелых. Хелен — пленница! Эти люди напялили на нее дурацкое платье, подстригли и не разрешают ни с кем разговаривать. И почему они называют ее миссис Гелт? Когда фамилия Хелен Грин, а никакая не Гелт! Мика не мог не переживать за Хелен, но в то же время он чувствовал некоторое раздражение: во второй раз она пытается помочь ему, предупредить о какой-то серьезной опасности, но не говорит

ничего конкретного, только пугает своими намеками. В любом случае, сегодня вечером он не собирается идти в игровой зал. Но точно так же он не собирается отказываться и от участия в соревновании, потому что это означало бы отказаться от надежды разыскать Элли. Мика предпочел бы, чтобы Хелен внятно объяснила, почему ему следует держаться подальше от игровых залов. Что такого ужасного там может произойти? Неожиданно Мика вспомнил о странном вручении призов, которое придумал КОРД. Внутри все похолодело. Мика затолкал мобильник в задний карман джинсов, выскочил из туалета и, промчавшись мимо Аши, бросился к входной двери.

— Ты куда? — окликнула его мама. — Мика, ты что, забыл, за тобой скоро придут. Эй, подожди, тебе нельзя уходить! Стой, Мика, стой!

Крики Аши неслись ему вслед, но Мика заставил себя не обращать на них внимания и, втянув голову в плечи, бросился вниз по лестнице. Нужно немедленно поговорить с Коби, пока еще есть время. Мика хотел убедиться, что Коби не пошел играть. Он попытался дозвониться до него, но телефон не отвечал.

— Сколько у меня осталось времени до отъезда? — спросил Мика у своей верной Лилиан.

— Пятьдесят пять минут, — ответила девушка.

Мика бросился бежать. В этот темный сырой вечер большинство людей предпочитало сидеть дома. Мика мчался по пустынным улицам, его шаги гулким эхом отдавались среди бетонных стен. Ветер стих, в воздухе повисла зловещая тишина; низкие облака давили на город, от монотонного гудения протянувшихся над головой проводов высоковольтной линии становилось не по себе. Мика поежился — ему вдруг показалось, что вокруг него сгущается облако ядовитого газа. Барфорд-Норд замер, как будто ждал грандиозного взрыва, который должен потрясти мир. Мика заметил появившуюся вдалеке одинокую фигуру; подбежав ближе, он узнал Тома. Бывший напарник Коби в одиночестве шагал в сторону игрового центра. Мика резко остановился, но Том, словно не замечая его, прошел мимо.

— Том! — крикнул ему вслед Мика. — Том, подожди!

Том неохотно остановился. Мика видел, что окружавшая его золотистая аура заметно поблекла. Мика почувствовал себя неловко и на секунду замешкался.

— Чего тебе? — с раздражением спросил Том.

— Ты идешь играть?

— Да. Говори быстрее, я и так опаздываю, мама заболела, пришлось побыть с ней, пока она не уснула.

— Я хочу... помочь тебе, — запинаясь, произнес Мика.

Том покраснел и отвернулся.

— Я дам тебе денег, — уже гораздо увереннее добавил Мика. — Мы собираемся продать аэромобиль, которым КОРД наградил победителей третьего тура. Я отдам эти деньги тебе.

— С какой стати? — спросил Том, неловко переступая с ноги на ногу. — Ты меня почти не знаешь.

— Но я хочу помочь. Если бы ты тогда не втащил меня в поезд, я вообще не попал бы в Ридинг. Том, отнесись к этим деньгам, как к пакетику чипсов, которыми тебя угощает приятель. Знаешь, как бывает, ты умираешь от голода и думаешь, что можешь съесть целого слона, но первый голод прошел, и тебе хочется поделиться с другом.

— Деньги — это не чипсы, — мрачно заметил Том. — В любом случае, я не нуждаюсь в твоей помощи. Я сам выиграю столько денег, сколько захочу. В эти выходные.

Том развернулся и зашагал прочь, но Мика снова нагнал его.

— Пожалуйста, не ходи туда. — Он ухватил Тома за рукав. — Возьми мои деньги и возвращайся домой, к больной маме. Том, я тебя очень прошу.

— Да что с тобой? — Том сердито выдернул руку. — Совсем рехнулся!

— Том, пожалуйста.

Повисла пауза. Камеры наблюдения, установленные на стенах домов, нацелили свои

объективы на стоящих посреди улицы мальчиков. Мика всем существом чувствовал на себе напряженно-внимательный взгляд тех, кто сейчас наблюдал за ними. Ощущение было отвратительным. Мике хотелось предупредить Тома о грозящей ему опасности, но он не осмелился. Эти страшные люди следят за каждым их шагом, одно неверное слово — и ему конец: он исчезнет так же, как исчезла Элли.

— Ты считаешь, что я не способен выиграть, верно? По-твоему, я для этого не достаточно умен?

— Нет, конечно нет, — с жаром воскликнул Мика. Он сжал кулаки; невозможность сказать правду приводила его в отчаяние. — Я совсем не это имел в виду.

— Тогда что? — У Тома был обиженный вид. Не дожидаясь, пока Мика скажет то, что не мог сказать, Том развернулся и пошел прочь. Он сделал пару шагов, обернулся и бросил сердитым голосом: — Я сам в состоянии позаботиться о своей маме. Твоя помощь мне не нужна.

Мика смотрел вслед уходящему Тому, не в силах избавиться от зловещего предчувствия, что больше никогда не увидит его...

* * *

Коби открыл дверь и окинул Мику удивленным взглядом. Его длинные черные волосы были забраны в хвост, и Мика подумал, что впервые в жизни полностью видит лицо друга, а не его отдельные части — рот, нос, глаз. Лицо у Коби оказалось открытым и чистым. Мика на секунду представил Коби благородным принцем, который скачет на прекрасном белом коне по каменистой пустыне.

— Привет! — сказал Мика.

— Привет. — На губах Коби промелькнула едва заметная улыбка.

В одной руке Коби держат какой-то странный инструмент, напоминавший металлический карандаш, в другой — надкусанный бублик. Он отступил в сторону, пропуская Мику в квартиру. Мика прошел в комнату, переступая через разбросанные по полу куски проволоки. Никогда в жизни он не видел такого количества всевозможного железного хлама, занимавшего большую часть крохотной квартиры-раскладушки. По сравнению с жилищем Коби квартиру Хелен можно было назвать образцом чистоты и порядка. Все горизонтальные поверхности были завалены винтами, шурупами, гайками и проводами; даже на полках в кухне, где люди обычно хранят посуду и продукты, лежали кучи деталей и узлы каких-то неведомых механизмов. В гостиной вместо дивана и телевизора стоял длинный рабочий стол с прикрученной к нему яркой рабочей лампой на штативе.

— Я делаю механических котят, — пояснил Коби, кивнув в сторону стола, — Для Одри.

— Твой отец дома? — спросил Мика, поглядывая на дверь спальни.

— Нет, на работе.

Коби уже успел собрать двух котят, они гонялись друг за другом по столу среди разбросанных инструментов; третий котенок лежал неподвижно, дожидаясь, когда ему прикрутят голову.

— Невероятно, как ты это делаешь? — с искренним удивлением воскликнул Мика, наблюдая за крошечными роботами.

— Терпение, — сказал Коби. — Отец научил меня мастерить в детстве. Когда я плакал, он давал мне кусок проволоки и отвертку — папа говорит, что это был единственный способ заставить меня замолчать. До Эпидемии он был инженером, занимался конструированием промышленных роботов, а сейчас работает механиком, чинит кибергорничных — знаешь, которые ездят по офису, убирают мусор и разносят чай.

Мика горько усмехнулся.

— Обидно, конструктор промышленных роботов и мастер по ремонту горничных —

вряд ли это можно назвать повышением по службе.

— Да уж, — согласился Коби.

Он плюхнулся на стул и откусил кусок бублика. В дальнем конце стола шевельнулась неясная тень. Присмотревшись, Мика разглядел большого серебристого ворона. Механическая птица сидела на мотке проволоки и, склонив голову набок, разглядывала Мику своими черными глазами-бусинами.

— Это Никогдаш, — представил ворона Коби. — Он пока не умеет летать, но когда-нибудь обязательно научится. Иди сюда, Никогдаш.

Ворон расправил крылья, соскочил с мотка проволоки и, гордо вскинув клюв, запрыгал по столу, не обращая внимания на котят, которые бросились на него, пытаясь ухватить за ноги.

— Привет, Никогдаш, — рассмеялся Мика.

— Кр-р-рэк! — дружелюбным тоном отозвался ворон.

— Итак, — Коби вопросительно взглянул на Мику, — ты сегодня уезжаешь. Финал соревнования.

— Да, — кивнул Мика.

Коби снова окинул его внимательным взглядом.

— В таком случае, что ты делаешь у меня дома?

— Ничего, — Мика пожал плечами. — Просто... решил заскочить перед отъездом. Хотел убедиться, что в эти выходные ты не пойдешь играть.

Мика протянул ворону палец. Никогдаш подпрыгнул и клюнул его в ноготь.

— Конечно, не пойду, — фыркнул Коби, — Там соберется целая толпа психов. И это все, о чем ты хотел меня спросить?

— Ну-у... да, — Мика потупился.

Некоторое время Коби молча смотрел на Мику, словно пытался понять, что у него на уме. Затем порывлся в наваленной на столе куче хлама, извлек из-под мотка проволоки шариковую ручку и клочок бумаги. Коби нацарапал несколько слов и протянул записку Мике:

«Если не можешь сказать, напиши».

Мика уставился на клочок бумаги, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Коби молча наблюдал за ним. Затем снова взял ручку и дописал:

«Я знаю, что ты знаешь. И я тоже».

Мика взял у Коби ручку и написал:

«Там случится что-то страшное».

Мальчики молча посмотрели друг на друга. Коби кивнул и порвал записку на мелкие кусочки.

* * *

Всю дорогу до дома Мика бежал. Он примчался как раз вовремя — выскочив из лифта, он увидел у дверей своей квартиры человека в форменной куртке КОРДа. Прощаясь с сыном, Аша так крепко обнимала его и так долго прижимала к себе, что, в конце концов, Мике пришлось самому осторожно разжать пальцы мамы и снять ее руки со своей шеи.

— Я вернусь в воскресенье, — сказал он, заглядывая в глаза маме. Мика надеялся, что так оно и будет, однако сердце сжималось от боли, словно он навсегда прощался с родителями.

— Удачи, сынок, — хриплым голосом сказал Дэвид. — Сделай их всех.

— Постараюсь. — Мика выдавил слабую улыбку и сглотнул подступивший к горлу ком.

«Возможно, — думал Мика, — когда мы увидимся в следующий раз, я буду вместе с Элли».

Мика нащупал в заднем кармане джинсов картинку со львом. За последнее время

картинка Элли несколько поблекла: помимо путешествия на дно моря, которое она совершила вместе со своим хозяином, Мика уже довольно давно сидел на ней. Однако он по-прежнему свято верил в силу своего талисмана.

Дверь квартиры мягко захлопнулась. Человек в форме КОРДа развернулся и зашагал вверх по лестнице.

— Куда мы летим? — спросил Мика, поднимаясь вслед за ним на крышу, где их поджидал аэромобиль.

— На Кейп-Рот, — бросил человек.

Они молча взбирались по лестнице. Мика шагал за сотрудником Комитета, нервно сжимая в кулаке лямки своего потрепанного рюкзака.

ГЛАВА 34

Имплантаты и имплантаторы

Мэл Горман мельком взглянул на свое отражение в окне аэромобили и невольно вздрогнул. С тех пор как, просматривая запись воспоминаний Мики, он увидел монстра с мертвыми глазами и головой-телевизором, Горман не мог без дрожи смотреть на собственное отражение. Ему все время мерещилось, что вместо головы у него на плечах надет телевизор. Он достал из нагрудного кармана пиджака упаковку таблеток. «Вечная жизнь» — гласила надпись на этикетке. Выудив белую горошину, Горман поднес ее ко рту, но маленькая таблетка выпала из его неловких пальцев и упала на пол. «Проклятие», — злобно прошипел Горман. Он хотел поднять таблетку, но она укатилась слишком далеко. Горман вздохнул, с его больными коленями не так-то легко лишний раз подниматься с дивана. Он смерил сердитым взглядом валяющуюся на полу горошину и пошарил пальцами в коробочке в поисках другой таблетки.

Горман направлялся в Бирмингем, где находился один из самых больших игровых центров. Он хотел лично убедиться, что все идет по плану.

— Похоже, все в полном порядке, сэр, — сказал шофер, когда они зависли над крышей центра. — Смотри те, какая толпа! Думаю, здесь собрались все двенадцатилетние подростки города. И в остальных городах наверняка то же самое.

— Надеюсь, — проворчал Горман.

Он прижался лбом к стеклу и взглянул вниз. С неба сыпал мелкий дождь, но, несмотря на непогоду, площадь перед центром была забита детьми. Голубой пульсирующий свет рекламных огней на фасаде здания придавал лицам собравшихся мертвенно-бледный оттенок — задрав головы, дети смотрели на спускающийся на крышу аэромобиль. Сотни поднятых к ночному небу бледных лиц напоминали белые влажные жемчужины, рассыпанные на потрескавшемся керамическом блюде.

На посадочной площадке Гормана встречала представительная делегация. Здесь были сам мэр города, генеральный менеджер игрового центра, директора школ и учителя физкультуры, работавшие с детьми в спортивных лагерях. Встречающие стояли плотной группой; они зябко жались друг к другу и судорожно цеплялись за раскрытые зонты, которые ветер яростно рвал у них из рук. Горман вылез из аэромобили и, не обращая внимания на продрогших чиновников, направился к краю крыши. Он осторожно заглянул вниз, где на площади колыхалась толпа детей. Горман бросил взгляд на наручные часы — до начала мероприятия оставались считанные секунды.

— Отлично! — Мэл Горман удовлетворенно кивнул, когда ровно в семь часов двери центра распахнулись и толпа хлынула внутрь, — Замечательно, — добавил он, видя, как одну девочку отпихнули в сторону, и она шлепнулась в лужу. — Настрой что надо.

Генеральный менеджер центра распахнул перед Горманом дверь, ведущую внутрь здания; Горман начал спускаться вниз по лестнице, его свита следовала за ним по пятам. Чиновникам из городского правительства предстояло вместе с Горманом совершить экскурсию по игровым залам центра, а затем принять участие в торжественном банкете,

посвященном успешному началу грандиозного проекта Мала Гормана. Люди в форменной одежде КОРДа сновали по внутренним коридорам здания, занимаясь последними приготовлениями, пока дети валом валяли через главный вход и заполняли залитую ослепительным светом центральную галерею. Генеральный менеджер провел своих гостей по секретным помещениям центра, где находились односторонние зеркала — через них можно было наблюдать за тем, что делается в игровых залах, в многочисленных кафе и магазинах. Городские чиновники, впервые оказавшиеся в центре, с интересом слушали экскурсовода, но Горману вскоре наскучило таскаться по коридорам, он прекрасно знал каждый закуток здания. Единственное, что его интересовало, — это операционная, или имплантационная, как окрестил ее Горман. Здесь особым сотрудникам КОРДа, которым Мэл Горман присвоил звание имплантаторов, предстояло сделать очень важную работу.

— Зачем вы показываете нам все это? — спросил Горман генерального менеджера, когда тот объявил, что сейчас они пройдут в столовую для персонала. — Думаете, мне интересно смотреть, где вы обедаете? Прекратите морочить мне голову, я хочу взглянуть на имплантационную.

— Слушаюсь, сэр. — Менеджер залился краской, как первоклассник, который получил нагоняй от учителя. — Сюда, пожалуйста.

Имплантационная смахивала на прозекторскую — яркий свет, холодный белый кафель, длинный оцинкованный стол посередине и ряд металлических моек вдоль одной из стен; противоположную стену занимал высокий стеллаж для хранения медицинских препаратов. Имплантаторы, одетые в белые комбинезоны, толпились вокруг оцинкованного стола, распаковывая коробки с оборудованием и инструментами. Когда делегация во главе с Горманом вошла в комнату, все дружно обернулись к двери. Разговоры мгновенно стихли — побросав свою работу, люди замерли вокруг стола. Горман внимательно вглядывался в лица имплантаторов в поисках каких-либо признаков внутренней слабости или нерешительности. То, что им предстояло сделать с детьми, требовало абсолютной душевной черствости; человеку, у которого имелись хотя бы зачатки совести, подобная задача могла оказаться не под силу. Горман пробежал глазами список с фамилиями и личными данными имплантаторов и с удовлетворением отметил, что почти все они пенсионеры с большим стажем работы патрульными полицейскими.

— У кого-нибудь из вас есть дети или внуки соответствующего возраста, которые могут сегодня оказаться в игровых залах? — спросил Горман. Его холодные глаза впились в лица стоящих перед ним людей.

Имплантаторы дружно покачали головами.

— Хорошо. Я знаю, что вам уже задавали этот вопрос, но мне хотелось лишний раз убедиться. Вам, конечно, известно, насколько важно, чтобы имплантаты были установлены должным образом.

Имплантаторы кивнули.

— Надеюсь. Если хотя бы один ребенок пострадает или умрет, вам не заплатят. Я хочу контролировать поведение детей, а не превращать их в безмозглых идиотов. Несколько подростков уже погибли в результате непростительных ошибок, допущенных вашими предшественниками. Так что учтите...

Горман угрожающе понизил голос и снова окинул взглядом притихших сотрудников. Ему на глаза попала женщина, чье лицо выглядело несколько мягче, чем окаменевшие физиономии остальных имплантаторов. Горман заглянул в список и обнаружил, что в прошлом она работала медсестрой в родильном доме.

— Вы, — Горман ткнул пальцем в направлении пожилой женщины, — вон отсюда!

Женщина вздрогнула.

— Почему? — вскрикнула она. — Что я такого сделала?

— Мне не нравится ваше лицо, — рявкнул Горман, — Я сказал, пошла вон!

— Пожалуйста, — взмолилась женщина. — Мне нужна эта работа! Мне очень нужны деньги!

— Это ваши проблемы. Все, разговор окончен.

Горман небрежно взмахнул рукой. Женщина всхлипнула и, зажав рот ладонью, выбежала из комнаты. Горман продолжил осмотр кандидатов. Наконец, он удовлетворенно кивнул, словно убедившись, что каменное спокойствие и полное безразличие, написанные на лицах оставшихся мужчин и женщин, соответствует их внутреннему состоянию.

— А теперь пускай кто-нибудь из вас расскажет мне, что вам предстоит сделать в ближайшие выходные, — потребовал Горман.

Высокая полная женщина сделала шаг вперед. «Хм, какой необычный экземпляр», — подумал Горман, разглядывая стоящую перед ним даму, — полное отсутствие бровей и ресниц и кривоватый рот с мелкими, как у ребенка, зубами делали ее похожей на рептилию.

— Всем двенадцати-тринадцатилетним подросткам, за исключением мутантов, будут установлены имплантаты.

— Правильно, — кивнул Горман. Он прекрасно знал, что именно эти люди сделают с детьми, но хотел, чтобы женщина сама изложила ему план действий. Горман желал убедиться, что имплантаторы четко понимают свою задачу. — Расскажите, *как* вы будете устанавливать имплантаты.

— Перед входом в игровой зал висит большой экран, — уверенно продолжила женщина-рептилия. — Снаружи он выглядит как рекламный щит, на котором демонстрируют ролик новой игры. Однако на самом деле экран нужен для того, чтобы дети, ждущие своей очереди снаружи, не видели, что происходит внутри. В воскресенье, когда они явятся сюда в надежде выиграть кучу денег и другие призы, мы подвергнем их маленькой операции. На каждого ребенка уйдет не более трех секунд, так что к тому моменту, когда они заподозрят неладное, будет уже поздно. Ну а потом им вообще будет все равно. После того как мы установим имплантаты, они не смогут вспомнить собственное имя, но при этом будут послушно выполнять любое наше указание. Затем мы пронумеруем каждого ребенка, раздадим им шлемы и валим подняться на крышу. Они пойдут вверх по лестнице, как стадо овец. Там их погрузят в самолеты, по сотне в каждую машину, и доставят на Кейп-Рот. По нашим расчетам, мы закончим работу в воскресенье к восьми часам вечера.

— Все верно, — похвалил Горман. — А теперь скажите, что вы сделаете с мутантами.

— Детям-мутантам нельзя вставлять имплантаты, их мозг устроен иначе, чем у обычных детей, поэтому наш прибор на них не действует.

— И поэтому... Что вы с ними сделаете? — тоном доброго учителя, который пытается подбодрить примерную ученицу, спросил Горман.

— Как только ребенок-мутант заходит в зал, мы делаем ему укол транквилизатора. Ребенок засыпает, мы кладем его на носилки, грузим в самолет и тоже отправляем на Кейп-Рот.

— Все точно, — удовлетворенно кивнул Горман, — Будьте предельно внимательны, чтобы по ошибке не установить прибор мутанту. Это очень важно. Дайте-ка мне взглянуть на имплантат.

Женщина протянула Горману плоский серебряный диск размером примерно с пятицентовую монету. С одной стороны диска торчало шесть острых шипов, на другой была укреплена крошечная электронная плата и маленькая, не толще человеческого волоса, проволока.

— Диск прикладывается ко лбу ребенка, — начала давать пояснения женщина, — шипы прокалывают кожу и прикрепляются к костям черепа; проволока работает как самонаводящееся сканирующее устройство. В течение двух секунд сканер находит нужный участок мозга и вторгается в него. Все, имплантат установлен.

— Да-а, — задумчиво протянул Горман, подбрасывая на ладони маленький серебристый диск. — До чего дошла современная наука — чудо, да и только! Отныне каждый ребенок будет находиться под полным и постоянным контролем. Нам давным-давно следовало бы внедрить эту технологию. — Неожиданно лицо Гормана помрачнело. — Жаль, что они не действуют на мутантов, — с раздражением добавил он. — Придется придумать

какой-то иной способ, чтобы управлять ими.

Горман вернул имплантат женщине и тяжело вздохнул;

— Я доволен. Похоже, вы знаете свое дело, — Он повернулся к генеральному менеджеру: — Экскурсия окончена. Как мне попасть на крышу?

— Разве вы не останетесь на банкет, сэр? — спросил менеджер, изо всех сил стараясь скрыть свое облегчение.

— Нет, — отрезал Горман. — У меня еще масса работы. Завтра утром я отправляюсь на Кейп-Рот.

— Конечно, сэр. Охранник проводит вас до выхода.

Усевшись в машину, Горман откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Аэромобиль оторвался от крыши и начал набирать высоту; чем выше он поднимался в ночное небо, тем глубже Горман погружался в сон. Он уже готов был отключиться, как вдруг во рту у него возникло какое-то неприятное покалывание. Горман в полусне приоткрыл один глаз и, слегка шевельнув языком, выплюнул на ладонь маленькую коричневую семечку, которая тут же развернулась в большой березовый лист — нежно-зеленый клейкий лист полностью закрыл ладонь Гормана. Секунду Мэл Горман в недоумении смотрел на него, затем удивленно захлопал ресницами. Лист исчез.

ГЛАВА 35

Кейп-Рот

Мика понимал, что Кейп-Рот не имеет ничего общего с тем курортом, где он отдыхал вместе с родителями, и не рассчитывал увидеть золотистые песчаные пляжи и покачивающиеся на ветру пальмы. Но он никак не ожидал, что этот одинокий мыс на северном побережье Шотландии окажется похож на преисподнюю. Прибрежные утесы заканчивались отвесными обрывами, поэтому вместо мягкого ласкающего слух шороха гальки в воздухе над Кейп-Ротом висел несмолкающий рев волн, которые с остервенением кидались на скалистый берег. Узенькая полоска поросшей сероватым мхом почвы тянулась вдоль оконечности мыса. Но это был лишь намек на растительность, которая исчезала на подступах к уродливому форту в центре мыса, словно сама земля была отравлена его ядовитыми корнями. Форт на Кейп-Роте, один из десятка подобных сооружений, построенных вдоль северного побережья Британии, был настоящей гордостью Мэла Гормана. Конструкция из черного металла напоминала огромный приплюснутый пирог; его бока прорезали узкие окна, которые, словно злобные волчьи глаза, горели в темноте желтым огнем. По сравнению с фортом Кейп-Рота бетонные дома-башни Барфорд-Норда казались веселыми пряничными домиками. Два ряда неприступных стен поднимались вокруг форта на несколько десятков метров — чтобы перебраться через наружную стену крошечному аэромобилю, который доставил Мику на мыс, пришлось подняться чуть ли не под самые облака. Когда они перевалили через край стены, перед ними встала вторая, внутренняя стена, а внизу открылся глубокий провал, где помещалась выдолбленная в гранитной скале посадочная площадка.

Мика услышал оглушительный рев: казалось, небо над головой раскололось на части. Он прилип носом к стеклу и успел заметить пару истребителей, которые, словно две тяжелые черные осы, поднялись с аэродрома. В мгновение ока самолеты набрали высоту и исчезли в облаках. Впервые в жизни Мика видел настоящие истребители. «Ух ты!» — вырвался у него восторженный возглас.

Аэромобиль нырнул вниз, словно брошенный в колодец камушек, и опустился на землю. Дверь открылась, и Мика выбрался на залитую тусклым светом посадочную площадку. Его внимание сразу привлекли выстроившиеся вдоль взлетной полосы черные истребители — подсвеченные снизу прожекторами изящные самолеты с длинными заостренными носами сверкали черным лаком. Истребители выглядели совершенно новыми, как будто только что сошли с конвейера; похоже, на них еще ни разу не летали.

Мика слышал яростный рев волн, бьющихся о каменистые утесы; горьковато-соленый запах моря чувствовался даже за стеной. Мика поежился и подумал, что для финала соревнований трудно было выбрать более неприветливое место. Он заметил идущего к нему человека в военной форме с тремя золотыми полосками на погонах.

— Добро пожаловать на Кейп-Рот, — с вежливой улыбкой произнес человек. — Пожалуйста, следуй за мной.

— А как же мои вещи? — спросил Мика, с тревогой поглядывая на аэромобиль.

— Не волнуйся, — сказал человек, — твои вещи до ставят тебе в комнату.

Они прошли между рядами истребителей и подошли к лифту, который был подвешен на отвесной каменной стене. Мика с неохотой зашел в кабину, освещенную одной-единственной тусклой лампочкой. Железная сетчатая дверь с лязгом захлопнулась у него за спиной, лифт дернулся и медленно пополз вдоль стены. Мике казалось, что прошла целая вечность, прежде чем лифт остановился и дверь вновь открылась; однако, выбравшись наружу, он сразу почувствовал себя намного веселее. Мика оказался в просторном светлом холле. Обшитые пластиковыми панелями стены сияли белизной, на блестящем полу не было ни единого пятнышка, так что у Мики создалось впечатление, что он вообще первый человек, который ступает по этому полу. Холл и коридор были похожи на новый, только что отделанный дом, в котором еще никто не жил.

Они прошли по длинному коридору с множеством дверей и вошли в большую комнату, которая была отделена от коридора прозрачной дверью. Мике стало не по себе. Почему-то это ярко освещенное помещение напомнило ему аквариум, куда можно прийти посмотреть на плавающих за стеклом экзотических рыб, — когда-то, еще до того, как на земле разразилась Эпидемия, такие огромные аквариумы были в старых зоопарках. Неподвижная фигура охранника, маячившая в коридоре возле стеклянной двери, только усиливала сходство со зверинцем. Мика оглянулся в поисках окон, но ни одного окна в комнате не было. Посредине стоял большой стол и белые пластмассовые стулья; одна из стен была занята плоской телевизионной панелью, напротив стоял диван и несколько кресел. По периметру комнаты располагалось двенадцать одинаковых дверей и дверь в душевую комнату. Провожатый подвел Мику к одной из дверей. По спине у Мики пробежал холодок, когда, взглянув на электронную табличку над дверью, он прочел собственное имя, набранное красными светящимися буквами. Он стал частью Кейп-Рота еще до того, как попал на мыс. Человек открыл дверь и отступил в сторону, пропуская Мику внутрь.

— Мы приготовили для тебя специальную форму, — сказал он. — Когда переоденешься, вызови меня по интеркому, я приду забрать твою одежду.

— Хорошо, — кивнул Мика.

Дверь мягко захлопнулась. Оставшись один в маленькой комнате, Мика сразу почувствовал приступ клаустрофобии. Все вокруг сияло больничной белизной — белая кровать, белый стенной шкаф, белый стол и даже висевшее над ним зеркало было оправлено в белую пластмассовую раму. Окон в комнате не было, воздух поступал через вентиляционное отверстие над дверью. На кровати лежала аккуратно сложенная форма, о которой говорил человек в погонах. Рядом на тумбочке стоял поднос с едой. Авен на мгновение материализовалась из воздуха, понюхала тарелку, недовольно фыркнула и тут же исчезла. Мика понял, почему собаке не понравилось угощение, — на тарелке лежала непонятная красноватая масса, отдаленно напоминавшая карри; вид у этой жижи был непривлекательный. Мика брезгливо поморщился и убрал поднос в тумбочку.

Форма тоже была белой, вдоль штанин шли черные лампасы, рукава куртки оканчивались черными манжетами. Свободная одежда смахивала на больничную пижаму. Вместо ботинок Мике предлагались мокасины, нечто вроде гольфов с резиновыми подошвами. Более дурацкой обуви он в жизни не видел, но, когда Мика взял мокасины в руки, у него возникло странное ощущение, будто он держит вещь, которая когда-то принадлежала Элли. Сердце учащенно забилося, Мика даже оглянулся, словно ожидая увидеть стоящую позади сестру. Это неожиданное открытие наполнило его оптимизмом.

Мика быстро переоделся в белую пижаму, и не успел он натянуть мокасины, как в комнату вошел человек с золотыми погонами. Он собрал одежду Мики и скрутил ее в узел. Теперь у Мики не осталось ничего своего, кроме картинки со львами.

— Ужинай и ложись спать, — сказал человек. — Тебе нужно набраться сил, завтра у нас напряженный день.

Мика молча кивнул. Однако ни есть, ни спать ему не хотелось. У Мики было неприятное ощущение, будто в комнате не хватает воздуха. Он вдохнул полной грудью, но ощущение духоты только усилилось. Мика лег на кровать — матрас оказался тонким и жестким. Подушка тоже была тонкой и неудобной, на наволочке красовался штамп с логотипом КОРДа. Мика сложил подушку пополам и подсунул под голову, затем взглянул на потолок и увидел камеру, которая внимательно наблюдала за каждым его движением.

«Да, мы больше не прикидываемся, будто находимся на курорте», — мысленно усмехнулся Мика.

Минуть через десять раздался осторожный стук в дверь. Мика открыл, и у него невольно вырвался вздох облегчения — на пороге стояла Одри.

— Привет! Прикольные башмаки! Да? — Одри расплылась в улыбке.

— Обалденные! — Мика вытянул вперед ногу и полюбовался мокасинами. — Пожалуй, попрошу у них пару-другую, буду носить дома вместо тапок.

Одри расхохоталась. В белых брюках с черными лампасами и белой рубашке она выглядела совсем иначе, взрослее и серьезнее. Однако Одри быстро испортила впечатление, когда, скинув мокасины, запрыгнула на кровать Мики.

— Жестковата у тебя кровать, — зеленые глаза Одри сверкнули озорным огнем.

Мика наблюдал за Одри, которая, точно свихнувшийся эльф, прыгала по его кровати, и пожалел, что не может быть таким же веселым и беззаботным. Но, решил Мика, Одри веселится, потому что пока не понимает, куда попала.

— За тобой наблюдает камера, — Мика ткнул пальцем в потолок, — так что будь любезна, води себя прилично.

— А мне плевать. — Одри скроила страшную физиономию и высунула язык. — И еда у них мерзкая. Да? Выглядит как помой. Я не стала есть.

— Я тоже.

— Эй, скажите там, на кухне, — капризным голосом заявила Одри, обращаясь к камере: — на курорте нас кормили гораздо лучше. Я хочу хлеба, сыра, бананов и апельсинов.

— Ты сумасшедшая, — заметил Мика.

— Не, просто мне весело! — раскинув руки, выкрикнула Одри и еще сильнее запрыгала по кровати. — Ты не представляешь, как медленно тянулась прошлая неделя. Мне казалось, что я умру от скуки. Как думаешь, когда мы начнем летать на истребителях?

Мика пожал плечами.

— Хорошо бы прямо завтра. — Одри мечтательно закатила глаза.

Она спрыгнула с кровати и уставилась на валяющиеся на полу мокасины. Они поднялись в воздух и подплыли к Одри.

— Удобно, да? Взглянул — и готово дело, — рассмеялась Одри, натягивая мокасины на ноги. — Мне больше не приходится нагибаться, чтобы собирать с пола вещи.

* * *

Одри ушла, сказав, что устала и ложится спать, но Мике совсем не хотелось спать. Он решил принять душ. Однако из общей гостиной доносился звук работающего телевизора и громкий хохот, в том числе и Рубена — видимо, там было полно народу. Мике пришлось ждать целую вечность, прежде чем вопли в гостиной неожиданно оборвались. Он услышал чей-то строгий голос, который приказал всем немедленно разойтись; должно быть, охранникам надоела эта возня, и они решили разогнать гостей по комнатам. Мика выждал еще пару минут, взял мыло и полотенце и выскользнул за дверь. В гостиной перед

телевизором сидели несколько ребят, увидев Мику, они улыбнулись.

— Привет. — Мика улыбнулся в ответ.

Подойдя к дверям душевой для мальчиков, он услышал шум бегущей воды. Мика приоткрыл дверь и заглянул внутрь. В одной из кабинок он увидел Лео, золотого мальчика, который первым подплыл к Мике, когда его ранили в ногу, и помог продержаться до прибытия спасателей. Лео стоял спиной к Мике, подставив лицо под душ. Струи горячей воды бежали по его закрученным в тугие кольца волосам и сползали по спине до самого... хвоста. Да, у Лео был хвост — маленький, покрытый розовой кожей отросток, который слегка покачивался, когда Лео энергично намыливал волосы шампунем. Мика смутился, словно увидел то, что ему не полагалось видеть. Он хотел потихоньку уйти и уже начал отступать назад, но Лео почувствовал чье-то присутствие; он быстро обернулся и уставился на Мiku своими необычайно яркими голубыми глазами.

— Привет, — пробормотал Мика, подумав, что, вероятно, выглядит полным идиотом, стоя в дверях душевой и прижимая к груди мыльницу и скомканное полотенце.

— Привет, Мика, — Лео улыбнулся, — Как нога?

— В порядке. Спасибо. То есть я хочу сказать, спасибо, что помог мне тогда. Я твой должник.

— Да ну что ты, — просто ответил Лео, — ты на моем месте сделал бы то же самое.

Он отвернулся, взял с висящей на стене полки губку и принялся тереть плечи и грудь. Мика понял, что будет выглядеть еще большим идиотом, если сейчас развернется и уйдет, так и не помывшись. Он скинул с себя одежду и встал под соседний душ. Лео молчал. Мика старательно намыливал голову и скреб себя мочалкой; его не покидало ощущение какого-то странного внутреннего напряжения. Когда Лео закончил мыться, вытерся и ушел, Мика вздохнул чуть свободнее и мысленно обругал себя последними словами.

«Он точно такой же обычный мальчик, как я», — убеждал себя Мика.

Но так ли это? Дело даже не в том, что у Лео есть хвост: в нем самом было что-то особенное. Интересно, думал Мика, все финалисты мутанты. Он сам и Одри мутанты, Лео тоже явный мутант, а как насчет Рубена? Мика никогда не замечал, чтобы у Рубена были какие-то физические особенности; к тому же в школе он прохода не давал мутантам, всячески дразнил и оскорблял их. Так что вряд ли Снайт может быть мутантом. Но Мика знал, что некоторые люди скрывают такие вещи, потому что стесняются своих мутаций. Некоторым людям, как, например, Элли, делают операции, а у некоторых, как, например, у него, «неправильные» части тела незаметны для окружающих. Но, если на самом деле все финалисты мутанты, это, пожалуй, можно назвать иронией судьбы: дети, которых всегда презирали за то, что они не такие, как все, вдруг выигрывают дорогие призы. Идея о финалистах-мутантах вызвала у Мики беспокойство. А что, если именно благодаря своим мутациям они способны видеть светящуюся ауру и заставлять предметы летать по воздуху? И вновь у Мики возникло пугающее чувство, будто внутри у него живет совершенно другой, незнакомый ему человек, который только начинает проявлять себя. Мысль о том, что люди из КОРДа, по-видимому, знают гораздо больше об этом незнакомце, чем сам Мика, очень ему не понравилась.

ГЛАВА 36

Парковка

Мике наконец удалось заснуть. К счастью, в эту ночь он спал без сновидений, спокойно и крепко. Но в тысячах миль от Кейп-Рота, на борту космической станции «Снежная королева» находился человек, которому повезло чуть меньше. Мэл Горман. Всю ночь его преследовали кошмары. Горману снилось, что на плечах у него вместо головы телевизор, и он стоит посреди парковки, большой, залитой бетоном площадки. Много десятилетий назад, когда люди еще ездили на обычных машинах с бензиновыми двигателями и четырьмя колесами, на Земле было полно таких парковок. В кулаке у него зажата связка железных

ключей, таких тоже давным-давно не существует; он беспомощно озирается по сторонам, пытаясь отыскать свою машину. Но на парковке нет ни одной машины, и людей тоже нет — куда ни глянь, бескрайнее серое бетонное поле с белыми полустертыми линиями разметки.

Внезапно земля у него под ногами вздрогнула. Горман, вернее, человек-телевизор нагнулся и приблизил свое лицо-экран к бетонному покрытию, пытаясь разобраться, в чем дело. Однако он тут же снова с раздражением выпрямился, решив, что, коль скоро он занят поисками своей машины, ему не следует отвлекаться на подобные мелочи. Но тут земля под ним начала ходить ходуном. Она то вздымалась буграми, то проваливалась вниз, образуя глубокие ямы, словно это была и не земля вовсе, а огромное одеяло, под которым ворочается невидимый великан. Чтобы не упасть, человеку-телевизору приходилось широко расставлять ноги и балансировать руками. Когда же великан, наконец, успокоился, потрескавшееся бетонное поле превратилось в вереницу холмов и впадин, расчерченных белыми линиями разметки: теперь парковка окончательно приобрела вид скомканного одеяла. Человек-телевизор ужасно разозлился и стал кричать на землю у себя под ногами.

«Как, по-вашему, я отыщу свой автомобиль, если парковка все время шевелится и меняет форму!» — вопил сердитый человек-телевизор.

Земля мгновенно среагировала на его вопли — бетонное покрытие прорезали зигзагообразные трещины, со скоростью молнии они начали разбегаться в разные стороны. Человеку пришлось подпрыгнуть, когда одна из трещин проскользнула у него между ногами, затем еще и еще. Человек-телевизор прыгал, точно на раскаленных углях, пытаясь найти среди расползающихся трещин клочок твердой земли. Бледное лицо на экране телевизора уже не выглядело таким сердитым, на смену гневу пришел страх. Впрочем, ему было чего испугаться — одна из трещин выбросила из себя несколько плотных побегов. Побегι эти, такие же проворные, как и сами трещины, и гибкие, точно змеи, быстро нашли его ноги и начали обвиваться вокруг лодыжек. Человек принялся бешено дергать ногами и, брызгая слюной, орать и размахивать ключами от машины, словно растениям было не все равно, сумеет он отыскать свой автомобиль или нет. Не обращая внимания на вопли и жалобы сердитого человека, растения продолжали ползти вверх — меньше чем через минуту все его тело, кроме головы-телевизора, оказалось опутано побегами; человек стал похож на завернутую в бинты египетскую мумию. Затем испуганное выражение на лице-экране сменилось паническим ужасом; черно-белые петли побегов сдавили человеку горло и начали душить. Вдруг один из побегов напрягся и разбил экран телевизора, остальные устремились вслед за ним, мгновение — и щупальца растения опутали его с головы до ног; человек-телевизор оказался в плотном коконе из побегов и листьев, словно попавшая в паутину муха. Затем под ногами у него появилась новая трещина, земля смачно чавкнула и проглотила его. Все исчезло. Горман вскрикнул и проснулся. Задыхаясь и кашляя, он вцепился руками в горло.

В комнате было темно и тихо. Горману чудилось, что он слышит шорох скользящих по полу побегов, они быстро подбирались к его кровати.

«Свет! — прохрипел Горман. В комнате вспыхнул свет, — Ярче! — заорал он, — Ярче! Еще ярче!» — Горман вопил до тех пор, пока в комнате не стало светло, как в супермаркете.

Горман взглянул на пол. Фу, чушь какая. Конечно же, никаких побегов на полу не было; он видел знакомый узор ковра и свои шлепанцы, аккуратно стоявшие возле кровати.

«Старый идиот, — откидываясь на подушку, прошептал Горман, — Человек-телевизор. Ведь он даже не похож на меня».

ГЛАВА 37

Самый обыкновенный ребенок

На следующий день рано утром в комнату к Элли вошел человек с пистолетом. Решив, что она спит, человек смело подошел к ее кровати. Несколько мгновений он смотрел на Элли сверху вниз, пистолет свободно лежал в его руке. Человеку было жаль Элли — в белой

пижаме с разметавшимися по подушке волосами она выглядела как самый обыкновенный ребенок. Внезапно глаза Элли открылись, человек вздрогнул от неожиданности и отскочил в сторону.

«Нет, — подумал он, стараясь не смотреть на девочку, но ее взгляд притягивал, точно магнит. — В этом ребенке нет ничего обыкновенного».

Человек вспомнил, что она сделала с Мэлом Горманом, когда тот велел ей лечь в гроб; эта жутковатая история была известна всем, кто работал на станции. Девчонка очень опасна, своим взглядом она способна причинить боль, возможно, даже убить. Человек крепче сжал пистолет и направил его в лицо Элли.

— Что тебе нужно? — спросила Элли.

За прошедшие месяцы ей пришлось видеть столько пистолетов, что они перестали пугать ее; и все же не очень приятно проснуться и обнаружить, что у тебя перед носом размахивают оружием.

Всю последнюю неделю Элли чувствовала, что скоро должно произойти какое-то важное событие. На станции кипела работа, люди Гормана нервничали, между «Снежной королевой» и Землей безостановочно сновали грузовые и пассажирские корабли. Элли пыталась выяснить, что происходит, но на ее вопросы никто не отвечал, и она начала волноваться за Мику.

— Вставай и собери свои вещи, — холодно бросил человек с пистолетом. — Мы переезжаем.

— Куда переезжаем?

— На Землю.

— Зачем?

— Затем, что так велел Горман.

— Неужели? — вскинула брови Элли. — А куда именно на Землю?

— Не туда, куда тебе хотелось бы, — жестким тоном заявил человек с пистолетом.

— Знаешь, я не настолько глупа, чтобы думать, будто вы собираетесь вернуть меня домой, — отрезала Элли, откидывая одеяло и вылезая из постели, — Просто скажи, куда мы летим.

— На Кейп-Рот.

Однажды Элли уже была вместе с Горманом на мысе — вскоре после того, как там построили форт. Элли пожала плечами.

— В любом случае это лучше, чем торчать здесь, на этой летающей консервной банке. А как насчет Пака? Мы же не можем бросить его на станции.

— Он полетит с нами.

— Хорошо. — Элли постаралась скрыть вздох облегчения.

— Давай пошевеливайся, собирай свои вещи, — сказал человек, обводя взглядом пустую белую комнату. — У нас мало времени.

— У меня нет вещей, — тихо сказала Элли, — только это.

Она взяла лежавшую на краю кровати книгу. Несмотря на то что это был подарок Мэла Гормана — человека, которого Элли ненавидела больше всего на свете, книга ей нравилась, она читала ее каждый вечер. Охранник с пистолетом ждал за дверьми комнаты, пока Элли оденется. Поверх белого комбинезона, в котором она обычно ходила по станции, Элли натянула длинное белое пальто, доходившее почти до полу. Элли помнила, какой холод царил на Кейп-Роте.

— Я готова! — крикнула Элли.

Человек вернулся в комнату.

— Вперед, мисс Неприятность, — скомандовал он, указывая пистолетом на дверь. — Забирай свою книжонку и пойдем за твоей хулиганкой обезьяной.

Они двинулись в глубь станции по нескончаемым коридорам, которые напоминали тело огромного белого червя.

Комнаты обслуживающего Персонала «Снежной королевы», за исключением

апартаментов Гормана, были одинаково безликими: белый пол, белые панели на стенах и на потолке, белая пластмассовая мебель. В одной из таких комнат держали Пака — правда, вместо кровати для обезьяны поставили небольшое пластмассовое дерево. Это было его единственное прибежище. С тех пор как их разлучили с Элли, Пак почти постоянно сидел на дереве, обхватив руками пластмассовую ветку. Укладываясь спать, он забирался в развилку между двумя большими сучьями; если в коридоре слышался шум, Пак испуганно жался к стволу, как будто дерево могло защитить его. Один длинный скучный день сменялся другим, и, хотя Пак видел через застекленную дверь проходящих по коридору людей, и дважды в день ему приносили миску с едой, он был обречен на тоску и одиночество. Если бы Элли не вернулась за ним, жизнь Пака так и прошла бы в этой пустой белой комнате.

Элли еще только появилась в дальнем конце коридора, а Пак уже встрепенулся. Он перепрыгнул на нижнюю ветку, которая подходила к самой двери, и, вывернув шею, прижался щекой к стеклу, пытаясь рассмотреть, что делается снаружи. Он чувствовал приближение Элли.

Элли сорвалась с места и побежала.

— Стой! — гаркнул ей вслед человек с пистолетом. — Шагом, Элли! Я сказал, ШАГОМ! — Охранник угрожающе вскинул пистолет.

Элли перешла на шаг, но она шагала так быстро и размашисто, что ее провожатому пришлось трусить рядом с ней. Элли не видела обезьянку целых три дня. Мэл Горман был не в духе и запретил своим людям приводить ее к Паку. При виде Элли Пак обезумел от радости — он принялся скакать по дереву, а тянувшиеся за ним полосы золотистого света сплетались в замысловатый узор. Элли прижала ладони к стеклу, с улыбкой наблюдая за безумством своего любимца. Пак опустил на все четыре лапы, подбежал к стеклу и прижал свои маленькие черные ладошки к ладоням Элли.

— Подожди, сейчас принесут клетку, — сказал человек с пистолетом.

— Зачем нам клетка? — удивилась Элли. — Я понесу его на руках. Обещаю, Пак будет вести себя как примерный мальчик.

— Сомневаюсь, — саркастически хмыкнул провожатый Элли. — Знаю я этого примерного мальчика.

Сидевший за стеклом Пак был воплощением невинности: пушистый комочек с симпатичной мордочкой и светящимися счастьем карими глазами. Но человеку с пистолетом было хорошо известно, в какого визжащего, царапающегося и кусающегося монстра может превратиться этот пушистый комочек, — шрамы, оставшиеся у него на руках, говорили сами за себя.

— Я хочу вернуться на Землю в нормальном виде, как полагается человеку — с десятью пальцами на руках, — добавил охранник, — Если ты, конечно, не возражаешь.

ГЛАВА 38

Зверь вырывается на свободу

Спокойный сон Мики с полным отсутствием сновидений продолжался часа два, затем явились телеголовастики — облизывая свои сухие сморщенные губы, они уставились на Мику. Несколько раз он просыпался в холодном поту и обнаруживал, что находится в незнакомой белой комнате. Над головой не было привычного основания верхней кровати с наклеенными на нем картинками Элли; они обычно помогали Мике вернуться к реальности и понять, что он находится в своей комнате. Мика закрывал глаза и снова проваливался в сон; возвращение к знакомому кошмару было почти облегчением. Но на этот раз сюжет сновидения несколько отличался — вернее, он пошел в своем развитии гораздо дальше, чем прежде. Телеголовастики больше не обсуждали, как им лучше приготовить Мику, они уже все решили. Главный Мясник подошел вплотную к кровати и коснулся острием ножа нежной кожи на подмышке Мики. Мика скосил глаза, с ужасом наблюдая, как из-под лезвия выползла первая капля темной густой крови. Он попытался тряхнуть головой, чтобы

отогнать видение и заставить себя проснуться, но не смог даже пошелохнуться. Мика раскрыл рот, пытаясь закричать, но звук не шел из горла. Он понял, что если немедленно не вынырнет из этого кошмара, то просто умрет от страха.

Мику спасла Элли. Как только самолет приземлился, и она ступила на землю, сквозь каменистую почву Кейп-Рота, словно заряд молнии, прошел невидимый ток; он достиг верхних этажей форта и мощной волной ударил в тело Мики. В то же мгновение Мика проснулся, точно зная, что Элли где-то рядом. Это было настолько очевидно, все равно как если бы сестра сама вошла в комнату и разбудила его, слегка тряхнув за плечо.

«Элли», — прошептал Мика.

Первым его порывом было выскочить в гостиную, разбить стеклянную перегородку, отделяющую жилой отсек от коридора, и броситься на поиски Элли. Но Мика понимал, что, даже если бы ему удалось вырваться на свободу, он все равно не смог бы отыскать Элли в этом огромном многоэтажном форте, который занимает территорию целого города. Он должен проявить выдержку и терпение. Мика сел на постели, его переполняли одновременно радость и страх. Теперь, когда Элли была совсем рядом, Мика каждой клеточкой своего тела стремился поскорее оказаться рядом с ней.

* * *

Мика умылся, оделся и уселся на кровати в ожидании начала нового дня. Вскоре за ним пришли — мужчина в форме КОРДа провел Мику по нескончаемому лабиринту коридоров мимо пустых комнат, которые, казалось, ждали своих постояльцев. Наконец они подошли к дверям комнаты, где горел свет. Посредине стоял стол и три стула, и на одном из них сидел Рубен Снайт. Мика замер на пороге, словно наткнувшись на невидимую стену; он делал все возможное, чтобы избежать встреч с этим парнем, но судьба упорно продолжала сводить их.

— Привет, рад тебя видеть. Какая неожиданная встреча, — ухмыльнулся Рубен в ответ на презрительный взгляд Мики.

— Заходи, — приказал сопровождавший Мику мужчина.

Мика переступил порог комнаты. Дверь за ним мягко захлопнулась.

— Садись, — велел мужчина.

Мика опустился на стул напротив Рубена. Рубен уставился на него своими холодными, словно стылая зимняя вода, глазами.

— Насколько я понимаю, вы не очень-то любите друг друга, — заметил мужчина, усаживаясь на третий стул. — Надеюсь, взаимная неприязнь не мешает вам сконцентрироваться на задании. Да, и не забывайте, что за вами наблюдают.

Мика покосился на висящую в углу камеру и постарался сделать вид, что вообще не замечает присутствия Рубена. Мужчина достал из стоявшей на полу коробки несколько предметов и положил их на стол. Раскладной пластмассовый лабиринт, дорожки которого были отмечены тонкими металлическими полосками; несколько серебряных шариков и две игрушечные машинки со старомодными колесами на резиновых шинах. Неожиданно одна из машинок покатилась к краю стола, Мика накрыл машинку рукой, не дав ей упасть на пол.

— Кто это сделал? — резко спросил мужчина.

— Я, — гордо ответил Рубен и окинул Мику победоносным взглядом.

— Я что-то не припомню, чтобы просил тебя пере двигать машинку, — холодно бросил мужчина. — Начнете, когда я скажу.

На щеках Рубена вспыхнул румянец. Мика снисходительно усмехнулся.

Возможно, поединок с Рубеном не такой уж плохой вариант, решил Мика. Неприязнь к этому парню заставляла забыть обо всем остальном и только разжигала желание выиграть. Если бы напротив сидела Одри, Мике было бы намного труднее заставить себя сражаться в полную силу.

Первым заданием было провести серебряный шарик по лабиринту. Это оказалось не так-то просто: Мика чувствовал, как от напряжения заломило в висках. Он сразу заметил, что

шарик Рубена движется гораздо быстрее. Мику охватила паника. К счастью, он выиграл сражение, выбрав более короткий путь, и первым добрался до финиша. Когда шарик выкатился из лабиринта, Мика вскинул глаза и увидел крупные капли пота, блестевшие на лбу Рубена. Мика вдруг подумал, насколько ужасным должен быть мир Рубена, в котором единственной целью человека является постоянное стремление доказать всем и каждому, что ты лучший. Бедняга Рубен, мутант-террорист, чьи приятели называют себя его друзьями только потому, что боятся стать его врагами.

— Хорошо. — Мужчина что-то быстро записал в своем блокноте. — Теперь другое задание.

Он отодвинул лабиринт в сторону, достал из коробки красный пластмассовый шар и положил его в центре стола. Шар был размером с теннисный мячик, полый внутри и твердый как камень.

— Сейчас вы оба сконцентрируете свое внимание на шаре. Когда увидите свечение, скажете мне.

Мика уставился на шар, но обнаружил, что никак не может сфокусировать взгляд; ему трудно было одновременно с Рубеном концентрироваться на одном и том же объекте.

— Я вижу свечение, — самодовольным тоном поспешил сообщить Рубен.

— Мика, а ты? — спросил мужчина.

— Пока нет.

— Сосредоточься.

Мика нахмурился. Наконец в глубине шара начал мерцать холодный голубоватый свет.

— Я вижу, — сказал Мика.

— Отлично. Теперь я хочу, чтобы вы оба попытались поднять шар в воздух.

Наступила тишина. Мика и Рубен впились глазами в шар. Мика почувствовал жжение и боль, словно изнутри кто-то надавил ему пальцами на глазные яблоки. Хотя на самом деле шар не был тяжелым, в сознании Мики он превратился в неподъемное чугунное ядро. Мгновение спустя Рубен отвел глаза.

— Я больше не могу, — пожаловался он, — у меня слезятся глаза.

— Нечего, главное, не волнуйся, — успокоил его мужчина. — Я думаю, вы оба слишком напряжены. Давайте сделаем небольшой перерыв, а потом продолжим.

Мальчикам принесли по стакану воды. Когда Мика взглянул на своего противника, он увидел в блеклых глазах Снайта неподдельную ненависть — казалось, Рубен готов убить его.

«Он псих, — промелькнуло в голове у Мики. — Будь его воля, он и вправду прикончил бы меня».

Неожиданно Мика подумал, что желание Рубена напасть на него может помешать отыскать Элли. От этой мысли Мику бросило в жар, неприязнь к Рубену сделалась еще больше.

— Ну что же, — мужчина потер руки, — попробуем еще раз?

На этот раз у них получилось — шар оторвался от стола и начал перекачиваться по воздуху между ними.

— Молодцы, — похвалил мужчина, — Не отпускайте его. Постарайтесь удержать шар в воздухе в течение минуты... Отлично. А теперь я хочу, чтобы вы одновременно оттолкнули его от себя. Мика толкает в сторону Рубена, Рубен — на Мику. Посмотрим, кто из вас сильнее.

Шар перестал кататься по воздуху. Он завис на одном месте и начал дергаться из стороны в сторону, пока Мика и Рубен пытались одновременно оттолкнуть его от себя. Мика с удивлением отметил, насколько легко ему стало удерживать шар после того, как неприязнь к Рубену переросла в настоящую ненависть. Он отчетливо слышал странный звук, словно в голове у него пощелкивают разгорающиеся угли. Все тело Мики вдруг налилось силой. Он чувствовал в себе ярость бушующего океана и твердость гранитного утеса — вроде тех, что поднимались над водой вдоль побережья Кейп-Рота. Висящий между ними шар задрожал. Мика мысленно ударил по нему, вложив в этот удар всю силу своей ненависти.

Пощелкивание разгорающихся углей в голове Мики сменилось ревом вырвавшегося на свободу пламени, однако сопротивление Рубена было не менее сильным. После тридцати секунд напряженной борьбы произошло то, чего ни тот ни другой не ожидал. Шар начал плавиться: совершенно потеряв свою форму, он превратился в комок красной пластмассы, а затем из него повалил дым и посыпались искры. Но мальчики продолжали сверлить шар глазами, ни один не хотел уступать. Вскоре комната наполнилась едким черным дымом.

— Прекратите! — закричал мужчина. Но ни Мика, ни Рубен не могли отвести глаз: их взгляды точно приклеились к дымящемуся шару.

— ПРЕКРАТИТЕ НЕМЕДЛЕННО! — Мужчина изо всех сил грохнул кулаком по столу.

Мика отвел глаза. Кусок искореженной пластмассы упал на стол, и тот задымился. Сработала пожарная сигнализация.

— Вон! Вон из комнаты, — замахал руками мужчина. — Подождите в коридоре!

Задыхаясь и кашляя, Мика выскочил в коридор и направился к стоявшим вдоль стены стульям. Но, прежде чем он успел опуститься на стул, сзади на него обрушился сокрушительный удар. Мика не удержался на ногах и во весь рост растянулся на полу. Обернувшись, он увидел Рубена. Тот стоял над Микой, уперев руки в бока, и злобно усмехался.

— Эй, ты, придурок, тебе все равно никогда не удастся одолеть меня.

— Хочешь поспорить? — глядя на Рубена снизу вверх, спросил Мика.

— Хочу, — расхохотался Рубен. — А знаешь, почему ты проиграешь?

— Надеюсь, ты объяснишь мне.

— Потому что ты слабый, — выпалил Рубен.

— Нет, я не слабый, — возразил Мика.

— Слабый, слабый, — повторил Рубен, наклонив к Мике искаженное злобой лицо. — Ты уже побежден, Мика. Я вижу тебя насквозь — твою неуверенность, твои сомнения, твой страх; я носом чувствую запах твоего страха. Да, я мутант, но от моей мутации есть польза, не то что от твоей, урод, грязная лягушачья лапа. Любовь к сестре сожрала всю твою силу, вместо крови в твоих жилах текут слезы.

— Так ты *мутант*! — в бешенстве вскричал Мика. — Ах ты подонок! Бедная Лара, и Роланд, и Карлос! Сколько лет ты издевался над ними, а сам, оказывается, точно такой же мутант! Я ненавижу тебя. Ты чувствуешь своим поганым носом запах моей ненависти? А Одри? Она презирает тебя. Ее презрение ты тоже чувствуешь? А ее жалость? Она считает тебя жалким придурком, жирным мерзким уродом!

В глубине души Мика понимал, что с его стороны это чистое безумие — так оскорблять Рубена, но он уже перешел ту грань, за которой разум уступает место эмоциям. Рев пламени в голове Мики заглушал даже звук его собственного голоса. Он видел вздувшиеся жилы на шее Рубена, его оскаленные зубы и сжатые кулаки; гнев соперника доставлял ему странное удовольствие. Рубен приподнял ногу, собираясь с размаху опустить ее на грудь Мики, но Мика успел откатиться в сторону. Тогда Рубен всем телом бросился на него, норовя ударить кулаком в лицо. Они превратились в клубок перепутанных рук и ног, и несколько секунд Мика и Рубен катались по полу, словно два сцепившихся пса. Мике показалось, что мир вокруг него погрузился в кроваво-красный туман, как будто ненависть в буквальном смысле слова застилала ему глаза. Он изо всех сил заехал Рубену кулаком по физиономии — удар пришелся по носу, кровь закапала на лицо Мики. Рубен зарычал, вцепился ему в горло и начал душить. Мика согнул ногу и резко ударил его коленом в живот, надеясь несколько охладить пыл противника, но тот продолжал сжимать пальцы на горле Мики. Железная хватка Рубена становилась все крепче. Мика захрипел, красный туман сменился радужными кругами, голова закружилась; Мику охватила паника. Он врезал Рубену кулаком по уху и попытался перекатиться на бок. Напрасно. Тяжелое тело Рубена придавило его к полу. Волна парализующего страха захлестнула Мику, он слышал захлебывающийся плачем голос мамы и крик Элли; страх превратился в настоящий ужас. Он

забился в объятиях Рубена с яростью и отчаянием попавшего в ловушку зверя. В какой-то момент глаза мальчиков встретились. Мика сам толком не понял, что произошло, — тот огонь, который бушевал у него внутри, вдруг вырвался наружу. Рубен пронзительно вскрикнул, как если бы Мика и в самом деле ударил его в глаз, и, разжав пальцы, рухнул на пол. В конце коридора послышался топот бегущих ног. Мика с трудом сел и зашелся в надрывном кашле.

— Ты в порядке? — Один из прибежавших на шум охранников протянул Мике руку и рывком поднял его на ноги.

— Эй, ты, псих, — прохрипел Мика, глядя сверху вниз на валяющегося на полу Рубена. — Лучше держись от меня подальше, если не хочешь неприятностей!

— Это у тебя будут неприятности, — прошипел Рубен, стараясь не смотреть в глаза Мике. — Изображаешь из себя супермена? Думаешь, после того, что ты сейчас сделал, я наложу в штаны? Напрасно.

Мика увидел чуть дальше по коридору дверь в туалет.

— Я хочу умыться, — сказал он, обращаясь к охраннику. Лицо и руки Мики были перепачканы кровью Рубена.

— Хорошо, иди. Только недолго.

Мика, пошатываясь, двинулся по коридору. Дыхание со свистом вырывалось у него из груди, и рев бушующего пламени все еще преследовал Мику, словно крадущийся по пятам зверь, который выжидает удобного момента, чтобы броситься на свою жертву. Мика тщательно вымыл руки и несколько раз плеснул холодной водой себе на лицо, пытаясь успокоиться. Он прекрасно понимал, что сам создал этого зверя — огнедышащее чудовище, порожденное его собственным гневом и ненавистью. Мика обернулся и увидел Авен. Собака пугливо жалась к стене в дальнем углу комнаты; она прижимала уши и нервно постукивала хвостом по кафелю.

— Иди сюда, — мягко позвал Мика. Он присел на корточки и вытянул вперед руку. Но собака поджала хвост и попятилась, стараясь не смотреть на Мику; он видел лишь голубоватые белки испуганных собачьих глаз, — Ну же, Авен, иди ко мне, — умоляющим голосом произнес Мика. Он сделал шаг вперед, но собака поспешно развернулась и скрылась в стене. Мика прижался лбом к холодному кафелю и заплакал от обиды и горечи.

Едкий дым и запах горелой пластмассы постепенно рассеялись, охранник принес новый шар, и полчаса спустя мальчики снова сидели напротив друг друга. Мика старательно делал вид, что ничего не произошло, хотя это было не так-то просто: посредине стола зияла большая дыра, которую прожег расплавившийся шар, а напротив сидел Рубен, который сверлил Мику кровожадным взглядом голодного людоеда.

«Ради Элли, — напомнил себе Мика. Он на секунду прикрыл глаза и глубоко вдохнул. — Я делаю это ради Элли».

ГЛАВА 39

Грозные окрики взрослых — детям веселый свист

Последний раз, когда Пак покинул борт «Снежной королевы», он вместе с Элли побывал в авиакатастрофе и чуть не утонул в Темзе; затем провел несколько часов в закрытом гробу, пока их везли обратно на станцию, и в конце концов оказался в полном одиночестве в комнате, где ему приходилось довольствоваться пластмассовым деревом и редкими визитами Элли. Само собой, у обезьянки остались самые неприятные воспоминания об этом путешествии; поэтому, вновь оказавшись на борту самолета, Пак пришел в страшное волнение. Он всю дорогу метался по своей клетке и возмущенно визжал; вдобавок ко всему клетку поместили в грузовой отсек, и их снова разлучили с Элли.

Как только самолет прибыл на Кейп-Рот, Элли потребовала, чтобы ее отвели к Паку. В сопровождении вооруженного охранника она отправилась в комнату, где поселили обезьянку. Однако она оказалась далеко не первым посетителем, который пришел навестить

Пака, и далеко не тем, кого хотела видеть сама Элли. Перед застекленной дверью стоял Мэл Горман — он размахивал бананом, пытаясь привлечь обезьянку. Но Пак забился в угол и, повернувшись спиной к двери, не обращал внимания на маячившую за стеклом фигуру старика.

— Избалованное животное, — буркнул Горман. — Если хочешь, корми его сама, — добавил он, отдавая банан Элли.

— Он не хочет есть, — грубо ответила Элли. — И напуган. Интересно, как бы вы себя чувствовали, если бы вас без всяких объяснений вдруг схватили, затолкали в клетку, привезли в незнакомое место и заперли в пустой комнате?

— Но эта комната намного больше той, которая была у него на «Снежной королеве», — словно бы оправдываясь, заметил Горман. — Чего этой обезьяне не хватает? Многие люди были бы счастливы, будь у них такое жилище.

— Возможно, ему не хватает общения. Если бы рядом были те, кого он любит, Пак чувствовал бы себя намного счастливее.

— О, пожалуйста, не начинай, — Горман устало закатил глаза. — У меня еще масса дел. Я просто зашел посмотреть, как ты устроилась.

— Ах, как мило с вашей стороны, — усмехнулась Элли.

Она открыла дверь и вошла в комнату. Капуцин прыгнул хозяйке на руки и прижался к ней всем телом.

— Привет, — ласково прошептала Элли, поглаживая хохолок на голове обезьянки.

Она обвела глазами новое жилище своего любимца. Комната действительно оказалась намного просторнее старой и гораздо лучше приспособленной для игр — пластмассовое дерево стояло в углу, его ветки тянулись вдоль стены и упирались в потолок; середина комнаты оставалась свободной, так что теперь, играя с Паком, Элли не придется ползать под ветками дерева. Она достала из кармана печенье, покрытое шоколадной глазурью, и протянула его Паку; затем скинула с плеча сумку, в которой лежали небольшие пластмассовые кубики с нарисованными на них буквами, и рассыпала их по полу. Горман сидел в коридоре, наблюдая через стеклянную дверь за игрой Элли и обезьяны. Охранник с пистолетом стоял у него за спиной.

— Не обращай на них внимания, — шепнула Элли Паку, усаживаясь вместе с ним на пол.

Элли очень хотелось задать Горману один-единственный вопрос, который в данный момент интересовал ее больше всего на свете и тяжким грузом давил ей на сердце. Мика находится на Кейп-Роте! Элли чувствовала близкое присутствие брата и хотела знать, зачем его привезли сюда, но в то же время боялась услышать ответ. Беспокойство Элли передалось Паку. Капуцин нерешительно откусил кусочек печенья и отложил его в сторону, и столь необычное поведение обезьянки усилило тревогу Элли. Нет, она должна спросить Гормана о Мике. Если не ради собственного спокойствия, то хотя бы ради Пака.

— Мой брат находится здесь, — тихо произнесла Элли.

— Да, — после короткой паузы ответил Горман.

— Я могу повидаться с ним? — спросила Элли, ее глаза наполнились слезами.

— Нет, — сказал Горман. — Он сейчас занят.

— Занят? Интересно, чем? И вообще, зачем его привезли сюда?

— Черт подери! — сердито воскликнул Горман. — С какой стати ты допрашиваешь меня? Или ты до сих пор не поняла, что меня лучше не злить? Мой тебе совет — заткнись и занимайся со своей обезьяной!

Элли поднялась на ноги и медленно подошла к двери.

— Я хочу знать, что вы намерены делать с моим братом, — повторила она, в упор глядя на Гормана через стекло. Черные глаза Элли вспыхнули недобрым огнем.

— Нет, — упрямо качнул головой Горман. Ему стоило немалых усилий заставить себя спокойно сидеть на стуле под прицелом горящих глаз Элли. — Не стоит давить на меня, Элли. Или ты горько пожалеешь об этом.

Элли охватило непреодолимое желание прикончить Гормана, расплавить до последней косточки его старое иссохшее тело. Пронзительный вой, свист и рев пламени у нее в голове стремительно нарастали — точно пожар, расплзающийся по выжженной солнцем степи. Второй раз в жизни она смотрела на Гормана таким взглядом, однако на этот раз Элли прекрасно знала, насколько легко она могла бы испепелить старика. Но позади Гормана стоял человек с пистолетом, пальцы охранника лежали на спусковом крючке. Элли также знала, что он без малейших колебаний пристрелит ее или, что еще хуже, Пака. Кроме того, Элли не хотела никого убивать, даже такое злобное чудовище, как Мэл Горман. Элли отвернулась, прикрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов. Постепенно рев пламени в голове стих. Элли успокоилась и, вернувшись к Паку, уселась около него на пол.

— Давай, Пак, поиграем с тобой в слова, — сказала она обезьянке.

Капуцин сидел на корточках и с выжидательным любопытством поглядывал на рассыпанные по полу пластмассовые квадратики. Это была его любимая игра. Элли перемешала кубики и разложила их так, чтобы Пак видел нарисованные на них крупные черные буквы. Элли сделала глубокий вдох, и Пак заглянул в лицо хозяйке, нетерпеливо хмурия свои смешные лохматые брови. Элли сосредоточилась и мысленно представила букву «Г». Мгновение спустя Пак протянул свою черную лапку, подхватил кубик, на котором была изображена буква «Г», и отложил его в сторону. Затем он вскинул глаза на Элли, ожидая одобрения хозяйки.

— Правильно. Умница, — улыбнулась Элли.

Она снова сосредоточилась. Капуцин окинул глазами разбросанные по полу кубики и уверенно потянулся за следующим — буква «Р». Горман с интересом и одновременно удивлением наблюдал за игрой Элли и Пака. Его ученые уже больше года вели этот эксперимент, но так до сих пор и не поняли, каким образом девочке удастся общаться с обезьяной. Буквы складывались в слова, слова — в предложения, которые широким полукругом ложились перед Элли. Пак работал с увлечением — он хватал кубики и, радостно повизгивая, бегал взад вперед, выкладывая одно слово за другим. Элли молча сидела посреди комнаты, скрестив ноги и опираясь ладонями о колени; она горящим взглядом смотрела в одну точку.

Когда Элли и Пак закончили работу, Горман поднялся со стула и прочел то, что они выложили на полу комнаты.

Грозные окрики взрослых — детям веселый свист.

Так они подзывают оленя, бредя сквозь заснеженный лес.

«Я родился во тьме», — так сказал человек, прорастая зеленой листвой.

«Я родился во тьме», — так сказал он.

— Что это? — резко спросил Горман.

Четверостишие показалось ему знакомым, но Горман никак не мог вспомнить, где видел его раньше. От этого ему становилось не по себе, по спине пополз неприятный холодок.

— Просто отрывок из стихотворения, — Внезапный гнев Гормана напугал Элли, — Из книги, которую вы мне дали.

— Я дал тебе книгу?

— Да. После того как мне сняли повязку.

Горман на мгновение задумался.

— Ах, да, — пробормотал он. — Помню. Я дал тебе книгу.

Горман развернулся и зашагал прочь по длинному белому коридору. Элли смотрела ему вслед, с ужасом понимая, что судьба ее брата находится в руках этого страшного человека.

ГЛАВА 40

Северное сияние

После целого дня экспериментов, в течение которого участникам соревнования пришлось двигать при помощи взгляда различные предметы, а наблюдавшие за ними ученые все время что-то строчили в своих блокнотах, КОРД решил устроить детям небольшой сюрприз — показать северное сияние. Ночь выдалась тихая и безоблачная, редкое явление для этих широт. Участников соревнования привели в просторный зал, расположенный на верхнем этаже форта; одна из стен зала была стеклянной, и через нее открывался великолепный вид на Северное море. На длинном столе, накрытом белой скатертью, выставили тарелки с едой; однако, кроме Рубена, почти никто не притронулся к угощению. После прибытия на Кейп-Рот Элли и Пака дети чувствовали себя подавленными, их не покидало ощущение тревожного ожидания; казалось, этот огромный мрачный форт с множеством пустых комнат постепенно заполнялся страхом и болью.

Огни северного сияния были похожи на колышущееся в черном небе шелковое полотнище, оно сверкало и переливалось всеми цветами радуги. Мика вспомнил маму: однажды вечером они все втроем сидели на пляже и смотрели на искусственное море и звезды; легкий морской бриз играл складками нового шелкового сари Аши. Мика смотрел на северное сияние и не мог поверить, что на самом деле видит и эти шелковые огни, и бегущую по волнам яркую лунную дорожку. Грань между сном и реальностью в сознании Мики давно утратила четкость, однако сейчас ему казалось, что она исчезла вовсе. Элли находилась где-то совсем рядом. Мика чувствовал близкое дыхание сестры, слышал стук ее сердца, но не мог дотянуться до нее рукой, словно заблудившийся в пустыне путник, который видит появившийся вдали оазис, но понимает, что у него не осталось сил, чтобы дойти до него.

В эту ночь Мика долго ворочался в постели, когда же ему наконец удалось уснуть, он увидел сон. Барфорд-Норд охвачен наводнением, черная вода каналов поднимается все выше и выше, заливая этаж за этажом; из окон домов wypлывают старые диваны с ободранной обивкой и вылезшими пружинами, отовсюду доносятся пронзительные крики и плач.

Очнувшись от кошмара, Мика окунулся в не менее кошмарную реальность. Он проснулся словно от толчка и, распахнув глаза, увидел прямо напротив своего носа два ярких зеленых пятна — на Мику смотрели светящиеся волчьи глаза. В первое мгновение Мика решил, что все еще спит, затем в темноте раздался шепот:

— Ты проснулся?

— Не знаю, — прошептал Мика.

— Мика, я хочу домой!

Одри. Мика протянул руку и коснулся ее плеча, желая убедиться, что перед ним человек, а не бесплотное привидение. Да, это действительно была Одри, теплая и живая. Она сидела на краю его постели; правда, Мика ничего не видел, кроме горящих в темноте искусственных глаз своей подруги.

— Что ты здесь делаешь? — Мика с тревогой покосился на висевшую под потолком камеру. — У тебя могут быть неприятности.

— Мне приснился страшный сон, — прошептала Одри. — Мика, я боюсь.

— Иди сюда, — сказал Мика.

Он подвинулся, освобождая место для Одри. Она устроилась рядом, Мика обвил руками ее плечи и прижал к себе. Из темноты вынырнула Авен. Собака подошла к кровати и положила морду на живот Одри. Мика понимал, что Одри не может чувствовать теплого прикосновения собаки-сновидения, и все же был уверен, что присутствие Авен успокоит ее.

— Спасибо, — прошептала Одри, высвобождаясь из объятий Мики. — Мне гораздо лучше.

— Я рад, — улыбнулся Мика.

Тонкий желтоватый луч света упал на пол комнаты, когда Одри, приоткрыв дверь,

выскользнула в коридор.

— Спокойной ночи, — шепнула она, оборачиваясь к Мике.

— Спокойной ночи, — шепнул Мика.

Одри осторожно прикрыла дверь. Желтый луч сузился и исчез, комната снова погрузилась в темноту.

ГЛАВА 41

Яма

В воскресенье утром на Кейп-Рот обрушился ураганный ветер; бушующее море и клубящееся облаками небо слились воедино, превратившись в тяжелую свинцово-серую массу. Случись такой шторм пару столетий назад, он погубил бы немало кораблей и самолетов. Но за миллионы лет своего существования Кейп-Рот видел бури и пострашнее; те же, кто находился внутри форта, вообще не слышали ни завываний ветра, ни грохота волн. Всю ночь на мыс прибывали тяжелые грузовые самолеты. Один за другим они приземлялись на площадке между двумя неприступными стенами; люки открывались, и самолеты, как огромные морские черепахи, вышедшие на берег, чтобы отложить яйца, выталкивали из своего чрева доставленный груз. Пустующие комнаты заполнялись вещами и людьми, в гулких коридорах то и дело звучали шаги, в окнах загорался свет, словно вспыхивающие в темноте желтые глаза хищников. Форт оживал — вскоре всему миру предстояло впервые услышать рев проснувшегося зверя.

Мика умывался в общей ванной комнате рядом с остальными мальчиками. Он старался не смотреть на себя в зеркало, особенно на шею, где виднелись синяки, оставленные пальцами Рубена. На пороге ванной путь ему преградил Рубен. Мика врезался ему в плечо.

— Эй, смотри, куда прешь, — прорычал Рубен.

— Прочь с дороги, — прошипел Мика, протискиваясь мимо него.

В гостиной Мика присоединился к Лео и Одри, которые завтракали за одним из белых пластмассовых столов. Все трое молча ели, уставившись на свои порционные подносы, где в отдельных ячейках были разложены омлет, творог, джем и тосты. Взглянув на своих товарищей и остальных ребят, одетых в одинаковые белые костюмы, Мика невольно подумал, что все они выглядят как постоянные обитатели этого дома, которые собираются остаться здесь надолго. Посреди гостиной стояла девочка; уставившись в экран телевизора, она машинально водила расческой по своим длинным волосам. В углу на диване лежал мальчик, он что-то увлеченно читал на дисплее своего мобильного. Мика снова уткнулся в свой поднос; преодолевая боль в горле, он попытался заставить себя проглотить кусок омлета.

— Похоже, ты вчера от души повеселился, — заметил Лео, разглядывая синяки на шее Мики.

— Ага, Рубен оказался веселым парнем, — согласился Мика.

— Не доверяю я ему, — понизив голос, сказал Лео. — С ним явно что-то не так.

После завтрака им сообщили, что остался один последний тест, и на этом соревнование закончится. Сгорая от волнения, подростки сидели в гостиной и ждали своей очереди. Все старательно гнали от себя мысли о черном кресле с ремнями и о «кино», которое в прошлый раз им предложили посмотреть в качестве последнего теста. Охранники заходили в комнату, одного за другим забирали ребят и вели их на нижний, подземный уровень форта. Они шли по плохо освещенным коридорам с низкими потолками и некрашеными бетонными стенами. Как только Мика вышел из лифта, он сразу почувствовал, что приближается к Элли. Охранник быстро шагал по длинному извилистому коридору, Мика шел следом, едва не наступая ему на пятки. Коридор был разделен на отсеки, Мика нетерпеливо топтался за спиной у охранника, пока тот отпирал очередную дверь между отсеками. Вскоре они добрались до особого секретного отсека, который был отделен железной дверью с кодовым замком. Когда дверь распахнулась, и Мика вошел в короткий темный коридор, у него

перехватило дыхание. Охранник двинулся к следующей двери в противоположном конце коридора, но Мика замер на месте. Он настолько ясно чувствовал присутствие Элли, что казалось — достаточно протянуть руку, чтобы коснуться ее плеча. Авен на мгновение материализовалась из воздуха, вильнула хвостом, понюхала бетонную стену слева от Мики и ушла в нее.

Значит, Элли там, за этой стеной! Микой затопила волна тепла и счастья, как будто в душе у него распустились тысячи весенних цветов; он вскинул обе руки и приложил ладони к бетонной стене.

По другую сторону стены находилось новое жилище Пака. Элли сидела, привалившись спиной к пластмассовому дереву, Пак лежал у нее на коленях. Элли так долго гладила шелковистую шерсть на загривке капуцина, что Пак начал клевать носом. Глаза обезьянки закрылись, он, словно ребенок, сладко причмокнул губами и задремал. Элли откинула голову и прижалась затылком к стволу дерева. Интересно, думала Элли, может ли человек одновременно испытывать смертельную скуку и парализующий страх — два чувства, которые плохо сочетаются друг с другом, как морковный сок и горячее молоко? Но именно так чувствовала себя Элли, дожидаясь, когда ей наконец сообщат, для чего Горману понадобился Мика.

Внезапно Элли поняла: он рядом.

Мика!

У Элли перехватило дыхание, сердце забилося короткими неровными толчками, от которых сделалось больно в груди. Он где-то совсем рядом! Глаза Пака распахнулись, как будто его ударили кулаком под ребра. Он поднялся на задние лапы и, задрвав кверху свой загнутый колечком хвост, уставился на противоположную стену комнаты. Они оба видели вынырнувшую из стены собаку — животное показалось лишь на мгновение. Большая поджарая собака золотисто-песочного цвета помахала хвостом, словно приветствуя Пака и Элли. Пак бочком двинулся к собаке, но она исчезла прежде, чем он успел приблизиться к ней. Пак одним прыжком взлетел на ветку дерева и в волнении забегал по ней взад-вперед. Мика находится там, по ту сторону стены! Элли вскочила на ноги, подбежала к стене и прижалась к ней ладонями. Ее сердце заныло от любви и боли.

Мика.

В своем стремлении оказаться как можно ближе к брату Элли всем телом прижалась к стене.

Элли.

Мика улыбался, Элли чувствовала это.

«Как мне найти тебя?»

«Не знаю».

«Я обязательно найду тебя. Я здесь, рядом с тобой».

«Мика, будь осторожен...»

— Эй, ты что делаешь? — раздался ледяной голос.

Элли обернулась. Охранник с пистолетом в руке стоял за стеклянной дверью. Прищурив глаза, он с подозрением смотрел на Элли.

— Ничего. — Элли опустила руки и прижалась спиной к стене.

— А зачем ты прижимаешься стене?

— Я... так просто... мы играем с Паком.

— Хватит, наигрались. Идем. — Охранник распахнул дверь.

— Нет! — воскликнула Элли, — Можно я еще немного побуду с ним? Пожалуйста!

— Нет, — отрезал охранник. Иногда Элли и ее обезьяна вели себя очень странно. Охранник не понимал, что они делают, и это пугало его. — Время истекло. Выходи оттуда немедленно.

* * *

Близнецов увели в разные стороны; у обоих было такое чувство, будто их тела раздирают на части. Мика ослеп от боли, он наугад брел вслед за своим провожатым по лабиринтам коридоров и очнулся, только когда обнаружил, что стоит на краю глубокой ямы в большой плохо освещенной комнате. Мика вздрогнул и оглянулся по сторонам — как лунатик, который забрел в незнакомую местность и неожиданно пришел в себя. Мика начисто забыл о соревновании, о тестах и о том, что ему предстоит продемонстрировать свои необыкновенные способности, — все его мысли и чувства остались там, в узком темном коридоре, где он «встретил» сестру. Мике пришлось силой заставить себя вернуться к реальности.

Большая квадратная яма уходила вниз метров на пять, стены ямы были обшиты толстыми металлическими панелями, во многих местах на них виднелись глубокие царапины. Мика подумал, что яма смахивает на логово бронтозавра; может быть, нескольких очень злых бронтозавров: сетки, закрывавшие встроенные в стены светильники, были погнуты, плиты на полу покрыты зазубринами, как будто их пытались отодрать когтями. На одной из стен ямы Мика заметил большую, метра три высотой, стальную дверь; она была искорежена, как будто за ней взорвалась бомба. В комнату вошли двое мужчин в черных бронежилетах и шлемах, и приведший Мику охранник тут же выскочил за дверь, словно хотел как можно скорее убраться отсюда. Мика вскинул глаза к потолку и обнаружил четыре камеры, висевшие в каждом углу комнаты. У правой стены он увидел подвешенную на цепи просторную клетку, в которую вполне мог поместиться взрослый человек. Цепь была прикреплена к ролику, ролик свободно ходил по глубокому желобу, желоб шел по потолку через всю комнату — таким образом, клетку можно было пододвинуть и опустить в яму. Мика поежился, не нужно обладать сверхъестественными способностями, чтобы понять, что его ждет.

— Что я должен делать? — спросил Мика, стараясь подавить дрожь в голосе.

— Не нервничать, — посоветовал один из мужчин. — Если они почувствуют твой страх, это их только раззадорит.

— *Кто* почувствует мой страх? — спросил Мика, поглядывая на дно ямы.

Он слышал тяжелую возню за стальной дверью, кто-то навалился на нее изнутри. Мика отшатнулся, заметив появившуюся на стальном листе новую вмятину. Кто бы ни скрывался за дверью, этот кто-то очень хотел выбраться наружу. Мужчина в бронежилете достал из кармана черную повязку и шагнул к Мике. Пока ему завязывали глаза, Мика мысленно проклинал КОРД со всеми его играми, соревнованиями, призами и подарками.

«Хорошо еще, родители не видят, как я тут развлекаюсь, — подумал Мика. — Мама, наверное, умерла бы от страха. Интересно, что они хотят узнать обо мне, опуская меня в яму к каким-то неведомым чудищам?»

Мика старался дышать глубоко и размеренно.

«Во всяком случае, они не должны убить меня, — убеждал себя Мика. — Какой в этом смысл? Потратить столько времени на опыты со мной, чтобы потом просто прикончить?»

Мика ничего не видел: повязка плотно облегла голову. Мужчины подхватили его под руки и повели к клетке. Мика вошел внутрь, под ногами скрипнул пластмассовый пол. Этот кусок пластмассы был единственной твердой поверхностью внутри клетки, все остальное — переплетение металлических прутьев, сквозь которые легко пролезала рука человека. Мика слышал, как за ним с грохотом захлопнулась дверца клетки; экспериментаторы задвинули засов и несколько раз повернули ключ в замке.

— Они не смогут добраться до тебя, — сказал один из них, — если, конечно, ты не станешь высовывать наружу руки и ноги. Что бы ни произошло, не просовывай конечности сквозь решетку — ничего, даже палец. Понял?

— Понял, — слабым голосом откликнулся Мика.

— Мы умеем быстро залечивать раны и переломы, но пока не научились отращивать новые руки и ноги, — не унимался мужчина.

— Хорошо, я это учту, — в отчаянии попытался пошутить Мика.

Клетка качнулась и начала медленно двигаться вдоль желоба. Чтобы удержать равновесие, Мике пришлось сесть на корточки и упереться руками в пол. Он слышал тяжелый лязг засовов на дне ямы — стальная дверь с грохотом отъехала в сторону, и *они* вырвались наружу. Неведомые чудовища принялись кружить по дну ямы, судя по шарканью лап, *их* было несколько; движение чудовищ сопровождалось тяжелым металлическим скрежетом и низким гудением. Мика решил, что это какие-то механические существа, вроде акул-роботов, которых он видел на дне искусственного моря. Снизу раздался низкий протяжный рык. Звук не был громким, но в нем слышалось столько неистовой ярости, что у Мики свело живот, как будто в него вогнали остро отточенный кол. Но это было только начало. Через мгновение *они* поняли, что у них над головами находится клетка с человеком. Чудовища словно взбесились; воздух наполнился оглушительным ревом, они принялись подпрыгивать, их металлические зубы лязгали в нескольких сантиметрах от дна клетки. В голове у Мики, словно кадры из фильма ужасов, одна за другой проносились картинки: разодранная плоть, куски вырванного мяса, горящие глаза, острые клыки и окровавленные морды зверей. Неожиданно клетка резко накренилась набок, и Мика заскользил вниз. Он взмахнул руками, пытаясь ухватиться за прутья решетки, но вспомнил, что ему запретили высовывать наружу не только руки и ноги, но даже кончик пальца. Тем временем одно из чудовищ вцепилось в угол клетки и по висло на ней всем телом, так что клетка накренилась почти вертикально. Ужас парализовал Мику. Слепой и беспомощный, он скользил прямо в пасть к хищнику, мгновение — и его ноги прошли сквозь прутья решетки, оказавшись за пределами клетки. Но сработал инстинкт самосохранения. Мика взвизгнул и, отчаянно перебирая руками, начал карабкаться вверх, к противоположному углу клетки. К счастью, в этот момент клетка с грохотом опустилась на дно ямы, и хищник вынужден был разжать зубы. Мика лежал посреди клетки лицом вниз, дыхание с хрипом вырывалось у него из груди. В яме наступила тишина — крайне подозрительная тишина, учитывая то буйство, с которым мгновение назад животные-роботы атаковали клетку. Мика приподнял голову и прислушался, пытаясь понять, что происходит за пределами клетки. Он слышал скрежет когтей по бетонному полу: животные ходили кругами вокруг клетки Мики, до него доносилось их тяжелое дыхание. «Интересно, — подумал Мика, — что должно произойти дальше и что, собственно, хотят увидеть люди, наблюдающие за нами через объектив камеры?» Как бы ему хотелось тоже *увидеть*, что за животные кружат возле его клетки; он слышал, как они принимают решения, пытаясь просунуть нос сквозь железные прутья. Мику сводила с ума эта невозможность взглянуть на тех, кого он так хорошо слышал. Мика поднялся на ноги и сконцентрировался на звуках, стараясь мысленно нарисовать образ животных. Они похожи на собак, в этом Мика был абсолютно уверен, поскольку никакие другие животные не могут издавать такое характерное рычание и повизгивание. Но это были очень большие, просто гигантские собаки — как минимум с него ростом, а может, и выше. Сейчас их движения были неторопливыми, даже слегка ленивыми. Одна из воображаемых собак села справа от Мики, прислонившись боком к прутьям решетки: он услышал тяжелый вздох животного. И вдруг Мика *почувствовал* их! Он был потрясен. Как такое возможно?! Его окружают роботы, напичканные проводами железные машины, и в то же время Мика ясно чувствовал: рядом с ним находятся *живые* существа! Он улавливал их настроение, точно так же, как улавливал настроение Авен. Животные были подавлены, они ужасно устали и тосковали по дому. Мику охватило непреодолимое желание прикоснуться к этим существам, и он наугад вытянул руку, но, как только палец Мики оказался за пределами клетки, сверху раздался сердитый голос мужчины.

— Эй, парень, не делай этого! Ты что, рехнулся? Все, достаточно, поднимай его!

Над головой Мики загремела цепь, клетка качнулась и медленно поползла наверх.

— Подождите! — закричал Мика. — Я не хочу подниматься. Можно мне еще немного побыть с ними?

— Что это с вами, детки? — с пренебрежением в голосе спросил один из мужчин. — Почему вам так хочется «еще немного побыть с ними»? Ты уже второй, кому взбрело в

голову просунуть руку сквозь решетку. Вам что, надоело жить с двумя руками? Или тебе не страшно?

— Не страшно! — с жаром воскликнул Мика. — Я хочу взглянуть на них. Пожалуйста, разрешите мне снять повязку.

— Нет, — отрезал мужчина, — Вы, дети, и правда — все как один ненормальные.

ГЛАВА 42

Избранные

Мика с трудом передвигал ноги, чувствуя себя усталым и разбитым, как будто целый день таскал тяжеленные камни. Едва оказавшись в своей комнате, он рухнул на постель и мгновенно провалился в сон.

Проснулся Мика от холода, все тело заоченело. Он приподнял веки, но тут же снова зажмурился — резкий свет больно ударил по глазам. Авен была рядом, она громко сопела и тыкалась носом ему в руку. Мика немного поиграл теплыми шелковистыми ушами собаки, прислушиваясь к шороху листвы, которым сопровождалось каждое движение его пальцев. Затем раздался приглушенный стук: то ли дятел настойчиво долбил клювом по стволу дерева, то ли где-то далеко лесорубы ритмично стучали топорами. Стук стал громче, Мика наконец сообразил, что это стучат в дверь его комнаты. Авен встрепенулась и растаяла в воздухе, Мика открыл глаза. Дверь распахнулась, и Одри ураганом влетела в комнату. Она излучала ослепительное сияние, как будто ее подключили к электрической розетке. На запястье у Одри расплылся большой синяк.

— Ты выглядишь ужасно, — сообщила она. — Лицо как печеное яблоко.

— Спасибо, — поблагодарил подругу Мика. — У тебя тоже видок так себе.

Одри плюхнулась на кровать в ногах Мики. Он приподнялся на локте и взглянул на себя в висевшее над столом зеркало. Глаза заплыли, превратившись в щелочки; на щеке отпечатались складки от наволочки, а синяки на шее потемнели и налились темно-лиловым цветом.

— Пойди, умойся холодной водой, — посоветовала Одри. — Сейчас только что приходил какой-то дядька, сказал, что сегодня вечером они устраивают для нас торжественный ужин. Там мы узнаем имя победителя.

— Боюсь, холодная вода мне не поможет, — заметил Мика, хмуро поглядывая на свое отражение в зеркале.

— К сожалению, на полную замену головы у нас времени нет, — усмехнулась Одри.

Оба помолчали, чувствуя, что в ближайшие несколько часов должна решиться их судьба, которая либо вознесет их до небес, либо свергнет в бездонную пропасть. И в этой зловещей тишине оба слышали дыхание Кейп-Рота — казалось, форт замер в ожидании чего-то большого и страшного.

— Не нравится мне это место, — немного понизив голос, сказал Одри. — Я рада, что мы возвращаемся домой. Единственное, что здесь было здорово, это *они*...

Одри бросила взгляд на висящую в углу камеру. Мика понял, что она имела в виду необычных собак-роботов.

— Думаешь, *они* были живыми? — шепотом спросила Одри, — Я чувствовала их! Они казались такими... усталыми и грустными.

Мика молча кивнул и многозначительно покосился на камеру. Он не сомневался, что наблюдавшие за ними люди внимательно ловят каждое слово, и не хотел давать им даже намек на то, что происходит у него в голове. Но так же, как Одри, не думать о собаках из ямы Мика не мог. Они выросли в мире, где было полно разного рода роботов, которые делали за людей массу дел: роботы-пылесосы убирали квартиры, роботы-продавцы обслуживали покупателей в магазинах, на берегу моря и под водой Одри и Мика тоже видели животных-роботов. Но всех этих киборгов объединяло одно общее свойство — они были бездушными. Щелкни выключателем, выдерни шнур из розетки — и искусственное

животное ничем не будет отличаться от утюга или тостера. Но собаки-роботы были совсем другими. Одна мысль о них будоражила воображение, заставляя Мику и Одри замирать от восторга. То, как они двигались, как вздыхали — все было необычно в этих странных существах. Собаки-роботы были сделаны из железа, и однако же они могли думать и чувствовать. Спустившись на дно ямы, Мика и Одри вступили в контакт с собаками. Между ними возникло нечто вроде взаимопонимания, словно они были существами из одного мира, а наблюдавшие за ними сверху люди остались за его гранью. Мика терялся в догадках, почему им не позволили не только прикоснуться к собакам, но даже взглянуть на них?

И почему их вообще спустили к собакам в яму? И откуда они там взялись?

Вопросы в голове Мики росли как снежный ком, но ответы на них он вряд ли получит. Мика вздохнул. Казалось, его мозг сейчас взорвется от напряжения. Второй раз за сегодняшний день Мика вспомнил, что ему надо собраться и заставить себя перейти от фантазий к реальности. Меньше чем через час должен начаться торжественный ужин и вручение призов, а он все еще лежит в постели с помятой физиономией, которая, если верить Одри, смахивает на печеное яблоко.

— Ну, ты собираешься приводить себя в порядок? — словно читая его мысли, спросила Одри.

— Собираюсь, — буркнул Мика.

Он вылез из постели и, прихватив полотенце, поплелся в ванную, чтобы сунуть голову под струю холодной воды и попытаться привести в порядок не только лицо, но и собственные мозги.

* * *

Финалистов соревнования, отобранных Мэлом Горманом, привели в его личные апартаменты, расположенные на верхнем этаже форта. Здесь им предстояло в последний раз поужинать всем вместе. Столовая была оформлена в стиле старинного английского особняка — когда-то, еще до того, как на Земле началась Эпидемия, в таких домах жили очень богатые люди. Двери лифта распахнулись, и перед потрясенными детьми предстал просторный зал с мраморным полом и высоким лепным потолком, с него свисала сияющая огнями хрустальная люстра. Стены зала, обшитые темными деревянными панелями, были увешаны картинами в тяжелых золоченых рамах, с которых на детей смотрели мужчины в обтягивающих белых панталонах, расшитых камзолах и кудрявых париках и женщины в пышных платьях, похожих на кремовые торты. Подростки робко жались друг к другу. Трое финалистов бесследно исчезли после утренних испытаний, и оставшиеся девять счастливиц боялись даже думать о том, куда подевались их конкуренты. Однако пугающие мысли и образы сами собой лезли в голову: накренившаяся клетка, проскальзывающие сквозь прутья решетки руки и ноги и щелкающие стальными зубами кровожадные хищники.

Посредине зала стоял длинный стол, накрытый бело снежной скатертью. Стол был сделан из того же темного дуба, что и панели на стенах; величественный гигант с массивными резными ножками сам напоминал могучий дуб. Многие из детей впервые в жизни видели настоящее дерево; они осторожно прикасались к столу и к панелям на стенах, с удивлением отмечая теплоту непривычного для них материала. Еще один круглый дубовый стол был приставлен к торцу главного стола, оба стола были накрыты к ужину. Серебряные приборы поблескивали при свете множества свечей, которые, несмотря на сияющую под потолком люстру, горели в расставленных по столу тяжелых бронзовых канделябрах. Живое пламя свечей дополнял пылающий камин, его каменная пасть находилась позади приставного круглого стола. Огромный камин казался высеченным из скалы Кейп-Рота руками древнего великана, когда-то бывшего хозяином этого неприветливого мыса. Над камином висела написанная маслом картина — благородный олень на фоне холмистого пейзажа Северной Шотландии; голова животного с широкими ветвистыми рогами была

высоко вскинута, крепкие стройные ноги прочно опирались о поросшую сероватым мхом землю.

— Смотри! — шепнула Одри, восхищенно глядя на картину. — Ну разве это не красота!

Сопровождавший детей охранник велел им садиться за стол. Среди оставшихся девяти финалистов было пятеро девочек и четверо мальчиков. Мика дождался, пока Рубен займет место рядом с приставным столом, который, очевидно, предназначался председателю их собрания, а сам уселся в противоположном конце главного стола. Одри заняла место по левую руку от Мики; она сидела вытянув шею, не в силах отвести глаз от картины с оленем. Лео сел справа от Мики, рядом с ним устроилась девочка по имени Иман — чернокожая красавица, стройная и гибкая, как пантера, чье изящество Мика мог сравнить разве что с изяществом поблескивающих черным лаком истребителей, выстроившихся на взлетной полосе возле форта. Иман робко улыбнулась Мике, он попытался улыбнуться в ответ, но у него это плохо получилось. С того самого мгновения, как они вошли в зал, Мику не покидало гнетущее предчувствие, что скоро здесь должно произойти нечто ужасное. Он смотрел на пляшущие огоньки свечей, и ему казалось, что сам воздух вокруг него охвачен пламенем.

* * *

Мэл Горман сидел в бархатном кресле с позолоченными подлокотниками перед другим ярко пылающим камином у себя в гардеробной. В его распоряжении имелись гораздо более просторные залы, но здесь, в этой относительно небольшой комнате, где пол был устлан пушистым персидским ковром, а на окнах висели толстые плюшевые портьеры, было теплее, чем во всех остальных помещениях форта. Однако, несмотря на пылающий камин и включенное отопление, он все равно мерз. Дрожь пробирала Гормана до костей — казалось, ему никогда не удастся согреться.

Ральф держал в руках отутюженный смокинг Гормана. Дворецкий в почтительном молчании стоял в углу комнаты, дожидаясь, пока доктор закончит осматривать хозяина.

— Что со мной? — нетерпеливо спросил Горман. — Послушайте, доктор, у меня нет времени на долгий осмотр. Сегодня мы вручаем призы победителям.

— Ваше сердце, сэр, — доктор нахмурился. — У вас сильная аритмия. Вам в последнее время не приходилось волноваться? Возможно, какие-то стрессы?

— Нет, — отрезал Горман. На мгновение он вспомнил о кошмарном сне с растением-убийцей и о человеке-телевизоре — образ, пришедший к нему из памяти Мики. Перед Горманом промелькнуло лицо старика с мертвыми глазами на черно-белом экране телевизора и золотистая птичка, которую он раздавил в своем кулаке. Горман содрогнулся.

— У меня просто сильный озноб. Наверное, простуда или грипп.

— Вы нуждаетесь в отдыхе, — сказал доктор, — Думаю, вам не стоит сегодня идти на банкет.

— Исключено. Я должен быть там, — упрямым голосом заявил Горман. — Я отобрал моих детишек и хочу сам посмотреть на них. Просто дайте мне какую-нибудь таблетку. И пожалуйста, побыстрее. Меня уже ждут.

Горман поднялся с кресла и кивнул Ральфу — дворецкий подскочил к хозяину и помог ему надеть смокинг. Доктор тяжело вздохнул и полез в свой чемоданчик за лекарством. Он вытряхнул из пузырька две большие голубые таблетки и положил их на серебряный поднос рядом с графином, который стоял на столике перед камином. Однако доктор не был уверен, что его таблетки помогут. Человеческое сердце не рассчитано на то, чтобы исправно работать в течение ста восьмидесяти лет, и, даже несмотря на таблетки вечной жизни, которые принимает Мэл Горман, ему следовало бы поберечь свое изношенное сердце.

Выходя из гардеробной, Горман почувствовал, как в груди у него учащенно забилось сердце — как будто кто то включил ускорение. Он остановился, дожидаясь, пока

сердцебиение немного утихнет; затем расправил плечи и, гордо вскинув голову, начал спускаться по лестнице, ведущей в дубовую столовую.

«Я Мэл Горман, — повторял он про себя. — Я не боюсь детей. Пускай дети боятся меня».

* * *

Ральф вошел в столовую первым. Он несколько раз встряхнул золотой колокольчик и торжественным голосом объявил о прибытии Мэла Гормана. Тяжелая двустворчатая дверь распахнулась, и Мика увидел, как монстр из его кошмаров вступает в реальность. Там, в высоком дверном проеме стоял он, Главный Мясник. Прежде чем Мика успел взять себя в руки, у него вырвалось громкое «ах»; однако он был далеко не единственным, кто ахнул при появлении Мэла Гормана. Даже те дети, кому Горман никогда не являлся в ночных кошмарах, были потрясены его видом. Это был тощий, похожий на ожившую мумию старик с желтым лицом, обтянутым сухой, словно старый пергамент, кожей и лысым черепом, на котором топорщилось несколько клочков жидких седых волос. Одри вцепилась в запястье Мики, оба вздрогнули, как будто их ударило током.

— Кто это? — прошептала она. — Мне не нравится этот старик. Надеюсь, нам не придется сидеть с ним за одним столом.

Горман заметил страх в глазах детей и удовлетворенно кивнул.

— Добрый вечер, — поздоровался он, останавливаясь во главе стола.

«Спокойно. Главное, спокойствие, — повторял про себя Мика. — Помни, ради чего ты здесь находишься».

Официант отодвинул кресло с высокой резной спинкой, и Мэл Горман уселся на свое место. Он окинул взглядом притихших детей, словно коллекционер редких драгоценных камней, который, открыв ларец, любуется принадлежащими ему сокровищами. Но в его глазах не было любви, только холодный блеск; коллекционер не видел красоты своих камней, его занимала лишь их баснословная стоимость. Мика понял, что перед ним человек, который способен украсть ребенка, а потом спокойно сообщить его родителям, что их ребенок мертв. Этот отвратительный старик был именно тем человеком, который похитил его сестру.

Дворецкий снова встряхнул свой золотой колокольчик. Двери открылись, и телеголовастики один за другим начали заходить в зал и усаживаться за круглым столом рядом с Мэлом Горманом. В основном это были крупные политики и члены правительства, включая премьер-министра и министра образования. Но Мика ничего не знал о политиках, единственное, что ему было точно известно, — эти монстры с желтой пергаментной кожей и белесыми глазами едят детей! Вот они уже расправляют белые крахмальные салфетки, еще немного, и телеголовастики приступят к трапезе. В зале появилась вереница официантов, они быстро и ловко расставили перед гостями серебряные тарелки с едой. Мика с облегчением заметил, что на тарелках телеголовастиков лежат горы тушеных овощей и толстые куски соевого мяса, щедро политые горчичным соусом, человечины в их меню явно не было. Этот мрачный ужин мало походил на торжественный банкет по случаю награждения победителей. Сами победители, опустив глаза, вяло ковыряли вилками в своих тарелках, в то время как телеголовастики с аппетитом уплетали мясо; жадно, бокал за бокалом, пили красное вино и, причмокивая своими тонкими сухими губами, пялились белесыми глазами на сидящих перед ними детей.

Ужин тянулся бесконечно долго. Когда подали десерт и Горман поднялся из-за стола, чтобы сделать, наконец, свое заявление, Мика готов был закричать от радости. Впрочем, самому Горману тоже не терпелось поскорее покончить со всем этим. На протяжении всего ужина его сердце то пускалось вскачь, то принималось биться короткими неровными толчками, словно никак не могло решить, остановиться ему совсем или, набрав скорость, разорваться на части. Больше всего Горману хотелось лечь и закрыть глаза.

— Прежде чем мы приступим к десерту, мне хотелось бы назвать имена шестерых победителей нашего соревнования, — начал Горман, — И уже ничто не будет отвлекать вас от мороженого, — добавил он, стараясь придать своему голосу оттенок легкого юмора.

Губы старика растянулись в улыбке, но глаза остались холодными. Шутка Гормана не вызвала ответной реакции, дети молчали. Мика тоже затаил дыхание.

«Неужели все это происходит на самом деле? — промелькнула у него мысль. — Сейчас меня назовут победителем соревнования, устроенного этими монстрами».

— Но прежде я хотел бы сказать, — Горман кашлянул, — что мне очень приятно видеть вас всех. Это соревнование принесло нам немало удивительных открытий. Должен признаться, вы превзошли наши самые смелые ожидания. Молодцы!

Телеголовастики дружно закивали головами и в знак согласия подняли свои бокалы с вином.

— Впереди вас ждет светлое будущее, — продолжил Горман. — Независимо от того, выиграете вы сегодня или нет. Поэтому не стоит расстраиваться, если вы не услышите свое имя в списке победителей. Я могу заверить, что ваши усилия будут оценены по достоинству. Ну а теперь я объявлю победителей. Попрошу встать тех, чьи имена я сейчас назову.

Иман.

Девочка-пантера грациозно поднялась со своего места. Телеголовастики за главным столом разразились бурными аплодисментами.

Сантос.

Долговязый наголо бритый мальчик в больших старомодных очках вскочил из-за стола.

Лео.

Золотой мальчик поднялся на ноги. Лицо Лео оставалось совершенно спокойным, лишь уголок рта тронула едва заметная улыбка.

Коллет.

Девочка-француженка с густой шапкой каштановых кудрей залилась краской и медленно поднялась из-за стола.

Одри.

Мика подтолкнул свою подругу локтем в бок. Она в недоумении уставилась на Мика, словно впервые видела его.

— Я? — вскинула брови Одри.

— Ты, балда, ты, — шепнул Мика.

— Да, ты, — повторил Горман, — если, конечно, под столом не прячется еще одна Одри.

Глаза Одри вспыхнули изумрудным огнем; она поднялась из-за стола, и телеголовастики захлопали своими костлявыми руками.

— Ты следующий, — шепнула Одри.

Пятеро финалистов стояли вокруг стола, и только четверо остались сидеть на своих местах. Две девочки и два мальчика. Мэл Горман сделал паузу. Выбор последней кандидатуры оказался для него самым трудным, даже сейчас Горман не был уверен, что принял правильное решение. Мальчики обладали невероятной силой, на самом деле они были самыми сильными из всех участников соревнования, но Гормана беспокоило, насколько хорошо он сможет контролировать их обоих. Рубен Снайт и Мика Смит. Вчера во время испытаний они расплавили пластмассовый шар, прожгли дыру в столе и едва не убили друг друга. Горман понял, что не хочет оставлять их обоих, это означало бы продолжение конфликта, все равно что держать двух собак, которые постоянно враждуют друг с другом за право занять место вожака. Сидя у себя в гардеробной перед пылающим камином, Горман долго размышлял, кого же из них оставить. Его выбор должен основываться на объективных результатах тестов, но Горману трудно было сохранять объективность; он никак не мог забыть монстра из воспоминаний Мики — человек-телевизор с раздавленной птичкой в костлявом кулаке. Теперь каждый раз, глядя на себя в зеркало, Горман вместо собственного отражения видел какого-то отвратительного старика с головой-телевизором. И все из-за

Мики Смита. Как можно иметь рядом с собой мальчика, которому снятся такие вещи? К тому же не следует забывать о сестре Мики, Элли. Девчонка едва не прикончила его. Конечно, Горман понимал, что это произошло помимо ее воли, Элли сама испугалась таящейся в ней силы. Однако до сих пор при воспоминании о ее пылающих ненавистью глазах Гормана бросало в дрожь. Так нужен ли ему еще один такой же смертельно опасный ребенок? Странные близнецы. Элли и Мика невероятно талантливы, но Горман не мог избавиться от неприятного чувства, что в них таится какая-то скрытая угроза. Они вторгаются даже в его собственные сны. Человек-телевизор на безлюдной парковке, вылезающие из-под земли щупальца кровожадных растений — нет, его старое сердце не выдержит такого кошмара. Горман остановившимся взглядом смотрел на пляшущее в камине пламя. Нет, решил он, хотя результаты тестов Мики Смита во многом превосходят результаты всех остальных, последним победителем соревнования, последним, кого он выберет, будет Рубен Снайт.

И тут Мэл Горман посмотрел на Рубена Снайта. До чего же неприятный ребенок! В наступившей тишине Рубен в упор смотрел на Гормана. На лице мальчишки играла высокомерно-пренебрежительная улыбка, сжатые кулаки лежали на белой скатерти, он как будто угрожал Горману, требуя, чтобы тот назвал его имя. «Смахивает на крысу», — подумал Горман. Нос слишком длинный и острый, кожа слишком белая, как будто в жилах у парня вместо крови течет молоко. Нет, не молоко, а какая-то иная, гораздо более опасная жидкость, вроде яда, точно — густой, липкий змеиный яд. В противоположность Рубену Мика Смит, сидевший в самом дальнем конце стола, выглядел спокойным, скромным и крайне благоразумным ребенком.

Что же делать? Возможно, он слишком близко принял к сердцу фантазии Мики? В конце концов, это всего лишь детские сны. Не были ли его собственные страхи результатом усталости и недомогания? Горман помнил, что сказали ему ученые: Мика сообразительный, хорошо обучаемый ребенок, и, главное, гораздо лучше поддается контролю, чем его сестра. Его можно контролировать...

Сердце Гормана на мгновение замерло, затем снова пустилось вскачь. Все присутствующие затаили дыхание; повисшая в зале тишина превратилась в молчание смертников, ждущих оглашения приговора.

— И, наконец, последний победитель нашего соревнования, — медленно произнес Горман, — Мика Смит!

Мике удалось преодолеть охватившую его слабость — результат напряженного ожидания, сменившегося чувством невероятного облегчения, — и подняться на ноги. Он догадывался, какая дилемма стояла перед Горманом, и понимал, что выбор в его пользу был сделан в последнее мгновение, в эти долгие и страшные минуты раздумий.

— Мика? — грозным голосом произнес Рубен, поднимаясь из-за стола. — Мика Смит? Вы выбрали *Мику* вместо меня?!

— Сядь, Рубен, — велел Горман.

— НЕТ! — заорал Рубен. Он сделал шаг назад и налетел на стул, тяжелый дубовый стул с грохотом опрокинулся на пол. Перекошенное лицо Рубена, освещенное пляшущим в камине огнем, стало похоже на дьявольскую маску.

— Рубен, — ледяным голосом повторил Горман, — держи себя в руках или ты горько пожалеешь. Обещаю, ты тоже не уйдешь отсюда без награды.

Рубен побагровел.

— И что это за награда? Набор столовых приборов с логотипом КОРДа? Или вы всучите мне свой утешительный приз вроде розового леденца на палочке? Вы ведь до последней минуты не были уверены, кого выбрать, верно? Сначала вы выбрали меня, но потом изменили свое решение! Вы ошиблись, сэр, и вы прекрасно знаете это!

— Да как ты смеешь, щенок! — взревел Горман. — Кто дал тебе право обсуждать мои решения? — Он попятился, стараясь не смотреть в горящие ненавистью глаза мальчишки. — Сядь немедленно, или я прикажу вывести тебя из зала.

— НЕТ! — завизжал Рубен. — Я вам не сопливый ребенок! Вы не смеее так поступать со мной! Немедленно измените свое решение или *вы* горько пожалеете!

Окаменевшие от ужаса дети и взрослые смотрели, как ноги Рубена оторвались от пола — он медленно поднялся в воздух и завис над столом. Дети видели розоватое, похожее на туман, свечение вокруг тела Рубена; свет разгорался все ярче, одновременно приобретая багровый оттенок. Глаза Рубена налились кровью, из них, словно стрелы, во все стороны расходились острые лучи. Вид Рубена был настолько ужасен, что по сравнению с ним сидевшие за столом телеголовастики казались добрыми бабушками и дедушками — они вжались в спинки кресел, когда горящий взгляд Рубена уперся в их стол. Иман закричала и отскочила в сторону — мимо ее лица просвистела вилка, едва не угодившая ей в глаз. Затем вся посуда, которая была на столе, бокалы, графины, тарелки взвились в воздух и в безумном вихре закружились по залу. Бокалы ударялись друг о друга и разлетались на тысячи осколков; ножи, со свистом рассекая воздух, летели в лица, шеи и спины стоящих внизу людей.

Официанты побросали блюда с десертом и кинулись вон из зала, вслед за ними выскочили охранники. Дети с визгом бросились под стол, однако не все оказались достаточно проворны. Обернувшись, Мика заметил Лео, который лежал на полу, прижимая ладони к лицу; сквозь пальцы Лео бежала струйка крови. Когда он отвел ладони, Мика увидел, что щека Лео от правого глаза до самого подбородка взрезана, словно спелая дыня.

— Стреляйте! — заорал Горман, хватаясь рукой за сердце. — Пристрелите этого парня! Быстрее, **УБЕЙТЕ ЕГО!**

Сидя под столом, Мика видел, как мимо его носа прогромыхало несколько пар тяжелых армейских сапог, и услышал щелканье затворов. Мика не знал, откуда у него появилась эта мысль, но он вдруг ясно понял, что должен спасти Рубена. Мика на четвереньках выбрался из-под стола и, прикрывая обеими руками голову, чтобы защититься от носящихся по залу осколков, помчался к Рубену. Затем, словно заправский голкипер, который всем телом кидается на идущий в ворота мяч, он бросился на Рубена. Вцепившись в ноги мальчика, которого ненавидел всей душой, Мика выдернул его из воздуха. Грохнул выстрел. Оба мальчика рухнули на стол; сверху на них посыпались вилки, ложки, тарелки и груды осколков. Звон посуды смешался с истошным визгом. Мика замер, дожидаясь, когда на него нахлынет тошнотворная волна боли. Однако боль так и не появилась. Вместо этого Мика услышал злобные проклятия Рубена, который пытался спихнуть его с себя.

— Отвали, ты, грязная жаба, — рычал Рубен. — Ты мне противен! Надеюсь, они подстрелили тебя!

— Они промазали, — спокойно сказал Мика.

— Очень жаль, — фыркнул Рубен.

— Спасибо, — прошепнул Мика.

— Я *ненавижу* тебя, — прошипел Рубен, вложив в свой голос весь яд, на который только был способен.

— Мне все равно, — сказал Мика. — Я не для того спас тебя, чтобы теперь набиваться в друзья.

— А для чего же? Ах, смотрите, какой герой! Интересно, кого ты хотел поразить?

— Никого. Я просто не хотел быть похожим на тебя.

— Ха! — Рубен откинул голову и расхохотался. — Да ты *уже* похож на меня. Ты просто не хочешь в этом признаться. Посмотри, ты точно такой же, как я.

— Нет, я не такой.

Рубен оттолкнул Мику, прыгнул со стола и попытался прорваться к двери. Однако тут же охранники навалились на него, ловко накинули на глаза повязку и, подхватив под руки, выволокли из зала.

Мика перекатился на спину и увидел сердитое лицо Одри.

— Они чуть не подстрелили тебя! — сжав кулаки, воскликнула девочка. — Зачем ты это сделал?

— Я должен был спасти его, — тихо произнес Мика.

— И поэтому решил, пускай лучше убьют тебя! — закричала Одри, — Я думала... мне показалось, что в тебя попали и ты сейчас умрешь!

Мика сел и огляделся по сторонам. В столовой царил хаос, повсюду валялись осколки разбитой посуды, мраморный пол был густо закапан кровью.

— Но я же не умер. — Мика улыбнулся. — Не волнуйся, со мной все в порядке.

— Всем встать! — гаркнул один из охранников, — Вон отсюда!

Их привели обратно в застекленный отсек, разогнали по комнатам и заперли. Мика сидел на краю кровати, пытаясь унять охватившую его дрожь. Он заметил большое бурое пятно у себя на груди — кровь Лео попала ему на рубашку. Осколок стекла вонзился в правую ладонь Мики. Сжав зубы, он выдернул осколок из раны. Кровь быстрой струйкой побежала по руке, но Мика не чувствовал боли, только усталость и огромное, ни с чем не сравнимое счастье. Каждая минута страха, каждая пролитая им капля крови, все его страдания и боль стоили того, чтобы быть рядом с Элли.

ГЛАВА 43

Разговор по душам

Полчаса спустя в комнату вошел человек.

— Ты не ранен? — спросил он, глядя на кровавое пятно на груди Мики.

— Нет, я в порядке... вот только ладонь.

— Дай я посмотрю.

Мика протянул ладонь.

— Порез глубокий, — сказал мужчина, осматривая руку Мики. — Ничего, мы обработаем рану, да, и надо будет что-то сделать с твоей шеей. Такие синяки, как будто тебя душили.

— Точно, душили, — согласился Мика.

— Придется тебя немного подлечить, не можешь же ты возвращаться домой в таком виде.

— Домой? — Мику охватила паника, — Уже?

— Да, скоро мы отправим тебя домой, — кивнул мужчина. — Но сначала с тобой хочет поговорить Мэл Горман. Сейчас он беседует с Одри, а потом зайдет к тебе.

Мужчина ушел. Мика снова остался один. Он в волнении мерил шагами комнату. Значит, они отправляют его домой, так и не дав повидаться с сестрой. Нет, Мика не хотел уезжать. Он просто не мог уехать. Но что же делать? Соревнование закончилось, победители названы. Больше ждать нечего. Но в том-то и дело, Мика ждал гораздо большего: отправляясь на мыс, он надеялся отыскать сестру.

«Пожалуйста, — мысленно взмолился Мика. — Пускай это не будет концом. Пожалуйста, пускай произойдет еще что-нибудь».

Дверь распахнулась, на пороге появился Мэл Горман. Он шагнул в комнату и протянул Мике свою длинную костлявую руку. В какое-то безумное мгновение, охваченный отчаянием, Мика готов был выложить все начистоту и просто спросить у этого похожего на скелет старика, где находится Элли. Однако Мика вовремя сообразил, насколько глупо и рискованно было бы задавать Горману подобные вопросы. Оказавшись рядом со стариком, Мика ясно почувствовал исходящую от него угрозу. Мэл Горман чрезвычайно опасен, но это скрытая опасность, вроде яда в стакане воды или ядовитого газа, который незаметно заполняет легкие, — с ним нужно быть начеку, и самое лучшее для начала — выслушать, что он хочет сказать. Поэтому, собравшись с силами, Мика просто молча пожал протянутую ему руку. Рука оказалась холодной, сухой и твердой.

— Садись, — тихо сказал Горман.

Мика послушно уселся на край кровати. Внутренности в животе свернулись клубком и окаменели, когда Горман опустился на кровать рядом с ним. «Он пахнет пустотой, —

пронеслось в голове у Мики, — как мумия, которую высушили лет сто назад».

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Горман.

— Хорошо, — без всякого выражения ответил Мика.

— Замечательно, — старик одарил Мику холодной улыбкой. — Должен признаться, ты повел себя как настоящий герой, когда бросился на Рубена. Премьер-министр просил поблагодарить тебя: нож едва не угодил ему в грудь, так что можно сказать, ты спас его. Надеюсь, ты сам не пострадал.

— Нет, со мной все в порядке. — Мика быстро спрятал Под себя раненую руку.

Он понял, что телеголовастики неверно интерпретировали его поступок. Мика бросился на Рубена вовсе не для того, чтобы спасти кого-то из этих мерзких стариков. Однако все к лучшему, пускай премьер-министр и сам Горман думают, будто он защищал их драгоценные жизни; эта ошибка может даже пойти на пользу Мике. Доверие Гормана облегчит поиски Элли. Мика очень надеялся, что так оно и будет.

— Ты производишь впечатление разумного мальчика, — неторопливо продолжил Горман. — Торжественный ужин закончился дракой, тебя чуть не подстрелили; к тому же ты так и не успел попробовать свой десерт. Однако я вижу, эти события не выбили тебя из колеи.

— Я давно знал, что представляет собой Рубен, — осторожно начал Мика. — Поэтому его поведение меня не удивило. Он не любит проигрывать.

— Да, я это понял.

Холодные глаза Гормана встретились с глазами Мики. Мика сжал зубы, стараясь подавить дрожь.

— Я не ошибся, выбрав тебя, — сказал Горман. — Ты заслуживаешь главного приза.

Горман выудил из нагрудного кармана своего пиджака золотую карточку и положил ее на покрывало между собой и Микой.

— Что это? — спросил Мика.

— Ключ от квартиры в Золотых Башнях. Ты выиграл ее, — качнул головой Горман, — Твоих родителей перевезут туда: когда вернешься, они уже будут дома.

— Дома? — удивился Мика. — Вы хотите сказать, что сегодня я поеду в Лондон? Прямо отсюда?

— Да. Сейчас доктор обработает твои раны, а потом мы доставим тебя в Лондон. Твоих родителей тоже привезут из Барфорд-Норда. Я уже послал своих людей помочь им собрать вещи и погрузить в аэромобиль. Остальные победители и их семьи тоже будут жить в Золотых Башнях, в том же доме, что и ты, даже на одном этаже, в соседних квартирах.

Мика похолодел, краска отхлынула от его щек.

«Что я должен делать? — судорожно пытался сообразить он. — Предполагается, что это именно то, о чем я мечтал. Ради квартиры в Золотых Башнях я сражался с Рубеном и остальными конкурентами».

Мика хотел произнести какую-нибудь подходящую фразу, вроде «Большое спасибо, сэр!» или «Какое счастье!», но губы отказывались повиноваться. Его отправляют в Лондон, в новую шикарную квартиру, о которой он и думать забыл, — отправляют одного, без сестры. Нет, он совсем не на это рассчитывал. Все получилось совсем не так, как надеялся Мика.

— Твои родители будут гордиться тобой, Мика, — сказал Горман. — Ты совершил невозможное, вытащил свою семью из тесной квартиры-раскладушки в Барфорд-Норде, городе для беженцев, утопающем в грязной вонючей воде, и перевез их в Лондон в Золотые Башни. О таком жилье можно только мечтать, ничего лучшего в нашем новом мире просто нет. Перед тобой огромное будущее, тебе очень повезло, что мы выбрали именно тебя.

— Что вы имеете в виду? — вежливо осведомился Мика. — Вы хотите сказать, что соревнование закончилось?

— Да, — кивнул Горман. — Но твоя жизнь только начинается. Верно?

— Верно, — согласился Мика, пытаясь угадать, что именно хочет услышать от него Горман.

— Кроме того, — сделав загадочное лицо, продолжил Горман, — у меня есть еще одна, *особая* награда, специально для тебя, Мика.

— Награда? Для меня? — как можно спокойнее произнес Мика.

— Да. Но, прежде чем получить ее, ты должен доказать, что я могу доверять тебе.

— Интересно, что же это за награда такая? — стараясь не показать своего волнения, спросил Мика.

— Это то, что, по твоему мнению, у тебя отобрали, — медленно произнес Горман. — Вернее, кто-то. Ты понимаешь, о ком я говорю?

Слова Гормана, точно острые иглы, вонзались в мозг Мики. Он не сомневался, что правильно понял старика. Мике показалось, что Мэл Горман вытащил из кармана своего пиджака еще один золотой ключик, и на этот раз это был ключ от двери, за которой его ждала Элли.

Мика поднял на Гормана умоляющий взгляд, не в силах подавить подступившие к горлу слезы.

— Ты ведь знаешь, что она у меня? — Горман слегка прищурил глаза.

Мика молча кивнул и уронил голову на грудь. Чувство огромного облегчения затопило все его существо. Рыдания душили Мику, но он не хотел, чтобы этот злобный старик видел его слезы.

— Я так и думал, — сказал Горман.

— Что я должен делать? — спросил Мика. — Я на все согласен, — с жаром добавил он.

— Хорошо, — коротко бросил Горман, затем поднялся и молча направился к двери.

— Подождите! — воскликнул Мика. — Скажите мне, пожалуйста, что я должен делать!

Горман дошел до двери, медленно обернулся и с каменным лицом уставился на Мику:

— Я хочу, чтобы ты дал мне обещание.

— Какое обещание? — напряженным голосом спросил Мика.

— Что вернешься сюда завтра утром, — сказал Горман, — И в дальнейшем будешь беспрекословно выполнять все мои приказы.

— Хорошо, — проглотив комок в горле, кивнул Мика.

— Сегодня, в половине девятого вечера, твои родители получают сообщение. В нем будет сказано, что ты возвращаешься на Кейп-Рот. Они, конечно, расстроятся. Возможно, даже рассердятся, начнут задавать массу вопросов, требовать объяснения, но ты не должен ничего говорить им. Пообещай, что не скажешь им ни слова.

— Обещаю, — с замирающим сердцем произнес Мика.

Он заранее знал, как сильно расстроятся мама и папа, когда узнают, что Мэл Горман забирает у них сына, а сын при этом отказывается объяснить им, в чем дело. Но разве у него есть выбор? Все, что он делает, он делает ради спасения Элли.

— И еще одно условие, — продолжил Горман. — Сегодня вечером ты не должен покидать свою квартиру. Тебе запрещено выходить из дома куда бы то ни было. Мои люди будут следить за тобой. И запомни, если я узнаю, что ты не послушался меня, я очень, очень сильно рассержусь. Обещай, что шагу не сделаешь за порог своей новой квартиры.

— Обещаю, — заверил старика Мика. — Значит, если сегодня вечером я не выйду из дома и ничего не скажу родителям, а завтра вернусь к вам, вы позволите мне увидеть Элли?

— Да. А ты сможешь сдержать слово?

— Да, — твердым голосом заявил Мика.

— Хорошо. Будем считать, что договорились. Я уже предупредил остальных победителей, что, если они не сдержат слово, я вышвырну их родителей из Золотых Башен и до конца дней отправлю гнить в Царство Теней. Надеюсь, тебе не нужно повторять, что с твоими родителями случится то же самое?

— Не нужно, — сказал Мика, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— И не забудь: если ты нарушишь обещание, ты больше *никогда* не увидишь сестру.

ГЛАВА 44

Золотые гробницы

Мика покидал Кейп-Рот. Черная волна горя накрыла его с головой, из правого глаза выкатилась слезинка и медленно поползла по щеке. Мика смахнул ее кончиком указательного пальца. Он думал, что плачет по Элли, оставшейся за стенами форта. К несчастью, Мика ошибался: он плакал не только по сестре, но по тысячам детских душ, которым еще только предстояло очутиться здесь, среди мрачных утесов Кейп-Рота. В тот момент, когда его аэромобиль поднялся над двойным кольцом неприступных стен, в предзакатном небе показалась целая эскадрилья грузовых самолетов. Самолеты двигались цепью, они напоминали большие черные бусины, нанизанные на одну нитку. Цепь растянулась до самого горизонта, каждый самолет нес на своем борту ценный груз — тех самых детей, которые два дня тому назад явились в игровые залы в надежде выиграть не много денег и талоны на бесплатное питание, а покинули их с имплантатами в голове. Круглые металлические диски с тончайшими электродами, вживленными в мозг детей, отныне контролировали каждый их поступок: теперь дети не могли ни говорить, ни двигаться без команды взрослых. Однако та глубинная часть мозга, которую невозможно контролировать никакими даже самыми хитроумными приборами, подавала сигналы бедствия, наполняя детские души смятением и страхом.

Мика слишком устал, чтобы плакать, из его глаза выкатилась одна-единственная слезинка, хотя ему казалось, что он готов пролить целое море слез. Он откинулся на спинку кресла, уперся затылком в подголовник и закрыл глаза. Мику охватила слабость и тоскливое желание быть рядом с Элли.

* * *

Полчаса спустя Мика открыл глаза и впервые в жизни увидел Лондон. Зрелище было настолько прекрасным, что Мика ахнул и, подскочив на сиденье, припал к окну аэромобиля. Сверкающий огнями город медленно вставал из-за темного горизонта. Издали он был похож на грудку драгоценных камней, ночное небо купалось в теплом оранжевом сиянии его огней. Золотые Башни оказались настоящими великанами, гораздо более высокими, чем они выглядели на экране телевизора. Каждая башня была разделена на тысячи просторных, теплых и уютных квартир, обрамленных ожерельем из огня и света. Движение на воздушных дорогах Лондона было крайне оживленным, в небе безостановочно сновали аэромобили, оставляя за собой длинные полосы голубого света; они, точно слетающиеся к ульям пчелы, подплывали к башням и шли на снижение.

— Ничего не скажешь, красиво, — заметил водитель. — Тебе повезло, парень.

— Да, — не очень уверенно согласился Мика.

Водитель не спеша двигался над городом, ловко лавируя между башнями. Наконец, он заложил изящный вираж и опустил на улицу у подножия одной из башен. Улица была широкой, чистой и светлой. По тротуарам шли нарядно одетые люди, чтобы провести очередной вечер в театре, концертном зале или ресторане, которых в городе были десятки тысяч. Довольные жизнью, сытые и беззаботные горожане были завернуты в одежды из дорогих материалов, искусно имитирующих шелк, шерсть и мех; на руках и шеях женщин сверкали драгоценности.

Водитель открыл дверцу аэромобиля, и Мика выбрался наружу. Едва ступив на тротуар, он услышал низкий ритмичный звук: «Бум. Бум. Бум».

— Что это? — удивился Мика, глядя себе под ноги.

Звук шел снизу, он напоминал глухие удары сердца какого-то огромного зверя, как будто сказочный дракон, который должен охранять сокровища, спит под ними, вместо того чтобы собственным телом накрыть сверху эту сверкающую грудку золота.

Бум. Бум. Бум.

— Царство Теней, — сказал водитель. — Неужели ты никогда не слышал о таком?

— Нет. Расскажите.

— Внизу под нами, — водитель мрачно ткнул пальцем в землю, — ежедневно умирают тысячи людей. Говорят, там у них появилась какая-то новая разновидность плесени, люди заболевают туберкулезом и мрут как мухи. Однако правительству наплевать на это, потому что им проще и дешевле хоронить людей, чем лечить их. Но люди не хотят, чтобы о них забывали, поэтому они установили строительные краны, подвесили к ним огромные каменные шары на цепях и стучат по балкам, поддерживающим Золотые Башни. Жители Царства Теней стучат день и ночь — по одному удару за каждого умершего человека. Они стучат уже вторые сутки, с вечера пятницы. Поначалу этот грохот сводил с ума тех, кто живет наверху, но постепенно люди начали привыкать. Думаю, ты тоже скоро привыкнешь.

Бум. Бум. Бум.

Однако Мика сомневался, что когда-нибудь сможет привыкнуть к этому тяжелому грохоту. Он взглянул на асфальт, представив, что происходит у него под ногами: миллионы людей, которые пытаются выжить в вечной темноте и сырости, приводят в движение огромные каменные шары, которые раскачиваются на цепях, вновь и вновь ударяясь о железные сваи.

— Кошмар, да? — сказал водитель. — Хорошо, что мы не живем в этом аду.

Бум. Бум. Бум.

Мика оглянулся. Мимо него шли нарядно одетые люди, они весело болтали и смеялись, как будто не слышали размеренного стука у себя под ногами. Его взгляд упал на женщину в меховой накидке. Остановившись возле фонаря, она достала из расшитой бисером сумочки помаду, зеркальце в золотой оправе и принялась старательно подкрашивать губы. Тяжелый грохот сотрясал землю. Неужели эта женщина в красных лаковых туфлях на высоком каблуке не чувствует идущую от земли вибрацию?

Бум. Бум. Бум.

Мика проследил взглядом за новеньким аэромобилем, который оторвался от обочины и, закладывая вираж за виражом, начал уходить вверх — туда, где в черном небе между золотыми шпилями башен висел лунный диск, похожий на большой гонг, печальный и бледный. Луна смотрела прямо на Мику, казалось, она все знает и все понимает. Мике очень хотелось быть таким же всезнающим, понимающим и невозмутимо-спокойным.

Он поднялся по широким мраморным ступеням, ведущим к его новому дому. Мрамор был натерт до блеска, так что Мика видел собственное отражение в его зеркальной поверхности. Он вспомнил о родителях и невольно схватился руками за шею. Еще утром у него на горле красовались синяки от пальцев Рубена, но перед отъездом с Кейп-Рота его ненадолго поместили в лечебную камеру, так что теперь от синяков не осталось и следа. К счастью, родители понятия не имеют о том, что произошло с ним за эти два дня. Само собой, у Мики не было не малейшего желания посвящать их в подробности своего путешествия.

На вершине лестницы стоял швейцар в голубом камзоле и белых перчатках. Вид у него был довольно нелепый, похож на оловянного солдата, решил Мика. Швейцар следил за Никой настороженным взглядом, пока тот поднимался по лестнице.

— Ты заблудился? — спросил он, косясь на потертые джинсы и грязные кроссовки Мики.

— Нет. Я живу в этом доме, — сказал Мика.

Он сбросил с плеча рюкзак с одной оборванной лямкой, плюхнул его на мраморную ступеньку и принялся шарить в наружном кармане в поисках золотой карточки-ключа. Швейцар с пренебрежением поглядывал на согнутую спину мальчика.

— Извините, сэр, — неожиданно воскликнул швейцар, заметив среди скомканных носков Мики блеснувшую золотом карточку. — Разрешите, я возьму вашу сумку и вызову лифт.

— Спасибо, я сам, — буркнул Мика, протискиваясь мимо швейцара.

Мика оказался в просторном фойе, в центре которого шумел фонтан. Четыре мраморные нимфы сидели на мраморном парапете, опустив свои стройные ножки в

бирюзовую воду фонтана. Потрясенный Мика замер на пороге. В подъезде их старого дома стены были покрыты зеленоватой плесенью, на бетонном полу вечно стояла жирная лужа, а ветер со свистом, похожим на вой обезумевшего привидения, врывается сквозь разбитые стекла дверей. Фонтан и мраморные нимфы выглядели помпезно и нелепо, они напоминали сахарные фигурки на вершине подтаявшего торта, который накренился и вот-вот обрушится. От одного взгляда на них к горлу подступала тошнота. Однако Мика подошел к фонтану и уселся на мраморный парапет. Через пару минут он поднимется наверх, позвонит в свою новую квартиру и лицом к лицу встретится с родителями. Мике требовалось время, чтобы собраться с мыслями. Он понимал, как непросто будет сдержать слово, данное Мэлу Горману. Мама и папа наверняка начнут задавать вопросы. Каким образом ему сохранить тайну и ничего не рассказать родителям о том, что случилось с ним за эти два дня — с вечера пятницы до вечера воскресенья? Синяки на шее Мики исчезли, рана на ладони тоже, но внутренне он чувствовал себя совершенно другим человеком. Сначала столкновение с Рубеном, который едва не задушил его, потом он сам чуть не убил Рубена взглядом, затем его опускают в яму к кровожадным чудовищам. Дальше — больше: он наяву встречается с людьми из своих ночных кошмаров, выигрывает соревнование, получает шикарную квартиру и, главное, находит свою сестру, которую все считают давно умершей. Мика чувствовал себя актером, который играет в мыльной опере, причем исполняет все роли сразу. И при этом ему приходится делать вид, что не происходит ничего особенного. Но и это еще не все. Сегодня в половине девятого вечера, когда по сценарию Гормана счастливые мама и папа должны праздновать новоселье, они получают сообщение, в котором говорится, что завтра утром их сыну придется вернуться на Кейп-Рот. Нетрудно представить, какая разразится буря.

«Но зато завтра я увижу Элли». Мика вздохнул. Ради нее он готов выдержать любую бурю.

Мика нашел на дне рюкзака свой мобильник и, взглянув на дисплей, обнаружил, что его ждет сообщение от Хелен. Прошло не меньше минуты, прежде чем Мика решился открыть его. Он заранее знал, что скажет его добрая наставница и подруга. Мика не хотел снова слышать ее предостережения о том, что он находится в страшной опасности и что ему нужно все бросить, забыть об Элли и спасаться самому. Даже если бы он захотел последовать советам Хелен, уже слишком поздно. Отступать некуда.

Мика глубоко вздохнул.

— Лилиан, покажи мне запись.

На дисплее появилось лицо Хелен. Как и в прошлый раз, она была одета в старомодно-аккуратное платье с кружевным воротником и точно так же пряталась, только теперь под кроватью. Кровать тоже выглядела старомодной: из-под края вязаного покрывала выглядывали массивные ножки, оканчивавшиеся блестящими железными шарами.

— Привет, Мика, — быстрым шепотом произнесла Хелен. — Слушай меня внимательно. Я только что узнала, что эти звери собираются сделать с тобой. Ты в ужасной опасности! Сейчас я дам тебе адрес, вы вместе с родителями должны немедленно отправиться по этому адресу. Запоминай...

Хелен запустила руку в отороченный мелким рюшем рукав своего платья, как будто бумажка с адресом была спрятана в глубине этих оборок, но тут откуда-то сверху раздался грубый женский голос:

— Миссис Гелт! Что это вы делаете под кроватью? И не прикидывайтесь, что вас там нет, я отлично вижу ваши ноги! Вылезайте немедленно! Честное слово, вас ни на минуту нельзя оставить одну.

— Я просто искала сеточку для волос, — громким писклявым голосом ответила Хелен. — Сейчас, сейчас, уже вылезая.

Мика увидел жирную лапу, которая откинула свисающий конец покрывала; затем позади Хелен возникло лицо женщины с красными мясистыми щеками.

— Интересно, где вы раздобыли *это*, — женщина с подозрением уставилась на

мобильник в руке Хелен. — Вот ведь чуяло мое сердце, вы снова что-то замышляете.

Женщина нагнулась пониже. На дисплее крупным планом возникла ее жирная лапа, раздался треск, шум, и запись оборвалась. В течение нескольких секунд Мика в недоумении пялился на потемневший дисплей, затем швырнул телефон на дно рюкзака и, поднявшись с мраморного парапета, направился к лифту.

Может быть, Хелен и вправду рехнулась, и ее заперли в сумасшедший дом? Нет. Мика замотал головой. Хелен была самым здравомыслящим человеком из всех, с кем ему когда-либо доводилось встречаться. Ну что же, по крайней мере, в своем заточении Хелен не померла от скуки.

Мика вздохнул. На душе было тяжело, ему очень хотелось, чтобы, когда они с Элли вернутся домой, Хелен была рядом.

* * *

Мика позвонил в дверь их новой квартиры. Дверь распахнулась, на пороге стояла мама. До конца жизни Мика не забудет этой картины: Аша — босая, с распущенными волосами, в небесно-голубом сари стояла на мягком бежевом ковре. Позади нее за огромным, во всю стену окном их новой гостиной сияли огнями Золотые Башни.

— Мика! — Аша бросилась к нему, обняла и прижала к себе. Мика вдохнул теплый запах маминых волос, к горлу подступили слезы, внутри все сжалось от любви к ней. Затем Аша отстранилась, чтобы получше рассмотреть сына. — Ты изменился, — сказала она, вглядываясь в лицо Мики своим зорким взглядом.

— Mam, меня не было дома всего два дня, — Мика выдавил улыбку. — Или ты хочешь сказать, что я снова подросток?

— Ты был ранен? — Глаза Аши сузились.

— Нет, с чего ты взяла? — Мика отвел глаза.

— Не знаю. Просто ты... стал каким-то другим. Я так рада, что ты наконец дома.

— Я тоже.

— О, Мика, я только что произнесла это слово «дом». — Лицо мамы озарилось улыбкой. — Это просто чудо! Мне до сих пор не верится. Нет, ты посмотри, какой вид.

Аша сделала широкий жест рукой, указывая Мике на сверкающий огнями город, который был виден за стеклянной стеной гостиной. Мика заметил дверь, ведущую на просторный балкон, и отца. Дэвид с бокалом вина в руке стоял на балконе, облокотившись о перила. Мика вышел на балкон и встал рядом с отцом.

— Поверить не могу, что ты выиграл все это, — покачивая головой, произнес Дэвид. Он развернулся и, взглянув на Мика, расплылся в счастливой улыбке, — Я горжусь тобой, сынок.

— Спасибо. — Мика перегнулся через перила, разглядывая улицу.

— Мама уже показала тебе остальные комнаты? — спросил Дэвид.

— Нет еще.

— О, ну, значит, покажет, — Дэвид усмехнулся.

— Ей нравится? — осторожно спросил Мика. — Здесь, в Лондоне?

— Откровенно говоря, мы были в шоке, когда два часа назад к нам явились люди из КОРДа и объявили, что мы переезжаем. Но, должен признаться, Лондон мне по душе, и до Барфорд-Норда всего двадцать минут поездом. Ты же понимаешь, работа, друзья, все там осталось... Правда, этот шум... — Дэвид замолчал, прислушиваясь к доносившемуся из-под земли ритмичному стуку.

Бум. Бум. Бум.

— Не уверен, что когда-нибудь смогу привыкнуть к этому. Я чувствую себя виноватым: мы здесь, наверху живем в шикарных квартирах, а там под нами люди... Ты видел, в лифте стоит автомат с газировкой! Представляешь, мы пьем газированную воду, катаясь в лифте, а внизу люди живут по колено в затхлой воде и умирают от туберкулеза...

— Мика, — раздался из глубины квартиры голос Аши, — иди, посмотри кухню.

Дэвид улыбнулся и отхлебнул вина.

— Иди, тебя ждет незабываемая экскурсия. Удивительно, как много человек может рассказать о шкафчиках для посуды и баночках для специй.

Гостиная была отделена от кухни раздвижной дверью; если дверь сложить, то получалось огромное пространство, нечто вроде банкетного зала. Мика терпеливо следовал за мамой, позволив Аше показать ему километры полок для посуды, гигантский холодильник с сенсорной панелью управления, до отказа забитый шампанским и продуктами, столешницы из полированного камня, симпатичные сияющие хромом краны, посудомоечную машину и прочую бытовую технику, которой была напичкана кухня.

— А кондиционер! — воскликнула Аша, показывая на панель управления. — Смотри, мы можем выбрать из трех ароматов: цветущий луг, морской бриз и хвойный лес.

В гостиной было еще две двери. Одна вела в комнату Мики, вторая — в родительскую спальню, к каждой спальне примыкала своя отдельная ванная комната. Комната Мики по размерам была такой же, как вся их старая квартира в Барфорд-Норде. Здесь, как и в гостиной, вместо окна была стеклянная стена, за которой открывался великолепный вид на город. Стены комнаты были обиты панелями, имитирующими дерево; под потолком мягким светом горели встроенные светильники, на полу лежал толстый бежевый ковер; ванная сияла кафелем, зеркалами и золотом — краны, кольца для полотенец, держатель для туалетной бумаги — все было золотым.

— А мебель где? — спросил Мика, оглядывая пустую комнату.

— Мебели нет, — сказала Аша. — И телевизора тоже. Все, что мы смогли привезти, — наш старый диван и пару стульев.

— Ничего страшного, — махнул рукой Мика, — я могу поспать и на полу, тут у них такие ковры... мягче, чем моя старая кровать.

— И пол с подогревом. Да, кстати, обрати внимание, здесь имеются платяные шкафы, так что теперь нет необходимости раскидывать вещи по комнате. А еще они присылают горничных убирать квартиру, представляешь, как в отеле. А внизу есть бассейн, и тренажерный зал, и ресторан... хотя, наверное, мы не можем себе это позволить... Ой, чуть не забыла, — Аша распахнула дверцу одного из стенных шкафов, — смотри, шкаф-прачечная! Вешаешь в него грязную одежду, а через пятнадцать минут достаешь все чистое. Почему бы тебе не воспользоваться этой штукой, почисти свои джинсы и рубашку, пока гости не пришли. Мы решили устроить новоселье у нас...

Аша вздохнула и опустилась на пол.

— В чем дело, мам? — спросил Мика. — Что-то не так?

— Нет, ничего. Просто все так неожиданно. Сегодня днем мы вернулись из магазина, я готовила на кухне чай и думала, остались ли у нас мороженые овощи на ужин, как вдруг раздался звонок в дверь. И вот два часа спустя мы здесь. Думаю, я пока не успела прийти в себя. Здесь так...

— Здорово, — закончил за нее Мика. — Как будто мы снова в отпуске на курорте, но только навсегда.

Мика пошевелил пальцами на ногах, ступни утопали в мягком ворсе ковра.

— Фу, — сморщила нос Аша. — Думаю, твои носки тоже не помешает отправить в шкаф-прачечную.

Мика снова почувствовал на себе изучающий взгляд мамы.

— Что произошло, Мика? — спросила она, — С тобой что-то случилось?

— Я выиграл соревнование, — Мика старался не смотреть на маму. — Только и всего.

* * *

Аша ушла на кухню готовить праздничный ужин. Мика сбросил с себя одежду, затолкал ее в шкаф-прачечную, затем притушил свет и уселся на пол перед стеклянной

стеной. Скрестив по-турецки ноги, он стал смотреть на улицу. Мимо окна то и дело проносились аэромобили, внизу по тротуарам сновали прохожие; они были похожи на муравьев, которые суетятся вокруг своего золотого муравейника. Мика слышал знакомый звук — рев двигателей, стекло начало вибрировать. Он вскочил на ноги и успел заметить два черных силуэта, промелькнувших в небе на фоне луны. Истребители. Самолеты двигались синхронно, вот они дружно накренились на правое крыло, заложили крутой вираж, затем вскинули вверх свои острые носы и понеслись навстречу луне. Мгновение — и оба исчезли в облаках. Мика остался стоять у окна. Он вглядывался в ночное небо в надежде снова увидеть самолеты, но они больше не возвращались. Вместо истребителей Мика увидел полицейский аэромобиль, который висел между шпилями соседних башен. Он оглядел небо в поисках других наблюдателей. Всего Мике удалось насчитать пять полицейских аэромобилей, посланных Мэлом Горманом следить за победителями соревнования. Но это открытие ничуть не удивило Мику. Странно, когда три месяца назад под окном его комнаты впервые появились полицейские, Мика испугался не на шутку, а теперь они совершенно перестали его беспокоить. Главное, он нашел сестру. Теперь все, что от него требуется, — провести одну-единственную ночь в новой квартире, не выходя из нее и ничего не объясняя родителям, а потом они снова будут вместе. Мика жалел, что вынужден молчать. Если бы он мог сказать родителям, что Элли жива!

«Представляю, какой бы шумной получилась у нас вечеринка».

Но Мика даже предположить не мог, насколько шумным окажется сегодняшний вечер и насколько трудно ему будет сдержать слово, данное Мэлу Горману.

ГЛАВА 45

Незабываемая вечеринка

Мика достал из чудо-шкафа рубашку и джинсы. Одежда была чистая и теплая, от нее исходил легкий аромат весенней свежести. Мика оделся и отправился на кухню, где у плиты хлопотали две горничные, присланные КОРДом. Мика улыбнулся, наблюдая за тем, как мама ходит вслед за горничными, предлагая им свою помощь, в то время как горничные помогали ей готовить праздничный ужин.

— Давайте я тоже что-нибудь сделаю? — робким голосом спрашивала Аша. Она с беспомощным видом наблюдала за горничными, которые ловко раскладывали закуски на тонких фарфоровых тарелках и расставляли бокалы для шампанского на больших золоченых подносах. — Может быть, я заварю чай? Или кофе? Хотите выпить по чашечке кофе, пока гости не пришли? Или по бокалу вина...

— Нет, спасибо, миссис Смит, — сухо отвечали горничные.

— Аша, почему бы тебе не выпить бокал вина, — предложил Дэвид. — Перестань суетиться, налей вина, сядь на диван и спокойно жди гостей.

— Да, наверное, так будет лучше, — не очень уверенно согласилась Аша. — Ах, посмотри, какое чудо! — воскликнула она, подходя к стеклянной стене.

— Это ты у меня настоящее чудо. — Дэвид поцеловал жену в ухо и обнял за плечи. Аша и Дэвид замерли перед окном на фоне сияющих огнями Золотых Башен.

«Если бы все было так просто, — думал Мика. — Волшебная сказка заканчивается поцелуем главных героев, все переселяются в золотой дворец, где живут долго и счастливо».

Мика вспомнил Элли. Интересно, чем она сейчас занимается? Неожиданно ему показалось, что время тянется мучительно долго; от встречи с сестрой его отделяет целая ночь. Он взглянул на часы — половина шестого. Через два часа родители получают сообщение от Мэла Гормана, а через двенадцать часов он уже будет на пути в Кейп-Рот. Мика попытался расслабиться. В конце концов, что он может сделать? Только ждать утра и надеяться, что ничего плохого за это время не случится.

Начали прибывать гости. Вскоре квартира заполнилась нарядно одетыми людьми, которые пили шампанское, шутили и смеялись. Младшая сестра Иман с визгом носилась

между гостями, карманы праздничного платья девочки лопались от конфет. Мика познакомился с отцом Лео, крупным мужчиной с такими же, как у сына, кудрявыми волосами, похожими на туго закрученные веревки, и с мамой Сантоса — смуглолицей красавицей из Бразилии, невероятно жизнерадостной и энергичной женщиной, которая оглушительно хохотала и постоянно приплясывала на месте, даже когда разговаривала. Все они оказались очень милыми и приветливыми людьми, и все были безумно счастливы. Однако сами победители, оставив родителей веселиться в гостиной, собрались на балконе. Коллет устроилась на полу, возле решетки балкона; остальные стояли опершись о перила и смотрели на раскинувшийся внизу золотой город.

Глаза Одри горели изумрудным огнем.

— Не понимаю, зачем мы понадобились Горману, — прошептала она. — Они же говорили, что их соревнование — это только игра.

— Мне их соревнование больше не кажется игрой, — заметил Сантос. Он снял свои старомодные очки в пластмассовой оправе и принялся старательно протирать стекла краем футболки. — Особенно после того, как мы подписали секретное соглашение.

— Меня это особенно тревожит, — призналась Одри, — Вдруг случится что-нибудь... непредвиденное, и мы не сможем сдержать обещание. Что будет с нашими родителями? Они отправят их в Царство Теней!

— Мы сдержим обещание, — уверенно заявил Мика. — Какие бы вопросы нам ни задавали родители, мы будем молчать, а вторая часть — это совсем просто, до завтрашнего утра мы не должны выходить на улицу.

— И все же Горман прислал пять полицейских аэромобилей, — сказал Лео. — Видите, они наблюдают за нами.

— Горман нам не доверяет, — прошептала Одри. — Наверное, боится, что мы сбежим.

— И обречем наши семьи на верную гибель в Царстве Теней, — фыркнул Лео. — Неужели он думает, мы способны на такое!

— Наверное, судит по себе. Думает, мы такие же бесчувственные негодяи, как он, — сказал Сантос, водружая очки на нос.

— Я боюсь, — прошептала Иман. — Не нужна мне ни машина, ни квартира, я хочу жить дома, ходить в обычную школу, встречаться с друзьями. Мне до сих пор не верится, как быстро они нас обработали. Я вообще жалею, что ввязалась в эту игру.

— Нам все равно не удалось бы улизнуть от него, — сказал Лео. — Горман ищет таких, как мы, он для этого и соревнование устроил — чтобы вычислить нас.

— Зачем? — удивилась Одри, — Ну да, мы умеем с помощью взгляда двигать игрушечные машинки. Но зачем нам возвращаться на Кейп-Рот? Не понимаю.

— Думаю, мы можем делать гораздо более серьезные вещи, — мрачно заметил Мика. — И Горман знает, какие именно.

— Например? — с ужасом прошептала Одри, — Это должно быть что-то ужасное, если такой мерзкий старикашка заинтересовался нами.

— Думаю, мы можем причинить вред людям, — шепнул Мика, — Однажды я сделал это, случайно, когда Рубен пытался задушить меня. Он закричал и отскочил в сторону, когда я просто *взглянул* на него.

— А я однажды подожгла одеяло, — прошептала Иман. Глаза девочки расширились от ужаса, — Когда мы вернулись с моря, я пыталась при помощи взгляда перелистывать страницы учебника, книга лежала на кровати, и вдруг одеяло загорелось!

— А Рубену удалось поднять в воздух самого себя, — напомнил Сантос. — Если он смог, то и мы, наверное, можем.

Сантос сосредоточился, нахмурил брови и страшно скосил глаза.

— Эй, только не сейчас, — одернул его Лео. — Не хватало еще, чтобы наши родители увидели, как мы порхаем по воздуху. Смотри, вон мама Мики уже наблюдает за нами.

Все обернулись. Аша стояла за стеклянной дверью балкона, с подозрением поглядывая на ребят.

— Мы должны выглядеть *нормальными*, — быстро прошептал Мика.
— Как? — хриплым голосом спросил Сантос.
— Ну, не знаю, улыбайся, сделай вид, что мы просто любимся городом, а не пытаемся упорхнуть с балкона или поджечь соседнюю башню.

ГЛАВА 46

Вой

— Сколько времени? — спросил Мэл Горман.
— Двадцать семь минут девятого, сэр, — ответил Ральф.
Дворецкий стоял на коленях возле камина и жарил на специальной решетке овсяные лепешки. Горман в ожидании ужина устроился неподалеку в своем золоченом кресле; он сидел, зябко кутаясь в толстый шерстяной плед.
— Три минуты, — пробормотал Горман, задумчиво глядя на пляшущие языки пламени. — Ровно через три минуты родители узнают, что я сделал с их детьми, и я стану самым ненавистным человеком на этой планете.
— Ну что вы, сэр, ваш поступок ни у кого не вызовет ненависти, — с убежденностью в голосе воскликнул дворецкий. — Вы просто делаете свою работу.
— Знаю, — проворчал Горман, — Однако боюсь, не все окажутся такими же рассудительными, как ты.
— Но ведь взамен они же получают чек на пятьсот фунтов, — заметил Ральф. — Это должно их утешить.
— Еще бы, — хмыкнул Горман, поплотнее укутываясь в плед.
— Более чем щедрая компенсация, — сказал Ральф. Он снял с решетки готовые лепешки, положил их на тарелку и принялся старательно намазывать маслом, — Они должны быть признательны вам, сэр.
— Должны, — согласился Горман. — Но почему-то некоторые бедняки готовы скорее умереть с голоду, чем расстаться со своими детьми. Так что жалоб нам не избежать.
— Но вы-то наверняка знаете, что им ответить, — небрежно бросил Ральф.
— Само собой, — усмехнулся Горман. — Уж я-то точно знаю, как следует разговаривать с теми, кто жалуется на жизнь.
Горман подумал, что обширный тюремный комплекс на северном побережье Ирландии окажется достаточно вместительным. Если же места все-таки не хватит, он всегда сможет построить новую тюрьму.
— Ужин готов, сэр. Как вы хотите, полить лепешки клубничным сиропом или намазать медом? — заботливым голосом спросил Ральф.
— Сиропом. Да, и распорядись, чтобы привели Элли. Думаю, ей нужно сообщить о том, что я собираюсь сделать с ее братом. — Голос Гормана дрогнул. Внезапно его охватил озноб. Старик натянул плед до самого подбородка и придвинулся поближе к камину.
— Вы уверены, что это следует делать? — вежливо осведомился Ральф. — Ее реакция может быть непредсказуемой.
— Уверен. Сегодня Элли будет вести себя прилично, у меня для нее хорошие новости.
— Ну, если так... — Ральф с сомнением покачал головой.
— Когда закончишь с ужином, пожалуйста, сделай огонь пожарче.
— Хорошо, сэр, — сказал Ральф, смахивая пот со лба.
Пока дворецкий поливал клубничным сиропом овсяные лепешки, Горман взял со стола мобильник и отправил сообщение родителям двухсот семидесяти тысяч детей, в котором говорилось, что сегодня вечером их дети не вернутся домой.

* * *

Бум. Бум. Бум.

Шестеро детей, отобранных лично Мэлом Горманом, сидели на балконе и смотрели на залитый лунным светом золотой город.

— Мы все мутанты, — сказала Иман.

— Да.

— Я была нормальной, когда родилась, — прошептала Иман. — Но, когда мне исполнилось три года, у меня начали расти рога. Хотите пощупать? — Она наклонила голову с аккуратно уложенными на затылке тугими косичками.

Дети по очереди пощупали голову Иман.

— Ой, правда, — с интересом воскликнула Одри. — Я чувствую два бугорка. А какие они были, твои рога?

— Страшные, как у козла. Мои настоящие родители были так напуганы, что сдали меня в приют, они думали, что я демон. Мои теперешние мама и папа удочерили меня.

— Сдали в приют? Не может быть!

— Да, но я на них не в обиде. Мои новые родители очень хорошие; будь у меня даже копыта на ногах, они любили бы меня не меньше.

Колетт, девочка-француженка, вытянула вперед руку. Ребята с изумлением наблюдали за тем, как она снимает кожу с правой кисти. Кожа сошла, словно перчатка; открывшаяся под ней серебристая ладонь и пальцы поблескивали при свете луны. Сложная система искусственных суставов и сухожилий приводила в движение каждый палец. Затем Коллетт проделала тот же фокус с левой рукой. Вытянув перед собой обе руки, она сжимала и разжимала пальцы, давая возможность всем хорошенько рассмотреть работу механизма.

— Какая красота, — с восхищением воскликнул Сантос, поправляя сползшие на кончик носа очки.

— Да, — согласилась Колетт, — их делал настоящий художник. — Я родилась без кистей и без ступней. Но в самом механизме нет ничего особенного, я мысленно контролирую движение рук и ног — примерно так лее, как вы двигаете предметы при помощи взгляда. Я всегда умела делать это, но до сегодняшнего дня об этом знали только мои родители. Мы думали, что я одна такая, а оказывается, нет. И, честно говоря, я этому очень рада.

Сантос молча задрал рукава футболки. В районе запястий у него виднелись шпоры, вроде тех, что растут на лапах у петуха, каждая шпора оканчивалась длинным закругленным когтем. Мика продемонстрировал свои перепонки на ногах; Одри объяснила, почему ее глаза светятся в темноте, а Лео ограничился сообщением о том, что у него имеется небольшой хвост.

— Хотела бы я знать, зачем мы понадобились Горману, — сказала Одри.

— Не знаю, — пожал плечами Лео. — Но я абсолютно уверен, что бы ни замышлял Горман, его планы вряд ли придутся нам по душе.

— Представляете, — прошептал Сантос, — последние две недели меня преследовало странное беспокойство, как будто мне предстоит делать что-то... необычное.

— И меня тоже! — воскликнула Колетт.

Авен заворчала.

Опустив руку, Мика почувствовал, как шерсть на загривке собаки поднялась дыбом.

— Что то случилось, — прошептал он.

Ребята замолчали и прислушались. Но то, что они слышали, не было звуком — напротив, в воздухе разлилась зловещая тишина, как будто тысячи людей разом затаили дыхание.

В гостиной раздался хлопок — Дэвид откупорил очередную бутылку шампанского; но и он почувствовал что то неладное и приглушил музыку.

— Слышите? — Дэвид сделал знак гостям.

Все стали напряженно прислушиваться.

— Как странно, — после нескольких секунд тишины сказала мама Одри. — Они перестали стучать.

Взрослые снова прислушались, как будто невидимый дракон, чье тяжелое дыхание они до сих пор слышали у себя под ногами, был им чрезвычайно дорог, и его внезапное исчезновение встревожило их. Взрослые прислушивались в надежде снова услышать его печальные вздохи, но вместо этого до них донесся совсем другой звук, гораздо более ужасный, чем завывания «чумной» сирены, — из глубины Царства Теней поднимался протяжный вой.

— Что это? — выдохнула Аша. Полными ужаса глазами она уставилась в пол. — Там внизу произошло что-то страшное, этот звук... как будто сотни тысяч людей кричат в предсмертной агонии.

Дети выбежали с балкона и вместе с родителями замерли посреди гостиной, все смотрели в пол. Вой нарастал.

Мгновение спустя раздался мелодичный перезвон колокольчиков — на чей-то мобильник пришло сообщение. Затем закричала одна из горничных: «О, нет! Нет! Нет! Боже, они забрали моего мальчика! Они украли у меня сына!»

Взрослые бросились к несчастной женщине. Дэвид выхватил у нее из руки телефон и вслух прочел сообщение Мэла Гормана.

— Все двенадцатилетние дети, — Дэвид побледнел как смерть, — сегодня днем были увезены КОРДом из игровых залов всех городов планеты!

— Зачем? — Отец Лео непонимающим взглядом обвел комнату, — Куда?

— В армию, — прочел Дэвид. Словно не веря собственным глазам, он уставился на дисплей мобильного. — КОРД собирает *детскую* армию! Они отправляют детей на войну!

Неожиданно мобильники всех собравшихся принялись трезвонить на разные голоса, призывая своих хозяев. Родители схватились за телефоны — через мгновение они поняли, что получили одно и то же сообщение. Аша вскрикнула и закрыла лицо ладонями.

— Нет, пожалуйста, нет! — заплакала она. — Только не Мика! После Элли... НЕТ, ПОЖАЛУЙСТА!

— Завтра утром они забирают детей, которые выиграли соревнование. — Руки Дэвида тряслись, он не попадал в кнопки мобильного. — Наши дети тоже идут на войну.

Аша обернулась и взглянула на шестерых детей, которые стояли, прижавшись к стеклянной стене на фоне сияющих огней золотых башен-великанов. Какой у них странный вид, подумала Аша, — кожа детей светилась, словно их лица были покрыты люминесцентной краской. Впервые Аша обратила внимание, насколько все шестеро похожи друг на друга. Несмотря на разный цвет кожи и черты лица, между ними было пугающее сходство, как будто их изваяли из одного куска мрамора.

— Ты знал, — Аша пристально взглянула на Мику. — Ты все знал.

Мика опустил голову и уставился в пол. Одри начала плакать.

Война.

Мэл Горман собирал *детей*, чтобы отправить их на войну!

Как же Мика ненавидел этого проклятого старика, особенно теперь, когда до него дошел весь ужас обещания, данного Мэлу Горману. Он поклялся, что вернется на мыс и будет беспрекословно выполнять его приказы, а Мэл Горман приказывает идти на войну. По телу Мики разлилась противная слабость, колени сделались ватными. Все встало на свои места. Оглядываясь назад, Мика понимал, что с самого начала их готовили к войне: витаминный коктейль для усиленного роста, спортивный лагерь, чтобы дети стали сильными и ловкими, игры на авиатренажерах, чтобы научить их управлять боевыми самолетами, и, наконец, соревнование, чтобы, не вызывая подозрений родителей, провести тесты и отобрать пригодных для войны подростков. Неудивительно, что, поздравляя победителей второго тура, мистер Грей говорил об «образцовых гражданах Северного полушария». Они все знали! Даже миссис Фулер! Мику и его друзей выращивали, как колосья на полях, чтобы потом собрать урожай — солдат, которых можно бросить в бой. Мика помнил, сколько унижений ему пришлось пережить, когда он отказался пить их витаминный коктейль. Его охватило такое бешенство, что захотелось разнести всю квартиру. Они называли его

параноиком! Всеми силами старались убедить самого Мику, что он рехнулся, и надо признать, довольно успешно. И все это время они знали, ради чего это делается!

— Почему ты ничего не сказал нам?! — воскликнула Аша. — Как ты мог вернуться домой и не сказать нам ни слова о том, чем вы там занимались!

— Мы ничего не знали. — Мика быстро вскинул на маму глаза. — Ни об армии, ни о войне.

— Но вы что-то *подозревали*! — сердито закричала Аша. — Разве не так? Я почувствовала это, как только ты вошел! Что там произошло? Если это соревнование было устроено ради того, чтобы сделать из вас солдат и отправить на войну, зачем же ты его выиграл?! Что в тебе такого необычного? Скажи!

Мика молчал, продолжая упрямо смотреть в пол.

— Мы не можем сказать, — ответил за него Лео.

— Что значит не можем? — теперь взорвался отец Лео. — Еще как можете! Мы ваши родители и имеем право знать. Зачем вы им понадобились?

— Успокойтесь. — Отец Мики сделал шаг вперед. — Давайте не будем кричать. Сейчас вы сядете и все нам расскажете.

— Нет, — качнул головой Мика. — Нам запрещено говорить.

— Что за глупости ты несешь! — рявкнул Дэвид. — Как можно запретить детям рассказать *родителям* о том, где они были и что с ними делали! Просто безумие какое-то. Само собой, завтра ты никуда не поедешь. Об этом даже речи быть не может! Я не собираюсь отправлять моего двенадцатилетнего сына на войну! Как им такое могло прийти в голову?! Или они думают, что достаточно сунуть мне чек на пятьсот фунтов — и я отдам им сына? Ах да, как же я забыл, мы теперь живем в новой квартире и у нас есть деньги, чтобы купить *мебель*. А если я буду слишком строптивым, они отнимут у меня все это! ПУСКАЙ ПОДАВЯТСЯ СВОЕЙ КВАРТИРОЙ! Я ЗАПРЕЩАЮ ТЕБЕ ИДТИ НА ВОЙНУ!

— Пап, пожалуйста, — взмолился Мика, — Не сердись на нас, мы думали, что просто играем в компьютерную игру.

— Я не сержусь, — усталым голосом сказал Дэвид. Он обмяк, плечи опустились, как будто из него выпустили весь воздух. — Я раздавлен, Мика. Я только-только поверил, что наша жизнь понемногу налаживается, и вдруг все снова рушится в один момент!

— В этом нет его вины, — мягко заметила Таша, тетя Одри, — Нас всех обманули.

— Пожалуйста, расскажите нам, в чем дело, — взмолилась Юна. — Возможно, мы сможем помочь вам.

— Нет, мам, — всхлипнула Одри. — Мы не можем. Мы дали слово. Вы не понимаете...

— Боже, это УЖАСНО! — расплакалась Юна. Она обхватила Одри за плечи и прижала к себе. — Думать, что вы играете в игру, и вдруг такое... Ты ведь рассказала бы мне, если б могла, правда?

— Да, мам, конечно. — Одри тоже заплакала. — Мы очень хотим рассказать, но не можем.

— Я не понимаю, — с жаром воскликнула Аша. — О какой войне идет речь? У нас нет никаких войн и быть не может, с тех нор как мы переселились за Стену, у нас не осталось врагов. А если бы на нас кто то напал, нам сказали бы по телевизору... С кем они собираются воевать?

— Думаю, мы скоро узнаем, — мрачно произнес отец Лео.

Он не ошибся. Они узнали, и гораздо скорее, чем думали. Мгновение спустя раздался звонок в дверь. Враги сами прибыли к ним домой.

ГЛАВА 47

Враги

Внешне они мало походили на врагов. Гости больше напоминали двенадцатилетних девочек. За спинами у них висели потертые рюкзаки с прикрепленными к карманам

забавными брелками — плюшевыми мишками и зайчиками; длинные спутанные волосы топорщились в разные стороны. Девчушки были похожи друг на друга как две капли воды: от грязных кроссовок и потрепанных джинсов до облупившегося зеленого лака на обкусанных ногтях. Эти невинные создания были современной версией троянского коня, сконструированные врагами специально для того, чтобы пройти мимо людей Мэла Гормана прямо в квартиру, где собрались победители соревнования. У девочек был такой естественно потрепанный вид, что бдительная охрана не обратила на них ни малейшего внимания. К тому моменту, когда родители победителей закончили читать сообщение Гормана, одна девочка уже стояла у дверей квартиры, вторая прошла в башню через служебный вход, третья спустилась на крышу здания, где находилась парковка аэромобилей, еще пятеро были на подходе.

Горничная открыла дверь и впустила первую девочку. В ее младенчески голубых глазах стоял страх, нежные розовые губы слегка припухли, бедняжка выглядела так, как должен выглядеть ребенок, который только что узнал, что его отправляют на войну. Перепуганные родители бросились навстречу девчушке. Но их детей девочке провести не удалось, как только они увидели окружавшее ее голубоватое свечение, им стало понятно, что перед ними киборг.

У Мики перехватило дыхание, он замер с раскрытым ртом.

— Что нам делать? — страшным шепотом спросила Одри, — Мы не можем сказать родителям, что она киборг, иначе придется объяснять про свечение и все такое.

Аша ласково коснулась плеча девочки-киборга. Авен издала грозное рычание, собака материализовалась из воздуха и остановилась у ног Аши. Мика напрягся, готовый в любую секунду броситься на помощь маме.

— Думаю, нам пока не стоит ничего предпринимать, — шепнула Иман. — Давайте послушаем, что она скажет. Информация может оказаться полезной.

Родители окружили девочку и принялись наперебой задавать вопросы.

— Как тебя зовут? — спросила Аша в полной уверенности, что разговаривает с живым человеком.

— Эми, — нежным детским голосом ответила девочка. — Я пришла, чтобы помочь вам.

— Помочь? — удивился Дэвид. — А где твои родители? Они, наверное, волнуются.

— Все в порядке, они знают, что я здесь, — заверила Дэвида Эми-киборг. — Родители сами послали меня к вам. Мы ваши друзья. Люди Мэла Гормана ни за что не пропустили бы их в башню, а на меня они не обратили внимания.

— А кто твои родители? — спросила Аша. Мама Мики выглядела озадаченной. — Я не уверена, что мы знакомы с ними.

— Нет, но скоро познакомитесь. Мои родители знают, что Мэл Горман собирается отправить ваших детей на войну. И они хотят помочь вам. Я могу проводить вас в одно секретное место, где люди Гормана не достанут вас. Но мы должны идти прямо сейчас.

— Куда идти? — не поняла Аша.

— В одно секретное место, — терпеливо повторила Эми-киборг. — Я не могу сказать, где оно находится, но обещаю, вам там понравится.

Взрослые смотрели на стоящую перед ними девочку. Несчастным родителям очень хотелось верить этому существу с невинными голубыми глазами. Они только что узнали, что их детей отправляют на войну, и тут к ним приходит эдакий ангел и обещает помощь. Похоже на волшебную сказку — в критическую минуту появляется загадочный друг и всех спасает. Однако, несмотря на их желание поверить в чудо, родители начинали понижать голос, что с Эми что то не так. Девочка говорила сладким голосом, но ее речь звучала плоско, как у плохой актрисы, которая читает зазубренный текст. Когда же девочка замолкала, она стояла неподвижно, напоминая скорее трехмерное изображение человека, чем живого ребенка. И эти васильковые глаза. Несмотря на их открытый и преданный взгляд, глаза девочки были абсолютно пустыми, как у куклы. Родители очень хотели верить Эми, но не могли.

— Мм... я не уверена, — пробормотала Аша, — Дэвид, как ты считаешь?

— Откровенно говоря, все это выглядит немного странно, — сказал Дэвид, с подозрением рассматривая девочку. — И почему ты не хочешь сказать нам, где находится это секретное место?

— Вы должны верить мне, — сладким голосом пропела Эми. — Я хочу помочь вам, — Девочка-киборг замолчала, как будто пытаюсь осмыслить ситуацию, а затем вкрадчиво добавила: — Если вы пойдете со мной, у вас будет все, что пожелаете.

Родители разом уставились на девочку.

— *Все, что пожелаете?* — быстро повторил Дэвид. — Ты вроде бы говорила, что вы наши друзья.

— Да, мы ваши друзья.

— Так почему же ты предлагаешь нам «все, что мы пожелаете»? — спросил отец Лео, — Выглядит так, как будто ты пытаешься подкупить нас.

— И что конкретно ты нам предлагаешь? — спросил Дэвид.

— А что вы хотите? — просто спросила Эми. — Если вы приведете к нам ваших детей, мы выполним любое ваше желание.

Окружавшие девочку родители ахнули, их лица исказились от отвращения — они, наконец, поняли, что именно предлагает им девочка-киборг. Возмущенные мамы и папы надвинулись на Эми.

— Речь идет о войне? — грозно спросила Юна. — Ты лазутчица, тебя подослали враги, чтобы переманить наших детей!

— Ну, не то чтобы переманить, — спокойно возразила Эми, — скорее, привлечь. Моя задача заключается в том, чтобы объяснить вам, что для вас гораздо выгоднее воевать на нашей стороне, вы получите намного больше, чем если останетесь с Мэлом Горманом.

— Ах, какая чудесная новость! — воскликнула Юна. — И во сколько же ваши люди оценили мою дочь?

— Вы получите двухэтажный коттедж, четыре спальни наверху, гостиная и кухня внизу, — деловым тоном сообщила девочка-киборг.

— Ух ты, здорово! — всплеснула руками Юна. — А что еще я могу получить, если отдам вам моего ребенка?

— Автомобиль, — не задумываясь отчеканила Эми, — с *личным* шофером!

— Вот уж поистине щедрый подарок. — Лицо Юны потемнело от гнева. — Похоже, моя дочь представляет для вас огромную ценность.

— Да, — согласилась Эми. — Она очень ценный экземпляр. Так, значит, вы пойдете с нами?

— Нет, — рявкнула Юна.

— При доме имеется бассейн и гараж, — Эми предприняла еще одну попытку соблазнить маму Одри.

— Сами плавайте в своих бассейнах, — усмехнулась Юна.

— А еще сауна и джакузи, — не отступала Эми.

— Спасибо, не надо.

— Полные шкафы новой одежды, телевизор, салон красоты, шампанское, отдых на лучших курортах, слуги, готовые выполнить любое ваше желание.

— НЕТ! — отрезала Юна.

— Но вы не понимаете, — продолжила Эми, — вы все равно *уже* потеряли ваших детей. Если вы не пойдете со мной, Мэл Горман заберет их себе. Глупо отдавать детей за такую крошечную квартирку и пятьсот фунтов, когда можно получить гораздо больше.

— Да вы все сумасшедшие! — не выдержав, закричала Аша. — Мы не продаем наших детей! Какими же бессердечными людьми надо быть, чтобы поверить в такое!

— Вы совершаете большую ошибку, — холодно заметила Эми. — Мэл Горман — вот кто действительно бессердечный монстр. Если вы сейчас не уйдете со мной, то можете распрощаться с вашими детьми.

— Мы никуда не пойдем! — сказала Юна, с отвращением глядя на голубоглазую девочку-киборга. — Вы ничем не лучше Гормана. Как вам только в голову пришло — явиться к родителям и предложить им обменять детей на дома и машины! Убирайся отсюда. Вон, пошла вон!

— Я никуда не уйду, — заявила Эми.

Ласковое выражение ее лица внезапно изменилось. Дети сразу почувствовали опасность.

— Прочь, прочь, отойдите от него! — закричала Колетт. — Он может напасть на вас!

— Что значит «он»? — удивилась Юна, настороженно поглядывая на Эми. — Почему ты называешь ее «он»?

— Потому что это не девочка! — выпалила Одри, — Это киборг! Робот, похожий на человека!

— Нет, я не робот, — ровным голосом произнесла Эми. — Я человек, такой же как вы.

— Никакой ты не человек, — сказал Сантос. — Уж нас-то не проведешь. Мы видим твою ауру!

Взрослые в недоумении переводили взгляд со своих детей на девочку-киборга и обратно.

— Киборг? — Дэвид нахмурился. — Аура? Что еще за аура?

Родители засыпали детей вопросами, те снова упрямо качали головами, отказываясь отвечать. Мика и его товарищи боялись, что и так сказали слишком много. В результате все позабыли об Эми. И напрасно: пока дети и родители препирались друг с другом, оставшийся без внимания киборг начал меняться. Его васильковые глаза налились чернотой, словно заполнились чернилами, он больше не походил на миловидную девочку — теперь посреди гостиной стояло существо, смахивающее на монстра из фильма ужасов.

— Боже мой, что это? — Аша в ужасе отшатнулась от Эми.

Но киборг сделал шаг вперед и схватил Ашу за запястье. Мама Мики закричала: острые, как иглы, ногти киборга впились ей в руку. Аша рванулась назад, на руке выступила кровь.

— Вы должны пойти со мной, — безапелляционным тоном заявил киборг по имени Эми, — Либо вы берете своих детей с собой, либо мы убьем их. Дом окружен. Вам некуда бежать, — Эми-киборг с силой дернула Ашу за запястье.

— Отвяжись от меня! — закричала Аша, кровь из разодранной руки брызнула на ее новое сари, — Пусти! Помогите! Помогите!

Перепуганные взрослые бросились на помощь Аше и начали оттащить ее от киборга, но, чем сильнее они дергали Ашу, тем крепче когти Эми впивались ей в запястье, и тем громче кричала Аша. Одна из горничных подскочила к киборгу и огрела его сковородой по голове, младшая сестра Иман подкралась сзади и дернула Эми за ногу, остальные отпустили Ашу и принялись отталкивать киборга в сторону, в результате тот потерял равновесие и рухнул на пол. Мика стоял, не в силах пошелохнуться, почти целую минуту он наблюдал за свалкой посреди гостиной, все еще цепляясь за обещание, данное Мэлу Горману, — родители не должны ничего знать о его сверхъестественных способностях. Но захлестнувшая Мику волна гнева поднималась все выше и выше, вскоре она превратилась в грохочущий горный поток, на пути которого встала неприступная плотина. Грохот нарастал, заглушая все остальные звуки, Мика уже ничего не слышал, даже крика Аши. Одновременно с гневом в его душе рос страх: Мика понимал, с какой легкостью он мог бы уничтожить киборга, просто взглянув на него. Но именно эта легкость и пугала Мику. Он помнил, как Авен дрожала всем телом, забившись в угол умыльальника, и боялась даже посмотреть на него. Но сейчас Мика видел разодранную в кровь руку матери, и отца, который в безнадежной попытке обезвредить киборга лил ему на голову апельсиновый сок из хрустального кувшина. Родители были абсолют но беспомощны перед этой взбесившейся машиной, а машина могла причинить им вред. У Мики не было выбора. Он сделал шаг вперед и взглянул в черные глаза киборга. Плотину прорвало, зрачки Мики расширились, и

кипящая волна гнева хлынула через край. Эффект получился мгновенным, киборг вздрогнул всем телом, его ноги и левая свободная рука, которой он отбивался от наседавших на него родителей, продолжая правой цепляться за запястье Аши, начали конвульсивно подергиваться, как будто с ним случился эпилептический припадок. Затем, к ужасу всех присутствующих, глаза Эми расплавились. Сперва они размякли и провалились внутрь глазниц, затем лопнули, словно два гнойных нарыва, и черная, густая и вязкая кровь киборга медленно поползла по его щекам. В следующее мгновение миловидное личико девочки сморщилось и оплыло, как кусок разогретого воска. В течение нескольких секунд киборг в недоумении крутил головой из стороны в сторону, словно пытался понять, почему вдруг лишился зрения, затем затих, как будто поддерживающая его энергия внезапно иссякла.

Дэвид разжал пальцы киборга и освободил руку жены; в том месте, где его острые ногти впились в запястье Аши, остались глубокие колотые раны.

— Уберите это отсюда, — сказала Аша, ее голос дрожат от ужаса и отвращения. — Унесите эту дрянь!

Дэвид и отец Лео подхватили киборга под мышки и попытались поднять его, но он оказался слишком тяжелым, так что им пришлось волоком тащить его к двери, окостеневшие ноги киборга оставили на бежевом ковре две глубокие борозды. Мика бросился помогать отцу. Затаив дыхание он ждал, когда родители поймут, каким образом он расправился с киборгом, и накинута на него с вопросами. Однако, к огромному удивлению Микки, никто не обратил на это внимания: похоже, взрослые искренне верили, что Дэвиду удалось вывести киборга из строя, вылив ему на голову кувшин апельсинового сока. И только дети знали, кто убил Эми. Они с пониманием поглядывали на Мику, но никто не проронил ни слова: обещание, данное Мэлу Горману, заставляло их хранить гробовое молчание.

Вытащив киборга за порог квартиры, они опустили его на пол. Мика старался не смотреть в расплавленное лицо Эми. Он все время напоминал себе, что это существо не было девочкой, но сам факт того, что он уничтожил нечто, пускай только внешне похожее на человека, внушало Мике отвращение. Он перевернул мертвого киборга лицом вниз, его лопнувшие глаза вывалились из глазниц и черной вязкой жижей растеклись по полу.

— О, нет! — воскликнула Одри. — Смотрите!

Все обернулись — по лестнице поднимались две совершенно одинаковые девочки, точные копии Эми, от взлохмаченных волос до облупившегося зеленого лака на ногтях.

— Все в квартиру, быстро! — крикнул Дэвид.

— Закройте дверь! — завизжала Аша.

Отец Лео принялся судорожно жать пальцем на кнопку сенсорной панели, на которой был изображен маленький золотой ключик. Взрослые и дети смотрели, как дверь медленно скользит вдоль порога, все молились только об одном, чтобы дверь закрылась раньше, чем киборги успеют добраться до квартиры. Но дверь не успела закрыться до конца, подросшие девочки заглянули в оставшуюся узкую щелку.

— Добрый вечер, — сладким голосом пропела одна из них, — Разрешите войти.

— О, нет, на сегодня визиты окончены, — сказал Дэвид.

Дверь с легким щелчком закрылась. Несколько секунд все молча смотрели на захлопнувшуюся дверь в надежде, что, наткнувшись на преграду, киборги просто развернулись и ушли. Но тут же дружно подпрыгнули, когда снаружи раздались тяжелые удары. Отец Лео нажал кнопку видеонаблюдения, чтобы посмотреть, что происходит на площадке.

— Они молотят по дверям своими рюкзаками, — с нелепым удивлением в голосе сообщил он.

В гостиной воцарилась мертвая тишина, все с ужасом наблюдали за происходящим.

— Интересно, что у них там лежит? — пробормотала Аша.

— Да уж, наверное, не тетрадки с учебниками, — сказал Дэвид. — Смотри, какие они оставляют вмятины на металле. Дверь, конечно, крепкая, но, боюсь, и она не устоит. О, боже, смотрите — еще трое, вон выходят из лифта!

Младшая сестра Иман начала подвывать тонким испуганным голосом, девочка все еще сжимала в кулаке забытое печенье. Отец подхватил ее на руки и унес подальше от двери.

— Нам надо выбираться отсюда, пока они не снесли дверь, — сказал Дэвид. — Интересно, в башнях предусмотрен пожарный выход?

Все забегали по квартире в поисках какой-нибудь потайной двери.

— Нет, ничего нет, — сказал отец Лео, после того как они обыскали все комнаты. — Единственный выход — через балкон.

— Исключено, — замотал головой Дэвид, — Здесь футов семьсот, высокогато падать. Думаю, мы могли бы попытаться пробить стену в соседнюю квартиру. Быстро, берем, что потяжелее, и вперед.

Юна схватила висящий на стене огнетушитель, отец Лео нашел на кухне молоток для отбивки мяса, Дэвид вооружился пустой бутылкой из-под шампанского. Затем все отправились в комнату Мики и принялись неистово долбить стену, за которой находилась квартира Одри. К счастью, стена оказалась сделана из пластика, имитирующего дерево, так что довольно скоро им удалось проделать отверстие в тонкой перегородке.

— Невероятно, — сказала Аша, оглядывая валяющиеся на ковре куски штукатурки, — мы въехали сюда всего несколько часов назад и уже превратили новую квартиру в руины!

— Я не понимаю, почему люди Гормана не приходят нам на помощь? — удивленно воскликнула Одри.

— Думаю, они просто ни о чем не догадываются, — сказала Юна. — У киборгов был такой «натуральный» вид, что, если специально не присматриваться, их трудно отличить от людей. Враги едва не стащили вас из-под носа у Гормана.

— Нужно позвонить в полицию! — неожиданно догадалась Одри. — Они нам помогут.

— Мы пытались, — сказала Таша. — Но мобильники не работают. Враги заблокировали сигнал.

— Горман решит, что мы сбежали, — сказал Мика, глядя на расширяющийся пролом в стене. — Нет, мы не можем уйти! Он запретил нам выходить из квартиры!

— Тебя все еще волнует, сможешь ли ты сдержать слово, данное Мэлу Горману? — сердито спросил Дэвид, орудуя пустой бутылкой из-под шампанского. Вздувшиеся вены у него на висках напряженно пульсировали. — Мика, он хочет отправить вас на войну!

— Мне все равно! — заявил Мика. — Я остаюсь здесь!

— Не говори ерунды, — раздраженно воскликнул Дэвид. — Ты случайно не забыл, что к нам в квартиру ломятся симпатичные девочки с голубыми глазами и острыми как иглы ногтями? Мы должны выбраться отсюда как можно скорее.

Вскоре дыра в стене стала достаточно большой, чтобы в нее мог протиснуться взрослый человек. Родители Иман и ее младшая сестра пошли первыми, за ними последовали все остальные. Мика смотрел вслед уходящим товарищам со смешанным чувством отчаяния и боли, для него этот уход мог стать не только потерей их нового дома и прочих благ, которые сулила жизнь в Золотых Башнях. Если он нарушит обещание, данное Мэлу Горману, ему уже никогда не увидеть Элли. Еще вчера Мика был рядом сестрой, теперь же ему казалось, что Элли ускользает от него, как будто их сомкнутые руки разжимались, и Элли медленно соскальзывала с края отвесного обрыва в раскинувшуюся внизу бездонную пропасть.

— Я возвращаюсь, — сказал Мика, когда в комнате остались только они с Одри.

Дэвид высунул голову из дыры и смерил Мiku грозным взглядом.

— Даже не думай, — отрезал он, протягивая руку сквозь отверстие в стене. — Давай, лезь быстро!

Мика попятился.

— Я позову полицию, — сказал он. — Как только Горман узнает, что здесь происходит, он пришлет своих людей. Там за окном висит несколько полицейских автомобилей, можно помахать им с балкона. Пап, я мигом, сбегаю и сразу вернусь.

— Нет. Ты пойдешь с нами! Лезь в дыру!

Мика развернулся и двинулся к выходу из комнаты.
— МИКА! — прорычал Дэвид, — ВЕРНИСЬ НЕМЕДЛЕННО!
— Извините, мистер Смит, — сказала Одри, отступая следом за Микой. — Мы вернемся, как только сможем.

ГЛАВА 48

Волованы и черная кровь киборгов

Пятеро Эми-киборгов продолжали молотить в дверь своими железобетонными рюкзаками. Квартира содрогалась от грохота, стекла вибрировали, посуда на столе дребезжала, высокий кремовый торт кренился набок и медленно сползал с блюда. Мика и Одри бросились к балкону, перепрыгивая через разбросанные по ковру волованы — слоеные пирожки с мясом и рыбой, на которых виднелись жирные капли черной киборговой крови; при взгляде на них к горлу Мики подступила тошнота. Вскочив на балкон, он окинул взглядом пространство между башнями, где раньше висел полицейский аэромобиль.

— Никого нет, — воскликнул Мика. — Они улетели!

— Да нет же, смотри! — Одри ткнула пальцем куда-то вверх.

Взглянув в указанном направлении, Мика увидел аэромобиль. Он переместился немного правее и поднялся повыше, но все же находился достаточно близко, чтобы можно было рассмотреть сидевших внутри полицейских. Их было двое: мужчина и женщина. Мика запрыгал на месте и отчаянно замахал руками, пытаясь привлечь их внимание.

— По-моему, они *не хотят* меня замечать, — сказал Мика. — Смотри-ка.

Женщина неожиданно заинтересовалась своими ногтями: склонив голову, она внимательно разглядывала лежащие на руле руки; полицейский-мужчина подался вперед, делая вид, что нажимает кнопки на панели управления.

— Может, им стало неловко от того, что мы их вычислили, — предположила Одри. — Они же понимают, что шпионят за нами, вот и прикидываются, будто ничего не замечают. Придурки. Ну и что нам теперь делать?

— Что-нибудь незаконное, — сказал Мика. — Они же полицейские — значит, если мы начнем хулиганить, им *придется* подлететь к нам.

— И как именно мы будем хулиганить? — спросила Одри.

— Давай сбросим что-нибудь с балкона.

Мика метнулся обратно в гостиную и вернулся с пустой бутылкой из-под шампанского.

— Ты что, обалдел! — возмутилась Одри, — А вдруг она упадет кому-нибудь на голову, убьет!

— Я же не стану на самом деле бросать бутылку, только сделаю вид.

Мика перегнулся через перила и принялся размахивать бутылкой, как будто собираясь швырнуть ее вниз. В ту же секунду полицейский аэромобиль рванул к балкону. И вдруг Одри разразилась пронзительным воплем — Мика быстро обернулся и увидел, что Эми-киборги перестали молотить в железную дверь и решили переключиться на стену. На обоях рядом с дверью проявились проколы, острые когти киборгов раздирали стену, как будто она была сделана из папиросной бумаги.

Полицейский аэромобиль завис над балконом.

— Помогите! — замахала руками Одри. — Помогите!

Но полицейские не видели, что происходит внутри квартиры, они по-прежнему считали, что явились утихомирить расшалившихся детей. Женщина со скучающим видом наблюдала за мечущейся по балкону Одри; мужчина неторопливо надел на голову фуражку, слегка подпернул брючину, переступил через борт аэромобиля и перебрался на балкон. Тем временем внутри квартиры десять кулаков продырявили стену и начали отдирать от нее огромные куски, мгновение — и первая Эми ступила в гостиную. Полицейский замер перед распахнутой балконной дверью. Не веря собственным глазам, он наблюдал, как пятеро совершенно одинаковых девочек-подростков голыми руками крушат стену и лезут в

квартиру. Мика и Одри успели выскользнуть с балкона и спрятались за стойкой бара, которая отделяла кухню от остальной гостиной.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — гаркнул полицейский, оглядывая развороченную комнату, — И где люди? Куда все подевались?

Мика и Одри, не решаясь подать голос, с ужасом наблюдали, как Эми-киборги отвинчивают себе руки, точнее, кисть на левой руке, словно это пробка от бутылки, и выдвигают из образовавшейся полости плоский автоматический пистолет. Затем девочки синхронным движением засунули отвинченные кисти в задний карман джинсов, чтобы не потерять конечность в пылу битвы, и дружно развернулись в сторону полицейского. Зрелище было настолько завораживающим, что полицейский несколько секунд неподвижно стоял в дверном проеме и, разинув рот, пялился на девчонок. Затем, наконец-то сообразив, что на него наставлены стволы сразу пяти пистолетов, резким движением попытался выхватить из висящей у него на поясе кобуры собственный пистолет, но оказался недостаточно проворным. Он взвизгнул от ужаса, когда пуля, выпущенная одной из девочек, снесла с его головы форменную фуражку. Страж порядка отскочил назад, молниеносным прыжком преодолел перила балкона и запрыгнул в аэромобиль.

— О, нет, — прошептала Одри, — смотри, они улетают!

Эми-киборги выскочили на балкон и открыли стрельбу по удаляющемуся аэромобилю.

— А теперь что? — прошептала Одри.

— Не знаю, — хриплым шепотом откликнулся Мика.

— Думаю, пора сваливать. Мы честно пытались предупредить полицию, но у нас ничего не вышло. Надо уходить, пока они не вернулись с балкона.

— Нет, — замотал головой Мика. — Ты иди, а я остаюсь.

— Я без тебя никуда не пойду. — Одри вцепилась в руку Мики. — Идем, пожалуйста, или они убьют нас!

— Нет, я не могу. Одри, уходи, пока они не обнаружили нас. Уходи, пожалуйста...

— Нет! — Одри чуть не плакала. — Ну почему ты не хочешь идти?

— Потому что... — в отчаянии воскликнул Мика. — Слово, которое я дал Горману... оно значит для меня гораздо больше, чем для всех вас. Ты не понимаешь...

— Ну так объясни! — Одри снова дернула Мика за рукав. — Пожалуйста, скажи мне, в чем дело?

Мика молчал. Одри настойчиво сверлила его своими светящимися глазами.

— Ну же...

— Горман забрал мою...

Слова застряли у Мики в горле. Факт существования Элли так долго оставался секретом, что сейчас Мика не мог заставить себя произнести ее имя.

— Горман забрал... кого? — нетерпеливо переспросила Одри.

— Мою... сестру. — Голос Мики дрогнул.

— *Сестру?* ! — Глаза Одри расширились от удивления. — Какую сестру? У тебя есть сестра?

— Да, Элли, — наконец выдохнул Мика, чувствуя разливающееся по телу тепло при одном упоминании ее имени, — Мы близнецы. Горман похитил ее больше года назад и сказал нам, что Элли умерла.

— Не может быть! — Теперь зеленые глаза Одри вспыхнули яростью.

— А сегодня утром Горман сказал, что, если я не сдержу слово, он не позволит мне увидеться с ней.

— Какая мерзость — украсть ребенка и сказать родителям, что он мертв! Этот человек дьявол. Бедная Элли, бедный ты! Еще бы, теперь понятно, почему ты не хочешь уходить. Но как нам быть с киборгами?

— Подожди-ка, — Мика вытянул шею. — Слышишь?

Снаружи раздался рев двигателей — истребители.

Звук был настолько знакомым, что у обоих по спине побежали мурашки. Через

мгновение самолеты подлетели так близко к башне, что Мика и Одри почувствовали, как вибрирует пол у них под ногами.

— Наверное, их прислали полицейские, — с надеждой прошептал Мика.

Но прежде, чем они успели выглянуть из-за стойки, за окном один за другим прогремели несколько взрывов. Мики и Одри скорчились на полу под стойкой, зажимая уши руками. Взрывная волна снесла стену, обломки бетона и осколки стекла посыпались в комнату. К счастью, мраморная стойка уберегла Мику и Одри от серьезных порезов и травм. Когда все стихло, Мика решился выглянуть из-за стойки. Все лампочки в комнате погасли, однако ему все же удалось разглядеть сквозь облако пыли зависший напротив балкона истребитель. Новая квартира превратилась в руины, однако пятеро девочек как ни в чем не бывало держались на ногах. Выстроившись цепочкой, они кружили возле чудом уцелевшего старого дивана. Их отвинченные кисти, которые они запихали в задний карман джинсов, ритмично покачивались при каждом шаге; лопнувшие глаза ползли по щекам киборгов жирными черными ручейками, из ушей валили густые клубы дыма.

«Меня зовут Эми, Эми, Эми», — тупо повторяла одна из них.

«Верьте мне, верьте мне», — безжизненным голосом бубнила вторая.

Третья Эми вдруг сбилась с шага, налетела на диван, рухнула на него и затихла, ее негибающиеся ноги остались торчать над спинкой дивана.

«Я отведу вас в секретное место, — сообщила она напоследок. — У вас будет все, что пожелаете».

Стеклянный колпак над кабиной открылся, из истребителя вылезли два человека и спрыгнули на балкон. Они были одеты в черные, перетянутые ремнями комбинезоны, черные кожаные перчатки и высокие армейские ботинки; оба были вооружены до зубов. Мужчины включили фонарики и направили их в глубину комнаты, два ярких луча разрезали пыльную темноту разоренной гостиной.

— Есть кто живой? — крикнул один из них, проходя мимо валяющегося на полу сломанного киборга.

Мика и Одри замешкались, не вполне уверенные, что все Эми отключились и можно вылезать из укрытия. Когда же они решили, что все-таки можно, пилоты уже прошли дальше, в комнату Мики, а у входной двери появилась очередная Эми — она полезла в провал, сделанный ее подругами, одновременно откручивая свою левую руку.

Мика и Одри оказались в западне.

Они снова юркнули за стойку бара и затаили дыхание, прислушиваясь к голосам в соседней комнате.

— Думаю, они ушли через эту дыру, — сказал один из пилотов.

— Похоже, — согласился второй. — Давай-ка посмотрим, что там.

Мика и Одри слышали, как они полезли в дыру, затем раздались тяжелые шаги киборга. Эми обследовала комнату Мики, еще через пару минут прозвучало несколько выстрелов — девочка палила по шкафу, на тот случай, если там кто-то притаился. Одри начала бить мелкая дрожь.

— Киборг найдет нас! — срывающимся голосом про шептала она. — Надо что-то делать.

— Полезай сюда, — шепнул Мика, открывая нижнюю дверцу высокого кухонного шкафа.

Одри юркнула внутрь, Мика последовал за ней. Шкаф был предназначен для хранения робота-пылесоса, так что места хватило обоим. Мика попытался как можно тише прикрыть за собой дверцу — как раз в этот момент Эми-киборг вышла из спальни и направилась в кухню. Ребята слышали хруст осколков под ее ногами. Киборг двигался медленно, внимательно присматриваясь к каждой детали. Несмотря на большие размеры шкафа, воздуха внутри не хватало, и Мика с Одри начали задыхаться; им казалось, что они сидят в запертом гробу. Эми-киборг принялась открывать все шкафы подряд, к счастью, в дальнем углу кухни. Мика и Одри вздрогнули, когда прогремел выстрел и осколки разбитой посуды

посыпались на пол. Эми приближалась; она уже подошла вплотную к шкафу, в котором притаились Одри и Мика. Киборг стоял так близко, что было слышно, как поскрипывают его механические суставы.

Мика знал только один способ спастись самому и спасти Одри, и на этот раз он сознательно разжег в себе смертоносный огонь. Ему достаточно было представить, что киборг убивает Одри, и в голове у него взорвался огненный шар, как будто в старую бензоколонку бросили горящую спичку; в то же мгновение рев пламени заполнил уши Мики. Киборг на мгновение замешкался, эти несколько секунд напряженной тишины превратились для ребят в настоящую пытку. Одри прижалась щекой к плечу Мики и вцепилась обеими руками ему в запястье. И тут произошло то, чего они боялись: Эми распахнула дверцу шкафа, и на Мiku с любопытством уставились невинно-голубые глаза. Видимо, она не сразу поняла, что перед ней человек, поскольку в кухне было слишком темно, а Мика сидел скорчившись в узком пространстве. Мика воспользовался моментом. Он заглянул в глаза киборгу. Смертоносная энергия, вырвавшаяся из зрачков Мики, была такой силы, что его голову отбросило назад. Но голове киборга пришлось намного хуже — она взорвалась, сорванные с металлического черепа ошметки кожи и брызги черной крови разлетелись по всей кухне. Эми-киборг качнулась, сделала шаг назад и рухнула плашмя на пол среди осколков разбитой посуды; из ее разинутого рта, глаз и ушей хлынул поток черной жижи.

— Она сломалась? — робко спросила Одри, выглядывая из-за плеча Мики.

— Да, ей явно нездоровится, — мрачно ухмыльнулся Мика, вытирая рукавом рубашки лицо, заляпанное черной кровью киборга. — Не думаю, что моей маме понравится этот бардак на кухне.

Одри шлепнула его по спине.

— И ты еще можешь шутить, — рассердилась она, — когда нас чуть не убили!

Они выбрались из шкафа и осмотрелись по сторонам. Отблески огней на ближайших башнях освещали разоренную квартиру. Стеклопанная стена рухнула, ветер свободно гулял по гостиной, гоня мусор и поднимая облака бетонной пыли. Истребитель висел напротив балкона, дожидаясь возвращения пилотов, два рехнувшихся киборга все еще ходили вокруг дивана, их темные силуэты мелькали в глубине комнаты.

Одри зябко поежилась.

— Надо выбираться отсюда, — сказала она. — Пока не явились новые Эми. Послушай, Мика, я понимаю, что ты должен думать о сестре, но, если тебя прикончат, ты ничем не сможешь ей помочь.

Мика молчал, у него жутко болела голова и слезились глаза. Он понимал, что сейчас не смог бы убить ни одного киборга, даже если бы очень сильно захотел. Одри права, нужно выбираться отсюда, и как можно скорее.

На лестнице раздались шаги: очередная Эми приближалась к квартире. Одри сверлила Мiku настойчивым взглядом, дожидаясь ответа, ее зеленые глаза мерцали в темноте.

— Ладно, — с неохотой согласился Мика. — Давай попробуем улететь на истребителе. Тем более что далеко лететь нам не придется, мы свяжемся по радиации с Горманом и объясним, в чем дело.

Одри бросила взгляд на висящий за окном самолет.

— Думаешь, мы сможем управлять настоящим истребителем? — с надеждой спросила она.

— А чем, по-твоему, мы занимались последние месяцы? — усмехнулся Мика. — И, кстати, КОРД обещал нам в качестве награды полет на настоящем истребителе и, насколько я помню, пока не выполнил своего обещания. Так что мы имеем полное право немного полетать.

— Точно, обещал, — сердитым голосом откликнулась Одри. — Жаль только, они забыли сказать, что для этого нам придется пойти на войну.

Рука с острыми как иглы ногтями появилась в провале около входной двери.

Мика и Одри на цыпочках пересекли гостиную, настороженно поглядывая на

марширующих вокруг дивана Эми, и выскочили на балкон. Истребитель висел примерно в метре от стены дома, стеклянный колпак был откинут, так что Мики и Одри не составило труда перебраться в кабину. Шлемы лежали на сиденьях, панель управления была активирована, кнопки мерцали разноцветными огоньками — самолет был полностью готов к старту.

— Все в точности как на тренажере, — сказала Одри, оглядывая кабину.

— Эми пока не заметила нас, — сказал Мика, оборачиваясь в сторону гостиной.

Ребята быстро надели шлемы и пристегнули ремни, кресла привычно сжали их тела с обеих сторон.

— А вот теперь заметила! — вскрикнула Одри, — Давай, опускай колпак. Скорее!

Киборг стоял на пороге гостиной, вглядываясь в лица ребят. Сканирующему устройству Эми требовалось несколько секунд, чтобы идентифицировать их. Мика нажал на кнопку, с помощью которой обычно закрывал стеклянный колпак в кабине тренажера, и с облегчением услышал знакомое шипение — колпак мягко скользнул над их головами и закрылся. Эми-киборг уверенно направилась к балкону. Мика быстро пробежал глазами по панели управления, чтобы запомнить расположение кнопок, и развернул самолет на девяносто градусов. Прежде чем Эми успела отвинтить свою левую руку, они сорвались с места и понеслись между сияющими огнями шпилями Золотых Башен.

ГЛАВА 49

Смертный приговор

Как только Элли переступила порог комнаты и увидела глаза Гормана, она сразу поняла, что Мика у него. Элли содрогнулась от ужаса. К горлу подступила тошнота, девочка даже испугалась, что ее сейчас вырвет прямо на гормановский ковер, но в следующее мгновение ей захотелось плакать от счастья. Наконец-то после полутора лет жизни вдали от дома к ней вернулась надежда на встречу с братом.

Но не стоит рассчитывать на то, что присутствие брата принесет радость общения с ним, напомнила себе Элли. Если Горман заметит в ее глазах хотя бы намек на счастье, он, словно вампир, накинется на нее и высосет все ее счастье до последней капли, а потом будет хохотать ей в лицо и шантажировать жизнью брата, точно так же, как сейчас шантажирует жизнь Пака. В результате все будут страдать: все, кроме Мэла Гормана.

И все же мы будем вместе, кричал радостный голос в душе Элли; что бы ни приготовил для нас Горман, вместе нам будет легче пережить любые неприятности.

— Садись, — сказал Горман.

Элли оглянулась по сторонам, подыскивая, на что бы сесть, но в комнате было единственное кресло, и в нем уже сидел сам хозяин. Поэтому Элли оставалось только опуститься на ковер у ног Гормана. Как и все в этой комнате, ковер выглядел предметом, позаимствованным из другой эпохи, — хитросплетение розовых стеблей с острыми шипами, темно-зелеными листьями и оранжевыми бутонами складывалось в пышный узор в кельтском стиле. Сопровождавший Элли охранник остался стоять у входа в неосвещенной части комнаты; он растворился в тени, словно его здесь вовсе не было. Элли уставилась на пляшущие в камине языки пламени. Она остро чувствовала на себе взгляд сразу нескольких Горманов: один сидел в золоченом кресле, закутавшись в толстый шерстяной плед, а еще с десяток гормановских двойников выстроились на каминной полке — почти все были одеты в военную форму. От школьника подростка до генерала с погонами и аксельбантами, они суровым взглядом смотрели на Элли с фотографий в резных рамках. Горман был единственным человеком, которого знала Элли, державшим в комнате такое количество собственных изображений.

Горман протянул ей серебряную вазочку, до краев наполненную белым и розовым зефиром; вазочка также была украшена изящной гравировкой в виде столь милых сердцу Гормана роз. В другую руку Элли он вложил шампур. Шампур сантиметров тридцать длиной

был сделан из серебра и заканчивался позолоченной ручкой в форме изогнувшейся дугой рыбки. Элли взвесила шампур на ладони и подумала, что он мог бы стать неплохим оружием.

— Осторожно, не поранься, эта штука острая, — сказал Горман, нервно наблюдая за ее движениями.

Элли гадала, зачем старик вручил ей эту острую штуку.

— Неужели ты никогда не жарила зефир? — удивился Горман.

— Нет.

— Странно. Давай покажу, как это делается.

Горман взял у Элли шампур и насадил на него розовый зефир. Элли обратила внимание на подрагивающие пальцы старика и сгорбленную спину — сегодня Горман выглядел каким-то особенно болезненным и хрупким. Когда старик подался вперед, чтобы поднести зефир к огню, он едва не выронил шампур из руки, как будто тот был слишком тяжелым для него. Оба молча наблюдали за тем, как языки пламени жадно лижут розовый зефирный бок.

— Ты ведь знаешь, зачем я позвал тебя? — спросил Горман.

— Нет, — осторожно ответила Элли, — Зачем?

— Скоро Мика будет жить здесь, с нами, — негромким голосом сообщил Горман. — Он один из шестерых детей, которых я отобрал для моей особой команды. Сейчас он дома с родителями, но завтра утром приедет на Кейп-Рот. Если будешь хорошо себя вести, я разрешу тебе повидаться с братом. Вот, держи. — Горман вынул шампур из огня и протянул Элли так, чтобы она могла снять насаженный на него зефир. — Смотри не обожгись, — предупредил он.

Элли сняла с шампура горячий и липкий зефир. Склонив голову набок, Горман внимательно наблюдал за тем, как она ест его угощение. Глаза Элли светились таким неподдельным счастьем, что даже Мэлу Горману удалось вспомнить, как чувствует себя счастливый человек. Однако слабый проблеск тепла, случайно пробудившийся в душе старика, мгновенно угас, вспугнутый стуком в дверь.

— Что еще? — рявкнул Горман. От неожиданности Элли вздрогнула и едва не выронила зефир.

На пороге появился Ральф, вид у дворецкого был взволнованный.

— Там один человек хочет видеть вас, сэр. Говорит, это очень срочно.

— Они всегда так говорят, — проворчал Горман, — Скажите ему, что у него есть ровно тридцать секунд.

Если он явился ко мне с какой-нибудь чепухой, я отправлю его драить наружную стену форта, пускай повисит там на ветру с тряпкой и щеткой.

— Слушаюсь, сэр.

Ральф исчез за дверью. Вместо него появился человек в генеральской форме; он влетел так быстро, что казалось, его силой втолкнули в комнату. Несмотря на блестящий лысый череп и сияющие золотом погоны, у него был вид испуганного школьника, которого вызвали в кабинет директора, чтобы устроить хорошую взбучку. Предчувствуя плохие новости, Горман уставился на военного холодными, как лед, глазами.

— Ну, выкладывай. — Горман чувствовал, как сердце пустилось в неровный галоп, словно лошадь со сломанной ногой.

— На детской вечеринке произошло кое-что непредвиденное. — Военный нервно провел кончиком языка по пересохшим губам.

— Мика тоже был там?! — выпалила Элли.

— Заткнись! — Горман грозно покосился на Элли, — Тебя это не касается, сиди и помалкивай. — Затем снова обернулся к генералу и смерил его таким гневным взглядом, что тот сразу сник и раза в два уменьшился в размерах. — Ну, что там стряслось?

— Полицейские заметили на балконе двоих детей, чье поведение вызвало у них подозрения. Они подлетели, чтобы выяснить, в чем дело, и тут по ним открыли стрельбу.

— Кто, дети? — холодно спросил Горман.

— Девочка.

— Какая девочка?

— Мы точно не знаем, сэр. — Генерал кашлянул, — Дальше вообще началось что-то странное. Мы послали истребитель, и наши люди выяснили, что все дети вместе с родителями покинули свои квартиры. Полчаса назад я получил сообщение, что четверых детей нашли, но двоих пока обнаружить не удалось...

Генерал едва заметно перевел дух, его розовая лысина сверкала от пота.

— Что? — рявкнул Горман.

— Истребитель, сэр, — сдавленно пискнул генерал. — Мы потеряли истребитель...

Мэл Горман сжал в кулаке серебряный шампур и вскинул его над головой, словно хотел вонзить его в сердце стоявшему перед ним человеку.

— Истребитель?! — взревел он, — Опять? КАК, ЧЕРТ ВАС ПОБЕРИ, ВЫ УХИТРИЛИСЬ ПОТЕРЯТЬ ИСТРЕБИТЕЛЬ?!

— Пилоты оставили его возле балкона. Вероятно, те двое детей, которых мы не нашли, и угнали самолет, пока наши люди обыскивали квартиру.

— Какие еще дети? — прошипел Горман. — Я с них шкуру спущу!

— Мика Смит и Одри Хадсон, сэр, — по-военному четко доложил генерал.

В комнате воцарилась тишина. Элли исподтишка наблюдала Горманом, в застывших глазах старика отражались пляшущие языки пламени. Никогда прежде ей не приходилось видеть на лице своего мучителя такого зловеще-злобного выражения.

— Нет, — с жаром воскликнула Элли, — Мика не мог угнать самолет. Здесь какая-то ошибка. Он не мог сбежать. Мика обязательно вернется ко мне!

— Я, кажется, уже велел тебе ЗАТКНУТЬСЯ! — Горман сорвался на визг и взмахнул шампуром. Элли едва успела пригнуться, острое просвистело в сантиметре от ее лица. Шампур ударился о каминную полку и отлетел в противоположный угол комнаты. Видя, как Элли, сжавшись от ужаса, отпрянула в сторону, Горман почувствовал надвигающийся на него ночной кошмар Мики. Он увидел в полных слез глазах девочки отражение человека с головой-телевизором и услышал шорох гибких зеленых побегов, которые выползли из камина и начали подбираться к его креслу.

— Найдите Мику Смита и Одри Хадсон и УБЕЙТЕ ИХ! — завизжал Горман. — И УБЕРИТЕ ОТ МЕНЯ ЭТУ ДЕВЧОНКУ!

* * *

Мика и Одри сделали несколько кругов над башнями. Убедившись, что настоящий истребитель слушается их так же хорошо, как тренажерный, они вернулись к своей башне и зависли над ней. Мика включил рацию: ему хотелось как можно скорее связаться с Горманом и рассказать, что произошло у них в квартире. Однако сделать это оказалось не так просто.

— Почему компьютер постоянно запрашивает у меня какой-то дурацкий пароль? — спросил Мика, сердито тыкая пальцем в кнопки на панели управления, — Без пароля мы не можем выйти на связь.

— Глупость какая, — согласилась Одри, — Они оставили истребитель висеть возле балкона, колпак открыт, двигатель работает — забирайся и лети, и, тем не менее, для того чтобы воспользоваться рацией, нужно ввести пароль. Неужели они в самом деле думают, что, если кто то угонит самолет, ему захочется поболтать с ними по рации?

— Черт подери, — процедил сквозь зубы Мика, — ничего не получается. Надо придумать что-то еще, мы *должны* связаться с Горманом.

— Смотри, — Элли ткнула пальцем куда-то вверх, — к нам летит полицейский аэромобиль. Может, попросить помощи у них?

— Интересно, каким образом? — раздраженно спросил Мика. — Если, конечно, ты знаешь язык глухонемых и сможешь объяснить им жестами: нас преследуют девочки-

киборги, которых подослали неведомые враги, поэтому нам пришлось ненадолго позаимствовать истребитель у военных. Спасите нас, пожалуйста!

Возле левого крыла истребителя сверкнула яркая вспышка.

— Они стреляют по нам! — с удивлением воскликнула Элли.

Мика заволновался.

— Наверное, Горман узнал, что мы покинули квартиру. О, нет, только не это!

Мика нырнул под брюхо полицейскому аэромобилю, затем резко вздернул истребитель носом вверх и начал набирать высоту. Прежде чем полицейские успели развернуться, самолет взмыл в ночное небо и растворился в темноте.

Мика поднялся километра на два и завис над городом.

— Все равно нам не спрятаться от них, — сказала Одри. — Это как в игре, у полицейских есть навигатор, очень скоро они вычислят нас.

— Тогда давай вернемся в квартиру, — предложил Мика. — И вообще, зря мы угнали самолет. Думаю, нам нужно дождаться пилотов и объяснить, в чем дело.

— Ладно, давай, — не очень уверенно согласилась Одри, — Только быстрее, пока нас не обнаружили.

Но едва Мика начал снижаться, как увидел целую эскадрилью истребителей, которые кружили над городом. Еще через мгновение их самолет засекли, истребители сели им на хвост и открыли ураганный огонь.

— Спускайся вниз! — завопила Одри. — Полетим между башнями, там они не решатся стрелять.

* * *

Элли сидела у себя в комнате в полной темноте. Опустившись на край кровати, она обхватила себя руками за плечи и принялась раскачиваться взад-вперед. Элли могла с точностью восстановить всю картину происходящего, она видела вздымающиеся к небу башни, похожие на сваленные в кучу золотые слитки; петляющие между ними воздушные трассы, по которым проносятся аэромобили, оставляя позади себя голубой светящийся след, и эскадрилью черных истребителей, которые преследуют Мику, словно рой разъяренных пчел. Элли была рядом с Микой, она чувствовала то же самое, что он: всплеск адреналина в крови, чувство страха, переходящего в панику, короткие мгновения облегчения и всепоглощающее желание выжить, спастись — но не ради самого себя, а ради тех, кого ты любишь больше всего на свете. Его мозг работает на пределе возможного, он молниеносно принимает решения, но сердце Мики разрывается от ужаса. Именно поэтому Элли больше всего опасалась, что брат совершит ту же ошибку, что и она, — попытается уйти от преследователей, спустившись в Царство Теней. Но Элли знала иной путь спасения. Конечно, это гораздо более рискованный вариант, учитывая, что на хвосте у тебя висят люди Гормана, однако здесь у Мики было несравненно больше шансов уцелеть, чем играть с ними в кошки-мышки в Царстве Теней. Поэтому Элли пыталась сделать все, чтобы помочь брату. Закрыв глаза, она, словно заклинание, повторяла одну и ту же фразу: «Мика, пожалуйста, лети за Стену. Мика, пожалуйста...»

* * *

После десяти минут сумасшедшей погони Мика понял, что ему лишь чудом удастся избежать столкновения. Но это вопрос времени: рано или поздно он совершит роковую ошибку, и на этом все закончится. Острые лучи лазерных пушек ослепляли Мику, кроме того, после убийства двух киборгов у него все еще болели и слезились глаза. Но дело было не только в преследовавших Мику истребителях Гормана — казалось, весь город ополчился против него. Вспышки фар встречных аэромобилей били по глазам, безумный вой сирен оглушал. Погоня, развернувшаяся на оживленных городских трассах, нарушила движение;

гражданские аэромобили то и дело выскакивали перед носом истребителя и, едва успевая уворачиваться, камнем падали вниз; небоскребы появлялись из ниоткуда и стеной вставали на пути самолета, так что уворачиваться приходилось уже самому Мики.

— Я так долго не выдержу! — закричал Мика. — Мы сейчас во что-нибудь врежемся! Я почти ничего не вижу!

— Осторожно! — завизжала Одри и в ужасе зажмурилась. Они промчались над крышей здания, снесли несколько антенн, однако в последний момент Мика успел уйти вправо и не врезаться в припаркованный на крыше аэромобиль. — Спрячься где-нибудь! — закричала Одри, — Подумай! Найди место, где можно спрятаться!

Мика нырнул вниз, и они понеслись над самой улицей. Внизу промелькнула Нью-Риджент-стрит, впереди показалась Нью-Лесестер-сквер. Рев двигателей был настолько сильным, что прохожие как подкошенные падали на тротуар и закрывали головы руками, полагая, что настал конец света. Когда же до них доходило, что это всего лишь истребитель, который спустился слишком низко, они вскакивали и грозили кулаками ему вслед, потому что из-за него они испачкали свою дорогую одежду. Однако сердитые прохожие благодарили бы судьбу за то, что остались живы, знай они, что пилотом этого хулигана-истребителя, промчавшегося у них над головами со скоростью двести километров в час, был двенадцатилетний мальчик.

Выскочив на Нью-Лесестер-сквер, Мика остановился и завис над фонтаном в центре площади.

— Что ты делаешь? Они прямо над нами! — закричала Одри, — Давай туда, — Она показала на огромное сияющее огнями здание кинотеатра; за высокой стеклянной дверью было видно просторное фойе.

Мика развернул самолет и медленно подплыл к кинотеатру. Двери автоматически распахнулись, и он осторожно провел машину через дверной проем; зазор, оставшийся между крыльями истребителя и металлическими стойками двери, составлял всего несколько сантиметров. В фойе началась паника; роняя на пол картонные коробки с попкорном и стаканчики с мороженым, люди бросились врассыпную.

— О, нет, здесь нам не спрятаться, — воскликнула Одри, наблюдая за мечущейся под фюзеляжем самолета женщиной, — Давай обратно на улицу, — Женщина поскользнулась на куске пиццы и грохнулась на пол.

— Подожди, дай мне немного прийти в себя, — Мика отчаянно тер кулаками слезящиеся глаза, — Сейчас, пара минут, и я буду в порядке.

— Жаль, что кругом столько народу, — сказала Одри. — Если бы я не боялась убить кого-нибудь, я бы немного постреляла. Все, что нам нужно, — вывести из строя их лазерные пушки. Мы могли бы выиграть время, а там глядишь и Горман разберется, что к чему, и даст отбой. Слушай, а что, если нам уйти из Лондона? За городом, наверное, не так много народу, как здесь.

— Идея, конечно, неплохая, — согласился Мика, — но мы не станем этого делать. Дальше начнутся города беженцев, народу там, конечно, поменьше, но и мы станем более удобной мишенью.

— Тогда давай попробуем спуститься в Царство Теней, — предложила Одри. — Внизу нам будет проще: там темно, и можно спрятаться за металлическими сваями, которые поддерживают Золотые Башни.

— Не уверен, — сказал Мика.

Он закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов. Несмотря на злобные вопли посетителей кинотеатра и летящие в самолет хот-доги и гамбургеры, Мика неожиданно окунулся в темноту и тишину.

Элли. Он ясно слышал голос сестры. Обхватив себя руками за плечи, она покачивалась в темноте и настойчиво шептала ему в ухо одну и ту же фразу.

— Ну, так что мы будем делать? — спросила Одри.

Мика открыл глаза и осторожно развернул самолет носом к входу из кинотеатра.

— Мы полетим за Стену, — сказал он.

Истребитель взревел мотором и выскочил из дверей кинотеатра, как пробка из бутылки. Мика заложил крутой вираж, по широкой дуге обогнул здание Новой Национальной галереи и пошел вертикально вверх в усыпанное звездами черное ночное небо.

* * *

Когда сияющий огнями город остался позади, Мику охватила тревога. Чем дальше он улетал от своей новой квартиры, порог которой он поклялся не переступить ни при каких обстоятельствах, тем более призрачной становилась надежда на его встречу с Элли. Но по крайней мере здесь, за пределами Лондона, у них с Одри появилась возможность защититься от преследователей. Одри действовала с холодным расчетом и точностью опытного стрелка; несколькими очередями она вывела из строя лазерные пушки противника. Поврежденные самолеты прекратили погоню и, сделав разворот на сто восемьдесят градусов, умчались прочь. Однако их место тут же заняло шедшее чуть позади новое звено истребителей, и преследование продолжилось. Одри пришлось снова отстреливаться, а Мике — петлять из стороны в сторону, точно зайцу, за которым гонится целая свора собак. Пока ему удавалось уворачиваться от выстрелов, но удача могла в любую минуту отвернуться от них.

К счастью, им потребовалось совсем немного времени, чтобы добраться до южного побережья Англии. Вскоре они окунулись в густой молочно-белый туман и понеслись над морем. Луна висела низко, у самого горизонта; под брюхом самолета вздымались посеребренные лунным светом гигантские пенные валы.

— Смотри-ка, они отстали! — удивленно воскликнула Одри, наблюдая за истребителями, которые один за другим падали вниз и ложились на обратный курс. — Интересно, почему?

* * *

— Мистер Горман! Сэр, похоже они направляются к Стене.

— К Стене! — Горман сдавил пальцами виски. — Но откуда они знают?

— Они не знают. Думаю, они просто мечутся в поисках укрытия.

— Проклятие, — скрипнул зубами Горман, — Это худшее из того, что могло случиться. САМОЕ ХУДШЕЕ! Почему, черт подери, их понесло к Стене?!

— Что нам делать, сэр?

— Вы *должны* прикончить их прежде, чем они доберутся до нее.

— А если мы не успеем? Сэр, что нам делать, если они все же уйдут за Стену?

— Идти за ними.

В наступившей тишине слышно было, как потрескивают дрова в камине.

— Многие из наших людей погибли, сэр.

— А мне плевать, — отрезал Горман, — Если придется пожертвовать тысячью ваших людей ради того, чтобы остановить этих детей, — что же, значит, жертва будет стоить того. Скажите, что я вручу их женам медали как вдовам героев.

* * *

Издалека Стена была похожа на длинную серую ленту, протянувшуюся вдоль линии горизонта. Луна зависла над Стеной так низко, что казалось, любопытное светило специально пришло, чтобы посмотреть на это сооружение, созданное руками людей.

— Они снова догоняют нас, — сказала Одри, заметив надвигающийся на них с севера черный рой истребителей, — Давай, жми сильнее.

Мика жал на газ до тех пор, пока облака над головой и плещущиеся внизу волны не

слились воедино, — им казалось, что самолет несется сквозь прошитое серебристыми нитями черное пространство, где нет ни верха, ни низа, ни начала, ни конца. Стена стремительно надвигалась на них из темноты. Вскоре луна, небо и море исчезли вовсе, теперь они видели лишь встающую перед ними серую бетонную массу с белыми соляными подтеками, сторожевыми вышками и несколькими рядами колючей проволоки, которой был опутан верх Стены. Мика сбросил скорость: неожиданно его одолели сомнения. Что там за Стеной? Безжизненная пустыня, покрытая толстым слоем ядовитой пыли, — результат применения химикатов для уничтожения растений и животных, одного прикосновения к которой достаточно, чтобы убить человека? Руки Мики дрогнули, он крепче сжал штурвал и до крови закусил нижнюю губу.

Но Элли велела лететь за Стену, напомнил себе Мика, значит, она уверена, что это неопасно.

Затем события начали развиваться так стремительно, что у Мики просто не осталось времени для сомнений. Впереди возвышалась серая бетонная Стена, сзади наседали и беспрерывно палили из лазерных пушек истребители Гормана, острые голубые лучи взрезали ночную мглу, грозя в любую секунду прошить самолет. На мгновение перед Микой мелькнули злобные физиономии роботов-охранников, которые были установлены на сторожевых вышках; они быстро развернули свои пулеметы и открыли огонь. Роботы стреляли зарядами, напоминавшими огненные шары. Ночь превратилась в день. Одри разразилась пронзительным воплем, когда вокруг них завертелись горящие обломки самолетов: первые же выстрелы с вышки разнесли на куски большинство истребителей Гормана. Мика и Одри едва не врезались в Стену. Мика ахнул от ужаса и рванул штурвал на себя, самолет встал почти вертикально и помчался вдоль серой бетонной громады, поднимаясь все выше и выше. Они шли так близко от Стены, что покрывавшая ее толстая корка морской соли трескалась и отваливалась кусками. Роботы на вышках палили не переставая, но огненные шары не могли достать самолет, который шел вплотную к Стене. Затем серая поверхность кончилась, истребитель взмыл в небо, сделал петлю и нырнул вниз, словно прыгнувший в обруч дельфин. Они оказались по другую сторону Стены.

Луна. На другой стороне Стены Мика и Одри снова увидели луну, которая смотрела вниз на поблескивающее в темноте спокойное море.

ГЛАВА 50 Черный Икар

Тишина. Кругом было необычайно тихо. Или нет, подумал Мика, когда двигатель истребителя работает на полную мощность, о тишине говорить не приходится. Скорее... здесь царили мир и покой. Они окунулись в неподвижную лунную ночь, лишь водная гладь внизу да звездное небо над головой. Океан лениво перекачивал свои волны, как будто дремал, устроившись в кресле-качалке. Глубина и высота черного неба поражала воображение, никогда в жизни Мика и Одри не видели такого количества звезд. Живя в Барфорд-Норде, они привыкли смотреть на небо, подсвеченное городскими огнями, отчего даже в безоблачную погоду оно казалось затянутым мутной желтоватой дымкой. А здесь не было ни дымящихся заводских труб, ни снующих между ними аэромобилей, ни рекламных щитов, ни вечно бубнящих телевизоров.

— Мы одни, — сказала Одри, взглядываясь в дисплей навигатора, — Никого. Мы ушли от них.

— Почему роботы на вышках расстреляли людей Гормана? — задумчиво пробормотал Мика, — Ведь они установлены для того, чтобы защищать людей, а не убивать их.

— Ага, странно, — согласилась Одри, — Я была уверена, что нам конец, они палили как безумные.

— Если бы они палили только по нашему самолету, это было бы понятно, — продолжил Мика. — Горман приказал уничтожить нас, но они расстреляли *его* самолеты.

— Роботы пытались не дать самолетам уйти за Стену, — сказала Одри. — Но почему? Они действовали так, словно охраняли что-то, находящееся по другую сторону Стены. Мика, помнишь, Эми-киборг говорила о каком-то секретном месте, где Горман не сможет достать нас. Как думаешь, вдруг это место находится как раз здесь, за Стеной?

Неожиданное предположение заставило обоих задуматься. У них перехватило дыхание при мысли о какой-то страшной тайне, которая подстерегает их среди мертвых пустынь и покинутых городов.

— Давай, двигай к материку, — после недолгого молчания сказала Одри. — Я хочу посмотреть, на что похожа земля без людей.

Мика двинулся на юг: пролетел над Атлантикой, затем повернул на восток и направился к северному побережью Франции.

— О, черт подери, — воскликнула Одри, вглядываясь в вереницу красных точек, появившихся на дисплее навигатора, — Эскадрилья истребителей, в трех километрах к западу. Похоже, они пришли из космоса.

— Игра начинается, уровень первый, — мрачно усмехнулся Мика.

— Стой! — завопила Одри, — Стой, стой, стой!

Мика на полном ходу остановил истребитель и завис над водой.

— Что? — испуганно спросил он, чувствуя, как колотится сердце в груди.

— Я заметила в воде что-то странное. Поворачивай назад, — скомандовала Одри, — надо посмотреть.

Мика ничего не заметил, но, зная, что искусственные глаза Одри видят гораздо лучше, чем его собственные, послушно повернул назад.

— Как оно выглядело? — спросил Мика.

— Такое огромное и серебристое, — возбужденным шепотом сообщила Одри, — Оно перекачивалось под поверхностью воды, как... как кит. Но только эта штука была намного больше... железный кит-киборг?

Любопытство взяло верх. Несмотря на рысущих неподалеку преследователей, ребята потратили несколько драгоценных минут на поиски загадочного существа.

— Послушай, нам нельзя больше задерживаться, — сказал Мика, с тревогой поглядывая на дисплей навигатора. Нас могут засечь.

— Ладно, все равно эта штука исчезла, — разочарованно протянула Одри. — Давай к берегу.

* * *

— Я должен немного поспать, — сказал Горман. — Хотя бы полчаса.

Горман не мог больше бороться с усталостью. Даже несмотря на то, что все его планы пошли наперекосяк, и ему только что пришлось отдать приказ убить двоих детей, на поиски которых было потрачено столько времени, сейчас он мечтал только об одном — лечь, закрыть глаза и забыть обо всем на свете. Мозг отказывался работать и принимать решения — казалось, он отключается самостоятельно, словно перегревшийся пылесос.

— Полчаса, Ральф, не больше. Через тридцать минут разбудишь меня и доложишь, что там происходит.

Горман тяжело поднялся с кресла, которое стояло почти вплотную к пылающему камину, и неуверенной походкой направился из гардеробной в спальню. Верный дворецкий следовал за хозяином, готовый в любую минуту подхватить старика, если тот совсем ослабеет и начнет падать. Огромная антикварная кровать в спальне Гормана когда-то была вывезена из старинного особняка, который разрушили, чтобы на его месте возвести бетонную башню с квартирами-раскладушками для беженцев со всего света. Горман опустился на край кровати, на фоне своего просторного ложа он выглядел особенно маленьким и тщедушным. Старик вздрогнул всем телом, зябко поежился и, подавшись вперед, выдвинул ящик изящной тумбочки из красного дерева. Горман выудил оттуда нож с

длинным узким лезвием и зажал его в кулаке.

— О, сэр, давайте я отнесу нож на кухню, — сказал Ральф, боязливо косясь на оружие в руке хозяина, — Думаю, наш повар с ног сбился в поисках своего ножа.

— Не надо, оставь. Иди, разбудишь меня через полчаса.

Ральф вышел из комнаты и аккуратно прикрыл за собой дверь. Горман забрался под одеяло и опустил на подушки, прижимая нож к груди.

* * *

— Земля! — крикнул Мика, заметив появившуюся на горизонте черную полосу.

Они быстро достигли берега, но, поскольку луна скрылась за тучами, Мика не видел ничего, кроме раскинувшейся внизу бесформенной черной массы. Однако за спиной у него раздался удивленный возглас Одри.

— Что там еще? — нетерпеливо спросил он. — Ты что-то увидела?

— Невероятно, мне это, наверное, снится, — воскликнула Одри.

— Ты что, издеваешься надо мной! Говори, что ты там разглядела?

— Деревья, — полувопросительно произнесла Одри. — По крайней мере издали это напоминает деревья. О, их так много! И стоят совсем близко друг к другу...

— Ты хочешь сказать, что под нами лес? — недоверчиво спросил Мика.

— Ага, точно, лес! Я видела такое по телевизору в одной исторической передаче.

В кабине повисла тишина.

— Слушай, но ведь это невозможно, — робко произнесла Одри.

— Конечно, невозможно. Это что-то *похожее* на лес. За Стеной нет жизни. Люди отравили планету. Растения, животные — все погибло.

— А может, деревья снова выросли? — предположила Одри, пытаясь найти хоть какое-нибудь объяснение тому, что видела собственными глазами. — Вдруг в почве остались семена, а потом они проросли и...

— Да не могло тут ничего прорасти, — перебил ее Мика. — Одри, нам же постоянно говорят, что понадобится не одна сотня лет, чтобы почва очистилась и снова стала пригодной для жизни.

— Ну, знаешь, ты спросил, я ответила. Лично мне кажется, что *это* выглядит как лес, — упрямо заявила Одри, — А если ты мне все равно не веришь, то нечего задавать дурацкие вопросы.

— Ладно, Одри, извини, — миролюбиво сказал Мика. — Сейчас спустимся пониже и посмотрим, что это такое.

Мика сбросил скорость, спустился вниз и начал кружить над непонятной черной массой, которую Одри называла «лесом». Постепенно глаза Мики привыкли к темноте. То, что он увидел, привело его в состояние, близкое к шоку. Нет, это просто НЕВЕРОЯТНО, и, тем не менее, внизу росли деревья. Мика ясно различал пышные кроны, колышущиеся под потоком воздуха, который создавал их самолет; ему даже удалось рассмотреть отдельные ветви и листья.

— Под нами деревья, — шепотом произнес Мика, от потрясения у него пропал голос. — Ты была права. Это настоящий живой лес. Насколько я могу судить, везде растут деревья.

— О, нет! — ахнула Одри, — Нас засекли! Через три минуты люди Гормана будут здесь!

Мика и Одри уставились на дисплей, по которому двигалась вереница красных точек, они быстро приближались к ним.

— Ты боишься? — шепотом спросила Одри.

— Да, — сказал Мика.

— Я тоже.

— Но они не достанут нас, — решительно заявил Мика. — Ты еще не забыла, как мы

сражались в игре. Между прочим, наши имена были в списке победителей.

— О, да, — храбро ответила Одри, — Наконец-то мы сможем применить на практике наши знания, не зря же мы столько времени проторчали в игровых залах.

— Смотри! — завопил Мика, уставившись на дисплей навигатора. Там появилось еще одно изображение, удивившее их ничуть не меньше, чем неведомо откуда взявшийся лес. — Это похоже на... дом?

— Летим туда, — скомандовала Одри. — Посмотрим, что это такое.

Мика рванул вперед. Непонятное строение постепенно вставало перед ними во всей красе. Когда самолет приблизился вплотную к дому, оба ахнули от удивления.

— Да это не просто дом, — пробормотал Мика, — настоящий замок!

Он сбросил скорость, снизился и осторожно провел истребитель через высокую каменную арку ворот, над которыми красовался герб в виде рыцарского шлема и выложенная золотыми буквами витиеватая надпись «Башня Моуза».

— Да это же герб самого Рафаэля Моуза, — воскликнула Одри. — Ну, знаешь, того знаменитого модельера, который умер во время Эпидемии. Богачи всего мира одевались у него, а еще Моуз делал для них шикарные сумки и обувь.

Замок был построен в таком вычурно-помпезном стиле, что выглядел бы безвкусным даже в качестве театральной декорации к волшебной сказке. Повсюду торчали башни и башенки, на которых развевались разноцветные флаги; в самых неожиданных местах были приделаны балконы с витыми чугунными решетками. Замок окружал огромный парк с фонтанами, мраморными статуями, зелеными лабиринтами и как минимум десятком бассейнов, два из которых были заполнены ядовито-розовой водой, вода в них кипела, словно газировка в стакане.

— Ничего не понимаю, там внизу ходят люди. — Мика в недоумении пожал плечами. — С виду вполне здоровые. Как такое возможно?

— Ой, что это? — закричала Одри, указывая пальцем в небо. — О, боже, смотри, они летят на нас!

Они обрушились на них из темноты — их металлические крылья были выгнуты дугой, мощные лапы с острыми когтями вытянуты вперед. Чудовища камнем падали с неба прямо на самолет, как будто это была полевая мышь, которой они решили поживиться. Неизвестные существа были похожи на ястребов, только очень больших, в сотни раз больше и сильнее тех птиц, которые послужили моделью для их создания. Тела «ястребов» были покрыты особым металлическим сплавом, который надежно защищал их от любого вида оружия, позволяя при этом развивать огромную скорость и достигать невероятной маневренности во время полета.

Мика нырнул в сторону, в последний момент ему удалось увернуться от чудовища. Они увидели промелькнувшие перед лобовым стеклом горящие красным огнем злобные глаза и услышали пронзительный крик металлической птицы. Мике и Одри показалось, что у них лопаются барабанные перепонки. Затем оба услышали знакомый рев двигателей — истребители Гормана вынырнули из-за темных крон деревьев, лучи их лазерных пушек опутали ночное небо, словно длинные светящиеся нити.

Мика повернулся на звук и успел заметить, как одна из металлических птиц налетела на истребитель, схватила его своим серебристым клювом и легко, словно соломинку, переломила пополам — обломки самолета посыпались вниз и исчезли в черной массе леса. Мика отлетел на безопасное расстояние, погасил сигнальные огни и, притаившись в темноте, стал наблюдать за чудовищной битвой. Ничего более ужасного им с Одри видеть не приходилось.

Истребители проносились мимо скопления металлических ястребов, направляя на них голубоватые лучи своих лазерных пушек, и улетали в темноту, затем делали вираж и снова шли в атаку. Некоторые из птиц зависли в воздухе чуть выше места сражения. Выждав удобный момент, они камнем падали вниз, хватали когтями несущийся на полной скорости истребитель и сминали его, словно пустую консервную банку. Другие ястребы бросались на

самолеты и своими острыми клювами отхватывали у них хвосты и крылья.

— Они двигаются как настоящие ястребы, — шепнула Одри, — Только очень большие и тяжелые.

— Смотри, Одри! — от возбуждения Мика начал подпрыгивать в кресле. — Нет, ты только посмотри! Видишь золотистые лучи, которые тянутся за их головами? Они наполовину настоящие, то есть часть их тела *живая* ! Они не похожи на наших животных-киборгов.

— О, боже, это настоящие живые птицы!

— И они прекрасны, разве не так?

Мика и Одри с таким увлечением наблюдали за битвой, что совершенно забыли о том, что сами являются частью этого сражения. Поэтому, когда случайно отбившийся от эскадрильи истребитель подкрался к ним сзади, они его даже не заметили. Это стало для них роковой ошибкой: первый же луч лазера срезал левое крыло самолета, второй — правое, третий повредил двигатель. Изуродованный истребитель с обрубленными крыльями загорелся и, словно охваченный пламенем черный Икар, со свистом помчался к раскинувшемуся внизу лесу. Кабина начала заполняться едким дымом.

* * *

Горман слышал шорох гибких зеленых побегов, которые, словно змеи, скользнули по ножкам его кровати и заползли под одеяло, и, прежде чем он успел пошевелиться, побеги тугой петлей захлестнули обе лодыжки Гормана. Он хотел сесть, но другой проворный побег успел опутать его левую руку. Свободной рукой Мэл Горман схватил нож — он резал, рубил и кромсал тянущиеся к нему щупальца и вопил во весь голос, призывая на помощь Ральфа.

Ральф находился в соседней комнате, он готовил чай и уже собирался идти будить хозяина. Услышав вопли Гормана, дворецкий отставил чайник в сторону и бросился в спальню. Первое, что он увидел, ворвавшись в комнату, была кровь, очень много крови на полу, на стенах, на одеяле, на груди и на лице Гормана. Он сидел посреди своей развороченной постели в луже крови и отчаянно размахивал окровавленным ножом. Руки и ноги Гормана были покрыты глубокими порезами, из которых хлестала яркая алая кровь. Ральф даже удивился: откуда в таком высохшем старике столько крови.

— Пчелы собирают пыльцу, пчелы опустошают соцветия, — бормотал Горман, уставившись в пространство невидящим взглядом. — Ральф, ты должен остановить их.

— Да-да, сэр, конечно, — сказал дворецкий, осторожно вынимая нож из сведенных судорогой пальцев Гормана. — Но сначала мы позовем доктора.

Неожиданно взгляд Гормана прояснился — он очнулся, словно душа вновь вернулась в его иссохшее тело.

— Я убил мальчишку, — сказал Мэл Горман. — Слышишь, Ральф, мне нужен этот проклятый мальчишка.

ГЛАВА 51

Лес

Горящий истребитель рухнул на вершину большого дуба и, нырнув носом в крону дерева, заскользил вниз, — крэк, крэк, крэк — верхние тонкие ветки ломались под тяжестью машины. К счастью, несмотря на свой почтенный возраст, дуб-великан оказался достаточно крепким; его нижние толстые ветви, словно мощные руки атлета, подхватили падающий самолет. Он завис в пяти метрах от земли, мягко покачиваясь в объятиях старого дерева.

Мика повис на ремнях лицом вниз. Он попытался сделать вдох — безуспешно, воздух не шел в легкие. Из-за сильного рывка при падении самолета ремни, которыми Мика был пристегнут к креслу, натянулись и сдавили грудь; кроме того, в кабине было полно дыма. Мика чувствовал, что его мозг и тело разрываются от нехватки кислорода. Прошло

несколько ужасных секунд, показавшихся Мике вечностью, прежде чем он захрипел и с болью, словно вынырнувший на поверхность пловец, втянул в себя наполненный едким дымом воздух. В лицо ему пахло жаром, Мика слышал гудение пламени и треск горящего дерева. Второй раз за последние две недели: первый, когда он, истекая кровью, лежал на дне моря, и теперь, в кабине горящего самолета, Мика оказался на грани между жизнью и смертью. Одри молчала, Элли плакала. Дым в кабине стал гуще. Мика почти на ощупь нашел на панели управления нужную кнопку и нажал на нее. Стеклоплекс над головой сдвинулся сантиметров на десять, затем уперся в искореженный корпус самолета и замер. И все же свежий воздух начал поступать в кабину. Мика кашлял и кашлял, выворачивая внутренности наизнанку. В неровном свете затухающего пламени он видел под собой покрытую опавшими листьями землю и переплетение узловатых корней дуба. Зрелище было настолько необычным, что в первое мгновение Мика подумал, что оказался на другой планете. Он отстегнул ремни, приподнялся на сиденье кресла и, надавив обеими руками на колпак, полностью сдвинул его назад. При каждом движении Мики самолет угрожающе покачивался на ветвях дуба и клевал носом, в любую минуту он мог нарушить шаткое равновесие и провалиться вниз. Мика развернулся в кресле и взглянул на Одри. Она неподвижно висела на ремнях, уткнувшись головой в спинку его кресла. Мика быстро стянул с нее шлем. Одри не шелохнулась, ее обмякшие руки и ноги обвисли, словно у тряпичной куклы. Мика чувствовал себя Питером Пэном, на глазах у которого угасает маленькая фея Тинкербелл. При взгляде на бледное, перепачканное сажей лицо Одри и ее посиневшие губы Микку захлестнула теплая волна любви к ней, сердце сжалось в комок. Он принялся в отчаянии хлопать Одри по щекам.

— Одри, Одри, Одри! — умоляющим голосом повторял Мика. — Очнись! Ну же, балда такая, очнись! Одри?

Мика слышал рев двигателя у себя над головой. Вскинув глаза к небу, он увидел сбивший их истребитель; летчик кружил над лесом и шарил лучом прожектора по кронам деревьев. У Мики оборвалось сердце, когда яркое пятно света остановилось на них, самолет завис прямо над дубом.

— Одри! — Мика стал яростно трясти Одри за плечи, понимая, что если она не очнется сейчас, то уже не очнется никогда. Также Мика понимал, что скорее погибнет вместе с ней, чем бросит одну на произвол судьбы. Мика снова потрянул Одри за плечо, но она по-прежнему лежала в кресле, точно сломанная кукла. И тут Микку осенило. Он отстегнул ремни, сдавливавшие грудь Одри, и, о чудо, ее веки дрогнули. Одри сделала вдох, второй, закашлялась и распахнула глаза.

— Привет, — сиплым шепотом пробормотала Одри. Она с удивлением уставилась на Микку своими зелеными светящимися глазами. — Что ты делаешь?

— Пытаюсь привести тебя в чувство, — с облегчением произнес Мика и расплылся в счастливой улыбке.

— Где мы? — прохрипела Одри, хватаясь рукой за горло. От дыма ей было трудно говорить и дышать.

— В лесу. Нам повезло, мы упали на дерево. Но если мы не выберемся отсюда в ближайшие тридцать секунд — нам конец.

Задышавшись и кашляя, они вылезли из кабины и переползли на толстую ветку дуба. Тем временем пилот сбившего их самолета заметил неподалеку просторную поляну и пошел на снижение. Мика и Одри на мгновение замерли на ветке, затем дружно спрыгнули вниз. Пролетев пять метров, оба благополучно приземлились на кучу опавшей листвы. Оба вскочили на ноги и бросились бежать в глубь леса, замирая от ужаса перед наступающей на них темнотой и тишиной. Они пытались сдерживать кашель, который мог выдать их, но оба снова и снова заходились в приступах кашля: холодный ночной воздух обжигал их легкие, заполненные едким дымом от горящего пластика в кабине самолета. Одри и Мика неслись сквозь чащу, это был бег от смерти, которая шла за ними по пятам. Мика слышали тяжелый топот у себя за спиной и хруст ломающихся веток — пилоты Гормана преследовали их.

Одри бежала впереди, поскольку ее искусственные глаза видели встающие на пути стволы деревьев. Мика не видел ничего, только изредка, поднимая лицо вверх, ему удавалось различить на фоне звездного неба спутанные ветви деревьев. Он наугад мчался следом за Одри, понимая, что с каждым шагом все дальше и дальше уходит от Элли.

Как же нам выпутаться из этой заварухи, в отчаянии думал он, налетая на сучья и спотыкаясь о коряги. Как нам вернуться домой?

Наконец Одри остановилась и, задышавшись, привалилась к стволу дерева.

— Уф, кажется, оторвались, — выдохнула она, — Спасибо КОРДу, их спортивный лагерь пошел нам на пользу.

Пытаясь сдержать рвущееся из груди дыхание, оба прислушались. Мика чувствовал, как зловещая тишина непроницаемой завесой окутывает их со всех сторон. Вдруг где-то в глубине чащи раздался треск веток, затем ночную тишину пререзал звук, от которого кровь стыла в жилах, — по лесу пронесся низкий протяжный вой.

— Ты слышал? — Одри вцепилась в плечо Мики.

— Да, — медленно произнес он.

— Это похоже на...

— Вой волков.

В следующее мгновение они услышали еще один леденящий душу звук — пронзительный человеческий вопль. Звук шел издалёка, но им казалось, что весь лес наполнился этим криком. Мика содрогнулся от ужаса.

— Нет, это не могут быть волки, — прошептала Одри. — Они все вымерли.

— Ага, и наше соревнование было невинной игрой, а за Стеной нет ничего, кроме желтой ядовитой пыли, — саркастически хмыкнул Мика. — Я больше не верю ни одному их слову. Они все врут. И я полагаю, что это именно волки. А кто еще, по-твоему, может завывать ночью в глухом лесу?

Мики и Одри услышали еще один вопль, на этот раз гораздо ближе к тому месту, где они стояли. Оба вздрогнули и прижались к стволу дерева.

— Волки убивают людей Гормана, — шепнула Одри. — Бежим, пока они до нас не добрались!

Одри сорвалась с места и бросилась бежать, Мика припустил за ней. Они неслись так, словно волки уже шли по их следу. Одри совершенно потеряла голову от страха. Несмотря на свою способность видеть в темноте, она натыкалась на стволы деревьев, поскользывалась на опавшей листве, падала, вскакивала и бежала дальше, уводя Мика все глубже и глубже в темноту и тишину лесной чащи. Но их безумная попытка ускользнуть от волков оказалась совершенно бессмысленной. Вскоре Одри и Мика поняли, что окружены. Увидев прямо перед собой горящие красным огнем глаза, они остановились как вкопанные, наивно полагая, будто темнота поможет им укрыться от волков. Справа и слева появилось еще несколько светящихся красных точек, за ними тянулись яркие лучи голубого света, перемешанные с тонкими золотистыми нитями. Светящиеся точки мелькали между стволами деревьев, подбираясь все ближе и ближе, пока не оказались почти вплотную, так что Одри смогла разглядеть окружающих их животных.

— Ты не поверишь, — шепнула Одри. Она видела с десятков темных силуэтов, которые скользили между стволами деревьев, — они похожи на собак, ну тех, из ямы. Мика, это были волки ! О боже, они огромные. Думаю, нам надо просто тихо стоять, пускай они понюхают нас.

— Полагаю, другого выбора у нас нет, — согласился Мика.

Он увидел темный силуэт, отделившийся от ствола дерева; животное находилось метрах в трех от них. Мика ахнул — волк действительно был огромным, его голова находилась примерно на уровне плеча взрослого человека.

— Боже, какое страшилище, — прошептал Мика, чувствуя, как спина покрывается холодным потом.

Металлические когти зверя были величиной с человеческий палец; при тусклом свете

луны Мика заметил, что когти волка вымазаны свежей кровью. Припадая к земле, он медленно подкрадывался к Мике и Одри. Верхняя губа волка подрагивала, открывая острые клыки; в горле kloкотало низкое рычание, красные глаза горели злобным огнем. Когда в затылок Мике ткнулся холодный влажный нос, он зажмурился и начал молиться. Прошло несколько секунд — Мика ждал, что зубы волка сейчас вопьются ему в глотку. Однако ничего не происходило. Он решился приоткрыть один глаз и с удивлением обнаружил, что вокруг них собралась вся стая. С десятков гигантских зверей с серебристыми, перепачканными свежей кровью мордами лениво кружили возле дерева. Один из волков сел на землю, другой зевнул, третий поглядывал через плечо в глубь чащи, словно у него были какие-то другие, более важные дела и волку не терпелось поскорее уйти отсюда.

— Я чувствую их, — прошептал Мика. — Точно так же я чувствовал их в яме.

— Смотри, за их головами тянутся золотистые лучи, — сказала Одри. Она вытянула руку и коснулась кончиками пальцев проходящего мимо волка. — Они такие же, как ястребы, — наполовину живые. Это *почти* настоящие волки!

Один из волков наострил свои серебристые уши, поднял вверх нос и втянул ноздрями воздух. Остальные тоже стали принюхиваться, затем вся стая развернулась и потрусила прочь. Мгновение — и животные скрылись в темноте.

— Они разорвали людей Гормана.

— Но не тронули нас.

— Странно.

Оба сползли по стволу дерева и опустились на опавшую листву. Впервые в жизни Одри и Мика прикоснулись к настоящей живой земле. Земля была влажной, мягкой и пахла свежестью. Они молча сидели под деревом и смотрели в темноту, не зная, ушли ли волки насовсем или еще вернутся за ними. В лесу было холодно, дыхание вырывалось изо рта облачками белого прозрачного пара. Оба замерзли, но, погруженные в созерцание леса, Мика и Одри не замечали холода; они вообще не чувствовали своих тел. В темноте и безмолвии ночи лес начинал приоткрывать перед ними свои тайны. Деревья, земля, замшелые кочки, старые пни — все вокруг горело золотом, но это не было блеском Золотых Башен, построенных руками человека, этот свет был сиянием самой жизни. В лес пришла ранняя весна. Разбуженные ее дыханием, деревья сияли от корней до макушек; молодые, только что проклюнувшиеся листочки наливались теплым оранжевым светом; на проталинах, там, где днем солнечный свет мог согреть их, появились первые подснежники, земля была устлана мягким ковром из мха и прошлогодней листвы. Но на этом чудеса не кончались. Кругом шло непрерывное движение! Повсюду были живые существа, которые ползали, скакали, бегали и летали. Одри сгребла в кулак прелые листья и поднесла их к глазам, среди листьев копошились маленькие золотистые существа.

— Дождевые черви! — прошептала Одри.

Мышь скользнула по корням дерева и юркнула в нору под старым пнем. В кронах деревьев зашевелились птицы, готовясь встретить наступающий день.

— На Земле не было никакой Эпидемии, — с удивлением произнес Мика, его голос слегка дрогнул, — ЕЕ ПРОСТО НИКОГДА НЕ БЫЛО.

— Похоже, — согласилась Одри, осторожно опуская на землю листья с дождевыми червями. — Такой огромный лес не мог вырасти за сорок три года. Тем более они говорили, что почва отравлена и на ее очистку потребуется несколько столетий.

— Невероятно, Одри, я глазам своим не верю, — сказал Мика, оглядывая сияющий золотистым светом лес. — Здесь так красиво! Какое счастье, что все это не погибло. Но почему они говорили нам, что за Стеной ничего нет? Мы выросли в полной уверенности, что нас окружает мертвая пустыня! Но это была ложь, чудовищная ложь! И как могло случиться, что никто не знает об этом? Мы живем за Стеной в этих ужасных бетонных башнях в течение сорока трех лет, а все это время по другую сторону Стены существовал другой, прекрасный живой мир!

— А как люди могли узнать об этом? Они же никогда не заглядывали за Стену, —

заметила Одри, — Каждый день нам рассказывают об опасностях, которые подстерегают людей за Стеной. Понятно, что ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову лезть сюда.

— Столько лет нас держали за идиотов. — Мика сжал кулаки, — Они убедили нас в том, что за Стеной ничего нет. Конечно, кому охота подцепить чуму или надыхаться ядовитой пылью. А эти дурацкие защитные костюмы! Я всегда знал, что они бесполезны. От чего может защитить костюм, сделанный из бумаги? А страшилки про животных, которыми нас пичкали с детства! Одри, ты помнишь сказку «Супермышь», учителя заставляли нас читать эту дрянь.

— О, да, такое, пожалуй, не забудешь, — воскликнула Одри, — Одни картинки чего стоят! Гигантская мышь с красными глазами и окровавленными клыками таскается по лесу и жрет всех подряд. Мне потом неделями снились кошмары.

— А «чумные» сирены! — Мика распалился не на шутку, — *Каждое воскресное утро* они изводили нас этими дикими воплями!

— А тем временем вся эта красота была спрятана здесь, за Стеной! — сказала Одри. — О, Мика, меня разбирает такая злость, мне так горько и обидно, и все же я счастлива!

— Я тоже, — сказал Мика.

Бледные лучи восходящего солнца пронизали кроны деревьев и широкими столбами золотистого света обрушились на лес. Потрясенные красотой раннего утра, Мика и Одри замолкли. Не в силах пошелохнуться, они наблюдали за просыпающимся лесом. Мир вокруг наполнился голосами птиц.

— Я всегда знал это, — тихо сказал Мика. — Всю свою жизнь я знал правду, я чувствовал, как будто информация об этом мире была записана где-то в глубине моего сознания.

— Да, я понимаю тебя, у меня тоже было такое чувство, — сказала Одри, — Но вот чего я никак не могу понять — почему взрослые поверили в эту чушь про Эпидемию? Они-то ведь *уже* жили, когда на Земле якобы разразилась чума.

— Им сказали об этом по телевизору, — горько усмехнулся Мика. — Ты же знаешь, репортажи об охваченных чумой городах шли в «прямом» эфире. Представь, с утра до вечера людям показывают обезумевших животных с красными глазами, которые бегают по улицам, врываются в дома и живьем пожирают детей и взрослых. Впечатляет, верно? Я на их месте тоже испугался бы.

— Моя мама всегда верит тому, что говорят по телевизору, — грустно вздохнула Одри, — даже прогнозу погоды.

— Угу, моя тоже.

— Так, значит, Стена, колючая проволока, вышки с лазерными пушками существуют не для того, чтобы животные не прорвались к людям, а для того, чтобы люди не вырывались за Стену.

— Нет, это просто безумие какое-то. — Мика схватился за голову. — Мы столько лет жили в клетке и даже не догадывались, что нас держат в заточении.

— Хотела бы я знать, *кто* посадил нас в эту клетку? — сквозь зубы процедила Одри.

Оба замолчали. Некоторое время Мика и Одри сидели под деревом, впитывая в себя звуки и запахи весеннего леса.

— Ладно, давай лучше подумаем, что мы *уже* знаем, — сказал Мика. — Первое, нам точно известно, что никакой чумы не было.

— Да уж, точнее некуда, — согласилась Одри, провожая глазами белку, скользнувшую по стволу дерева.

— И, вероятно, это и есть то самое секретное место, куда нас так настойчиво звала Эми-киборг.

— Похоже. Помнишь, Эми говорила, что там люди Гормана не смогут достать нас. А более надежного укрытия, чем пространство за Стеной, придумать трудно.

— Следовательно, — продолжил свои рассуждения Мика, — люди, которые живут за

Стеной, и есть те самые враги, которые хотели украсть нас у Мэла Гормана.

— Да, — медленно кивнула Одри. — И кажется, я знаю, кто эти люди...

— Кто?

— На уроках истории нам говорили, что во время Эпидемии погибло много известных и важных людей.

— Ага, — подхватил Мика, — президенты, премьер-министры, члены королевских фамилий и всякие знаменитости.

— Но если никакой Эпидемии не было, — Одри многозначительно вскинула палец и уставилась на Мику, — то, значит, они не погибли, а преспокойно живут в каком-то безопасном месте. И уж конечно, это место находится не на той стороне Стены, где живем мы.

— Ну конечно. — Мика хлопнул себя ладонью по лбу. — Они живут здесь!

— В замках с балконами, башенками и бассейнами с розовой водой, — воскликнула Одри. — Думаю, они специально наврали про Эпидемию, чтобы отправить всех людей за Стену, а самим остаться жить среди этой красоты.

— Они врали, чтобы отделаться от нас!

— Да, и они обладали достаточной властью, чтобы устроить этот грандиозный спектакль!

Мика подумал о миллионах людей, которые жили в бетонных башнях, в темных сырых квартирах-раскладушках и тысячами умирали в Царстве Теней. Он прикрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь побороть охвативший его гнев.

— Ну, по крайней мере, теперь мы знаем, о какой войне идет речь, — сказал Мика. — Их цель — не дать нам выбраться из нашей бетонной клетки.

— И для этого Мэл Горман хочет создать детскую армию.

— Но детям предстоит воевать не с людьми, — добавил Мика, — а с животными-киборгами!

Одри поднялась на ноги и аккуратно стряхнула прилипший к джинсам лесной мусор, чтобы случайно не причинить вред какому-нибудь насекомому, которое могло оказаться среди листьев и хвои.

— Идем, — сказала она, — пора возвращаться. Думаю, Горман уже знает о том, что случилось у нас в квартире. Мы возьмем самолет, который его люди оставили на поляне; полагаю, им он больше не понадобится.

Они шли по залитому солнцем лесу. Горечь, гнев и одновременно невероятное счастье переполняли сердца обоих. Воздух был напоен весенними запахами. Лес с его светящейся зеленью и поющими птицами был настолько прекрасен, что Мика и Одри с трудом верили, что находятся в *живом* мире, созданном самой природой.

— И все-таки интересно, зачем мы понадобились Горману? — спросил Мика. — Ведь он отбирал нас для каких-то своих целей.

Одри пожала плечами:

— Думаю, для того, чтобы мы убивали животных. Мы единственные, кого можно отправить за Стену. По какой-то причине животные-киборги не трогают нас. Горман знал об этом, а чтобы удостовериться, провел эксперимент — опустил нас в яму с волками.

— Пожалуй, — согласился Мика. — Обычные дети здесь не выживут, киборги вмиг разорвут их.

Мика и Одри подошли к дубу, на который упал их истребитель.

— Смотри, что мы сделали с деревом, — грустно сказала Одри.

Оставшаяся невредимой правая половина дуба была покрыта зеленой листвой, левая же превратилась в месиво из сломанных и обугленных веток. Почерневший остов истребителя висел на нижних толстых сучьях, самолет еще дымился.

— Если начнется война, очень скоро весь лес превратится в пепелище, — сказал Мика. Он представил животных-киборгов, которые бродят по выгоревшим лесам. Мика нахмурился, — Сначала они загоняют людей за Стену, а теперь собирают армию из детей,

чтобы заставить нас воевать с киборгами. Им плевать на то, что случится с растениями, с обычными животными, да и с нами. Но ведь это и *наш* мир тоже. Когда-нибудь те, кто сейчас распоряжается нашими жизнями, умрут, и тогда мир достанется нам. Посмотри, как здесь красиво! Нельзя допустить, чтобы все это погибло. Должен быть какой-то иной способ решить проблему. Я не хочу никого убивать!

— И я не хочу. — Одри приложила ладонь к обугленному стволу дерева. — Надеюсь, дуб поправится и на нем вырастут новые молодые ветки.

— Надеюсь, — вздохнул Мика.

— Ладно, идем. — Одри потянула Мику за рукав. — Мы обязательно что-нибудь придумаем, но сейчас нам надо вернуться домой.

Выйдя на поляну, где пилоты Гормана бросили свой истребитель, Мика и Одри увидели стадо оленей. Огромный самец с широкими ветвистыми рогами, такой же величественный красавец, как тот, которого они видели на картине в столовой Гормана, стоял в нескольких метрах от них. Олень замер, вскинув голову и наострив уши. Он несколько мгновений смотрел на детей своими черными влажными глазами, затем двинулся прямо на них, вслед за самцом трусили три самки с маленькими оленятами. Олень прошел мимо Мики и Одри так близко, что они могли бы коснуться его рукой, и скрылся в лесу.

— Видишь, даже обычные животные принимают нас, — с восторгом прошептала Одри. Она повернулась, наблюдая за удаляющимися оленями.

— Они знают, что мы не причиним им вреда, — сказал Мика. — Как думаешь, животные принимают нас за своих из-за того, что мы мутанты?

— А мы мутанты? — спросила Одри таким тоном, словно подобное предположение было верхом самоуверенности — все равно что встать на уроке и объявить, что ты принадлежишь к королевскому роду и лишь по нелепой ошибке живешь в Барфорд-Норде.

— Ну, во всяком случае, я не чувствую себя обычным человеком, — пожал плечами Мика.

— Я тоже, — сказала Одри, забираясь в кабину истребителя. — Думаю, мы какая-то новая разновидность людей.

— Очень надеюсь, — сказал Мика. — Не хотелось бы мне быть похожим на стариков, которые устроили нам этот кошмар.

Мика закрыл стеклянный колпак и нажал кнопку на панели управления. Истребитель взревел мотором.

— Вперед, — сказала Одри. — Летим искать твою сестру.

ГЛАВА 52

Открытия

Мика стоял на пороге кабинета Мэла Гормана. Его лицо было перепачкано сажей, кроссовки заляпаны грязью, от него пахло дымом и лесом. Вид Мэла Гормана поразил Мику, хотя после того, что ему довелось увидеть за последние двадцать четыре часа, удивить Мику было довольно трудно. Горман сидел возле своего стола в инвалидном кресле на колесах. К креслу была приторочена странная металлическая конструкция, нечто вроде прямоугольной рамы, от которой отходили многочисленные провода и трубки; они опутывали грудь, плечи и запястья Гормана. Рядом на специальном штативе был установлен прибор, контролировавший жизненно важные функции организма Гормана. Прибор тихо попискивал, кривая на мониторе показывала работу сердца. Старик время от времени поглядывал на прибор, словно хотел убедиться, что жизнь все еще теплится в его тощем теле. Горман был настолько слаб, что с трудом двигал головой; в его холодных голубых глазах Мика уловил необычное выражение — нечто похожее на страх. Интересно, подумал Мика, что с ним стряслось? У старика был такой вид, словно он повстречался с ужасным монстром, гораздо более страшным, чем он сам. Хотя Мика не мог вообразить чудовища страшнее Мэла Гормана.

— Ты вернулся, — слабым голосом произнес он.

— Да, — Мика сделал шаг вперед.

Грудь Гормана тяжело вздымалась — видимо, каждое слово давалось ему с трудом. Но вид больного старика не вызывал у Мики ни капли жалости. В его кошмарных снах этот человек представлял злобным демоном, кровожадным мясником, который раздавил в своем костлявом кулаке маленькую золотую птичку. Но в реальности Мэл Горман был еще ужаснее: он обманул тысячи несчастных детей, заставив их пройти отборочные испытания, чтобы затем забрать их в армию и отправить на войну. Это он украл у Мики сестру и сказал родителям, что она умерла. Мика хорошо помнил, как в течение нескольких месяцев после исчезновения Элли каждую ночь слышал за стеной своей комнаты плач мамы. Помнил он и собственные ночные кошмары, которые не кончались с наступлением дня и едва не довели его до безумия; боль и ужас одиночества, преследовавшие его после того, как Горман отнял у него сестру. Ничего этого Мика не мог ни забыть, ни простить. В высоком окне позади Гормана он видел море; вздымающиеся волны с остервенением бросались на прибрежные утесы, как будто хотели разбить окно и, слизнув старика, унести его в пучину.

«Даже море ненавидит тебя, — думал Мика. — Только моя ненависть намного сильнее. Теперь настала моя очередь рассказать тебе парочку небылиц».

Он должен во что бы то ни стало заставить Гормана снова поверить ему. Необходимо убедить старика, что он, Мика, так же как и взрослые, хочет этой войны. Увиденное по ту сторону Стены привело его в бешенство, он ненавидел богачей, которые обрекли людей на жизнь в бетонных клетках, и всей душой хотел отомстить им.

Горман позвал своего дворецкого. Ральф явился в комнату с еще одним пледом и тщательно укутал колени хозяина, однако старик продолжал трястись в ознобе.

— Извини, что я приказал убить тебя, — бросил Горман таким тоном, словно речь шла о какой-то мелочи. — Я подумал, что ты нарушил свое обещание и сбежал. К сожалению, мне сообщили о нападении Эми-киборгов уже после того, как ваш самолет сбили.

— Ничего, — отмахнулся Мика, стараясь, чтобы случайный взгляд не выдал клочкотавшую в нем ярость. — Все обошлось, я жив.

— Да, как ни странно, жив, — задумчиво произнес Горман.

Горман окинул взглядом стоявшего в дверях мальчика. Казалось, что, побывав по ту сторону Стены, он принес с собой какую-то новую неведомую силу, сотворенную из запахов земли и тишины леса.

— Почему ты вернулся? — спросил Горман, — Ты мог бы остаться за Стеной. Животные-киборги защитили бы тебя, а наши враги дали бы все, что только пожелаешь.

— Я вернулся, потому что я хочу убивать *наших* врагов, — как можно жестче произнес Мика. — Никакой Эпидемии не было, они обманули нас и отправили в ад, заставив жить в бетонной пустыне, среди мрака и сырости. Теперь я хочу отомстить им.

Горман вскинул брови, довольный услышанным. В словах этого всегда спокойного мальчика звучало столько неподдельной злобы и ненависти.

— Хорошо. — Тонкие губы Гормана расплылись в улыбке. — Ты ненавидишь их, и я хочу, чтобы ты, Мика, убил их. Они украли у нас большую и самую красивую часть мира, настало время отомстить им за наши страдания. Мы тоже заставим их страдать и не остановимся до тех пор, пока не сотрем с лица земли их мир.

Мы уничтожим все, что есть за Стеной: их особняки и замки, мы дотла выжжем их леса и убьем все живое. Ты хочешь участвовать в этой войне?

— Да, — соврал Мика, стараясь не отвести глаз от пылающих ненавистью глаз Гормана. — Я сделаю все, что вы прикажете.

— Умница, хороший мальчик, — приторно-ласковым голосом похвалил его Горман. — Подойди поближе. Я хочу посмотреть на тебя.

Мика пересек комнату и приблизился к столу Гормана, чувствуя, как от страха подгибаются колени. Как это чудовище может говорить об убийстве людей, об уничтожении лесов и животных и при этом спокойно улыбаться?!

Мика содрогнулся от ужаса и отвращения. Однако Горман был уверен, что мальчик говорит правду. Глядя на стоящего перед ним двенадцатилетнего подростка, он видел в нем лишь живое оружие, готовое выполнить любой его приказ. Горман ликовал, власть снова была в его руках, он снова держит под контролем весь мир, хотя его старое сердце работает исключительно благодаря насосам, проводам и хитроумным приборам. Дурные предчувствия, которые мучили его долгое время, отступили; мысль о том, что от этого мальчика и его сестры исходит какая-то скрытая угроза, мгновенно отодвинулась в самый дальний уголок сознания. Сейчас перед Горманом стоял мальчик, который хотел убивать. Отлично, он предоставит ему такую возможность; без сомнения, парнишка будет великолепным убийцей.

— Расскажите мне об Эпидемии, — тихим голосом попросил Мика. — Я хочу знать, как это произошло.

— Это началось пятьдесят лет назад, — сказал Горман. Его лицо перекошилось, словно он проглотил лимон. — Но мы, конечно, ничего не знали. Я как раз купил чудесный домик в Канаде. Увы, моя покупка оказалась бессмысленной тратой денег. Сначала идея спасения Земли пришла в голову мировым лидерам — президентам, премьер-министрам, королевским фамилиям, потом к ним присоединились крупные бизнесмены и известные актеры. Они создали тайное общество под названием «Клуб Охраны Окружающей Среды». Их целью было спасение нашей планеты от разрушительных последствий деятельности человека, потому что к тому моменту, если мы не вырубали леса и не осушали реки, то либо закатывали землю в асфальт, либо отравляли ее химикатами. С каждым годом на планете оставалось все меньше и меньше лесов; все больше и больше видов животных исчезало, а наводнения — результат глобального потепления — становились все более разрушительными. Наши запросы росли, мы потребляли все больше и больше, а войны, которые мы вели, становились все более изощренными и губительными для планеты. Все вокруг жаловались на загрязнение окружающей среды, но никто ничего не делал. Правда, кое-кто пересел с автомобилей на велосипеды, некоторые перестали носить натуральные меха, но это мало что меняло, а тем временем наша планета находилась на последнем издыхании. Конечно, сама идея спасения Земли заслуживала всяческого уважения, но, к сожалению, члены Клуба не собирались спасать ее для всех, их интересовало только собственное спасение. Когда ты, Мика, воспринимаешь нечто как данность, а это нечто вдруг исчезает, ты начинаешь относиться к нему как к самому дорогому. Надеюсь, ты меня понимаешь. Животные и растения стали цениться на вес золота. Неожиданно богатым людям стали не нужны эксклюзивные автомобили, меховые манто, туфли и сумки из натуральной кожи, им захотелось слушать птичек и любоваться цветами, они пожелали иметь в своем распоряжении весь мир, чтобы превратить его в свой личный сад. И единственный способ добиться этого — избавиться от миллионов бедняков, которые производят горы отходов и засоряют нашу планету. Мы путались у них под ногами, Мика! Мы жили на землях, где они хотели разбить свои сады, и тогда они придумали историю про Эпидемию. Самый грандиозный исторический спектакль, который когда-либо разыгрывался на земле. Лучшие кинокомпании мира со всей своей техникой и опытом создания спецэффектов приняли в нем участие; киношники могли бы получить десятки «Оскаров» за те фильмы, которые выдавали за «репортажи в прямом эфире». Что люди видели по телевизору? Обезумевших от крови и убийств животных с воспаленными глазами, которые крушат дома и машины. Трюк сработал. Меньше чем через год все население Земли оказалось за Стеной в специально построенной для них бетонной резервации, а по другую сторону остались члены «Клуба Охраны Окружающей Среды». Довольные, они потирали руки и строили свои замки.

— А почему же вы не вступили в их тайное общество? — спросил Мика, полагая, что такой человек, как Мэл Горман, был бы идеальным кандидатом для участия в подобном заговоре.

— Я пытался, — Горман горько усмехнулся. — Как и многие другие, кому стало известно о заговоре, сам понимаешь, такую информацию трудно держать в секрете. Но,

чтобы стать членом Клуба, нужно, чтобы тебя пригласили. А для того, чтобы тебя пригласили, нужно обладать властью, либо быть богатым, либо знаменитым, а лучше и то и другое; но ни того ни другого у меня не было. Однако, если тебе *становилось известно о существовании Клуба*, а принимать тебя в свою компанию они не хотели, тебе предлагали хорошую работу и обеспеченную жизнь по ту сторону Стены, чтобы ты сидел тихо и держал рот на замке.

— И вы получили свою работу, потому что узнали о Клубе?

— Да.

— Выходит, многие люди, живущие по эту сторону Стены, знают, что никакой Эпидемии не было?

— О, да. Большинство членов правительства знают. Например, наш теперешний премьер-министр до «эпидемии» был парикмахером, он стриг одну знаменитую актрису, она и разболтала ему секрет Клуба. Или шеф военной разведки. В прошлом он был чистильщиком бассейнов, работал на вилле у одного крупного бизнесмена и случайно подслушал его разговор с другом.

— А что вы хотите от нас, победителей вашего соревнования?

— Прежде чем начнется война, мы хотим, чтобы вы кое-что выяснили; так сказать, поработали в качестве разведчиков. Вы единственные, кто может проникнуть за Стену. Животные-киборги разорвут на части любого нормального человека, а вас, мутантов, они не трогают, сегодня ты сам имел возможность убедиться в этом.

— Вы хотите сказать, они принимают нас за своих? Считают, что мы тоже животные? — уточнил Мика.

— Вот именно.

— Надо же...

«Значит, Одри была права, мы другие, — подумал Мика. — Не такие, как *вы*».

— А что именно вы хотите разведать? — спросил Мика.

— Помимо всего прочего, — с энтузиазмом начал Горман, — мы хотим выяснить, как уничтожить животных-киборгов. Нам удалось захватить нескольких волков, мы использовали их для проведения тестов, ты помнишь, мы опускали вас в яму. Но мы никак не можем забраться к ним внутрь, чтобы выяснить, как они устроены. Наружная металлическая оболочка сделана из сплава, который невозможно разрушить обычными средствами.

Мика вспомнил золотое свечение, исходившее от голов животных, и подумал, что *уже* знает о киборгах намного больше, чем Горман. Само собой, Мика не собирался делиться своими наблюдениями со стариком.

— Затем, — продолжил Горман, — когда начнется война, мы хотим, чтобы вы убивали людей. Как ты к этому относишься?

Мику передернуло от отвращения.

— Нормально, — сказал он.

— Умница, хороший мальчик. — На губах старика промелькнула слабая улыбка. — И еще одно.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты дал мне слово, что никому не расскажешь о том, что видел за Стеной. Представь, что начнется, если люди узнают наш секрет, — с нажимом произнес Горман.

Мика подошел к окну и взглянул на море. Волны с остервенением кидались на прибрежные утесы. Он попытался представить, как поведут себя миллионы людей, когда узнают правду. Первой реакцией будет ярость — еще бы, их обманули самым подлым образом и загнали жить в бетонные резервации. А потом все захотят жить в том прекрасном мире, который лежит за Стеной. Людям захочется вернуться в свои дома, в города и деревни, которых больше не существует. Толпы людей хлынут к границам и начнут штурмовать Стену, и даже если им повезет и они, проскочив сторожевые вышки и киборгов-охранников с

их лазерными пушками, преодолеют Стену, в чем Мика искренне сомневался, на другой стороне их встретят другие, еще более страшные киборги. Мика поежился, вспомнив огромные клювы и когти железных ястребов и окровавленные морды волков. Если Секрет откроется, последствия могут быть самыми ужасными.

— А вы собираетесь сказать людям? — спросил Мика. — Все уже знают о войне, но как вы объясните, с кем мы воюем?

— С инопланетянами, — как нечто само собой разумеющееся, объявил Горман.

— С инопланетянами? — фыркнул Мика. — Бред, вам никто не поверит!

— Хочешь поспорить? — вскинул брови Горман. — Они увидят по телевизору...

— О, нет, — вздохнул Мика, — тогда, конечно... поверят безоговорочно.

— Представь, твоя мама включает телевизор и видит в новостях сюжет о приближающейся к нам космической станции пришельцев, — усмехнулся Горман. — Она огромная, почти такая же большая, как Земля.

— Как в нашей компьютерной игре, — сказал Мика.

— Точно.

— Они придут в ужас.

— Но зато останутся в безопасности в своих бетонных башнях.

Снова ложь, подумал Мика, горы лжи. Одна ложь тянет за собой другую, и так до бесконечности. Все, что они умеют, это врать и убивать.

Мика молча смотрел на бушующее за окном море. Та неведомая сила, сотворенная из запаха земли и тишины леса, которую он принес с собой из-за Стены, заполнила комнату. Горман смотрел на Мику, с восторгом думая о том, каким совершенным оружием он обзавелся. Старик до сих пор не догадывался, что мальчишка врет ему, искусно разыгрывая свою собственную карту в той игре, которую затеял сам Горман.

— Я могу повидаться с Элли? — тихо спросил Мика.

— Да, можешь, — сказал Горман. — Более того, я так доволен тобой, что решил наградить тебя, — я разрешу тебе забрать сестру домой, повидаться с родителями. Но только на один день.

— Спасибо, — сказал Мика. Его глаза наполнились слезами.

ГЛАВА 53

Элли

Мика ждал Элли в зале на верхнем этаже форта, где он вместе с остальными участниками соревнования смотрел на огни северного сияния, похожие на развернувшееся в ночном небе огромное шелковое полотнище. Это происходило всего несколько дней назад, но казалось, что с тех нор прошли годы или даже целая жизнь. Все изменилось: мир, в котором они жили раньше, и мир, в котором им предстояло жить в будущем, и сам Мика — все стало другим. Мика прикоснулся к земле, вдохнул свежий воздух леса и открыл для себя новый мир. Он понял, что сам является частью этого прекрасного мира, который, как им казалось, утрачен навсегда. И главное, он нашел Элли. Мика мерил шагами зал, прохаживаясь вдоль стеклянной стены, и прислушивался к тому, что происходило у него внутри. Сначала Мика чувствовал себя фейерверком, запал уже подожгли, и ракета вот-вот взорвется в воздух. Он немного опасен, потому что, как только Элли войдет в комнату, ракета сорвется с места и помчится по комнате, рассыпаясь фонтаном искр, сшибая лампы и поджигая все на своем пути. Но временами Мика чувствовал себя слабым и мягким, он боялся, что при появлении сестры растает от счастья, и вместо брата Элли найдет на полу кипящую любовью лужу. Затем его охватывали оба чувства сразу: он взрывается как фейерверк и рассыпается разноцветными огнями любви.

Авен стояла возле двери, приложив нос к замочной скважине: она нетерпеливо принюхивалась. Вдруг мышцы на шее собаки напряглись, она вскинула голову, вытянула свой упругий, похожий на ивовый прут хвост и замерла.

— Она идет? — Голос Мики сорвался. Авен обернулась и глянула на него через плечо. Уголки ее губ разъехались в стороны — казалось, собака улыбается.

И тут Мика услышал топот ног. Элли бежала к нему по коридору. Охранник с пистолетом кричал ей вслед: «Шагом, Элли! Я сказал, ШАГОМ!»

Элли. Сердце Мики запрыгало в груди резиновым шариком. Авен отступила от двери, обе створки распахнулись, и Элли ворвалась в комнату маленьким золотистым смерчем. Ее черные глаза горели, полы накинутой на плечи легкой белой куртки развевались за спиной словно крылья. Поток ее света устремился навстречу Мике и, достигнув его, окутал теплым сияющим облаком.

Прикосновение к ней было похоже на вздох, как будто из его сердца выдернули застрявшую там занозу, и кровоточащая рана, которая многие месяцы пульсировала жгучей болью, заставляя Мику плакать, начала затягиваться.

Сама Элли превратилась в один-единственный вздох облегчения. Случилось невероятное: бесплотное привидение вернулось к жизни, в объятиях Мики, окутанная его золотистым сиянием, она снова обрела плоть и кровь.

Авен, радостно повизгивая, крутилась возле их ног. Охранник с пистолетом топтался возле двери, нервно поглядывая на брата и сестру, застывших в объятиях друг друга. В комнате стало светлее, но не от того, что в окно заглянуло солнце, — казалось, сами дети излучали сияние. Это тревожило охранника, он чувствовал: как только Элли и Мика прикоснулись друг к другу, произошло нечто необычное. И это нечто очень не понравится Мэлу Горману.

Близнецы разжали руки и, отстранившись, взглянули друг другу в лицо, у обоих по щекам текли слезы счастья. Им так много хотелось сказать друг другу, но, когда тебе в затылок направлен ствол пистолета, трудно о чем-то разговаривать.

— Мне нравится твоя прическа, — сказал Мика, проводя ладонью по короткостриженным волосам Элли. — Тебе очень идет.

— Ты так вырос, — Элли слабо улыбнулась.

— Да, мама говорит то же самое, — усмехнулся Мика. — Спасибо мистеру Горману и его витаминному коктейлю.

— Как мама и папа? — тихо спросила Элли, ее глаза наполнились болью, — Я по ним так соскучилась! Они, наверное, думают, что я умерла?

Мика грустно кивнул.

— Но я знал, что ты жива, — сказал он, — Теперь я нашел тебя. И забираю домой.

ГЛАВА 54

Мы никогда не забудем

Охранник, наблюдавший за Мики и Элли, оказался прав. Кое-что действительно произошло, и это кое-что должно было *очень* не понравиться Мэлу Горману. Как только близнецы прикоснулись друг к другу, произошел незаметный сдвиг, словно механизм, который заело в тот день, когда их разлучили, снова ожил и пришел в движение. Последствия этого сдвига не заставили себя ждать. Как только аэромобиль, уносивший Элли и Мику домой, поднялся в небо над Кейп-Ротом, Пак разразился восторженными воплями и принялся носиться по своему пластиковому дереву, оставляя за собой хитросплетение золотых светящихся нитей.

Несколько минут спустя нечто интересное случилось и по другую сторону Стены: Хелен сбежала из дома своего сына, где ее держали взаперти последние три недели. Старушка в длинной, отороченной оборками ночной рубашке и своих любимых желтых резиновых сапогах выбралась через окно первого этажа и спрыгнул в сад. Как только ее ноги коснулись травы, розовые бутоны на кусте, рядом с которым она приземлилась, расправили свои лепестки, словно Хелен щелкнула невидимым выключателем, запускавшим механизм цветения. Когда же старушка юркнула в кусты живой изгороди, ее встретил разноголосый

птичий хор — казалось, цветы и птицы приветствуют освобождение Хелен.

— Спасибо, я тоже рада видеть вас, — пробормотала Хелен. — К сожалению, не могу остановиться и поболтать с вами, я очень спешу, мне нужно найти друга, который нуждается в моей помощи.

В это же самое время в Лондоне Аша и Дэвид сидели на балконе своей второй новой квартиры и смотрели на сияющие огнями Золотые Башни. Родители Мики и Элли не знали, где находятся их дети. Глаза Аши опухли от слез. Неожиданно ее лицо озарилось улыбкой.

— Цветы, — прошептала Аша, глядя на далекий горизонт. — Я чувствую запах цветов.

Даже в Царстве Теней чувствовались последствия того, что случилось на далеком каменистом мысе в Северном море. Коби Ненко и его отец брели по колено в воде по темным улицам старого Сохо. Никогдаш, серебристый ворон, выглядывал из рюкзака Коби — механическая птица крутила головой и громко каркала; котята, которых Коби когда-то сделал для Одри, возились в кармане его рубашки. Неожиданно Коби остановился и уставился на черную вязкую воду у себя под ногами. Поверхность воды покрылась легкой рябью.

— Что это? — спросил отец.

— Наверху что-то случилось, — сказал Коби, поднимая глаза к металлическому потолку над их головами. — Хотел бы я знать, что там происходит.

Всю дорогу до Лондона Элли и Мика молча сидели на заднем сиденье аэромобиля. Авен мирно дремала на полу возле их ног. Охранник устроился на диване напротив Мики и Элли, он сжимал в руке пистолет и с подозрением поглядывал на близнецов, словно ожидая, что те в любую минуту могут выкинуть какой-нибудь подлый трюк, например покроются цветами или у них из ушей полезут зеленые побеги. Охранника терзали нехорошие предчувствия, ему казалось, что вот-вот должно случиться что-то ужасное. И он не ошибся.

— Как думаешь, мама и папа узнают меня? — шепотом спросила Элли.

— Конечно, — рассмеялся Мика. — Мне не терпится взглянуть на их лица! Представляешь, открывается дверь и на пороге стоишь ты. Знаешь, мама сохранила все твои вещи... И вообще, не волнуйся, все будет хорошо.

На глазах у Элли выступили слезы, она вздохнула и положила голову на плечо Мики. Оба стали смотреть в окно, ожидая, когда на горизонте появится золотистое сияние Башен. Впервые с тех пор, как их разлучили с Элли, Мика почувствовал, что его тело расслабилось, внутреннее напряжение спало, и он смог мысленно вернуться назад, к событиям последних дней. В тот момент, когда Мика в своих воспоминаниях снова пересек границу и оказался по ту сторону Стены, в мире произошел новый сдвиг. Вместе с Микой в его воображаемый полет отправилось двести семьдесят тысяч детей.

В десяти фортах, таких же грозных и неприступных, как форт Кейп-Рот, разбросанных по разным уголкам Северного полушария, дети с вживленными в мозг электродами тихо лежали в своих кроватях. Одинаковые жесткие кровати из белого пластика стояли ровными рядами; дети, одетые в одинаковые белые костюмы, спали. Им запретили просыпаться до тех пор, пока не прозвучит команда «подъем». Их мозг оказался в ловушке в тот момент, когда острые шипы имплантата прокололи кожу на лбу. День шел за днем, а они так и лежали парализованные в своих кроватях; вокруг толпились телеголовастики, старики смотрели на детей своими белесыми глазами с мерцающих экранов телевизоров и точили ножи. Безмерный ужас наполнял души детей; лишенные возможности проснуться, они тонули в непрерывном кошмаре.

В своих воспоминаниях Мика пронесся над серой бетонной Стеной и помчался над морем. Он ясно видел вздымающиеся внизу высокие пенные валы, посеребренные лунным светом. В этот момент черная завеса, отделявшая сознание Мики от сознания спящих детей, спала, как будто приоткрылась дверь, и в образовавшуюся щелку проник тонкий лучик света, в котором растворились люди-монстры с головами-телевизорами. Дети вырвались из кошмара, это *они* мчались над морем, уходя от смертоносных лучей лазера, это они вместе с Микой приближались к материку, где их ждало великое открытие — им предстояло узнать,

что же на самом деле находится за Стеной. Мика помнил каждую деталь своего путешествия, и тысячи детей путешествовали вместе с ним, пока наконец не оказались вместе с Одри у подножия сгоревшего дуба, переполненные одновременно невероятным счастьем и всепоглощающим гневом.

Освещенные тусклым светом спальни, где в своих кроватях неподвижно лежали тысячи детей, были похожи на холодные гробницы. Лишь мягкие шаги сестер, которые скользили между длинными рядами кроватей, нарушали эту мертвую тишину. Сестры обходили детей, проверяя, не воспалились ли ранки у них на лбу, в том месте, куда им вживили маленькие серебристые диски. В дверях спальни возникла высокая стройная женщина в белом платье, перетянута в талии узким черным ремешком; ее темные волосы были собраны в тугой пучок и аккуратно заколоты на макушке. Женщина двинулась по центральному проходу. Со спины она напоминала Мэри Поппинс, но, когда Мэри Поппинс дошла до конца спальни и обернулась, она превратилась в настоящего монстра. Выпученные бесцветные глаза женщины были похожи на шарики для пинг-понга, как будто она специально вынимает их на ночь из глазниц и отмачивает в стакане с отбеливателем. Кожа женщины, тонкая и желтая, словно старый пергамент, плотно обтягивала череп. Бриони Слейтер, старшая сестра КОРДа, та самая женщина-мумия, которая в свое время так напугала Мику, первой заметила неладное — ритм дыхания спящих детей изменился.

— С ними что-то не так, — сказала сестра Слейтер, поглядывая на мальчика, который хватал ртом воздух и беспокойно ворочался во сне.

— Может быть, им что-нибудь снится, — предположила подошедшая к ней сестра.

— Всем одновременно? — с сомнением покачала головой сестра Слейтер. Она поправила своими тощими, похожими на птичьи лапы руками сползшее одеяло, но мальчик тут же сбил его, перевернувшись на живот.

— Черт тебя подери, — прорычала сестра, — лежи спокойно.

Она пошла вдоль прохода, ее каблуки гулко цокали по бетонному полу. Лежащие в кроватях дети беспокойно ворочались, скидывая с себя одеяла, и что-то бормотали во сне.

— Что они говорят? — взволнованным шепотом спросила шедшая позади нее сестра.

Обе на мгновение замерли и прислушались.

— Просыпайтесь? — повторила сестра Слейтер. — Вон тот мальчишка только что сказал «просыпайтесь».

Рядом раздался еще один голос. Бриони Слейтер быстро обернулась.

«Мы должны остановить их!» — На этот раз голос звучал намного отчетливее.

Затем еще один ребенок, лежавший в дальнем углу спальни, прошептал: «Просыпайтесь!»

«Просыпайтесь!» — подхватил другой голос.

— Заставьте их замолчать! — взмолилась вторая сестра.

— Как? — рявкнула Бриони Слейтер, — Они *не могут* проснуться. Мы не давали им такой команды.

— Но этот шепот... они пугают меня.

— Прекратите молоть чепуху, — раздраженно отрезала сестра Слейтер. — Занимайтесь своими делами и не обращайтесь на них внимания.

Сестры продолжили обходить спящих детей, но шепот становился все громче и настойчивее. Спальня наполнялась детскими голосами, так что не обращать на них внимания было уже невозможно.

— Мне кажется, они просыпаются! — неожиданно воскликнула одна из сестер. — Посмотрите на эту девочку!

Бриони Слейтер склонилась над девочкой, ее веки подрагивали, девочка пыталась открыть глаза.

— О, боже, они действительно просыпаются. — Старшая сестра отшатнулась. — Наверное, имплантаты вышли из строя. Я, пожалуй, пойду позову кого-нибудь.

Сестра Слейтер рысцой припустила вдоль прохода, но, прежде чем она успела

добраться до двери, первый ребенок открыл глаза и сел. Сестра Слейтер замерла как вкопанная напротив кровати девочки и принялась сверлить ее своими белесыми глазами.

— Спать! — скомандовала она. — Время вставать еще не пришло.

— Нет, пришло, — сказала девочка, озираясь по сторонам. — Где мы?

Сестра Слейтер, не удостоив девочку ответом, прошествовала дальше, но, когда она подошла к двери, дорогу ей преградили два мальчика.

— Немедленно в кровать, — гаркнула старшая сестра. Она нахмурила брови, стараясь не выдать своего страха. — Всем спать! Быстро!

— Нет.

Мгновение спустя Бриони Слейтер оказалась в окружении детей, глаза мальчиков и девочек пылали гневом.

— Вы обманули нас!

— Что вы сделали с нами?

— Где мы находимся?

Дети касались пальцами ранок у себя на лбу и вздрагивали, чувствуя вживленные под кожу диски.

— Вы же говорили, что это игра!

— Вы заманили нас в ловушку!

— На самом деле вы учили нас управлять истребителями, чтобы потом отправить на войну!

— Там, за Стеной, есть настоящие леса!

— И животные!

— И птицы!

— Мы не хотим никого убивать!

— Каждый раз, когда вы говорили нам об Эпидемии, вы врали!

— Вы все время врали!

— Мы не будем убивать животных!

— И уничтожать растения!

— Это и наш мир тоже!

— Мы не пойдем воевать!

— Нет, пойдете! — заорала сестра Слейтер. — Да что вы понимаете! Вы дети и будете делать то, что вам прикажут взрослые!

— Нет.

— Не будем.

Дети надвинулись на сестру Слейтер и ее помощниц. Те попятись к дверям, но разъяренные мальчики и девочки обступили их плотным кольцом. Путь к спасению был отрезан.

— Давайте запрем их в шкаф, — крикнул один из мальчиков, указывая на высокий шкаф для белья в дальнем углу спальни.

— Вот ведь придумали, глупости какие. — Бриони Слейтер покосилась на шкаф. Ее тонкие губы скривились в ухмылке, но сердце в груди замирало от ужаса. — Послушайте, дети, вы сейчас вернетесь в свои постели и ляжете спать. И мы забудем об этом неприятном инциденте. Как будто ничего не случилось.

— Нет, — сказал мальчик. — Мы никогда не забудем о том, *что* с нами случилось!

Они заперли сестер в шкафу. В спальне снова воцарилась мертвая тишина, но не потому, что ее обитатели крепко спали в своих кроватях. На этот раз причина была иной — в спальне не осталось ни одного ребенка.

Грозные окрики взрослых — детям веселый свист.

Так они подзывают оленя, бредя сквозь заснеженный лес.

«Я родился во тьме», — так сказал человек, прорастая зеленой

лиственной.

«Я родился во тьме», — так сказал он.

Автор неизвестен

Посвящается Розе. Спасибо за великолепные спагетти